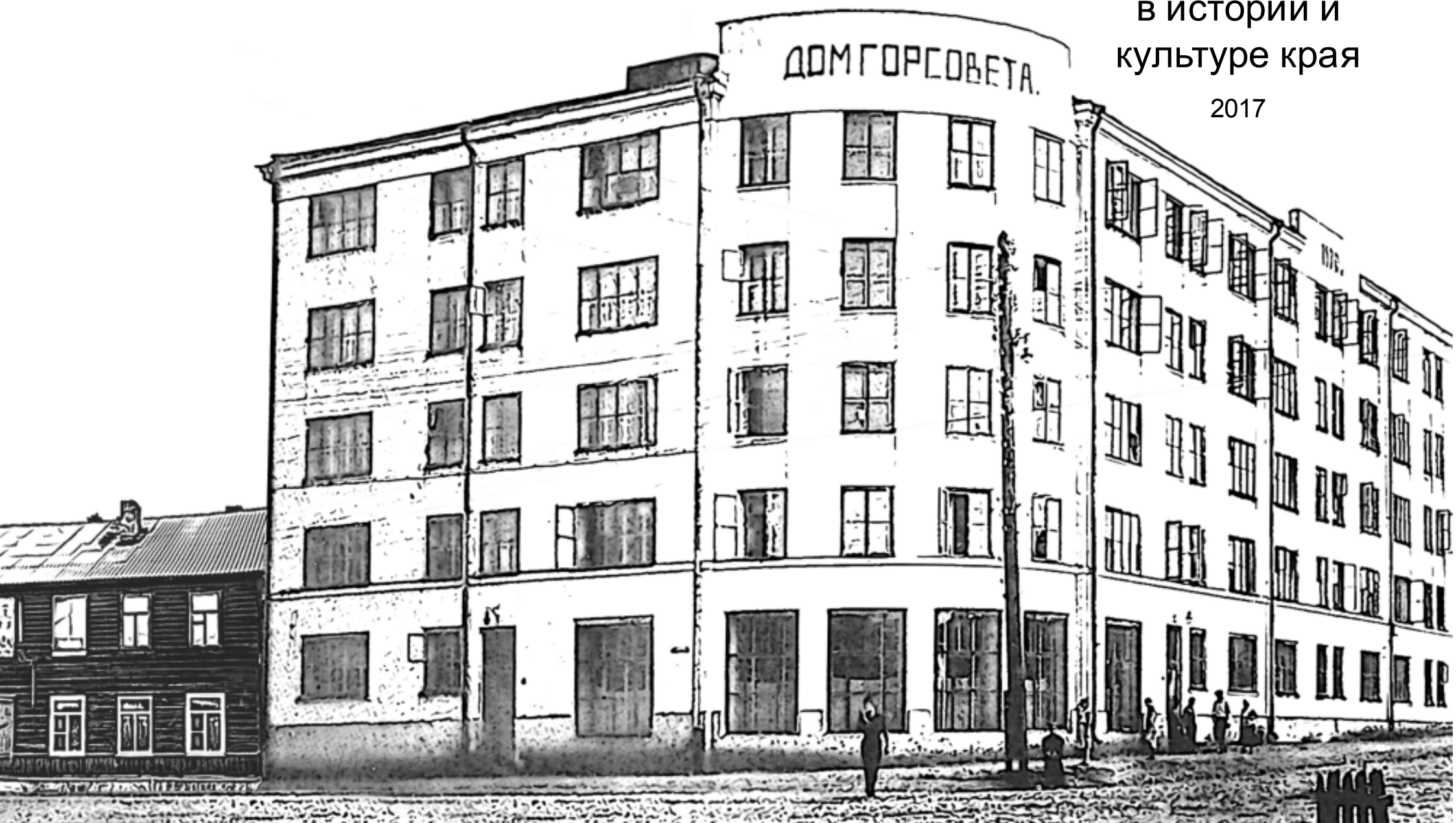

9

ПЕРМСКИЙ ДОМ
в истории и
культуре края

2017

Департамент культуры и молодежной политики
администрации г. Перми
МБУК «Объединение муниципальных библиотек г. Перми»
Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина
(Дом Смышляева)

Пермский дом в истории и культуре края

Материалы девятой
научно-практической конференции

ПЕРМЬ 2016

УДК 9(с)
ББК 26.89
П 26

**Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина
(Дом Смышляева)**

Составитель и редактор **Т.И. Быстрых**

Ответственный за выпуск:
и.о. директора МБУК «ОМБ» **С.Н. Хаерзаманова.**

П 26 Пермский дом в истории и культуре края: материалы девятой науч.-практ. конф. / МБУК ОМБ Центр. город. б-ка им. А.С. Пушкина; сост. и ред. Т.И. Быстрых. – Пермь, 2016. – ...с.

ISBN 978-5-9907235-2-8

Конференция «Пермский дом в истории и культуре края» проводится центральной городской библиотекой им. А.С. Пушкина с 2008 года. Сборник докладов и сообщений девятой конференции включает материалы по общим проблемам изучения истории пермского дома, его этнографических и архитектурных особенностей, по истории планирования и застройки Перми, а также статьи о замечательных домах Перми и их обитателях. Как и в предыдущих сборниках, интересен раздел «Пермский дом в искусстве, художественной литературе и воспоминаниях». Сборник предназначен в равной степени для тех, кто профессионально занимается изучением истории города, является краеведом-любителем, и тех, кто просто любит читать книги о Перми.

ISBN 978-5-9907235-2-8

ББК 26.89
© МУК ОМБ, идея. 2016.
© Коллектив авторов, тексты. 2016.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Составители сборника материалов девятой научно-практической конференции «Пермский дом в истории и культуре края» придерживались уже сложившихся традиций. Здесь обсуждаются общие проблемы изучения пермского дома, его этнографических и архитектурных особенностей, а также история планирования и застройки города. В сборнике есть материалы о старых «именных» домах и современных жилых комплексах. Интересно представлены отдельные районы и уголки Перми. Как всегда, уделяется внимание не только пермским домам, но и их обитателям – знаменитым и не очень известным.

Материалы конференции традиционно сгруппированы по основным разделам: «Пермский дом в истории и культуре края», «Замечательные дома Перми», «Пермский дом в искусстве, художественной литературе и воспоминаниях», «Публикации документальных материалов», «Библиография».

В первом разделе представлены научные статьи обобщающего характера по истории застройки Перми и разработке планов города; результаты исследований по истории городских застав и рыночной торговли, материалы по истории городских улиц.

В раздел «Замечательные дома Перми» включены статьи историков и краеведов, посвященные не только вновь «открытым» зданиям, но и дополнительным исследованиям истории домов, уже представленных ранее в сборниках «Пермский дом в истории и культуре края». Так, историк и журналист А.А. Константинов возвращается к истории здания речного училища, описанного ранее О.Д. Гайсиным; здания, чье существование так печально закончилось недавно. Историк А.Б. Кудымов продолжает изучать судьбу пермской «пробирной палатки». О.Д. Гайсин подробно описывает историю бывшего жилого дома пушечных заводов и призывает, в очередной раз, восстановить башню, украшавшую когда-то университетский корпус. А журналиста и краеведа Варвару Кальпиди заинтересовали легенды о доме Групильон.

Как всегда содержателен раздел «Пермский дом в искусстве, художественной литературе и воспоминаниях». По сложившейся уже доброй традиции сюда включены воспоминания, написанные специально для очередного сборника (в частности, архивист Н.А. Аликина поделилась воспоминаниями о В.П. Астафьеве); и воспоминания известных людей, написанные много лет назад, но не публиковавшиеся ранее. Так, в настоящем сборнике представлены воспоминания М.С. Альперовича, небольшие отрывки из которых были напечатаны несколько лет назад в сборнике «Назаровский», а также в 8-м выпуске «Пермского дома» («Винный завод»).

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

А.В. Шилов

СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАСТРОЙКИ ПЕРМИ (по материалам второй половины XIX в.)

Вторая половина XIX в. – важный период в истории урбанизации в России, связанный не только с количественными изменениями, нашедшими отражение в росте городов и увеличении численности населения в них, усилении влияния городских поселений на сельскую округу и проч., но и с серьезными качественными переменами, в первую очередь, с радикальным возрастанием места и роли города в обществе.

Не оставались в стороне от модернизационных процессов и уральские города, включая в их число губернскую Пермь. К 80-90-м гг. XIX в., благодаря своему поступательному развитию, Пермь накопила значительный экономический и культурный потенциал. Достаточно упомянуть, что в то время Пермь не только сохранила, но и существенно укрепила свои позиции как основной транспортно-перевалочный центр на Каме: в 90-е гг., например, через пермскую пристань ежегодно проходило более десятка миллионов пудов различных грузов, а с постройкой Уральской горнозаводской железной дороги город превратился также в крупнейший железнодорожный узел и один из главных пунктов сибирского транзита. По образному выражению современников, Пермь стала «большими и широкими воротами в Сибирь»¹. Такое выгодное транспортное положение Перми явилось одним из решающих факторов капиталистического развития города.

Активизация экономической жизни, рост Перми как полифункционального городского поселения стимулировали, в свою очередь, прогрессирующее увеличение числа его жителей и оказывали непосредственное влияние на их состав. На основе изучения материалов справочных изданий – памятных книжек, адрес-календарей Пермской губернии, а также однодневных переписей населения Перми, которые проводились по инициативе и силами губернского статкомитета в конце 1860–1880-х гг., и особенно данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., имеется возможность проследить трансформацию основных демографических характеристик населения Перми, выяснить динамику происходивших социальных изменений.

В этом же разделе представлен небольшой блок материалов о пермском хореографе С. Бурханове, зарисовка О.А. Мельчаковой об общезжитиях в Балатове, лирические воспоминания «издалека» Л.В. Куколева.

Под рубрикой «Наш календарь» публикуется статья «Две жизни поэта Сергея Ильина», посвященная 150-летию со дня его рождения и, к сожалению, не включенная в очередной «Календарь-справочник города Перми», изданный городским архивом. Здесь же – серьезное, объемное исследование о С.А. Ильине Н.В. Красноперовой «Уточнение к биографии поэта по документам ГАПК». Остается надеяться, что юбилей поэта все-таки будет отмечен в Перми на должном уровне.

В разделе «Публикации документальных материалов», как всегда, представлены интереснейшие архивные документы: о судьбе часов на колокольне Петропавловского собора; о деятельности адресного стола в Перми в 1918—1919 гг.; о типовом строительстве в городе и знаменитых «хрущевках».

Традиционно помещенный в сборнике обзор публикаций по истории пермского дома, на этот раз, в журнале «Проект Прикамья», подготовленный К.П. Чуприным, несомненно, поможет исследователям этой темы в дальнейшей работе.

Главными критериями для публикации в сборнике, как неоднократно подчеркивалось, являются достоверность и новизна материала: вновь выявленные документы, впервые представленные или приведенные в систему факты и сведения, либо новый, оригинальный взгляд на известные события. Составители не считают нужным корректировать предложенные авторами статей версии, авторскую оценку и трактовку причинно-следственных связей, характеристику деятелей прошлого, даже если сами при этом придерживаются другого мнения.

Сборник предназначен в равной степени для тех, кто профессионально занимается изучением истории города или является краеведом-любителем, и тех, кто просто с интересом читает литературу о Перми.

Все замечания и предложения по содержанию и оформлению сборников «Пермский дом в истории и культуре края» просим адресовать в администрацию Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева): e-mail pushlib@biblioteki.perm.ru

Опубликованные источники рисуют следующую картину роста численности населения Перми. В 1861 г. в городе было учтено 13472 жителя, в том числе 8021 мужчин и 5451 женщин; в 1868 г. — 19556 (11381 мужчин и 8175 женщин); в 1879 г. — 32916 человек (соответственно, 18640 и 14456); в 1890 г. — 37902 (19971 мужчин и 17931 женщин) и, наконец, в 1897 г. — 45205 человек, в том числе 23036 мужчин и 22169 женщин². Таким образом, за пореформенный период население Перми увеличилось более чем в 3,3 раза. При определенной неравномерности темпов роста основной подъем пришелся тогда преимущественно на вторую половину 1870-х и на 1890-е гг. Инициаторы переписей не без основания связывали происходившие позитивные процессы с последствиями железнодорожного строительства и с усилением торгово-промышленного значения города.

При знакомстве с цифрами, раскрывающими соотношение числа мужчин и женщин, проживавших в Перми, бросается в глаза устойчивое количественное преобладание первых над вторыми. В местной периодической печати конца 1870-х гг. данный факт объяснялся «присутствием (в Перми – А.Ш.) солдат, в большинстве случаев холостых». Отмечалось также, что если в центральных районах города «отношение между полами особенно не разнится между собой», то на его окраинах, «именно на берегу Камы, в местностях, где скопляется рабочий люд, в Солдатской слободке, в местах, где расположены казармы, число мужчин значительно преобладает над числом женщин»³.

Благодаря своему динамичному развитию по темпам роста, количеству жителей Пермь к концу XIX в. вошла в число лидеров на Урале. Красноречивы следующие сведения. В 1860—1861 гг. по численности населения среди 33 городов Урала Пермь занимала пятое место, уступая в этом отношении не только всем остальным губернским центрам региона, но и Екатеринбург — уездному городу Пермской губернии. В конце XIX в. она вышла на третье место, обогнав по этому показателю Екатеринбург и Вятку и все же отставая от Оренбурга и Уфы.

При постоянном соперничестве двух ведущих городов Среднего Урала, это дало основание современникам еще на рубеже 1880—1890-х гг., сравнивая результаты однодневных переписей, проведенных в них, сделать вывод о том, что «Пермь в общественно-экономическом отношении первенствует над Екатеринбургом», поскольку имеет большее количество жителей и «дает перевес мужского населения над женским, между тем как в Екатеринбурге наблюдается обратное явление»⁴. Впрочем, надо заметить, что в начале XX в. Екатеринбург вернул прежде утраченные позиции.

В то время как в ряде уральских городов смертность нередко превышала рождаемость, в Перми наблюдалась иная картина. В качестве иллюстрации приведем следующие статистические выкладки, относящиеся к 1890-м гг. В 1895 г. численность родившихся составила в Перми 1755 человек, умерших — 1519, рождаемость превысила смертность на 236 человек. Через два года, в 1897 г., в городе родилось 3282 ребенка, умерло 2608, при высоком уровне детской смертности прирост составил 674 человека⁵. И все же основной рост городского населения шел не столько за счет внутренних резервов, превышения рождаемости над смертностью, сколько в результате миграционных процессов, притока населения извне. В конце XIX в. две трети пермских жителей по данным статистического учета значились не местными уроженцами, а выходцами из других уездов Пермской губернии, других уральских и российских губерний и даже других государств. Так, в 1897 г. наибольший удельный вес среди неместных уроженцев имели выходцы из Вятской губернии (6318 чел.) и Казанской (1756). Всего же в городе проживали уроженцы из 49 губерний Европейской России, не считая Пермскую⁶.

Примечательно при этом, что возрастная структура жителей Перми к концу XIX в. имела явный перегруз детскими поколениями и подростками. Их доля среди горожан составляла более 37%, в то время как удельный вес пожилых людей, в возрасте 60 лет и старше, равнялся всего шести процентам⁷. Следовательно, в составе населения Перми преобладали люди, наиболее трудоспособных возрастов, число которых росло благодаря миграционному притоку.

Миграции влияли на динамику и направления движения населения, социальную структуру горожан. Одной из основных тенденций в данной сфере в пореформенный период являлось разложение сословий, уменьшение сословных различий в российском обществе, чему способствовали либеральные реформы, проведенные в стране, в том числе, реализация Городового положения 1870 г., построенного на принципе всесословности, отмена подушной подати и введение поземельного налога с недвижимых имуществ в городах вне сословного статуса их владельцев, и т.д. Тем не менее, при происходивших позитивных процессах сословные права при определенных их ограничениях продолжали сохраняться.

Любопытно в этой связи проследить, какие изменения за вторую половину XIX столетия претерпела сословная структура населения губернской Перми. В 1861—1897 гг. при многократном увеличении численности сословий в городе, в их составе произошло одно исключение. Если в 1861 г. второй по численности после мещан категорией являлись военные, составлявшие почти 12% жителей Перми

или в абсолютных цифрах 2579 человек, то Первой всеобщей переписью населения было учтено таковых только 13 человек⁸. Почти полное исчезновение военного сословия из документации по учету населения было обусловлено введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности, означавшей отмену правовой базы для существования этой категории, так как призывавшиеся в армию после окончания временного срока службы сохраняли свое прежнее сословное звание (мещане, крестьяне и т.д.).

С другой стороны, важной чертой пореформенной эпохи было укрепление позиций городских сословий. За 1861—1897 гг. число почетных граждан и купцов, проживавших в Перми вместе с членами семей, увеличилось с 322 до 703, мещан – с 5411 до 13716 человек. Однако преобладающей по численности группой среди населения города стали крестьяне: в 1897 г. – 23,5 тыс. человек или 52% от общего числа жителей (в 1861 г. их насчитывалось только 1455 человек или немногим более 10%)⁹. После падения крепостного права мобильность крестьянства резко возросла. Наиболее активная его часть перебиралась в города. Сохраняя свой крестьянский статус, выходцы из деревни занимались чаще всего делами, отличными от прежних: выступали в качестве наемных рабочих или мелких торговцев и предпринимателей.

Помимо этих категорий горожан в 1897 г. в Перми числилось 4905 потомственных и личных дворян, 1101 лицо духовного звания, учитываемая и их семьи. К незначительным по численности сословным группам относились иностранные подданные и так называемые «инородцы». Сословный статус 435 человек не был определен¹⁰. Но, как уже говорилось, сословное деление общества с течением времени все более становилось анахронизмом. В городах происходило формирование новых категорий населения, определяемых по профессиональному признаку. Росла численность рабочих, интеллигенции – учителей, врачей, юристов, — чье место в обществе не укладывалось в традиционную сословную схему. Не миновал этот процесс и Перми. Так, среди жителей города, отнесенных к категории «имеющих самостоятельные занятия», число таких лиц, трудившихся на административном, судебном, общественном поприщах, работавших учителями и врачами, занятых в сфере науки, литературы и искусства, — составило в 1897 г. 1770 человек¹¹. Гораздо большей была армия рабочих, трудившихся на пермских предприятиях, пристанях и складах, железной дороге. Исследователи определяют общую численность рабочих в Перми во второй половине 90-х гг. по-разному: от 8,5 до 18-18,5 тыс. человек¹², хотя последние цифры явно завышены, тем более, что они включают данные о рабочих Мотовилихи, которая не входила в черту города.

В конечном итоге, в социальном отношении Пермь представляла собой как бы сколок со страны, но с присущими ей особенностями. Пермь, будь то купцы или мещане, дворяне или крестьяне, другие категории жителей своими делами вносили вклад в развитие города, содействовали его процветанию. По сравнению с предреформенным периодом здесь более активно и масштабно развернулось казенное и особенно частное жилое строительство. Начиная с 1870-х гг., широкое распространение получила аренда земли, прежде сдерживавшаяся из-за почти полного отсутствия или же явной недостаточности у города пригородных или выгонных земель.

В качестве аргумента достаточно сослаться, в частности, на материалы экономического описания Перми 1861—1862 гг. В них фиксировалось, что «во владении города состоит выгонной земли только 3 дес[ятины] 256 саж[ен]»¹³. По другим данным, вследствие проведенных в 1850-е гг. землеустроительных работ, было снято на план вне городской черты Перми 132 десятины земли и в городской черте 596 десятин¹⁴. Для характеристики пространственного расположения Перми представляют интерес также нижеследующие сведения, относящиеся к рубежу 1850—1860-х гг. «В длину по р. Каме, от реч. Данилихи до реч. Ягошихи, – сообщает источник, – город занимает 4 версты; в ширину, от камского берега до городского вала на южной стороне 1 вер[сту] 150 саж[ен]. Следовательно, вся площадь города занимает несколько более 5 верст; а окружность его составляет около 10 верст»¹⁵.

Поскольку Пермь испытывала острый земельный голод, местные власти не могли не будировать перед правительством вопрос о необходимости расширения городской черты. Дело, затянувшееся на долгий период, сдвинулось с мертвой точки благодаря принятию Городового положения 1870 г., согласно которому российские города получали землю – селитебную и выгонную в полную собственность «для извлечения необходимых доходов». К первым – селитебным – относились участки земли, застроенные или не застроенные жилыми и иными объектами, находившимися в пределах города; ко вторым – выгонным – земли, свободные от построек, расположенные в пригородной зоне, которые в административном плане, однако, причислялись к городу.

В 1872 г. было завершено обмежевание площади выгона, предназначенного для отвода к Перми, а в сентябре 1874 г. местное городское управление получило из Межевой канцелярии Министерства финансов план и межевую карту на выгон. Под него было отведено 3862 десятины земли из Мотовилихинской казенной дачи. Помимо того, «собственно под заселением города с улицами, площадями, кладбищами, женской обителью и другими строениями» находилось бо-

лее 519 десятин. Площадь земель, принадлежавших Перми, составила в общей сложности 4381 десятин 135 кв. сажень¹⁶. Наличие обширного фонда городских земель стимулировало развитие Перми, в том числе территорий, примыкавших к ней.

Выгонная земля сдавалась местными муниципальными органами в аренду под пастбища и сенокосы, под строительство предприятий и складов, разбивку огородов и т.д., а с начала 1880-х гг. под устройство дач. В 1881 г., например, в Пермской городской думе рассматривалось прошение купцов В.Н. Бахарева, В.М. Кузнецова, Н.П. Санина и И.И. Толянина о сдаче им в аренду под дачное строение земли, находящейся в городском выгоне за речкой Егошихой. Созданная для предварительного обсуждения этого вопроса из числа членов думы комиссия констатировала, что не только названные купцы, но и многие состоятельные горожане «желают иметь дачное помещение преимущественно в этом районе». Члены комиссии выдвигали требования отводить каждому из арендаторов не более одного участка, не допускать «переуступки» участков другим лицам, «дабы эксплуатация выгона не могла очутиться в руках частных» держателей-собственников.

С учетом этих условий дума приняла решение удовлетворить просьбу купцов. Земельные участки под дачи, каждый площадью от 1090 до 1308 кв. сажень, были отданы им в аренду сроком на 12 лет с платой по 3 коп. за одну квадратную сажень земли в год¹⁷.

В отличие от выгонных земель, которые не подлежали продаже, селитебные участки можно было купить. Для этого требовалось не только наличие у покупателей необходимых денежных средств, но и разрешение на покупку земельного участка со стороны городской управы. В качестве покупателей выступали представители разных сословий: дворяне, духовенство, купцы, мещане, крестьяне, военные.

При решении проблем, связанных с городской застройкой, дума и управа действовали, сообразуясь с планом Перми. Так, становится известно, что в 1873—1874 гг. по инициативе городского головы И.И. Любимова велось составление проектного плана, для чего «на насущные нужды по этой работе» управой было выделено 500 рублей¹⁸. Чем закончилось дело, мы не знаем. Зато в журналах городской думы имеется материал по истории разработки плана г. Перми*, Высочайше утвержденного в 1886 г.¹⁹

Выясняется, что он готовился в течение нескольких лет. «Новый проектный план на город Пермь» был рассмотрен и утвержден думой еще в сентябре 1881 г. Однако этот основополагающий документ вызвал серьезные возражения со стороны строительного отделения пермского губернского правления и губернатора А.К. Анастасьева. Главные недостатки первоначального варианта плана с их точки зрения сводились к неправомерному включению в число городских площадей ряда земельных участков, «назначенных под застройку обывательскими домами»; к проектированию новых селитебных кварталов «в близком расстоянии к казенным зданиям», что не гарантировало их противопожарной безопасности; к отсутствию на плане некоторых ранее введенных строений и др.²⁰

Тем не менее, те противоречия, которые возникли между губернской властью и городским общественным управлением в отношении плана, после его доработки были урегулированы. 12 февраля 1885 г. Пермская городская дума вынесла определение «о необходимости исходатайствовать перед Начальником губернии о скорейшем представлении нового проекта плана г. Перми на утверждение г. Министра Внутренних дел ввиду того, что желающие приобрести в собственность селитебные места в новых кварталах, постоянно обращаются в Городскую Управу о продаже мест»²¹.

Действительно, продажа земли, находившейся в черте города, приобрела к концу XIX в. массовый характер. Она осуществлялась в виде отдельных земельных участков, расположенных в застроенных кварталах, где имелись небольшие свободные площади; либо велась с торгов в новых кварталах, выделенных под застройку.

Как пример, приведем информацию о торгах «пустопорожних мест, назначенных по Высочайше утвержденному на гор. Пермь плану под застройку» (имеется в виду план 1886 г. — *А.Ш.*), проведенных городской управой 16-17 ноября 1895 г. На торги был выставлен 71 участок, продано 57, по остальным 14-ти торги не состоялись из-за «отсутствия желающих торговаться»²².

Что это были за «пустопорожние места», выставленные на продажу? Они находились на окраинах Перми: в Солдатской слободке, которая продолжала усиленно застраиваться; за городским бульваром, между Спасской (ул. Тимирязева) и Солдатской (1-я Красноармейская) улицами; а также южными «оконечностями» улиц Оханской (Газеты «Звезда») и Кунгурской (Комсомольский проспект); на углу Обвинской (25 Октября) и Загородной (Белинского) улиц; по Мещанской (П. Осипенко) улице, Камышловскому (ул. Крисанова) и Ермаковскому (Решетникова) проездам.

*О разработке плана г. Перми в 1870"1880-е гг. более подробно см. в статье П.А. Балыбердиной, опубликованной в настоящем сборнике.

Размеры участков колебались в пределах от 210 до 775—785 кв. сажен. Стоимость одной квадратной сажени, в зависимости от местоположения усадьбы, запрашиваемой за нее цены и результатов торгов, обошлась покупателям от 32 до 82 копеек. Общая сумма, вырученная управой от продажи 57 участков, составила 11356 рублей²³. Хотя сведений о социальной принадлежности покупателей источник не сообщает, по косвенным данным можно судить, что ими были, как правило, представители низших сословий — мещане и крестьяне²⁴.

Поскольку с востока к городу примыкали земли казенной Мотовилихинской заводской дачи, а с севера препятствием для его роста являлась река Кама, то Пермь могла интенсивно развиваться преимущественно в западном и южном направлениях. Площадь ее застройки возрастала благодаря расширению селитебной черты города и частичному использованию фонда выгонных земель. Если о конце 1850-х — начале 1860-х гг. можно говорить как о времени завершения формирования ядра Перми, ее центральной части, где сохранялись еще отдельные островки свободных, то есть незаселенных участков земли, то в дальнейшем основным вектором застройки в южном направлении становится район Сибирского тракта, где в начале 1880-х гг. было «назначено к заселению» 16 новых кварталов, а также местность в районе уже ранее упомянутой Солдатской слободки и прилегающей к ней территории (здесь в 1881 г. было выделено и включено «в черту усадебной оседлости» 6 кварталов)²⁵. В западном направлении городские кварталы протянулись вплоть до улицы Дальней (Хохрякова). На левобережье речки Данилихи полным ходом шло освоение Заимки — формирующегося промышленного района Перми, сконцентрировавшего ряд частновладельческих предприятий.

Одновременно с развитием города вширь происходило также уплотнение застройки в старых кварталах губернской столицы. В 1881 г., например, при внесении корректив в разрабатываемый план Перми дума приняла решение о застройке обширной площади между Петропавловской и Пермской улицами и Камышловским и Биармийским проулками²⁶. Жилые дома появились также на бывшей заводской площади в Разгуляе и на старой Сенной. Нормой стало расширение жилых и хозяйственных комплексов внутри кварталов, строительство новых домов, флигелей и других объектов на владельческих усадьбах. Все это свидетельствовало об увеличении плотности застройки и вело к определенным негативным последствиям, включая перенаселенность территории, сокращение зеленой зоны, ухудшение гигиенических условий для горожан, усиление опасности пожаров.

В соответствии с масштабами строительства росла и численность городских строений — казенных, общественных, частных. Ценные сведения по этому вопросу дают материалы статистического уче-

та. Согласно им, в 1861 г. в Перми насчитывалось 1643 дома, из них 283 каменных²⁷. Спустя тридцать лет, в 1890 г., здесь было учтено уже 7346 строений, в том числе 648 каменных, 452 полукаменных и 6246 деревянных²⁸.

Получается, что за 60-80-е гг. XIX в. число каменных домов в городе, хотя и увеличилось в 2,3 раза, но их доля в городской застройке за счет более активного возведения деревянных строений не возросла, а сократилась с 17,2 до 8,8%. Доминирование деревянной застройки объяснялось относительной дешевизной материалов из дерева, преобладанием среди застройщиков лиц с ограниченными финансовыми возможностями, наконец, укоренившимися в строительном деле издавна существующими традициями.

Примечательно при этом, что сложившуюся ситуацию не смогла переломить даже позиция органов городского самоуправления, направленная на ограничение и в ряде случаев на запрет деревянных построек. Так в апреле 1877 г. Пермской думой было принято постановление «О запрете в черте города постройки деревянных двухэтажных домов, а также одноэтажных с мезонином»²⁹. Затем 15 июня 1879 г. думой рассматривался вопрос, касавшийся «изменения и дополнения существующих и издания новых обязательных постановлений относительно возведения построек в городе».

В ходе его обсуждения предполагалось построить каменными зданиями кварталы в центре Перми от Большой Ямской (ул. Пушкина) до Набережной улиц между Соликамским и Осинским проулками. Помимо этого, было сочтено возможным распространить запрещение о постройке двухэтажных деревянных домов на двухэтажные полукаменные, в «более заселенных местах города» рекомендовалось строить каменные сараи и т.д.³⁰

Особенно сильному прессингу со стороны думы и городской управы подвергались так называемые «маломерные» усадьбы, к числу которых относились участки, имевшие по улице или вглубь двора менее 10 саженей. Считалось, что при скученности построек на незначительной площади они наиболее опасны в пожарном отношении. Владельцам маломерных участков, расположенных в новых кварталах, за городским садом, по правой стороне от Сибирского тракта с 1888 г. запрещалось возведение деревянных построек; в 1900 г. этот порядок был распространен на аналогичные усадьбы по левой стороне тракта³¹. В отличие от обширных владений купцов, дворян, состоятельных чиновников, обладавших своего рода иммунитетом, маломерные участки находились под более пристальным надзором городской управы, и любое, порой незначительное отклонение их владельцев от строительных норм, было чревато серьезными последствиями. В журналах Пермской городской думы мы,

например, не встречаем случаев отказа в постройке каких-либо объектов на усадьбах крупных собственников, зато они известны в отношении владельцев маломерных участков³².

Рассматривая социальные аспекты застройки Перми чрезвычайно важно выяснить также состав владельцев домов и усадеб, определить, какие группы населения являлись наиболее активной стороной в застройке города. Ключ к решению этих вопросов может дать изучение документов, хранящихся в фонде Пермской городской управы (Ф. 35) в краевом архиве. Среди них первостепенный интерес представляет комплекс материалов с прошениями частных лиц о строительстве жилых, торгово-промысловых и хозяйственных объектов, включающий, помимо заявлений просителей, проекты построек с планами и чертежами предполагаемых к возведению строений, «разрезами» домов и планами участков.

В частности, в результате фронтального просмотра ряда дел этого фонда за 1877—1878 гг. (к сожалению, «заявления и проекты частных лиц на постройку домов» представлены в фонде далеко не за весь пореформенный период), составлена нижеследующая таблица³³, отражающая сословную принадлежность застройщиков, количество утвержденных управой проектов, число и типологию строений, их удельный вес в общей массе построек.

Предваряя ее, отметим, что в таблицу не включены проекты, которые содержат сведения о мелких строительных и ремонтных работах (перекрытие крыш, установку заборов, ворот и т.п.). Кстати, по этой причине в таблице отсутствуют проекты, представленные дворянами. В одном из них речь шла о внесении «незначительных исправлений внутри дома и служб», в другом – об устройстве парапета на одном из жилых домов.

Сословный состав	Кол-во проектов		Число и типы построек				
	абс.	%	Жилые дома	Торговые и промысловые заведения	Хозяйственные постройки	Всего	
						абс.	%
<i>Мещане</i>	39	41,5	41	8	21	70	40,2
<i>Купцы</i>	18	19,2	16	11	9	36	20,7
<i>Крестьяне</i>	14	14,9	16	5	8	29	16,7
<i>Чиновники и канцелярские служители</i>	10	10,6	7	1	8	16	9,2
<i>Военные</i>	7	7,4	5	2	5	12	6,9
<i>Мастеровые</i>	4	4,3	4	-	4	8	4,6
<i>Духовенство</i>	2	2,1	2	-	1	3	1,7
Итого:	94	100	91	27	56	174	100

Сведения, приведенные в таблице, позволяют сделать вывод о том, что наиболее активную часть застройщиков составляли городские сословия – мещане и купцы, на долю которых пришлось более 60% проектов и равный ему процент построек. То, что количество жилых домов, заявленных мещанами к постройке, превысило число их проектов вполне объяснимо: существовала практика подачи документов, в том числе, на строительство сразу нескольких объектов, например, жилого дома и флигеля.

Видные позиции в городской застройке занимали крестьяне, удельный вес которых среди жителей Перми, как уже отмечалось, был высок. В 1877—1878 гг. застройщиками из их рядов было подано в управу до 15% проектов и 16,7% от числа построек. В следующую за крестьянами группу вошли чиновники и канцелярские служители (на них пришлось 10,6% проектов и 9,2% построек). И те, и другие имели много общего: заявленные ими постройки по размерам, этажности, строительным материалам ничем принципиально не отличались. Что же касается других категорий застройщиков, представленных военными, мастеровыми, духовенством, то их строительная активность была сравнительно невелика.

Еще ряд наблюдений можно сделать, сравнивая типологию строений. Основная их часть представлена жилым фондом (52,3% всех строений). Значительный удельный вес в общей массе построек имели хозяйственные помещения (амбары, сараи, бани и др.), на долю которых пришлось 32,2%. Третью, меньшую в количественном отношении, но важную в жизни горожан группу, составляли торговые и промысловые заведения. В прошениях заявителей в управу, среди торговых объектов, чаще всего фигурировали лавки; среди промысловых – мелкие кустарные заведения: кузницы, слесарные мастерские.

Принадлежность застройщиков к разным социальным слоям определяла также некоторые особенности проектов. Если обратиться к характеристике жилого фонда, то, например, у купцов – наиболее состоятельной категории городского населения, — определяющую роль играли каменные постройки. Из 16 заявленных ими домов, девять были каменными и три полукаменными. Некоторые проекты при их реализации приводили к созданию обширных усадебных комплексов, включавших жилые, торговые и иные сооружения. Такими были усадьбы купцов В.А. Евреинова и Е.А. Колпакова, подвергшиеся в 1877—1878 гг. серьезной модернизации, связанной с перестройкой их хозяйств. Среди других привлекает внимание проект известного пермского подрядчика и предпринимателя, купца П.Е. Драгунова, получившего от городской управы разрешение на постройку на его усадьбе по Торговой улице трехэтажного камен-

ного дома с лавками и каменных служб³⁴. В целом же, характеризуя купеческие дома, следует отметить, что в своем большинстве они отличались крупными размерами, преобладанием среди них двухэтажных каменных строений. Им была присуща рациональность в построении объемов, продуманная внутренняя планировка зданий, наличие декоративного оформления фасадов.

По сравнению с купеческими мещанские дома проигрывали и по своим размерам, и по этажности. Основным материалом, применяемым для их строительства, было дерево. Из 41 дома, учтенного в мещанских проектах 1877—1878 гг., 28 являлись деревянными, 8 полукаменными и только 5 каменными. Среди деревянных построек наибольшее распространение имели небольшие одноэтажные дома на одну-две комнаты, по главному фасаду на три окна, при размерах строений обычно три на четыре-пять сажений. Редкие исключения в этом порядке касались лишь построек состоятельных мещан. В качестве примера назовем проект пермского мещанина Н.Е. Елькина, имевшего усадьбу на Екатерининской улице. Проект предусматривал строительство двухэтажного каменного дома длиной по главному фасаду 6 сажений, с пятью окнами на верхнем этаже и с таким же их числом на нижнем³⁵. Заказчик принимал в расчет также необходимость декоративного убранства фасадов, выделение окон сандриками и проч.

В свою очередь, крестьяне, получившие пермскую «прописку», в зависимости от достатка строили как деревянные, так и каменные дома. Но каменных строений было немного, господствовала деревянная застройка, чаще это были, как и у мещан, небольшие по объемам одноэтажные жилые строения. Происходивший в крестьянской среде процесс выделения зажиточной верхушки и обедневшей части нашел отражение и в застройке.

Без сомнения, к числу зажиточных крестьян-предпринимателей может быть отнесен крестьянин Сабарской волости Кунгурского уезда М.В. Пешехонов, имевший на окраине Перми, в районе Казанского тракта дом, флигель, кузницу, постоянный двор, службы; а в 1878 г. получивший разрешение городской управы на строительство двухэтажного каменного дома «на девять окон по верхнему этажу» и каменной бани³⁶. Однако подобные примеры все же единичны.

Ничем особым не выделялись, были деревянными и небольшими по размерам дома военных, канцелярских служащих, мелких чиновников, мастеровых. В проектах на постройку, представленных этими группами пермских жителей в 1877—1878 гг., нет ни одного каменного жилого строения, зафиксированы лишь 14 одноэтажных деревянных и 2 двухэтажных полукаменных дома³⁷.

Таким образом, рассмотренные материалы свидетельствуют о прямой связи между застройкой города и социальным составом населения. Приведенные данные позволяют говорить о том, что наибольшую строительную активность проявляли городские сословия – мещане и купцы, купечество же выступало влиятельной силой в Перми. Усиливали свои позиции в городе и крестьяне, строительный ресурс которых сдерживался из-за ограниченности капиталов. Социальная принадлежность заказчиков сказывалась на структуре застройки, типологии зданий, выборе строительных материалов и т.п.

¹ Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. – Вып. 11. – Пермь, 1900. – С. 32.

² Данные о численности населения Перми: за 1861 г. – Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. – Пермь, 1862. – С. 80, 82; за 1868 г. – Пермские губернские ведомости (в дальнейшем ПГВ). – 1869. – 22 марта (№ 24); за 1879. – ПГВ. – 1879. – 6 окт. (№ 80); за 1890 г. – ГАПК. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об., 4об., 13; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1893 год. – Пермь, 1892. – С. 103;

за 1897 г. – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 31. Пермская губерния. – СПб., 1904. – С. 1, 94.

³ ПГВ. – 1879. – 6 окт. (№ 80).

⁴ Екатеринбургская неделя. – 1890. – 20 мая (№ 19).

⁵ Санитарный обзор Пермской губернии за 1895 год. – Пермь, 1896. – Приложение. – С. 2, 3; за 1897 год. – Пермь, 1899. – С. 42, 43.

⁶ Первая всеобщая перепись населения... – С. 48.

⁷ Там же. – С. 14, 15.

⁸ Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год... – С. 82; Первая всеобщая перепись населения... – С. 2, 58.

⁹ Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год... – С. 80, 82; Первая всеобщая перепись населения... – С. 2, 58.

¹⁰ Первая всеобщая перепись населения... – С. 58, 59.

¹¹ Там же. – С. 177.

¹² См.: Мильман Э.М. Железные дороги Урала и развитие города Перми во второй половине XIX в. // 250 лет Перми: материалы науч. конф. «Прошлое, будущее и настоящее Перми». – Пермь, 1973. – С. 102; Черныш М.И. Город Пермь – крупный рынок рабочей силы на Урале (последняя четверть XIX века) // На Западном Урале. – Пермь, 1964. – Вып. 4. – С. 74.

¹³ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг. Ч. II. – СПб., 1863. – С. 5.

¹⁴ Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собираемые офицерами Генерального штаба: Пермская губерния Ч. II. – СПб., 1864. – С. 688.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ПЛАНА ГОРОДА ПЕРМИ: 1870—1880-Е ГГ.

В начале 1870-х гг. встал вопрос о создании нового генерального плана города Перми. Последний «Высочайше» утвержденный план был подписан 23 марта 1823 года, а имеющиеся планы как в Городской управе, так и в чертежной губернского землемера, уже не соответствовали ему в действительности, так как — «улицы по многим кварталам в натуре представляют такие неправильные линии, а сами кварталы такой формы, какой нельзя предложить...»¹

В своей докладной записке от 10 октября 1878 г. губернский архитектор Р.О. Карвовский предлагал «снять город в том виде, как он действительно застроен, и таковой план, с показанием на оном выправки... неисправностей, — представить на утверждение законным порядком». Эта докладная записка содержится в «Деле об изменении архитектурного плана г. Перми», находящемся на хранении в Государственном архиве Пермского края (ГАПК). Документы дают возможность понять, почему создание нового плана города затянулось на целое десятилетие.

В связи с докладной запиской губернского архитектора на утверждение Пермской городской управе была представлена «смета расходов по составлению трех планов на г. Пермь»: 1) план настоящего расположения города; 2) план проектный; 3) план нивелированный².

На составление плана «настоящего расположения города» требовалось три месяца, на составление же проектного плана — два месяца. Оплата на проведение этих работ рассчитывалась, исходя из 60 рублей в месяц. По предложению Р.О. Карвовского для нивелировки на местности был необходим наем восьми рабочих (с оплатой в сутки по 50 копеек каждому) сроком до 80 дней. Всего за работу по составлению планов в смете было заложено 780 рублей.

Помимо оплаты труда рабочих, предполагалось и приобретение материалов: бумаги, коленкора, карандашей, красок, крахмала и гвоздей, в общей сложности на 15 руб. 95 коп. Итоговая сумма оплаты всех работ должна была составить 795 руб. 95 коп.

Для осуществления съемки наняли землемера Алексеева (имя и отчество установить не удалось), которому городская управа обещала уплатить за работу 900 рублей, включив в эту сумму — «при исполнении всех условий 100 руб., перед самым началом съемки г. Перми 50 руб., во время работы — 100 руб., по представлении плана г. Перми, снятого с натуры — 100 руб., проектного — 150 руб., во время сня-

¹⁵ Там же. — С. 690.

¹⁶ Журналы Пермской городской думы за 1880 год. — Пермь, 1881. — С. 65, 66.

¹⁷ Журналы ПГД за 1881 год. — Пермь, 1882. — С. 89, 91-94.

¹⁸ Журналы ПГД за 1874 год. — Пермь, 1875. — С. 20, 24.

¹⁹ Журналы ПГД за 1891 год. — Пермь, 1892. — С. 104.

²⁰ Журналы ПГД за 1885 год. — Пермь, 1886. — С. 13, 14, 21.

²¹ Там же. — С. 30.

²² Журналы ПГД за 1895 год. — Пермь, 1896. — С. 155.

²³ Там же. — С. 155-161.

²⁴ Там же. — С. 155, 156.

²⁵ Журналы ПГД за 1881 год. — Пермь, 1882. — С. 117.

²⁶ Там же. — С. 118.

²⁷ Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год... — С. 148.

²⁸ ПГВ. — 1892. — 1 июля (№ 53).

²⁹ Журналы ПГД за 1877 год. — Пермь, 1878. — С. 56.

³⁰ Журналы ПГД за 1879 год. — Пермь, 1880. — С. 129.

³¹ Журналы ПГД за 1900 год. — Пермь, 1901. — С. 27, 28.

³² Журналы ПГД за 1875 год. — Пермь, 1876. — С. 43; за 1876. — Пермь, 1877. — С. 43, за 1882 г. — Пермь, 1883. — С. 109 и др.

³³ Таблица составлена автором на основании следующих архивных дел: ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-282; Д. 23. Л. 1-227; Д. 24. Л. 1-295.

³⁴ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 24. Л. 146-147. К сожалению, планы и чертежи на постройку дома П.Е. Драгунова в деле отсутствуют.

³⁵ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 22. Л. 180-182.

³⁶ Там же. Д. 23. Л. 26, 27.

³⁷ Там же. Д. 22. Л. 36, 42, 66, 121 и др.; Д. 23. Л. 15, 32, 60 и др.; Д. 24. Л. 18, 32, 207 и др.

тия выгона, по мере успеха в работах до 300 руб. и затем оставшуюся сумму 100 руб. по совершению сего заказа»³. В случае неисполнения указанного договора, Алексеев «лишался причитаемых ему денег и подвергался преследованию по закону».

Следующий документ в упомянутом ранее деле датируется уже 30 апреля 1884 г. и представляет собой копию с протокола совещательного присутствия техников строительного отделения Пермского губернского правления⁴. В нем нашли отражение позиции участников совещания, касавшиеся тех положений, которые, по их мнению, следовало внести в проектный план.

В частности, в объяснительной записке к протоколу подчеркивалось, что изменение плана было обусловлено прогрессирующим развитием Перми вследствие постройки Уральской горнозаводской железной дороги. В этой связи в нем предлагалось «прибавить» городской черте 22 квартала, преимущественно на юго-восточной стороне за Сибирской заставой.

В записке также указывалось на необходимость обустройства новой торговой площади, так как население города росло, и площадь Черного рынка становилась слишком тесной, что создавало «опасность и неудобство как в случае пожара, так и в случае полицейского надзора». На имеющемся плане 1885 г., хранящемся в краевом архиве, обозначены две площади: одна «в добавленной части города по Сибирскому тракту», а другая — там, где был расположен женский монастырь. При этом первая площадь предназначалась только для постройки новой церкви и для образования свободного пространства около существующего провиантского магазина военного общества. Вторая представляла собой участок земли, отчужденной в собственность женской монастырской Успенской общины для постройки на нем церкви, уже существовавшей. Комиссией совещательного присутствия было предложено расширить площадь перед провиантским магазином, не изменяя кварталы № 170 и 171.

Второе замечание, содержащееся в протоколе совещания техников строительного отделения, касалось переноса существующей Ильинской часовни, стоявшей посередине улицы Торговой между новыми каменными и кожевенными корпусами, на место бывшего мыльного ряда по другую сторону каменного корпуса. Это предложение было исполнено.

В-третьих, излагая свои замечания по проектному плану, созданная для этого комиссия просила указать назначение кварталов под № 67-76, занятых частными постройками, ссылаясь на то, что могут быть какие-либо ограничения к строительству в этих местах. Впос-

ледствии стало ясно, что разбивка кварталов была осуществлена правильно, и, следовательно, частная постройка в этих кварталах имела вполне легальный характер.

Следующее суждение касалось расположения жилых кварталов вблизи кладбища. По нормам они должны были находиться на расстоянии не менее 100 саженей (более 200 м) от оврага и ручья Стикс. Комиссия рекомендовала указать на плане границу от ближайшего городского квартала до кладбища, «а в случаях недостатка места, отвести таковое в дополнение вновь, части же ближе указанного расстояния от жилого места упразднить».

Наконец, последнее замечание, высказанное комиссией, было связано с тем, что на углу Кунгурской и Петропавловской улиц существует «значительных размеров» каменная часовня во имя Святого Стефана Великопермского, однако на плане она не обозначена.

После исправления внесенных замечаний план был утвержден Пермской городской думой 24 июля 1886 г.⁵ Автор настоящей статьи предпринял поиск описываемого плана в фондах ГАПК (№ 279 и 716), но, к сожалению, он не принес результатов. Скорее всего, оригинал плана 1886 года хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, как и другие «Высочайше утвержденные» планы города Перми.

Сейчас в нашем распоряжении имеется лишь план проектированного расположения г. Перми 1885 г.⁶ и план 1897 г.⁷, изданный Пермским губернским статистическим комитетом. Судя по этим двум документам, можно сделать вывод о том, что замечания, представленные совещательным присутствием техников строительного отделения Пермского губернского правления, были учтены.

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 11. Л. 6-7.

² Там же. Л. 5-5об.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 39-43.

⁵ Там же. Л. 90.

⁶ РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 8. Л. 1-5; ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 58. Л. 53; КЦОП. Ф. 1. Оп. 1. Б/н.

⁷ ГАПК. Ф. 279. Оп. 2. Д. 879. Л. 1; Ф. 716. Оп. 3. Д. 2675. Л. 1.

СИБИРСКАЯ И КАЗАНСКАЯ ЗАСТАВЫ. ВЪЕЗДЫ В ПЕРМЬ В XVIII ВЕКЕ

В течение XVIII столетия границы крупных населенных пунктов (городов, крепостей, заводских поселков) обозначались фортификационными сооружениями. Для городов это были, как правило, земляные валы. А въезды в город охранялись караулами. Правило это было заведено в России императором Петром Великим по образцу европейских государств, и в первую очередь шлагбаумы и караулы были установлены на въездах в Москву и Санкт-Петербург¹. На въездах в город предполагалось взимать плату с ввозимых в город товаров². А «Устав воинский» предписывал караулам, находящимся на въездах в город, вне зависимости от того, воинский караул или «биргерский», опрашивать и записывать всех проезжающих³.

Расходы на строительство и содержание шлагбаумов и караульных помещений ложились на плечи городских обывателей. Внешний вид этих сооружений никак не регламентировался до 1817 года, когда были установлены «Правила о построении шлагбаумов в городах»⁴. А до этого времени только стремившиеся внедрить в империи прусский порядок Петр III и его сын Павел пытались установить единую для всех окраску будок и шлагбаумов. Впрочем, удалось это только Павлу Петровичу в силу слишком короткого времени царствования его отца. В 1801 г. вышло послабление, и было приказано оставить шлагбаумы только в тех городах, где имеется военный гарнизон.

Судя по сохранившимся планам и изображениям Егошихинского завода, на въездах в него не было ни рогаток, ни шлагбаумов, ни караульных помещений⁵. Однако это не означает, что завод не охранялся. Согласно инструкции, командиру Егошихинского завода капитану Берглину предписывалось *«летом иметь на высоком месте крепкой караул, чтоб не подошли воры и не разорили бы завода. И того ради на кровле караул буде стоять, иметь небольшие пушки и гранаты для обороны или по малой мере для страху. На верх кровли иметь переходы, чтоб можно было ходить кругом и обороняться. Караульщикам быть каждую ночь в приказе со заряженным ружьем и ежели тревога учинится, немедленно выходя стрелять. И зимой иметь також сторожу как для пожарнова время, так и для воров»*⁶.

Отсутствуют караульные помещения и шлагбаумы и на ранних планах губернской Перми⁷. То, что в первые годы существования Пермского наместничества караулы на въездах в Пермь не выставлялись, подтверждается и «Ведомостью какое число в городе Перми из воинских команд находятся в городском карауле и где именно»⁸.

Впервые караульные помещения на заставах Казанской и Сибирской в городе Перми показаны на плане города 1802 г.⁹ Появление караулен на Сибирской и Казанской заставах было связано с военной реформой императора Павла I и увеличением в связи с этим гарнизона города.

29 ноября 1796 г. было повелено сформировать Екатеринбургский мушкетерский полк. Формирование нового полка закончено к концу 1797 года¹⁰. Мушкетерские роты полка разместились в Екатеринбурге, а гренадерские в Перми. Помимо всего прочего, солдаты полка стали нести караулы и на въездах в эти города. Проект караульных помещений и будок для Екатеринбургского полка был разработан губернским архитектором Петром Васильевым¹¹.

Кордегардия (караульное помещение) представляла собой одноэтажное здание с крыльцом и тремя окнами по фасаду. Внутри имелись комнаты для солдат, офицерская, чулан и сени. Зимой здание отапливалось печью. Кроме собственно караульного помещения были устроены «фронты из досок... где стоять солдатам», «сошки точеные», «ступля для барабанов», установлены шлагбаумы. Всё, кроме здания караульного помещения, было выкрашено в черно-оранжево-белые полосы. В целом обустройство двух въездов в город обошлось городу в 430 рублей, а содержание их стоило 1018 рублей 31 копейку в год¹².

Построенные в 1798 году кордегардии через 10 лет обветшали до такой степени, что городу пришлось в 1810 году построить новые¹³. До постройки в 1824 году обелисков на Сибирской и Казанской заставах, кордегардии с трехцветными «фронтом», будкой, сошками для ружей, барабанной подставкой и шлагбаумом были первыми, что видели все, кто въезжал в наш город.

¹ ПСЗРИ. Т. 5. СПб., 1830. С. 532, 727.

² Там же.

³ Там же. С. 299.

⁴ Там же. Т. 34. С. 911.

⁵ Абрисы В. де Геннина. Чертежи и планы Уральских и Сибирских заводов XVIII века. — Екатеринбург, 2015. — С. 154-159.

⁶ ГАПК. Ф. 218. Оп. 1. Д. 9. Л. 7об.

⁷ Корчагин П.А. Губернская столица Пермь. — Пермь, 2006. — С. 83, 96.

⁸ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 31. Л. 46.

⁹ Лотарева Р.М. Города-заводы России XVIII – первая половина XIX века. — Екатеринбург, 2011. — С. 204.

¹⁰ Краткая история 37-го пехотного Екатеринбургского Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича полка / составил штабс-капитан Маринов. — Лодзь, 1907. — С. 1.

¹¹ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 75. Л. 20.

¹² Там же. Л. 18.

¹³ ГАПК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 155. Т. 1. Л. 99-100.

ПЕРМСКИЙ ДОМ В КОНТЕКСТЕ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ

Здания – очевидцы исторических событий. Они – артефакты, способные поведать прошлое. Это в полной мере относится и к земской реформе, которая была важным событием как для России в целом, так и для Пермской губернии и Перми в частности.

Всесословные выборные земские учреждения как органы местного самоуправления, сыгравшие заметную роль в истории страны, особенно в области образования, здравоохранения и дорожного дела, были открыты в Пермской губернии в 1870 г. и просуществовали до установления советской власти. Какие дома в Перми связаны с земской реформой? Сконцентрируем свое внимание на некоторых наиболее известных зданиях периода становления земства в Пермской губернии в 1870-е годы.

Открытие первого необычного Пермского губернского земского собрания произошло в Перми в воскресенье 21 июня 1870 г. в 12 часов дня в зале дома Благородного собрания на улице Сибирской¹. Как известно, это одно из красивейших зданий Перми, построенное по проекту архитектора И.И. Свиязева и расположенное ныне по адресу: ул. Сибирская, 20. Этим событием начался завершающий этап формирования органов земского самоуправления в Пермской губернии. Открытие первого губернского земского собрания было событием чрезвычайной важности, вследствие чего при этом присутствовали и выступили с речами пермский губернатор Б.В. Струве и епископ Пермский и Верхотурский Антоний.

Специфическим условием формирования Пермского земства была смена власти в губернии. В результате ревизии сенатора П.Н. Клушина 13 ноября 1870 г. вместо П.Б. Струве пермским губернатором был назначен бывший харьковский вице-губернатор, действительный статский советник Н.Е. Андреевский. Новый губернатор прибыл в Пермь 29 января 1871 г. и управлял губернией до 21 апреля 1878 г.² Во время отсутствия губернатора (с ноября 1870 до конца января 1871 г.) формирование земских учреждений контролировал исполняющий его обязанности вице-губернатор В.А. Лысогорский. Именно он 1 декабря 1870 г. открыл первое очередное Пермское губернное земское собрание.

На следующий день первый председатель пермской губернской земской управы Д.Д. Смышляев предложил собранию перестроить переданное земству в аварийном состоянии здание быв-

шего училища детей канцелярских служащих, построенное по проекту Свиязева в стиле классицизма. В этом здании, перестроенном по проекту архитектора Р.И. Карвовского, вскоре и расположилась губернская земская управа, проводились очередные и чрезвычайные губернские земские собрания. Это соседнее с домом Благородного собрания здание, в котором до недавнего времени располагался факультет иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ул. Сибирская, 26-28).

На месте этого здания ранее находился дом архитектора Свиязева, в котором в 1824 г. останавливался император Александр I во время своего визита в Пермь. Здание училища детей канцелярских служащих в 1837 г. посетил наследник престола великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II).

В ведение земства в 1870 г. были переданы также и другие известные в Перми дома, в частности, здание Александровской больницы на Большой Ямской. Она была названа так в честь Александра I, посетившего ее старое здание и предложившего построить новую больницу. Ныне это административный корпус Пермской краевой клинической больницы, расположенный по адресу: ул. Пушкина, 85. Примечательно, что автором проекта больницы был также И.И. Свиязев.

Как известно, земство развернуло довольно активную строительную деятельность не только в губернии, но и в Перми. Так были построены новые корпуса земской больницы, расположенные в центре города. При этом был использован прогрессивный в то время американский опыт строительства больниц, выработанный в США во время гражданской войны между Севером и Югом в 1860-е годы. Согласно американской практике, использованной пермскими земцами, строились длинные одноэтажные здания барачного типа со сквозным коридором. Центральная часть такого деревянного здания в целях противопожарной безопасности строилась из кирпича. В такой больнице в случае пожара можно было быстро эвакуировать больных из горящей части здания в другую его половину, куда из-за центрального кирпичного сегмента не могло распространиться пламя. Эти здания используются в Перми по прямому назначению до сих пор — как корпуса Пермской краевой клинической инфекционной больницы, расположенной по адресу: ул. Пушкина, 96.

Таким образом, деятельность пермского земства прослеживается и сквозь призму наиболее известных архитектурных сооружений города. Эти здания являются неотъемлемой составляющей не только прошлого Перми, но и ее настоящего. Помимо прямого функцио-

нального использования в сочетании с новыми строениями они формируют своеобразный облик города, причудливо сочетающий историю и современность.

¹ Журналы Пермского губернского чрезвычайного земского собрания. Пермь, 1870. С. 1-59.

² Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми до 1890 г. Первый опыт краткого изложения истории Перми. — Пермь, 1889. — С. 283; Пермские губернаторы: традиции и современность / под ред. И.К. Кирьянова, В.В. Мухина. — Пермь, 1997. — С. 118.

ПЕРМСКИЙ ТОЛКУЧИЙ РЫНОК (БАРАХОЛКА)

Рынок — категория товарного хозяйства, совокупность экономических отношений, базирующихся на регулярных обменных операциях между производителями товаров (услуг) и потребителями. Обмен обычно происходит на добровольной основе в форме эквивалентного обмена товара на деньги (торговля), или товара на товар (бартер). При свободном доступе на рынок как производителей, так и потребителей, обмен происходит в условиях конкуренции. Рынок — это также определенное место розничной торговли продуктами питания и товарами, или базар. «Барахолка» или «блошинный рынок» — полностью или часть общего рынка, определенное место, где торгуют поддержанными вещами,¹ — это экономический институт, стихийно возникший и регулируемый государством административными мерами.

Понятие «барахолка» произошло, по словарю В.И. Даля, от слова «барахло» или «хлам» (арх.) или «шарабо(а)ра» (оренб.), — т.е.: «всякая всячина, мелочь, домашний скарб, старая рухлядь»²; это слово имело тюркские корни и происходило, вероятно, от монгольского слова «шара» т.е. «выварки кирпичного чая»³.

К началу XX в. главные торгово-промышленные пункты Перми находились на двух городских рынках — Черном и Сенном. В середине XIX в. площадь Сенного рынка была перенесена южнее по ул. Вознесенской и оказалась в створе улиц Кунгурской и Красноуфимской. Помимо Черного и Сенного рынка, связанных улицей Красноуфимской, где также происходила торговля из лавок и магазинов, крупные торговые центры Перми находились на улицах Сибирской, Торговой и на набережной р. Камы. Торгово-промышленная деятельность в этих пунктах распределялась следующим образом.

На Сибирской были лучшие магазины города, приспособленные к потребностям зажиточной части населения, преимущественно с различными модными товарами. Здесь же находились лучшие лавки с гастрономическим и бакалейным товаром и магазины с канцелярскими принадлежностями. На Торговой располагались разнообразные торговые предприятия, рассчитанные на потребности среднего класса.

На площади Черного рынка была сконцентрирована вся крупная и мелкая торговля для разного рода потребителей, здесь же производилась торговля всеми продуктами и подвоз их из окрестных сел и деревень. На Сенной площади шла мелочная торговля для простого народа: продажа старой поношенной одежды, торговля кустарными изделиями и сеном. Торговля на Красноуфимской улице,

соединяющей Черный рынок с Сенной площадью, по которой в базарные дни двигалась масса народа, удовлетворяла потребности крестьянского и заводского населения.

На набережной р. Камы преобладала торговля лесом и дровами; здесь же находились товаро-пассажирские пароходные конторы, а около последних и у железнодорожного вокзала ст. Пермь – ряд небольших, но очень доходных лавочек, бойко торгующих в период навигации, образовали в будущем так называемый «фруктовый рынок».

В числе новых торгово-промышленных пунктов в конце XIX в. появилась «дровяная площадь, что около бульвара»: здесь с зимы 1898 г. в базарные дни производилась продажа дров с возов, а с середины мая 1898 г. открылось до десятка небольших лавочек и будочек⁴.

К концу XIX в. наибольшее увеличение торговой деятельности было отмечено на Красноуфимской улице, Сенном рынке и прилегающих к ним улицах. Городская управа приняла несколько постановлений: продолжили замощение площади Сенного рынка и приступили к постройке новых деревянных корпусов, или рядов, взамен старых небольших будок; построили водоразборную будку и деревянные общественные ретирады¹. Всех корпусов устроено 12 и вся постройка для города обошлась в 20 тыс. руб.⁵

В 1920-е гг. во времена новой экономической политики или НЭП, проводимой советским правительством, площадь Сенного рынка использовалась под ярмарочную торговлю. В книге В.Е. Чижова «Пермь в экскурсиях» (1926) описан маршрут, проходивший через все основные торговые площади и улицы города. В маршрут входит и Сенная площадь (в советское время площадь Революции – Октябрьская, где, до строительства комплекса Политехнического института находился Центральный рынок):

«Прямо ... площадь Революции (б. Сенная), в центре ее церковь, существующая с 1843 г. Восточная часть площади к Красному проспекту занята щепными и санными рядами, северная — мебельными магазинами. Восточная половина площади между церковью и щепными рядами в будние дни частично занимается крестьянскими возами с сеном. Два раза в год здесь проходит ярмарка межокружного значения. В северо-западной части – магазины обуви и одежды, а в юго-западной части – толкучка, несколько потерявшая свое значение после разрешения свободной торговли, но и до сих пор отличающаяся шумным движением, кипучей деятельностью. Вокруг нее целый ряд предприятий – с юга, выстроившиеся стройными рядами парикмахерские, городские весы, водоразборная будка, с запада – продуктовые лавки (чайные и столовые) и столики с кипящими самоварами, с жарящимися пирожками и лепешками, со студнем и иной снедью.

¹ретирадное место, ретирадник – туалет, от французского слова *ретироваться* — отступать, скрываться.

На самой толкучке лавки: домотканого холста, коженные, готового платья, случайных книг (букинисты), электротехнических принадлежностей, старого железного хлама и, наконец, случайные вещи: мебель, кровати, разрозненная посуда, одежда и обувь старая, починенная и новая, струнные музыкальные инструменты, книги, ноты, цветы бумажные, древесные и живые; а посредине движущийся поток людей: здесь русские, татары, евреи, цыгане, китайцы; здесь торговцы и покупатели, любители легкой наживы и те, кого безысходная нужда привела сюда продавать последнюю домашнюю обстановку, последнюю одежду с плеча; здесь фокусники, чистильщики сапог, продавцы газет, папирос, мороженого, подсолнухов, прохладительных напитков, копеечных конфет; гадальщики на картах, попугаи или мышки, вынимающие билетки с «судьбой»; здесь моментальные фотографии; убогие, пением песен до религиозного содержания включительно снискивающие себе пропитание; беспризорные, поющие и мрачно настроенные, но всё же промышленяющие себе средства к существованию; здесь, наконец, люди, пришедшие поглазеть – все это движется, шумит, кричит, заывает, убеждает, спорит и ссорится. Вот почему здесь постоянная охрана порядка и безопасности – милиция»⁶.

Решение об организации ярмарок в каждом случае принималось Президиумом Пермского Окрисполкома. Ярмарочному комитету приходилось ежегодно ремонтировать корпуса и павильоны на Сенной площади.

15 июля 1928 г. санитарный наблюдатель Горкомхоза Соколов вместе с дежурными милиционерами составил Акт об обследовании площади ярмарки на Красной (Сенной) площади, находящейся временно в ведении Ярмаркома:

«Территория площади от корпусов санных лавок до ограды церкви, кругом церкви по направлению к Большевикской улице, подметается не ежедневно; площадь покрыта рваной грязной бумагой, шелухой семечек и орехов и др. хламом. Улицы: Луначарского, Большевикская, Красный проспект и Красноуфимская, как прилегающие к ярмарочной площади, за все время ярмарки ни разу не подметались и не подметены до сих пор. Ватер-клозет общего пользования для всех торгующих и приходящих на ярмарку находится в черте площади, угол Кр. Проспекта и Большевикской, почти переполнен, плохо подметается и обеззараживается в смысле зловония. На основании вышеизложенного и руководствуясь обязательным постановлением от 7 марта за № 4 пп. 235 и 237 и прим. 247 и 256 делается предупреждение Ярмаркому о принятии мер, в противном случае будет составлен советующий протокол с привлечением виновных к ответственности через Прокуратуру»⁷.

29 ноября 1929 г. Президиум Пермского Горсовета (протокол № 37 п. 638) принял решение «О сносе здания Единоверческой церкви на Красной площади»:

«В городе Перми, окружном центре с населением ... 140 тысяч человек, имеется очень небольшая Красная площадь для проведения празднеств Революции и митингов, что ни в коем случае не предоставляет возможным обслуживать аудиторию, нет места для парад войск и т.д.; не представляется возможным благоустроить данную площадь, так как посреди ее стоит Единоверческая Свято-Троицкая церковь; с другой стороны примыкает Толкучий рынок, который с весны 1930 года будет переведен на Разгуляйскую площадь, а пото-

му является необходимым: 1. Единоверческую Свято-Троицкую церковь снести с указанной площади, просить Президиум Окрисполкома поддержать данное ходатайство, поставить вопрос перед Уралоблисполкомом о немедленном закрытии церкви...»⁸

18 декабря 1929 г. постановлением Малого Президиума Пермского Окрисполкома (протокол № 52 §27) утверждено постановление Пермского Горсовета о сносе здания Единоверческой церкви на Красной площади (бывшей Сенной):

«В интересах городского благоустройства земельный участок под Единоверческой церковью на Красной площади города Перми – изъять в соответствии с распланированием города Перми по проекту Горсовета и Единоверческую церковь – снести...»⁹

Из этих двух постановлений, помимо информации о времени сноса Единоверческой Свято-Троицкой церкви, построенной по проекту И.И. Свизева, для нас представляет интерес информация о том, что Толкучий рынок с весны 1930 г. переводится на площадь в Разгуляе. Однако уже к середине 1930-х гг. Толкучий рынок оказывается на территории, примыкающей к территории 1-й Клинической больницы. По сообщению главного врача 1-й клинической больницы Ю.А. Вадзиша, больница, расположенная неподалеку от центральной части города, испытывает неудобства в повседневной работе:

«...Ул. Красноуфимская является продолжением центрально расположенной торговой части города. Ближайшим соседом больницы является колхозный рынок, именно часть ее территории, граничащая с ул. Луначарского и Красноуфимской; другая часть, граничащая с ул. Осинской и Долматовской, примыкает к толкучему рынку. Это шумное соседство неблагоприятно отражается на работе больницы. Недостаточно благоустроенные улицы, особенно Университетская, проходящая между усадьбой главного корпуса и усадьбой заразного отделения, запыляют больничную территорию и выдвигают настоятельную необходимость закрытия проезда по Университетской улице между Красноуфимской и Осинской улицами, с созданием обособленного больничного городка. Благоустройство больничных зданий невысказано без этого мероприятия...»¹⁰

Почти сразу после войны, в 1946 г. началась реконструкция Комсомольского проспекта и проспекта им. Сталина. Повседневная жизнь города, как правило, тесно связана с системой центральных магистралей и бульваров, соединенных с основным ядром. Выбор Комсомольского проспекта как главного пути, связывающего южную часть города с центром, был закономерен, так как проспект давал выход жителям Свердловского района к местам общегородского обслуживания. Это был принципиально новый подход к застройке Перми. Впервые реконструкции подверглась целая магистраль. Первые проектные соображения по реконструкции проспекта были высказаны главным городским архитектором В.Г. Черновым еще в 1943 г. В даль-

нейшем этой работой занималась многочисленная группа инженеров и архитекторов: И.А. Плотникова, Г.К. Яковлева, Н.Н. Кукин, А.П. Загородников, Н.И. Бойченко, Д.Я. Рудник¹¹. 10 января 1947 г. состоялось совещание архитекторов г. Молотова, посвященное вопросу размещения нового строительства на предстоящее пятилетие. Основным вопросом, который пытались разрешить совещание, был вопрос городского центра.

3 августа 1948 г. в заседании Архитектурной комиссии при Молотовском горисполкоме был рассмотрен проект планировки Центрального колхозного рынка. Застройщик — Управление колхозными рынками г. Молотова, автор проекта арх. Д.Я. Рудник, эксперт — инженер В.М. Попцов. Проект разработан на основании решения Горисполкома от 8 мая 1947 г. № 251, с привязкой Центрального колхозного рынка к территории, «ныне занятой базаром в границах: с северной стороны – ул. Пушкина, с восточной – ул. Попова, с западной – ул. Шадринская, и с южной – застройки школы № 6 и частных владений».

В основу архитектурно-планировочной композиции рынка принято два главных потока покупателей со стороны центральной части города и поступление колхозных продуктов со стороны Казанского тракта и ст. Пермь II. Проектом предусмотрено благоустройство прилегающих к рынку улиц, асфальтирование, устройство сети водопровода, канализации и электроосвещения. Озеленение территории рынка предусмотрено посадкой вдоль забора высокоствольных деревьев. Ограждение — рынка деревянный глухой забор.

23 апреля 1953 г. Молотовский Горисполком решением № 394 «О переносе рынка торговли вещами» в связи со строительством нового Центрального колхозного рынка на территории, которая в настоящее время занята рынком торговли вещами, решил следующее:

«Для переноса рынка торговли вещами и филиала колхозного рынка находящегося по ул. Революции [в Левшино] отвести Молотовскому управлению рынками земельный участок площадью до 3 га в районе Банной Горы между кварталом 2318 и отведенным участком Молотовгражданстрой под строительство Стройдвора в Орджоникидзевском районе за счёт индивидуальных огородов.

Обязать управление рынками [т. Аверкиева]:

...в срок до 1 июня 1953 г перенести рынок торговли вещами из затопляемой зоны в пос. Левшино в пос. Банная Гора Орджоникидзевского р-на [это 1-я часть решения, которая касается вопросов благоустройства рынка на территории, прилегающей к зоне затопления КамГЭС];

ж) на вновь отведённом земельном участке рынка торговли вещами и филиала колхозного рынка построить служебное помещение для обслуживающего персонала рынка, уборную общественного пользования, территорию рынка обнести забором за счет средств Управления рынками. В одной половине участка организовать торговлю по продаже с/х продуктов, и во второй половине сосредоточить торговлю вещами и предметами домашнего обихода;

з) под колхозную торговлю построить крытый павильон на 50 рабочих мест;
и) работу рынка вещами установить ежедневно с 9-ти часов утра до 6-ти часов вечера.

Обязать Горторготдел (Воробьев):

а) организовать на рынке торговли вещами и на продуктовом рынке торговлю промышленными и продовольственными товарами в палатках и павильонах...;

б) разработать план по увеличению открытия скупочных пунктов и представить на утверждение Горисполкома к 15 мая 1953 г.

Обязать зам. нач. городского управления милиции Иванова с первого дня работы рынка торговли вещами организовать наблюдение за порядком торговли, запретить торговлю вещами на остальных рынках города».

Открытие нового Центрального колхозного рынка было намечено на начало августа 1956 г., но состоялось месяц спустя – 2 сентября 1956 г.

1 сентября 1956 г. областная газета «Звезда» сообщила:

«2 сентября 1956 года в городе Молотове открывается новый Центральный Колхозный рынок. К открытию нового центрального рынка приглашаются колхозы, колхозники и другие трудящиеся с продажей своих сельскохозяйственных продуктов. Новый центральный колхозный рынок находится: ул. Пушкина, № 93, главный въезд с улиц Попова и Шадринской»¹².

4 сентября 1956 г. «Звезда» опубликовала развернутый фоторепортаж под названием «На новом колхозном рынке» с фотографиями Е. Н. Загуляева:

«В минувшее воскресенье в городе Молотове открылся новый Центральный колхозный рынок. Для него отведена большая новая площадь в Кагановическом районе, на улице Пушкина, где раньше был «толкучий рынок». С утра тысячи молотовчан направились сюда, чтобы сделать первые покупки, осмотреть торговые помещения. Многие приезжают на рынок на собственных автомашинах. «Москвичи», «Победы» ровной шеренгой выстраиваются у главного входа. Беспрерывным потоком посетители вливаются на территорию рынка.

От ворот к торговым помещениям ведет широкая асфальтированная магистраль. Справа и слева зеленеют газоны. Внимание посетителей привлекают два больших каменных павильона. В одном из них организована торговля молоком и молочными продуктами, в другом – мясом и рыбой. По широким лестницам в павильоны направляются посетители. Не спеша они проходят по помещению, интересуются отделкой стен, выложенных белой глазированной плиткой. 120 рабочих мест – таковы размеры каждого из павильонов. Достоинство новых павильонов не только в том, что в них светло, просторно и чисто. Не менее важно и то, что в них даже зимой будет тепло, а это обстоятельство имеет немалое значение в наших условиях.

В глубине рынка, за главными корпусами, на большой асфальтированной площади сооружены закрытые деревянные павильоны и прилавки. Здесь ведется бойкая торговля овощами, ягодами, фруктами, грибами. Всех, кто побывал на новом рынке в день его открытия, поражало обилие овощей и фруктов. Особенно много было помидоров. Наряду с местными, продавались помидоры, привезенные из южных приволжских городов. Цена на них ниже прошлогодних. С Кавказа, из Средней Азии в Молотов доставлены яблоки, ароматные груши, виноград.

При строительстве нового рынка были учтены многие недостатки, отличавшие прежний рынок. Здесь построены холодильники, станции для проверки мяса и молока, помещения для обслуживающего персонала. Невдалеке от глав-

ных торговых корпусов возведены два каменных двухэтажных здания, имеющих водопровод, канализацию, паровое отопление. В одном из зданий расположены гостиница и столовая, в другом – красный уголок, зрительный зал со сценой, радиозузел. Колхозники, приехавшие в город с товарами, смогут здесь хорошо отдохнуть и переночевать.

В первый день работы на рынке побывали сотни колхозников из окрестных сел и деревень, тысячи трудящихся города»¹³.

«Об утверждении правил торговли на колхозных рынках города Перми» Решение Горисполкома от 13 января 1958 г. № 49

«Правила торговли на колхозных рынках г. Перми»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

1. На колхозных рынках г. Перми разрешается только розничная торговля в местах, отведенных для каждого вида торговли.

2. К торговле на рынках допускаются:

а) колхозы, колхозники и другие граждане – продуктами своего сельскохозяйственного производства и дикорастущими ягодами, грибами и т.д.;

б) городские жители – продуктами своих подсобных хозяйств, овощами, картофелем, фруктами, ягодами, молоком, молочными продуктами, мясом, яйцами, медом, дикорастущими ягодами, грибами и т.д.;

в) государственные и кооперативные торгующие организации продовольственными промышленными и фуражными товарами из магазинов, палаток, ларьков, а также вразнос, по разрешению управления торговли Пермского Горсовета;

г) Горкоопторг Пермского Облпотребсоюза – сельскохозяйственными продуктами колхозов на комиссионных началах из специально отведенных помещений;

3. Категорически запрещается продажа гражданами на колхозных рынках:

а) лекарственных растений;

б) подержанных вещей, предметов домашнего обихода, различных картин, открыток, скульптуры, предметов и вещей производства некооперированных кустарей и ремесленников;

в) новых вещей и не бывших в употреблении предметов домашнего обихода, а также кустарных изделий – готового платья, белья, трикотажа, головных уборов, обуви, галантереи, шорных и кожаных изделий, изделий из цветных металлов и других предметов, вещей и продуктов питания запрещенных не кооперированных промыслов.

4. Продажа гражданами живого скота и живой домашней птицы (куры, гуси и пр.) и фуража производится только на специально отведенном скотно-фуражном рынке (ул. Пушкина) и на колхозных рынках Кировского, Мотовилихинского и Орджоникидзевского районов г. Перми при соблюдении ветеринарных правил. Продажа дров разрешена на вышеперечисленных рынках.

5. Продажа гражданами шерсти и шерстяной пряжи производится на вещевом рынке и смешанных рынках Кировского, Мотовилихинского, Орджоникидзевского районов.

6. На рынках запрещается скупка-перепродажа продовольственных и промышленных товаров, а также торговое посредничество, как способствующее спекуляции.

7. Категорически запрещается гражданам производить продажу сельхозпродуктов, промтоваров, подержанных вещей, кустарных изделий вне рынков, на прилегающих улицах, площадях, во дворах и других не отведенных для этого местах.

8. Продажа держанных вещей и предметов домашнего обихода производится на вещевом рынке (по ул. Пушкина) и на смешанных рынках Кировского, Мотовилихинского и Орджоникидзевского районов г. Перми.

9. Колхозы и колхозники и другие трудящиеся, торгующие продуктами сельскохозяйственного производства, а также городские жители торгующие продуктами своих хозяйств, продают продукты покупателям непосредственно сами. Не разрешается при продаже с/х продуктов пользоваться услугами других лиц.

10. Работники рынка не имеют право производить продажу сельхозпродуктов колхозов, колхозников и др. торгующих, объявлять цены, а также предлагать покупателям продукты, получать деньги, отпускать товары.

О ПОДДЕРЖАНИИ ПОРЯДКА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ТОРГОВЛИ НА РЫНКАХ.

37. Поддержание общественного порядка на рынках и наблюдение за точным выполнением настоящих правил осуществляется дирекцией рынка и органами милиции.

38. На территории рынков запрещаются выступления музыкантов, певцов, фокусников, кроме артистов по особым удостоверениям, а также гадание, азартные игры и попрошайничество.

ГАПК. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 611. Л. 103-105.

¹ Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1991 – С. 338.

² *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1978. – С. 48.

³ Там же. – Т. 4. – М., 1980. – С. 621.

⁴ *Е.Ф.* Торгово-промышленное состояние г. Перми в 1898 г. // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. – Вып. 11. – Пермь, б.г. – С. 25-26.

⁵ План площади Сенного рынка, составил гор. арх. В. Попатенко. 1910 г. // ГАПК. Ф. 716. Оп. 1. Д. 141. Л. 1; Чертеж городской водоразборной башни на Сенном рынке. // ГАПК. Ф. 716. Оп. 1. Д. 161. Л. 1; Чертеж городских общественных ретирад. // ГАПК. Ф. 716. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.

⁶ *Чижов В.* Пермь в экскурсиях: опыт изучения города экскурсионным методом. – Пермь, 1926. – С. 20-21.

⁷ ГАПК. Ф. р-134. Оп. 1. Д. 274. Л. 130-131.

⁸ Там же. Ф. р-38. Оп. 1. Д. 587. Л. 3-3об.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ *Вадзиш Ю.А.* Современное состояние Первой клинической больницы // Юбилейный сборник научных трудов. – Пермь, 1934. – С. 27-28.

¹¹ *Терехин А.С.* Пермь: очерк архитектуры. – Пермь, 1980. – С. 74-75.

¹² Объявление об открытии 2 сентября 1956 г. нового Центрального колхозного рынка в г. Молотове // Звезда. – 1956. – 1 сент. (№ 205). – С. 4.

¹³ На новом колхозном рынке / фот. Е. Загуляева // Звезда. – 1956. – 4 сент. (№ 207). – С. 4.

ДЖИНСОВОЕ СЧАСТЬЕ

На столе лежали вещи. Если бы дело происходило в магазине, здесь мгновенно бы выросла очередь. Вещи были новые и дефицитные. На прилавках такие встречаются редко даже в конце месяца.

Стол с вещами стоял в отделении милиции при Центральном колхозном рынке. 10 июня в отделении было особенно многолюдно. Областной штаб «Комсомольского прожектора» при содействии областного отдела внутренних дел проводил рейд по предупреждению спекуляции на вещевом рынке – «барахолке», как он зовется в просторечии. На помощь сотрудникам, работающим здесь постоянно, пришли более тридцати человек – молодые рабочие предприятий города, студенты.

Операция началась в 10 часов утра. Сигнальной ракетой в воздух, естественно, никто не стрелял. Ребята, разбившись на группы, после основательного инструктажа тихо и мирно пошли на рынок, уже забитый к тому времени наподобие городского троллейбуса. Переходя на терминологию пошивочного ателье, можно сказать, что забор, окружавший рынок, был толпе «в обтяжку».

Время от времени ребята так же тихо оттуда кого-нибудь выводили. Но тихо получалось не всегда. Один «продавец» увидев служебное удостоверение, прыгнул на довольно высокий забор. Другой продемонстрировал неплохие шансы попасть в недавно гостившее у нас мото-ревью, перепрыгнув с ходу через группу стоящих у входа мотоциклов.

Больше ничего веселого не было...

Девушка смотрела мне прямо в глаза пристально и строго. Она не плакала, хотя было заметно, что это стоит ей внутреннего напряжения. И я чувствовал себя в чем-то виноватым, словно это я, а не она, продавал губную помаду и лак для ногтей, прибавляя по 20-30 копеек к номинальной стоимости, и был задержан с поличным. Между нами на столе лежал белый, в стеклянных пупырышках браслет и полиэтиленовый пакет с парфюмерией, раза два Людмила делала попытку забрать свой товар со стола, но следователь всякий раз мягко просил ее ничего не трогать.

Мне показалось, девушка была твердо убеждена в том, что уж в милиции-то ее «обчистят», и что в скором времени милицейские жены будут красить губы ее помадой. Была забавна – настолько, насколько позволяла забавляться обстановка, — сама попытка с ее стороны поставить под вопрос чью-то честность.

Людмила Б., студентка мединститута, V курс.

– Почему вы решили заняться продажей?

– Не хочу просить деньги у родителей.

– Вы не пробовали их заработать?

– Я работала медсестрой. Мне тяжело.

– Вы бы заработали здесь два-три рубля...

– Для меня это деньги.

– У вас есть знакомые, которые тоже занимаются продажей?

– Вы спросите, кто сейчас этим не занимается.

– В институте вам никто не говорил, что предусмотрено законом за спекуляцией?

– Нет.

Геннадий Снигур, мастер спорта по классической борьбе. В Пермь приехал на всесоюзные соревнования. Студент Московского института инженеров землеустройства, факультет архитектуры. В детстве любил рисовать. Прямо из гостиной поехал на рынок. Больше нигде не был. Попытка продать венгерские ботинки стоимостью около семидесяти рублей за 140 и пачку полиэтиленовых пакетов.

Решено было ехать в гостиницу, мы сели в машину. Выдержка изменила спортсмену, и он в сердцах ударил ребром ладони по спинке мягкого сиденья. Было жарко. Мы ехали по Перми, и я поймал себя на мысли, что хочу, чтобы Снигуру понравился наш город. Все-таки гость.

В номере – те же пакеты. Всего около 50 штук.

В отделении он просил следователя не сообщать в институт, меня – не писать.

– Для вас все очень просто, – говорил Снигур, – а у меня судьба решается. О законе речи не велось.

– Как вы представляете свою жизнь в идеале Геннадий? – спросил я. – Как бы вы хотели жить?

– Счастливо, – ответил он.

– Вам сейчас может помочь только искренность, – сказал следователь, когда Снигур отказывался подписаться под протоколом.

– А что будет, если честно? – спросил он сперва. А потом, что – если нечестно. Взвешивал.

Юрий Сергеевич Данилов, старший инженер Ленинградского Всесоюзного научно-исследовательского института галургии, любит Пастернака и Ахматову, а также Арсения Тарковского. Придя на пермскую «барахолку», знаток поэзии не обращался к братьям по разуму с призывом опомниться и не раздавал страждущим книги по искусству, которых взял с собой целый чемодан. Он их продавал. Одному «брату» – за десять рублей, второму предлагал за двадцать пять.

– Вам не тяжело было везти из Ленинграда такой груз?

– Тяжело, – улыбнулся Юрий Сергеевич. – Хотел обменять.

Юрий Целищев (в протоколе пишется не так: фамилия, потом имя) 1962 года рождения, молодой рабочий Пермского целлюлозно-бумажного комбината, Андрей Обухов, учащийся школы № 136, Арсен Куштанов, студент первого курса сельхозинститута, продавали солнцезащитные очки по цене 25 рублей за пару. У Ирека Хатипова, первокурсника политехнического института, изъято 19 тюбиков губной помады, которую он продавал по два рубля, и два флакона эмали для ногтей.

Валерий Волков, студент электротехнического факультета ППИ, торговал жевательной резинкой – 3.50 за пластинку. Чистая выручка за день, если вычесть его собственные расходы на приобретение, могла составить ровно 40 рублей.

У Волкова есть родители, интеллигентные люди.

– У меня порвалась курточка, хотел купить новую, – сказал он в отделении.

– Вам приходилось когда-нибудь работать?

– На шашке заработал 400 рублей.

– Что вы с ними сделали?

– А что делают с деньгами? Вещи себе купил.

– Матери вы их не отдавали?

– Отдал, так она же мне потом их вернула. Дорого же здесь все продают, сами знаете.

– Кем вы будете после окончания института?

– Да теперь уж никем! – с вызовом ответил Волков. Мы опять ломали чужую жизнь.

– Валерий, вы не пробовали купить на те 400 рублей подарок матери? – спросил я... и точно в пустоту провалился.

Волков не ожидал такой постановки вопроса или не расслышал. Так мы молчали, два жителя одного города, совершенно не понимая друг друга, точно инопланетяне.

На этом закончилось интервью, и не моя вина, если они походили на допросы. Было невыносимо скучно выслушивать однообразные, точно под копиру, двадцатилетних инфантилов, где в каждом предложении ударения ставились на слова «моя», «я», «мне».

О совести никто не говорил, и я не спрашивал. Здесь эта вещь не в цене, хотя и в большом дефиците.

***

Забор не отгораживает напрочь мир «барахолки» от мира, в котором живем мы все. Глупо оспаривать родство с уродом, родившимся в твоей семье. И, конечно же, этот сорняк расцвел на грядке проблем нашей легкой промышленности. Но и не в этом дело. Наверное, еще очень долго будет гореть костерок неудовлетворенных потребностей, но далеко не каждый решается погреть на нем руки.

Я не стану рассматривать тот случай, когда люди просто юридически безграмотны, не стану пугать параграфами закона. Как рассказывают в отделении, сделки сейчас заключают «грамотно»: на рынок приходят без товара, договариваются с покупателями «заочно». Торгуют на улице, в аудиториях, общественных туалетах. Место и способ можно найти всегда. Могли и не попасть в отделение те, кто туда попал. Не попадают пока те, кто попасть должен. Радуйтесь, вам повезло. Заворачивайте свою судьбу в блестящие пакеты и несите на распродажу.

Я не хотел бы попасть на прием к Людмиле Б., которой сейчас тяжело работать санитаркой. Я не хотел бы, чтобы тренером моего сына был Снигур. Я не хотел бы, чтобы на ответственном участке производства оказался Волков. Повышенное внимание к себе всегда сопровождается отсутствием его к другим. До профессиональных спекулянтов этим людям, конечно же, далеко, но путь уже начат. И нет никакой уверенности, что, ударившись сейчас, они примутся за Достоевского в поисках смысла жизни, без которого отлично обходились прежде. Хотя маленькая надежда есть.

Когда чего-то не хватает, всегда есть два выхода. Или работать вместе со всеми, чтобы этого было больше. Или растолкать тех, кто послабее и посовестьливее локтями. Так кто же заострил локотки этим мальчикам и девочкам, устраивающим свою жизнь – на рынке ли, в институте, на работе – за счет других? Почему нехватка товаров вызывает у них зуд обогащения, а не желание пойти работать в ту же легкую промышленность и биться, биться за качество, за моду? Почему они, душевно глухонемые, не чувствуют своей связи и родства с людьми, и как остановить эту волну обывательщины и снобизма? Голых королей уже давно нет. Сейчас пустота рядится в королевские одежды.

Ничто не берется из ничего. В человеческой душе этот закон соблюдается так же точно, как в природе. У людей все передается из рук в руки: и подлость, и доброта, и цели. Я не думаю, что родители, учителя, доценты, тренеры готовили своих детей и учеников к судьбе «фарцовщиков».

Но, очевидно, они не готовили их или не сумели подготовить к труду, к не всегда простой и гладкой жизни честных людей.

Разделение труда во многих семьях сводится к тому, что труд родители берут на себя, а потребление оставляют детям. Папы и мамы – как матросы на корабле своих отпрысков – старательно выдраивают палубу, не интересуясь взятым курсом.

Они и потребляют. Все дело в том, что зарплата родителей растет медленнее, чем запросы детей. Далее все происходит в соответствии с логикой. Не удовлетворяясь семейной рентой, иждивенцы родителей подключают в число своих «крепостных» других людей. Спекуляция – это способ перекачивания денег, заработать не работая. Цели сформированы. Методы детки подбирают сами или заимствуют в компании себе подобных.

При живых родителях они, по сути, духовные беспризорники. Те же «трудные» подростки. Разница только в том, что способы убивать время и методы добывания денег у «интеллигентов» поизящнее, чем у хулиганов из подворотни. Потому подчас так неестественна и изломана их жизнь, что заложенная установка не согласуется с жизнью реальной – необходимостью делать детали и растить хлеб, воспитывать собственных детей, забывая о себе.

Но плохо не только тогда, когда плоха цель. Плохо и тогда, когда ее нет вовсе. Почему люди безропотно выкладывают из кармана два месячных оклада за пару трущихся штанов? Потому что им скучно. Джинсы – не просто одежда, по крайней мере, для многих. Это пароль. Средство, облегчающее общение со сверстниками. Возможность поднять престиж не делом, а приобретением. Заполнить пустоту.

Знаю по себе, как часто в школе, и в институте преподаватели наполняют учеников винегретом знаний, забыв подставить чашу смысла. Знания – для экзаменов. Мировоззрение, порой размером с грецкий орех, формируется где-то в другом месте и без педагогических ухищрений. Воспитание получают все. Просто оно бывает разным.

У меня есть хороший знакомый – мастер завода им. Свердлова Валерий Тучин. Он борется за единый наряд. Это новая форма организации труда, резко повышающая его производительность и эффективность. Один Валерий, да немного я, знает, сколько ему пришлось натерпеться, сталкиваясь с косностью и рутинной. У Тучина нет американских «вранглеров». Хотя, человек нестарый, он, наверное, не отказался бы купить их в магазине – прочные и красивые. Но в магазине таких не продают. И Тучин обходится. Ему не до того.

Как-то, проходя мимо пивбара и глядя на толпу молодежи у входа (на этой толпе, наверное, ниточки не было отечественной), я подумал: среди них наверняка есть будущие инженеры. Хорошо, если они знают, чем сегодня живет завод. Будут бороться за новое, когда попадут в цех...

...Я не против пива и не против джинсов. Страшит пустота. Плохо, что многие молодые люди ничего не делают. Еще хуже, если от того, что они делают, ничего не меняется. На прилавках лежат джинсы с Серым волком на наклейке и туфли армейского образца.

Силы простаивают, вот что плохо. Что хватка деляческая, а не деловая. Что красивые джинсы вытерты дома наждачной бумагой, а не на работе.

Все те, кто не пришел на «барахолку» в воскресенье, и кто счастливо отделался испугом, и кто торгует «с умом», – желаю вам попасться «на ерунде», желаю поломки вашей налаженной жизни. Желаю вам сурового наказания... И протрезветь, наконец.

Думаю, что наше поколение выполнит свою задачу, которую ему отвело Время. Построит БАМ и много чего еще, напишет песни, вырастит новое поколение, впишет в историю имена своих героев.

Даже если вас среди них не будет.

***

Тем, кого интересует, будут ли повторяться такие рейды, могу ответить: будут. Числа называть я, пожалуй, не стану.

В. Константинов.

От редакции: фамилия Людмилы Б. не указывается, так как еще не принято решение о мере ответственности.

Молодая гвардия, Пермь. – 1979. – 17 июля.

Наш ликбез:

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г. предусмотрена ответственность за мелкую спекуляцию: штраф до 50 рублей.

Правила торговли на колхозных рынках, утвержденные решением областного Совета народных депутатов от 27 декабря 1977 г., запрещают торговлю новыми вещами, спиртными напитками, скупку и перепродажу вещей, а также обмен вещами и предметами, не бывшими в употреблении; продажу запчастей, драгоценных металлов, магнитофонных записей, значков, предметов религиозного культа, парфюмерных товаров и косметики, а также торговли на площадях и улицах.

Статья 154 УК РСФСР предусматривает наказания за скупку и перепродажу вещей с целью наживы до 3-х лет лишения свободы, в крупных размерах и при повторности – до 7 лет.

Публикация подготовлена Н.Ф. Захаровой.

«...Рынок – это особое место, центральная часть города и его «чрево» одновременно. Пожалуй, не было в истории российских рынков в целом в постоктябрьский период времени, когда бы покупатели были довольны ими. Пермскому жителю начала 1980-х годов рынок казался тесным, неуютным и убогим: даже здесь было трудно купить качественные продукты, разве что по невероятно высоким ценам. Монополистами и королями чувствовали себя торговцы «фирменными» вещами, свысока поглядывавшие на покупателя-недотепу. В свою очередь их «ловила» служба БХСС, пытаясь обвинить в преступной спекуляции. Словом, шла война всех против всех. В который раз рынок служил индикатором и своеобразным отражением жизни общества. Окончание эпохи «застоя», перестройка, вело к переменам в стране, к рынку в широком экономическом значении этого слова, а значит, новая жизнь начиналась и для пермских рынков, прежде всего – для Центрального».

Рынок – это целый мир: Пермь торговая. – Пермь: Пушка, 1997. – С. 143.

УЛИЦА ДОСТОЕВСКОГО В ПЕРМИ

18 февраля 2016 г. состоялось очередное заседание Общественного совета по топонимике при Пермской городской Думе, на котором было рассмотрено сразу несколько инициативных предложений. В частности, Пермское отделение Российского общества по изучению жизни и творчества Ф.М. Достоевского предложило к предстоящему 195-летию со дня рождения великого русского писателя переименовать улицу 2-я Луначарского в Ленинском районе г. Перми в улицу Достоевского.

Пермское отделение Российского общества Достоевского было создано в 2007 году. По словам председателя общества Олега Сыромятникова, выступившего с этой инициативой, вопрос о появлении в Перми улицы Достоевского обсуждается уже несколько лет. Еще в 2009 г. О Сыромятников говорил:

«Имя Ф.М. Достоевского известно всему миру, это – самый читаемый за рубежом русский писатель. Но даже не все пермяки знают, что он дважды бывал в Перми и затем упоминал ее в своем творчестве, а между тем имени Достоевского нет на карте города. Даже крохотная улочка на задворках Мотовилихи, носившая некогда его имя, сегодня исчезла совсем».

Все затраты, которые повлечет принятие предложения по переименованию, берет на себя Пермское отделение Российского общества Ф.М. Достоевского. Члены совета согласились с доводами лидера инициативной группы и одобрили проект¹. Постановлением администрации города от 05.04.2016 г. № 225 было решено переименовать ул. Луначарского 2-ю в ул. Достоевского.

Улица Достоевского в городе действительно уже была, в микрорайоне Рабочий поселок, Мотовилихинского района. Более того, до 1940 г. она называлась улицей... Луначарского. Решением исполкома Молотовского городского Совета № 220 от 7 апреля 1940 г. улица Луначарского была переименована в улицу Достоевского. На плане г. Молотова на ней указаны дома № 1-15 и № 2-20. Из справочника «Улицы Перми» по состоянию на 1 января 1975 г.: «Достоевского ул. Мотовилихинский район, ж. р-н Рабочий поселок. Между ул. Грачева и Никулинской. ГОС—21; авт. 1; трамв. 1, 4, 6».

Эти же сведения есть и в справочнике «Улицы Перми» по состоянию на 1 июля 1992 г. (изд. 4-е, доп., «Пермская книга», 1992). Однако в начале 1990-х годов в ходе перепланировки района эта улица исчезла². Сейчас приблизительно на этом месте стоят здания по ул. Хрустальной, 13а и 15.

Вот что вспоминает Нина Викторовна Старцева, жительница Заивы:

«Улица Достоевского проходила примерно там, где сейчас детский садик № 221 по ул. Хрустальной, 13а. Состояла она из частных деревянных одноэтажных домов, в которых жили рабочие завода им. Ленина. Всего построек было чуть больше десятка. Здесь жили: Сошины (Дмитрий Сошин преподавал в техникуме им. Славянова), Гуляевы, Закурдаевы, Катаргины, Бакеевы, Ульяновы, Пономаревы, Козьминых, Файзулины».

Улица 2-я Луначарского называлась ранее Вознесенской. Она сменила имя согласно постановлению Пленума уездного исполкома № 24 28 июля 1920 г.³ Е.А. Спешилова пишет в своей книге «Старая Пермь»:

«...Односторонняя улочка в полтора квартала (на картах нач. XIX века – без названия); шла она от Разгуляя вдоль тюремной площади, превратившейся в 1884 году в Анастасьевский сад (сейчас – сад Декабристов), до Верхотурской (Н. Островского); номера же домов – с 1-го по 13-й – шли в обратном направлении. В наше время эта улочка называется 2-я Луначарского»⁴.

Согласно справочной книги «Вся Пермь» на 1910 г. домовладельцами на этом отрезке улицы Вознесенской были:

- д. 1/21 – Григорьев Владимир Викторович, штабс-капитан 194-го пехотного Трицко-Сергиевского полка⁵,
- д. 2 – Савельева Екатерина Филипповна,
- д. 3¹ – Сперанская Александра Юлиановна⁶,
- д. 3 – Овчинникова Ольга Васильевна⁷,
- д. 4 – Струсович Анна Павловна, жена потомственного дворянина⁸,
- д. 5 – Фурман Сергей Яковлевич, член правления Пермского общества трудовой помощи⁹,
- д. 6 – Черногоров Александр Порфирьевич, член Пермской губернской земской управы, общественный деятель¹⁰,
- д. 7 – Ожгибесова (Ожгибенцева) Анна Дмитриевна¹¹,
- д. 8 – Спиридонов Михаил Федорович¹²,
- д. 9 – дом старокладбищенской церкви,
- д. 10 – Королёв Василий Иванович,
- д. 11 – Вечтомов Николай Александрович, служащий в Пермском отделении Волжско-Камского банка¹³,
- д. 12 – Окулов Осип (Осий) Клементьевич¹⁴,
- д. 13 – Князев Василий Никандрович¹⁵.

Сейчас 2-я Луначарского проходит от ул. Парковой до ул. Н. Островского, между ул. Екатерининской и Луначарского. Улица занимает два квартала, длина её около 500 метров. На сегодня дома имеют следующую нумерацию: 2, 2/3, 3, 3а, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12.

Выглядит улица, мягко говоря, непрезентабельно. Она застроена, в основном, двухэтажными деревянными домами дореволюционной постройки. Всего домов – 11, из которых одноэтажных только три.

В домах от трех до десяти квартироръемщиков. Некоторые дома имеют красивые резные наличники, крылечки и балконы. В 1998 г. почти все они с земельными участками были выставлены на прода-

жу с последующим расселением жильцов. Какое-то время дома еще стояли. Но в июле 2015 г. обвалился двухэтажный аварийный барак на ул. 2-й Луначарского, 3а¹⁶.

В начале апреля 2016 г. произошло частичное разрушение торцовой стены двухэтажного четырехквартирного жилого дома уже по новому адресу: ул. Достоевского (2-я Луначарского), 4. Дом был возведен еще до 1917 г. (жители называют 1847 и 1857 гг.). На территории квартала № 117, где произошло ЧП, все дома однотипные: двухэтажные деревянные, в аварийном состоянии. В трех из них есть муниципальное жилье. В этих домах расселение медленно, но верно происходит. Есть и заброшенные дома, в частности – дом № 8. Да и в других жителей поубавилось. После разрушения торцовой стены дома по ул. Достоевского, 4, жильцы в нём не живут, а около здания для охраны имущества жильцов стоит автомобиль с сотрудником охранной фирмы «Цербер».

Расселение дома № 4 за счет бюджета администрация города не планировала, так как он находится в частной собственности. Более того, по данным на 2015 год у жилого строения площадью 132 кв. м (4 квартиры) – 74 собственника.

Вот как описывает ситуацию с жильем на этой улице Игорь Плюсин в газете «Пермский обозреватель» за 9 апреля 2016 г.:

«Соседние дома тоже постепенно разрушаются: где балкон упадет, где целый угол (правда, нежилой). Вынужденные ютиться в разваливающемся на глазах муниципальном жилье, пермяки давно бьют тревогу, но расселять их не торопятся. А ведь здесь никаких проблем с собственниками нет. Как рассказали жители дома № 2 (по их словам, 1909 года постройки), он давно признан аварийным, но в нем до сих пор постоянно проживает семь человек: одинокая бабушка и семья с двумя несовершеннолетними. Отопление печное, газа нет, все «удобства» – на улице»¹⁷.

На вопрос автора статьи, когда городская администрация обещает дома расселить, жители назвали 2017 год.

Администрация Перми рассчитывала расселить квартал № 117 за счет инвестора еще в 1989–1991 гг. В 2013 г. было принято решение о развитии застроенной территории квартала. Всем собственникам направили письма, в которых им было предложено принять решение о сносе или реконструкции дома. Однако никаких мер собственниками принято не было. В 2014 г. администрация была готова провести аукцион по развитию квартала. Правда, в данном случае из-за объекта культурного наследия регионального значения здесь максимум, что разрешено – трехэтажное строительство. Естественно, найти инвесторов в сложившейся ситуации крайне сложно, и пока таковых нет¹⁸.

Трудно сейчас предположить, как будет выглядеть улица после расселения жителей и сноса всех ветхих домов. Остается надеяться, что она примет, наконец, облик, соответствующий присвоенному ей имени – великого русского писателя Ф.М. Достоевского.

В заключение приведу сведения о связях Достоевского с Пермью, со слов писателя и краеведа Владимира Гладышева.

Нужно представить себе, что это такое – путешествие ссыльного невольника в кандалах весом 10 фунтов, это около пяти килограммов (для сравнения: оковы знаменитого нырбского узника боярина Михаила Никитича Романова весили около двух пудов, это более 30 кг). Да еще нужно учесть, что передвигаться Достоевскому пришлось в жуткий холод, в ту зиму доходило до сорока градусов. Тоска и тяжесть на душе. В письме брату Михаилу (написанном только спустя четыре года, по окончании каторжного срока, раньше писать было нельзя) писатель признается:

«...Мы мерзли ужасно. Одеты мы были тепло, но просидеть, например, часов 10, не выходя из кибитки, было почти невыносимо. Я промерзал до сердца... Грустная была минута переезда через Урал. Лошади и кибитка завязли в сугробах. Была метель. Мы вышли из повозок, это было ночью, и стоя ожидали, покамест вытащат повозки. Кругом снег, метель; граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба в ней, позади все прошедшее – грустно было, и меня прошибли слезы...»

Перечитаем эти отчаянные строки: «Впереди Сибирь, и таинственная судьба в ней, позади...» Столь горькие впечатления не могли не отразиться в его творчестве. Героиня романа «Униженные и оскорбленные» говорит:

«Место-то ему, Иван Петрович, выходит, только как подумаю, что в Перми, так и захолонет у меня на душе».

Однако писатель пережил и светлые впечатления от пермского края. Возвращаясь из Сибири в июле 1859 года, Федор Михайлович написал своему верному другу А. И. Гейбовичу поистине неожиданные слова:

«...Великолепные леса пермские и потом вятские – совершенство. Но в Перми уже мало замечаешь пустырей по дорогам: все запахано, все обработано, все ценится. Так, по крайней мере, мне показалось... В один прекрасный вечер, часов в пять пополудни, скитаясь в отрогах Урала, среди лесу, мы набрели, наконец, на границу Европы и Азии. Превосходный поставлен столб с надписями, и при нем в избе инвалид. Мы вышли из тарантаса, и я перекрестился, что привел, наконец, Господь увидеть обетованную землю...».

Опять Урал, только летний, и снова граница Европы и Азии, но восприятие «мизансцены» уже совершенно иное, чем в первый раз, просто полярное. По-человечески это вполне объяснимо. Путешественника ждут манящие дали, открываются потрясающие перспективы, он может гулять на свободе, в лесу, собирать землянику – неудивительно, что наша местность показалась Достоевскому землей обетованной. Но самое пронзительное воспоминание, конечно, – о том периоде, когда он «промерзал до сердца».

Владимир Гладышев:

«Пермская организация Союза писателей России, Общество Ф.М. Достоевского и «Пермский краевед» планируют в год юбилея русского классика установить бюст писателя (место конкретизируется), а также установить мемориальную доску в честь писателя. Наиболее подходит для этого здание бывших конвойных рот по ул. Сибирской, 37, это памятник архитектуры местного значения. Неизвестно точно, здесь ли конкретно содержали партию кандалников, документов на сей счет не обнаружено. Сам писатель конкретного места не называет. На доске предлагается следующий текст:

«Это здание, построенное для конвойной команды (1-я половина XIX в., архитектор И.И. Свиязев), является немым свидетелем того, как в январе 1850 года по Сибирскому тракту на каторгу проследовал Федор Михайлович Достоевский, будущий великий русский писатель».

1. *Баталина Ю.* Галицкий всегда против // Новый компаньон. – 2016. – 1 марта.
2. Улицы Перми: справочник. – Пермь, 2002. – С. 192.
3. То же. – С. 118.
4. *Спешилова Е.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723–1917. – Пермь, 2003. – С. 118.
5. *Субботин Е.П., Серов М.И.* Пермь: жители и гости. 1723–1924: словарь. – Книга 1: А-Л. – Пермь, 2006. – С. 146.
6. То же. Книга 2: М-Я. – Пермь, 2006. – С. 233.
7. То же. С. 79.
8. То же. С. 242.
9. То же. С. 300.
10. То же. С. 321.
11. То же. С. 80.
12. То же. С. 234.
13. *Субботин Е.П., Серов М.И.* Пермь: жители и гости. 1723–1924: словарь. – Книга 1: А-Л. – Пермь, 2006. – С. 101.
14. То же. Книга 2. М-Я. – Пермь, 2006. – С. 82.
15. То же. Книга 1. А-Л. – Пермь, 2006. – С. 253.
16. АиФ Прикамье. – 2015. – № 31.
17. *Плюснин И.* Мертвый квадрат // Пермский обозреватель. – 2016. – 9 апр.
18. *Калинина А.* Расселить «пчелиный улей» // Звезда. – 2016. – 7 апр.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

А.Б. Кудымов

ПЕРМСКАЯ ПРОБИРНАЯ ПАЛАТКА: ЗАВЕРШЕНИЕ ИСТОРИИ И СНОС ЕЁ ЗДАНИЯ В НАЧАЛЕ 80-Х ГГ. XIX В.

Настоящая статья представляет собой небольшое дополнение к истории Пермской пробирной палатки в XIX веке, уже опубликованной автором ранее¹. Здесь конкретизируются и уточняются некоторые аспекты деятельности данного учреждения, в какой-то степени проясняется его дальнейшая история.

В частности, в архивном документе от 21 февраля 1821 г. сохранился трагикомичный упрёк пермского пробирного мастера Жукова в адрес Пермской городской думы по поводу нежелания таковой выстроить здание палатки — *«единственно (так сказать) по мнимо неизвестному ея распоряжению»*.

В этом же документе от Пермского губернского правления сообщается:

«...построение пробирной палатки не зависит от распоряжения здешней градской думы, ... так равно и незделании ныне просимых им пробирных вещей и инструментов состоит виновною не градская дума, а сам он, пробирный мастер, потому что он в заведении таковых инструментов никогда никакого настояния не имел, почему и подтвердить ему, Жукову, чтобы он впредь от несправедливых донесений удержался под опасением за противное сему должного по законам взыскания»².

Как видно из содержания, документ характеризует весьма непростые взаимоотношения пермского пробирного мастера Жукова, как, впрочем, его предшественников и последователей на этой должности, с местным городским самоуправлением. Причина же «натянутости» отношений была до банальности проста. Всё дело в том, что строительство и содержание здания палатки и содержание пробирного мастера в указанное время целиком лежало на обязанности городских обществ губернии, в т.ч. и г. Перми, а сам он ни по какому из названных городских обществ как плательщик податей не числился, и никому в виду специфики своей должности, кроме как губернатору, на местном уровне не подчинялся. В силу этого «пробирер» по закону освобождался от платежа подушных податей и разного рода натуральных повинностей в пользу местного самоуправления, что порой нередко вызывало недовольство и недоумение у местных властей. Попытки же со стороны последних под разными предлогами привлечь

пермских пробирных мастеров, как, например, Николая Казанцова в 1812 г., к платежу подушных податей и отправлению натуральных повинностей производились ими постоянно и систематически³, и положение пермского пробирного мастера по этой причине в буквальном смысле иногда становилось «хуже губернаторского».

И этот вопрос долго бы ещё будировался сторонами, пока не получил своего окончательного и недвусмысленного разрешения, по видимому, после указа Пермского губернского правления от 30 ноября 1848 г. Пермской городской думе о подчинении пермской пробирной палатки только своему ведомственному начальству, а в г. Перми — только пермскому губернатору и более никому другому⁴.

«Ведомственность» же палатки заключалась в подчинении её Московскому горному правлению, а последнего соответственно департаменту горных и соляных дел министерства финансов. На местном же уровне всё необходимое содержание палатки легло на обязанность пермского городского старосты, а жалованье пробирному мастеру зачастую выдавалось из доходов приуральских городов Пермской губернии⁵.

Наконец, несколько позже, а именно 2 ноября 1854 г. отношением губернского правления в Пермский городской магистрат здешний пробирный мастер был избавлен от обязательного представления им соответствующих сведений по роду деятельности учреждения в адрес местной полиции⁶. В силу чего по понятным причинам в пермских архивах так и не удалось найти ни одного документа по прямому профилю деятельности пермской пробирной палатки за последние 30 лет её работы. Вдобавок к сказанному, в конце 1866 г. с этого учреждения был снят ещё и обязательный контроль за местными дантистами⁷.

Об условиях функционирования пермских пробирной палатки и мастера говорилось в небольшом сообщении пермского городского старосты Рябинина в городскую думу от 4 декабря 1863 г. По словам старосты, она помещалась во флигеле, принадлежавшем городскому обществу, отопление и освещение которого производилось со счёта общественной кассы. Из этой же кассы отпускалось по 5 руб. в месяц на наём квартиры для пробирера, а на содержание в палатке нижних служителей никакой суммы не отпускалось. Для неё нанимался сторож на счёт мещанского общества с платою по 2 руб. за месяц из производящегося с общества сбора по 70 коп. с ревизской души⁸.

Об одном из последних пробирных мастеров, или, точнее сказать, об исправлявшем должность пробирера местной палатки Ив. Ив. Голдобине, повествует его краткий формулярный список, составленный 20 декабря 1867 г. в Пермской казённой палате и начатый со времени его вступления в означенную должность:

«Вследствие высочайшего повеления, объявленного в приказе по корпусу горных инженеров от 15 марта 1852 г. за № 8, переименован в урядники 3 статьи 1852 г. апреля 15.

Получил светлую бронзовую медаль в память войны 1853—1856 гг. на Владимирской ленте 1856 г. августа 26.

Произведён в урядники 2 статьи 1859 г. апреля 8.

На осн. высочайше утверждённого 8 марта 1861 г. положения о горнозаводском населении казённых горных заводов, изъяснённого в предписании департамента горных и соляных дел от 8 марта 1863 г. за № 301, переименован в канцелярские служители 3 разряда 8 марта 1861 г.»⁹

Более об этом человеке почти ничего неизвестно, кроме как время его кончины в Перми — 21 сентября 1869 г.¹⁰

Само Пермское пробирное учреждение было закрыто с 1 января 1872 г. по распоряжению министра финансов, причём с рекомендацией местным мастерам серебряных дел обращаться для клеймения своих изделий и сплава металлов в таковое же Екатеринбургское заведение¹¹.

Причина закрытия Пермской пробирной палатки, вероятнее всего, заключалась в чрезмерных, по мнению финансовых властей, издержках на её содержание, в то время как рядом функционировала более рентабельная другая палатка, которая давала более (а позднее — в разы) высокий объём оборота драгоценных металлов. В частности, уже в 1828 г. по подобному показателю Екатеринбургская палатка в 1,8 раза превосходила Пермскую¹². Со временем этот разрыв по объективным причинам только усиливался, не говоря о заметном росте количества мастеров данного цеха у наших соседей.

Что касается последующей истории здания бывшей пробирной палатки, то имеется упоминание от 26 февраля 1872 г. о том, что уже тогда оно было занято Пермским Марьинским общественным банком, который располагался, если верить источникам, в нём вплоть до 1876—1877 гг.¹³

Немного позднее, с 1 февраля 1877 г. этот дом «на углу возле здания убежища бедных детей» был сдан в аренду на два года, предположительно, пермскому мещанину И. Рифману. Арендатор в 1878 г. уплатил за него в городскую казну 120 руб.¹⁴

Следует упомянуть о пожаре 2 ноября 1879 г., возможно, в этом же здании — в лавке, принадлежащей городскому обществу и арендуемой пермским мещанином И. Рифманом. Убыток от пожара составил 10 руб.¹⁵

О характере и форме использования И. Рифманом арендованной лавки никаких конкретных сведений найти не удалось. Однако известно, что использовать городские строения в районе площади Петропавловского собора, в том числе и здание бывшей пробирной па-

латки, для розничной продажи горячительных напитков запрещалось обязательным постановлением городской управы¹⁶.

Никаких иных сведений по зданию пермской пробирной палатки в нашем распоряжении не имеется. Остаётся предположить, что из-за своей внутренней планировки оно было не очень удобным для постоянного проживания и стояло на путях выхода с площади Петропавловского собора, где в то время постоянно проходили военные смотры и разводы караулов местного гарнизона. Строение, особенно после упомянутого пожара и по мере завершения поблизости строительства кирпичных солдатских казарм, могло мешать маневрам и перестроениям воинских частей, в результате чего, вероятно, после ноября 1879 г. и было снесено.

В заключение стоит добавить, что начиная с 1888 г. пробирные услуги населению частично стал оказывать и Пермский городской ломбард, заполняя тем самым возникший после закрытия палатки вакуум с начала 1872 г., и в какой-то степени удовлетворяя спрос на них в г. Пермь.

¹ См.: Кудымов А.Б. Краткая история появления и строительства в Перми пробирной палатки (на основе архивных материалов конца XVIII—XIX вв.). // Пермский дом в истории и культуре края: материалы 6-й науч.-практ. конф. — Пермь, 2013. — С. 21-28.

² ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 192. Л. 53об., 56об.

³ Там же. Д. 107. Л. 349.

⁴ Там же. Д. 347. Л. 940.

⁵ Там же. Д. 360. Л. 248.

⁶ ГАПК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 189. Л. 15об.

⁷ ГАПК. Ф. 177. Оп. 2. Д. 18. Л. 18.

⁸ ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 422. Л. 699-699об.

⁹ ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1106. Л. 50, 51.

¹⁰ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 312. Л. 211об.

¹¹ ПГВ. — 1872. — 12 янв. (№ 4), офиц. часть. Текст подобного распоряжения министра финансов и источник его публикации остались невыясненными.

¹² ГАПК. Ф. 111. Оп. 2. Д. 7. Л. 18об.

¹³ ПГВ. — 1872. — 26 февр. (№ 17), офиц. часть; Отчёт Пермской городской управы за 1876 г. — Пермь, 1877. — С. 19; Отчёт Пермской городской управы за 1877 г. — Б.м., б.г. — С. 22.

¹⁴ Отчёт Пермской городской управы о доходах и расходах за 1878 г. — Б.м., б.г. — С. 22.

¹⁵ ПГВ. — 1879. — 17 нояб. (№ 92), неоф. часть.

¹⁶ ПГВ. — 1878. — 2 дек. (№ 96), оф. часть.

ГОСТИНЫЙ ДВОР В ПЕРМИ: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ В ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА И ЭКСПЛУАТАЦИИ ЗДАНИЯ

Гостинный двор — традиционное название длинных торговых рядов в российских городах. В XVI—XVII вв. гостиные дворы строились в виде площадей с галереями. В XVIII веке галереи начинают возводить по периметру площадей, а в центре площади (во внутреннем дворе) устраивать склады. Галереи строились в виде аркад. В них размещались лавки купцов и магазины. Иногда вместо аркад строились колоннады. Сохранившиеся до нашего времени гостиные дворы, построенные в XVIII—XIX вв. в стиле классицизма, зачастую занимали целые городские кварталы. Гостиные дворы к началу XX века имелись почти во всех значительных городах Российской империи: Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске, Казани, Оренбурге, Калуге, Костроме, Ейске, Ярославле, Тамбове, Пскове, Нижнем Новгороде, Астрахани, Красноярске, Тюмени, Рязани, Вытегре, Саратове, Ростове Великом, Верхнеудинске, Иркутске, Уфе, Владимире, Суздале и др.

Несколько городов Пермской губернии также имели собственные гостиные дворы: Пермь, Екатеринбург, Соликамск, Кунгур, Чердынь, Ирбит, Камышлов и др. История Пермского Гостиного двора до сих пор изучена плохо и ждет своего исследователя.

В 1780 г. императрица Екатерина II подписала указ о создании Пермского наместничества, его столицей должен был стать город Пермь. Построить его решили на высоком левом берегу Камы, рядом с небольшим поселком Егошихинского медеплавильного завода. Согласно генеральному плану застройки 1784 года, губернская столица должна была иметь несколько площадей. Одну из них проектировали в центре города, позднее именно ее называли Главной. Изначально на площади разместился большой рынок, где торговали хлебом и различным продовольствием. В настоящее время на этой территории, охватывающей два квартала между улицами Сибирской, Торговой (Советской), Обвинской (25-го Октября) и Покровской (Ленина), расположен Театр оперы и балета им. П.И. Чайковского и сквер вокруг него.

Гостинный двор был построен здесь лишь в 1802 г. и простоял до 1929 г. Место для строительства торгового центра было выбрано не случайно. Улица Сибирская с одной стороны имела выход к камским

причалам, что было удобно для завоза товаров по реке; с другой стороны улица переходила в Сибирский тракт, по которому доставлялись товары из Сибири, с Ирбитской ярмарки¹. Улица Петропавловская выходила к другому большому городскому рынку (Черному), далее, свернув на ул. Осинскую, можно было выбраться к Казанскому тракту, связывавшему город с европейской частью России.

2 сентября 1799 г. губернатор К.Ф. Модерах написал городской думе:

«...предлагаю – как по опробованному плану положено там гостиный двор построить весьма обширно, квадратом на четыре стороны, и лавки расположены в два ряда, снаружи и внутри; здешнее же гражданство такого огромного строения произвести не в состоянии, то и почитаю я на первый случай достаточным выстроить только один фас и лавки расположить только с одного лица, а позади оных, во внутренности гостиного двора, ежели пожелают, устроить кладовые»².

В 1800 г. губернатор Модерах распорядился начать строительство гостиного двора на Главной площади. Руководство строительством было поручено купцу Ивану Романовичу Жмаеву, избранному в 1799 г. первым бургомистром Перми, а с 1802 по 1805 г. занимавшему пост городского головы. На чугунной доске, позже вделанной в стену двора, обращенную к театру, была сделана надпись:

«По Высочайше опробованному плану, старанием его превосходительства пермского гражданского господина губернатора и разных орденов кавалера Карла Федоровича Модераха, в первых начался сей гостиный двор строить пермским купцом и бургомистром Иваном, Романовым сыном, Жмаевым, мая в 15 день 1800 года»³.

В 1802 г. (по другим данным в 1804 г.) гостиный двор, возведенный на купеческие деньги, был готов и стал гордостью пермяков. Квадратное в плане здание, опоясанное аркадой, должно было вмещать 60 торговых лавок. Первоначально 11 лавок из 60 принадлежали Жмаеву, остальные – другим пермским купцам, сообразно тому вкладу, который они внесли в строительство двора. Впоследствии лавки перепродавались и переходили от одного владельца к другому. Гостиный двор имел внутренний дворик и ворота с каждой из четырех сторон. Нумерация лавок шла от северных ворот, против часовой стрелки. Двери лавок отворялись наружу. При лавках находились кладовые. Стены здания были «вышиною от фундамента 6, а в лавке вышины 3,5 аршина, двери в 3, а шириною 4 аршина»⁴. Впрочем, по сравнению с гостиными дворами других губернских городов, пермский — выглядел скромно. Так, гостиный двор в Оренбурге состоял из 300 лавок⁵.

Каменная часовня во имя Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского в память Отечественной войны 1812 года появилась во внутреннем двореке гостиного двора позднее. Часовня была приписана к Рождество-Богородицкой церкви⁶. Внутри гостиного двора также были посажены деревья.

В 1880 г. Пермская городская управа, занимавшаяся вопросами налогообложения, решила выяснить: составляет ли земля, занятая гостиным двором, собственностью города, или принадлежит частным лицам, владеющим лавками гостиного двора. Городская управа, изучив свои архивы, установила:

1. Вопрос о постройке гостиного двора в Перми возник еще в 1790 г. при существовании бывшего наместничества. Вопрос был инициирован правительством, которое дело устройства гостиных дворов проводило «как общую меру устройства городов повсеместно».

2. Пермские купцы обсудили указ Пермского наместнического правления о построении каменного гостиного двора, изъявили согласие на постройку такового.

3. Отвод места под здание гостиного двора последовал в 1797 г. по Высочайшему соизволению.

4. План на постройку здания был утвержден губернатором Модерахом 20 августа 1800 г.

5. В 1825 г. губернатор Тюфяев предлагал городским властям выкупить лавки гостиного двора у частных владельцев. Однако предложение это не было осуществлено.

6. К 1880 г. 11 лавок гостиного двора все же оказались в собственности города, две принадлежали городским храмам (№ 18 – Петропавловскому собору, № 19 – Рождество-Богородицкой церкви), остальные 47 – частным владельцам.

7. У большинства частных владельцев были документы, подтверждающие права на лавки, но не было документов на право владения землей, занятой лавкой. Лишь одна лавка (№ 52) числилась проданной по «купчей крепости» от 25 ноября 1825 г. от титулярного советника Сведомского почетному гражданину Ивану Любимову вместе с землей⁷.

Учитывая это обстоятельство, Городская управа решила вместо налога, который рассчитывался исходя из доходности лавки, установить для владельцев частных лавок арендную плату за пользование городской землей. Размер этого платежа определялся в 4% от стоимости лавки. Исключение делалось для лавки № 52 и городских лавок. Размер арендной платы был больше, чем размер налогов, что позволило увеличить поступления в городской бюджет.

К 1880 г. было завершено строительство каменного городского театра напротив гостиного двора по улице Петропавловской. 6 ноября 1896 г. Пермские губернские ведомости писали:

«По примеру прежних зим на площадке у гостиного двора, против городского театра, к 1 ноября устроен и открыт для общественного пользования каток и ледяная горка...»⁸

26 сентября 1899 г. официальный орган Пермской губернии сообщал о завершении перестройки части гостиного двора для городского ломбарда:

«Остается лишь разгородить помещение на отделения; перегородки будут, конечно, деревянные. Помещение будет весьма приличное и светлое, длиной около 25, шириной около 4 сажень»⁹.

По всей видимости, проект создания ломбарда в части помещенной гостиного двора, предполагал объединение нескольких лавок в одно помещение и изменение фасада здания в данном месте.

В 1904 г. городские власти уже владели 19-ю лавками гостиного двора. Восемь лавок были выкуплены у частных лиц или перешли к городу по актам дарения. Кроме того, шли переговоры о приобретении еще 12-ти лавок от наследников И.И. Любимова. Таким образом, город становился собственником половины гостиного двора (31 лавка из 60)¹⁰.

Согласно архивным документам, в 1904 г. за городским ломбардом числились лавки № 1-9, 12-15, 27, 41, 49-56, 58, 59¹¹.

В «Пермских губернских ведомостях» в те годы регулярно публиковались объявления об аукционных распродажах различных предметов, оставленных в ломбарде под залог и невыкупленных своевременно. Аукционы проводились в помещении ломбарда¹².

В 1904 г. городская дума вновь повысила размер арендной платы для владельцев частных лавок. Крупными владельцами частных лавок в гостинном дворе в 1904 г. оставались: купчиха М.Т. Кисилева (№ 34-39), торговый дом братьев Каменских (№ 42-46), наследники К.А. Сорокина (№ 25, 28-30)¹³.

В торговом доме Сорокина продавались: стекло, алмазы, краски, олифа, лаки, кисти, щетина, линолеум, обои, гвозди, цемент, железо, посуда и москательные товары¹⁴. По две лавки принадлежали А.П. Кропачеву (№ 48, 57), П.П. Суслову (№ 32, 33), наследникам Дедюхина (№ 11, 60). Пятью лавками владел мастер Г.К. Харитонов (20-24). Он же арендовал еще и городскую лавку № 26. В его помещениях располагались магазин и мастерская, в которых производилась и продавалась разнообразная церковная утварь: иконы, киоты, альбомы, мельхиор, иконостасы, а также, карманные и настенные часы, цепи, броши, браслеты, кольца, серьги, кулоны и др.¹⁵

После Октябрьской революции 1917 года судьба гостиного двора была предрешена. В 1929 г. обветшавший гостинный двор и часовня внутри него были разобраны комсомольцами. На месте гостиного двора разбили сад, названный Комсомольским сквером. В 1954 г. в центре Комсомольского сквера был установлен памятник В.И. Ленину. В настоящее время этот сквер носит название Театрального.

¹ Баяндина Н.П. Рынок – это целый мир. — Пермь, 1997. — С. 49.

² Овсянников А.И. Пермь – 285 лет: из века в век переходя. 1723 — 2008 гг. — Екатеринбург, 2008. — С. 98.

³ Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии. — Пермь, 1891. — С. 133.

⁴ Овсянников А.И. Пермь – 285 лет... С. 98.

⁵ Аверина Н.Ф. Пермь в эпоху Модераха. — Пермь, 2006. — С. 83.

⁶ Православные святыни земли Пермской: справочно-информационное издание на CD. ГКБУ ГАПК. — Пермь, 2012.

⁷ Журналы Пермской городской думы за 1883 г. — Пермь, 1884. — С. 53.

⁸ ПГВ. — 1896. — 6 нояб. (№ 237).

⁹ ПГВ. — 1899. — 26 сент. (№ 208).

¹⁰ Журналы Пермской городской думы за 1904 г. — Пермь, 1905. — С. 2.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² ПГВ. — 1906. — 12 янв. (№ 9).

¹³ Журналы Пермской городской думы за 1904. — Пермь, 1905. — С. 6.

¹⁴ Пермский дом в истории и культуре края: материалы 7-й науч.-практ. конф. — Пермь, 2014. — С. 16.

¹⁵ Вся Пермь: справочная книга на 1911 г. — Пермь, 1911. — С. 18.

ИЗ ИСТОРИИ СТАРЕЙШЕЙ ШКОЛЫ МОТОВИЛИХИ (ул. Уральская, 67)

Развитие городов, промышленности и торговли было невозможно без наличия грамотных, образованных людей, и поэтому совсем не случайно рядом с заводами строятся не только административные здания, церкви и казармы, но и школы.

В Заводе Мотовилиха, как тогда называлось поселение, возникшее вокруг медеплавильного завода на реке Мотовилихе, первую школу мы видим на плане 1843 года, примерно в том месте, где сейчас находится въезд на рынок. Скорей всего, это была обычная деревянная изба на 2-3 комнаты и, конечно, долго просуществовать не могла, т.к. место это вскоре заняла расширившаяся торговая площадь.

С началом постройки Пермского сталепушечного завода, а затем Пермского чугуно-пушечного завода и их слияния в одно мощное предприятие – Пермские пушечные заводы — население Мотовилихи резко возросло. Если в 1787 г. здесь проживало 1265 человек, то в 1863 г. – уже 6659 человек. В 1870-е гг. дети в Мотовилихе могли получить образование в мужском и женском земских училищах, размещавшихся на втором этаже Волостного правления, и в приютском училище, чье здание до сих пор используется по его прямому назначению. О нем мы расскажем поподробнее.

Судя по документам, уже в 40-е гг. XIX в. на месте нынешней школы № 48 существовал детский приют¹. На плане 1843 года он обозначен под № 15 как «богадельня Пермского завода». Он располагался на землях Горного ведомства и был построен для ставших сиротами детей мастеровых медеплавильного завода. По Высочайшему повелению 23 ноября 1873 г. здание приюта, а также все хозяйственные постройки и землю, занятую посадками огородных культур и садом, передали приюту в постоянное и безвозмездное пользование. По сложившейся в те годы традиции, руководство всей хозяйственной стороной жизни приюта осуществлялось женой действующего на тот или иной период горного начальника. Так, в 1890-х гг. попечительницей приюта была Варвара Васильевна Славянова, жена великого инженера-изобретателя электросварки и горного начальника Пермских Пушечных Заводов. По воспоминаниям воспитанников, «она была исключительно чуткой и отзывчивой женщиной»².

В разные годы количество воспитанников приюта составляло от 40 до 60 человек. В течение года их число пополняли 5-7 новичков и столько же становились его выпускниками. Например, в

1900 г. здесь воспитывалось 53 ребенка в возрасте от 5 до 12 лет. Содержание одного воспитанника обходилось заводу в 5 рублей 43 копейки в месяц³. Шли на содержание приюта, в основном, средства рабочих и служащих – с них удерживалось 0,5% заработка, в год набегало от 4 до 13 тыс. рублей. В целом же на содержание приюта тратилось до 39 тысяч рублей в год. Недостающую сумму выделяла администрация завода.

В 1876 г. в Мотовилихе было создано Дамское попечительство о бедных. Дамы стали энергично собирать дополнительные средства: устраивали спектакли, находили благотворителей, вкладывали деньги в ценные бумаги.

В связи с расширением завода и ростом населения Мотовилихи на рубеже XIX и XX вв. старое деревянное здание приюта перестало удовлетворять предъявлявшимся к нему требованиям. Территория Заивы в эти годы активно застраивается жилыми домами мастеровых и казенными домами для служащих завода. Так, в частности, возводятся водонапорная башня, призванная обеспечить водой строящийся заводской госпиталь, дома инженеров, на улице, названной в их честь – Инженерной (ныне Анри Барбюса). Встал вопрос и о постройке нового здания приюта.

Из отчета Дамского попечительства о бедных за 1900 г. видно, что к 1901 г. был окончательно решен вопрос о постройке нового здания приюта, ввиду ветхости и тесноты прежнего. Причем разрешение было получено на постройку двухэтажного каменного здания, которое своими объемами и высотой должно было резко выделяться на фоне деревянной застройки Заивы. Когда сумма пожертвований достигла 18 тыс. рублей, стройка началась⁴. К сожалению, пока не удалось установить точно имени архитектора — автора проекта здания. Мы можем только предположить, по ряду признаков, что это был заводской специалист. Им мог быть механик и заводской архитектор, горный инженер, князь Михаил Давыдович Назаров, спроектировавший в 1897 г. здание второклассной женской церковно-приходской школы, что располагалась рядом со Свято-Троицким храмом. А мог — и механик-архитектор, горный инженер, коллежский советник Николай Алексеевич Мякотин, по чьему проекту была возведена в ноябре 1903 г. школа в Запруде. В любом случае, характерные для построек начала XX в. элементы кладки окон, карнизов и пилястр мы можем увидеть в оформлении заводских зданий возведенных в этот же период, а лестница украшена чугунными балясинами, идентичными тем, что украшают заводоуправление, возведенное в 1900 г. На них изображение выпускавших заводом снарядов.

Появление нового здания приюта позволило не только разместить жилые комнаты воспитанников, но и открыть для детей начальное народное училище с трехгодичным курсом обучения, в котором учились не только приютские дети, но и те, кому не хватало мест в мотовилихинских школах и училищах. Ученики получали хорошее образование, включавшее как общеобразовательные предметы, в т.ч. два языка, танцы, этикет, так и профессиональные навыки. Мальчики обучались переплетному делу, девочки – ткацкому ремеслу и рукоделию. Всех воспитанников обучали счетоводству.

Воспитанники приюта активно участвовали в общественной жизни дореволюционной Мотовилихи. Так, когда началась война с Японией, на собрании дети постановили отчислять 1% своего жалования на «военные нужды Отечества с 1 марта 1904 г. и до окончания военных действий на Дальнем Востоке»⁵. Получавшие музыкальное образование воспитанники свои навыки игры на музыкальных инструментах совершенствовали в приютском оркестре, в репертуаре которого была самая разнообразная музыка, ведь оркестр приглашали играть и на торжественных мероприятиях, и на парадах, и на танцах, что устраивались, например, дачниками на открытой веранде в Верхней Курье⁶.

Жизнь приюта и школы при нем резко переменялась после октябрьского переворота 1917 г. Начавшаяся вскоре гражданская война, последовавшие вслед за ней топливный и продовольственный кризис привели к обнищанию населения Мотовилихи, к появлению огромного количества сирот, потерявших родителей в результате военных действий, арестов, голода и эпидемий. После освобождения Перми от войск Колчака в 1919 г. установившейся советской властью предпринимались шаги по борьбе с безнадзорностью детей. Под организацию детских домов и размещение в них детей были переданы дома бежавших с Колчаком на Восток жителей Мотовилихи. Например, в Мотовилихе было организовано 16(!) детских домов, в которых воспитывалось, а точнее, содержалось более 500 детей. Но и этого количества не хватало. Еще более одной тысячи заявлений от жителей, не имевших средств на содержание своих детей, ждали удовлетворения⁷. При этом бывший приют оставался самым крупным учреждением для детей-сирот. В нем проживали 149 детей⁸. Помимо каменного здания к нему отошел соседний большой дом подрядчика Г.К. Спешилова на углу Спешиловской (ныне Грачева) и Кладбищенской (ныне Уральская) улиц⁹.

Из-за недостатка средств, тем не менее, большое число детей оставалось безнадзорным, живя на улице и добывая пропитание воровством и грабежом. Из отчетов милиции Мотовилихи за 1923 г.

следует, что именно дети в возрасте 9-13 лет давали самый высокий процент рецидива. Их ловили, отправляли в детские дома или колонии, из которых они вновь убегали и совершали правонарушения.

Объяснялась такая ситуация полным отсутствием какой-либо дисциплины в учебных заведениях, нехваткой квалифицированных кадров, а также отсутствием средств. У новой власти не было денег ни на ремонт зданий, пострадавших в ходе военных действий, ни на обогрев их в зимнее время, ни на зарплату персоналу. Учителя и ученики приходили в школы, как правило, ради пайка, выдававшегося в соответствии с Декретом о бесплатном питании детей в школах. Нормы выдачи были невелики, лишь в связи с празднованием октябрьской годовщины в 1919 г. школы получили на организацию горячего завтрака по 0,5 фунта¹⁰ мяса, 4 золотника сахара и 0,5 фунта хлеба на ученика¹¹.

В 1918 г. в стране начали появляться на базе бывших колоний и приютов учебно-воспитательные заведения интернатского типа, получившие название «школа-коммуна». В них разрабатывалась идея создания трудовой школы. В 1919 г. такая школа-коммуна была организована в стенах бывшего приюта. Ее воспитанниками стали дети погибших красноармейцев. В связи с созданием школы-коммуны здание бывшего приюта теперь делили два учебных заведения, которые конкурировали друг с другом. Возглавляла школу-коммуна В.П. Калугина. Но отличалась новая школа от дореволюционной — наличием самоуправления. Все важные вопросы решались учениками на общих собраниях. Так, например, когда в 1921 г. райком партии решил уволить В.П. Калугину, ученики на своем собрании, обсудив ситуацию, приняли обращение, в котором указывали, что она «добросовестно исполняет свою работу», и направили своей протест в райком партии и в отдел народного образования вместе с выбранными делегатами¹².

К 1923 г. в школе постепенно стала восстанавливаться дисциплина и порядок, начинаются правильные занятия. Сама школа преобразуется в опытно-показательную школу № 8. Количество учеников школы достигло 250 человек. Занятия в школе вели пять педагогов. Для урегулирования взаимоотношений между школой № 8 и школой-коммуной райком комсомола выделяет работника Петра Морозных, призванного также организовать в ее стенах пионерский отряд¹³.

Трудности, с которыми столкнулась новая советская школа, постепенно преодолевались. Справиться с продовольственной проблемой удалось частично благодаря организации огорода, который, в отличие от огородов царских времен, служил не только для образовательных и воспитательных целей, но и для пополнения продук-

ЗДАНИЕ ПЕРМСКОГО РЕЧНОГО УЧИЛИЩА По материалам архивов и музея ПФ ВГУВТ (ул. А. Матросова, бывшая Ирбитская, 13)

тов¹⁴. Обучение труду проходило в мастерских. На смену старых кадров пришли молодые педагоги, выпускники советских вузов.

23 апреля 1926 г. президиум Мотовилихинского райисполкома ходатайствует перед Окрисполкомом и ОкрОНО о переводе школы-коммуны в какое-либо иное место, т.к. Мотовилиха просто задыхается от нехватки помещений для размещения общеобразовательных школ. В результате было принято решение о расформировании школы-коммуны¹⁵. Таким образом, в здании на улице Коммуны (так ул. Кладбищенская стала называться с октября 1920 г.) разместилась только опытно-показательная школа № 8, в стенах которой будут учиться несколько поколений жителей Мотовилихи, но это уже другая история.

Первым участок по указанному адресу застолбил числящийся крестьянином Красноуфимского уезда В.Ф. Крысанов. 15 февраля 1895 г. он подал в Пермскую городскую управу прошение и проект возведения каменного одноэтажного дома на принадлежащем ему «пустопорожном месте». В ходе строительства добавился второй – бревенчатый, обшитый досками – этаж с торцевыми фронтонами и двумя балконами. Здание венчали три красивые башенки со шпильями. Декоративные функции выполняли также чердачные слуховые окна и дымовая труба. Нарядность зданию придавали резные карнизы и наличники, орнаментированные и остеклённые двери, два высоких крыльца с литьями из чугуна колонками, кованой узорчатой решёткой и изогнутыми перилами. Кованое «узорочье» шло также по обрамлению палисадника и коньку железной кровли. То есть налицо стилизованная эклектика в спектре от готики и русского модерна до неоклассицизма.

Судя по всему, первый этаж предназначался под магазин (магазины), второй должен был стать жилым. Обширный полуподвал (по существу цокольный этаж) занимали кухня, кочегарка, кладовая. Отопление поначалу было печным, затем калориферным и, наконец, паровым. Где-то около 1907 г. здание электрифицировали, подвели к нему водопровод.

Имелся обычный для того времени комплекс надворных построек и сооружений: небольшой флигель (для прислуги), сарай-дровяник под одной крышей с конюшней, «нужник», выгребная яма.

Двор частично мостился камнем с поребриками из кирпича (в 2014 г. автор, проводя «мини-раскопки», обнаружил их остатки под асфальтовым покрытием).

Первоначально перед зданием располагался узенький палисадник, но тротуарная линия «съела» таковой.

Нетрудно просчитать, из кого мог состоять обслуживающий персонал: горничная, кухарка, истопник (он же дворник и сторож).

Почему В.Ф. Крысанов продал домовладение А.В. Попову — неизвестно. Последний, почти ничего не изменив в планировке, сдавал здание жильцам. В 1912—1913 г. здание пустовало, ремонтировалось, поэтому вариант с арендой под Речное училище оказался куда как кстати. По договору здание сняли на пять лет — до 1 июля 1918 г. Отопление, вода, текущий ремонт и очистка — за счёт домовладельца.

¹ ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

² ПОКМ НВ. 4642/119 воспоминания Вахрушева В.Я.

³ ПГВ. 1900. № 43.

⁴ ПГВ. 1901. № 75.

⁵ ПГВ. 1904. № 45.

⁶ ПГВ. 1905. № 163.

⁷ ГАПК. Ф. р-36. Оп. 1. Д. 63. Л. 9-10.

⁸ ПГАНИ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 278. Л. 59-60.

⁹ ГАПК Ф. р-16. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

¹⁰ Фунт равен 409,5 г., золотник равен 4,26 г.

¹¹ ГАПК. Ф. р-16. Оп. 1. Д. 2. Л. 55.

¹² ПГАНИ Ф. 620. Оп. 1 Д. 267. Л. 112.

¹³ ГАПК. Ф.р-26. Оп. 2. Д. 49. Л. 34; ПГАНИ. Ф. 1032. Оп. 4. Д. 57. Л. 2.

¹⁴ ПГАНИ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 522. Л. 39-40.

¹⁵ ГАПК. Ф. р-26. Оп. 2. Д. 49. Л. 120.

Поскольку здесь расположили две учебные аудитории, актовый зал, преподавательскую, квартиру начальника, — провели незначительную перепланировку. Начальник — Д.А. Богданов с женой и дочерью — занимали львиную долю первого этажа. Заведующий учебной частью поселился во флигеле. От них поныне сохранилось кое-что из мебели, в частности, «богдановское» кресло в стиле русского модерна. А также действующие модели судовых парового двигателя и гребного колеса.

Итак, «на старте»: здание «полезной площадью» 350 кв. м., шесть преподавателей.

Речные училища — и Пермское не исключение — имели целью «подготавливать служащих на судах внутреннего плавания», потребность в которых ощущалась весьма сильно. Одно из подтверждений тому — фрагмент письма Пермского биржевого комитета в Пермскую городскую управу от 7 января 1910 г. с предложением об ассигновании средств на перевод в Пермь и содержание Рыбинского речного училища:

«Многочисленные реки, вытекая из гор Урала, как напр., Чусовая, Сылва, Колва, Вишера и другие, впадают в Каму и образуют тот путь, по которому ежегодно сотни миллионов пудов различных грузов перевозятся вовнутрь России и к Петербургскому порту... Пермская губерния среди других волжских губерний занимает первое место по числу служащих на деле речного судоходства. Но для поддержания судоходного промысла на Каме до сих пор нет ни малейших научных пособий и ничего не предпринято в прямом отношении к развитию судоходства и судостроения. Непросвещенный, полуграмотный, а часто и совсем не грамотный судопромышленник, хотя и беззаветно преданный своему излюбленному промыслу, но лишенный научных сведений, в большинстве случаев бывает не в силах справиться с растущим в его руках делом»¹. И — далее: «Биржевым Комитетом еще в 1904 году возбуждалось перед Министерством Путей сообщения ходатайство об открытии в Перми речного училища, но таковое до сего времени удовлетворения не получило. Ныне Министр Путей сообщения предполагает существующее в г. Рыбинске речное училище перевести в Пермь при условии, если Пермское Городское общество и Губернское земство ассигнуют какое-либо пособие на содержание этого училища (всего требуется до 8000 руб.). Перевод этого училища вызывается главным образом тем, что большинство воспитанников этого училища (до 60%) составляют уроженцы Пермской губернии».

Требуемые средства — на паритетных началах — собрали.

25 июня 1913 г. император Николай II, находясь на яхте «Штандарт» в Балтийском море, наложил резолюцию «Быть по сему» на решении Госсовета и Госдумы об открытии в Перми «речного училища первого разряда».

Кого принимали в ПРУ? Согласно «Положению о речных училищах Ведомства путей сообщения» 1902 г. — «молодых людей всех сословий и вероисповеданий, состоящих в русском подданстве, достигших 16 лет»².

Они получали отсрочку по отбыванию воинской повинности, а, затем, будучи призванными на службу, проходили таковую ускоренно, с правом держать экзамен на первый офицерский чин³. Учащиеся носили форму: фуражки, шинели, бушлаты и парадные мундиры, с все теми же скрещёнными якорями на позолоченных пуговицах.

15 октября приступили к учёбе. Тогда же над центральной башенкой взвился флаг Главного управления торгового мореплавания — с двумя скрещёнными якорями синего цвета. Спустя неделю состоялось официальная церемония открытия. Фасад здания украсился флагами России и ряда других держав, иконой «покровителя судоходцев» Николая Чудотворца, портретом Николая II, хвойными гирляндами. Речи VIP-персон, начиная с вице-губернатора В.И. Европеуса. Заявление об учреждении пароходчиками Каменскими благотворительного стипендиального фонда их имени. Банкет с тостами «за государя императора и всех, потрудившихся на пользу училища»⁴.

Первый набор состоял из 45 человек. Обучение было платным — 25 руб. в год. Учащиеся обмундировывались и питались за свой счёт, жили дома или на съёмных квартирах. Училищной библиотекой пользовались только преподаватели.

По свидетельству одного из первых учащихся Г.В. Грацианского, Богданов — «махровый монархист», установив жесткий режим, «расправлялся» за малейшую провинность, главными из которых, являлись «опасные умонастроения», «невнесение положенной платы», неуспеваемость.

В 1916 г. состоялся выпуск первой группы из 13 человек — «капитанов второго разряда речного и озёрного плавания». В 1917 г. — из семи. Выпускники оказались востребованными. Наиболее удачный вариант — устроиться к Н.В. Мешкову, он платил в полтора-два раза больше, чем другие пароходчики.

Теснота казалась временной. 24 февраля 1914 г. попечительный совет училища обратился ходатайством в Пермскую городскую управу по вопросу об отводе земельного участка из городских земель для строительства собственного здания:

«В видах предполагающегося расширения программы Речных училищ и увеличения учебного курса до 4 лет, является необходимость озаботиться заблаговременно приисканием подходящего помещения, каковое потребуются не малых размеров, если принять во внимание еще возможность открытия 5-го специального механического класса»⁵.

Два месяца спустя городская дума по докладу землемера И.И. Ткаля утвердила площадку 19 саженой (2,16 м) на 36 саженой и по Камышловской – 36 саженой для строительства здания Речного училища в 3-й части г. Перми, во вновь спроектированном квартале № 183 (угол улиц Набережной и Монастырской)⁶. Около трёх гектаров! С главным корпусом, отдельно отстоящими тренажёрными помещениями, мастерскими, спортивным залом, подсобными помещениями, домом для педсостава, общежитием для учащихся. «Свободная от училищных построек земля отводится под устройство сада и площадок для игр и гимнастических упражнений». Правда, имелось условие: если в течение трех лет не будут изысканы средства и не начнутся работы, участок подлежит изъятию.

Кризисное состояние камско-волжского судоходства, банкротство ряда местных пароходчиков (Каменских, Беклемышева, Зырянова, Кашиной, Стародумова, «Сорокина и братьев Тупицыных») сократили число потенциальных спонсоров. С началом Первой мировой войны уменьшилось государственное и муниципальное финансирование. 23 января 1917 г. попечительный Совет речного училища сообщил в Пермскую городскую управу:

«...Вследствие сложившихся обстоятельств, предполагавшаяся постройка собственного здания для училища средствами казны отложена на неопределенное время. Однако, имея настоятельную необходимость в собственном здании училища, Попечительский Совет принял меры к удовлетворению таковой потребности, и на собранные частные средства и средства губернского земства приобрел в собственность занимаемое училищем по найму здание и усадьбу А.В. Попова с усадьбой его тестя С.Н. Кирилова, находящиеся по Ирбитской улице. С приобретением указанного имущества отпадает надобность в отведенном городом для постройки училища земельным участком по Набережной улице, рядом с казенным Винным заводом, а потому, принося Городскому управлению глубокую благодарность, Попечительский Совет отказывается от указанного места, но в то же время просит уступить Речному училищу взамен прежнего смежный с купленной усадьбой, небольшой, принадлежащий городу, земельный участок, выходящий на угол Ирбитской и Монастырской улиц».

Последовало согласие.

Грянула Октябрьская революция. ПРУ, вместе с находящимся в его распоряжении имуществом, советизировали. Труд педсостава стал оплачиваться из госбюджета. Отменили плату с учащихся.

Самым разрушительным образом сказалась на ПРУ Гражданская война. Богданов и большая часть педагогов бежали вместе с белыми. Увезли почти все книги, наглядные пособия, карты, приборы (напомню также: колчаковцы уничтожили свыше 220 судов и дебаркадеров, взорвали камский мост). В условиях послевоенной разрухи, когда транспорт пришел в упадок и не мог обеспечить перевозок, когда остро не хватало специалистов, значение ПРУ

возросло. За книги сели матросы, кочегары, маслэнщики, парни от станка и от сохи — зачастую малограмотные, но горевшие желанием учиться, строить новую жизнь.

Из-за нехватки преподавателей и плачевного состояния материальной базы учебное заведение реорганизовали в двухгодичные профессионально-технические курсы, готовившие квалифицированных рабочих для ремонта и обслуживания судов Камречфлота. В 1921 г. курсы перевели в затон, а вместо них открыли Пермский техникум водного транспорта. Не получавшие стипендии студенты имели возможность подработки в учебных мастерских, выполнявших коммерческие заказы.

Многое сделал для становления учебного заведения, развития его материальной базы возглавлявший таковое с 1922 по 1931 гг. А.Ф. Норицын⁷.

С развитием промышленности и транспорта в 1930-е годы растет потребность в специалистах речного флота. Пермский речной техникум перешел в ведение Народного Комиссариата водного транспорта (Наркомвода). В нём открываются судоводительское и судомеханическое отделения, начинается набор на специальность «дноуглубитель», вводится стипендия. На очном отделении ежегодно обучалось 280 человек. Кроме них в училище были образованы группы стажистов (160 человек), которые учились с отрывом от производства между навигациями. В 1926 г. сформировали вузовскую экспериментальную группу. Через пять лет её выпускники получили дипломы «инженеров узкого профиля». Аналогичную попытку предприняли в 1940 г. – из специалистов-практиков и наиболее успешных выпускников МРТ была сформирована двухгодичная «Школа комсостава флота» (расформирована с началом Великой Отечественной войны).

К концу 1930-х гг. МРТ представлял собой довольно обширный комплекс. Основное здание стало чисто учебным – с полезной площадью 710 кв.м. Рядом с ним (по Ирбитской, 9-11) возвели двухэтажный четырёхквартирный жилой дом для сотрудников — «деревянный рубленый на каменных столбах, оштукатуренный снаружи и внутри, с печным отоплением, с водопроводом и канализацией, под железной кровлей»⁸. Ещё два двухэтажных деревянных здания барачного типа (общей площадью 748 кв.м. на 280 мест) с дровяными сараями огороженные штакетником – на Плоском посёлке. Плюс дебаркадер у набережной Камы (трюм использовался для хранения инвентаря). В навигационные периоды к нему пришвартовались учебные суда – буксирные пароходики «Военмор» (с 1936 г.) и «Студент» (с 1940 г.)⁹, две парусные шлюпки.

К.М. Чулошникова (училась в 1939—1942 гг.) свидетельствует: в главном корпусе «...было всего шесть аудиторий, самая большая из которых — № 6, где проходили уроки главных предметов; в ней же проходили собрания и концерты». И всё же теснота продолжала ощущаться. Ведь контингент студентов рос, в том числе, за счёт «стажистов», учившихся между навигациями.

Отчёты, сметы, техпаспорта 1934—1941 гг., воспоминания, а также многочисленные фотографии дают исчерпывающее представление о внешнем облике здания, его интерьерах, оснащении, «контингенте».

На балконах — транспаранты. Так, к очередным выборам: «Да здравствует Сталинская Конституция!» и «Пусть развивается и крепнет Советская социалистическая демократия!» Стены в человеческий рост окрашены зелёным или синим цветом; выше — белёные. На них тематические стенды, портреты партийно-советского руководства СССР — И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, Н.И. Ежова (последний с 6 апреля 1938 г. по 9 апреля 1939 г. являлся наркомом водного транспорта), стенгазета «За учёбу». Остеклённые шкафы и стеллажи с узлами двигателей, приборами, макетами судов, схемами, чертежами (в т.ч. пулемёта «Максим», мосинской винтовки, подводной лодки, торпеды), другими учебными пособиями. Ряды столов, стульев и табуретов. В коридоре на тумбочке — оцинкованный жестяной бачок с питьевой водой и прикреплённой к нему цепочкой кружкой. В «Красном уголке» — знамёна, в том числе, с изображением Сталина и его лозунгом «Кадры решают всё!»

За обитой листовым железом дверью — «оружейка», где хранились ручной пулемёт системы Дегтярёва, 27 малокалиберных и 14 «мосинских» винтовок, 68 противогазов, другое военное имущество.

Транспорт: автомобиль-«полуторка» с прицепом, две лошади с телегами и санями.

В 1934—1936 гг. МРТ имел подсобное хозяйство, снабжавшее студенческие столовую и буфет, обеспечивавшее «доп. питание» сотрудников: 2 гектара пашни, 4 головы крупного рогатого скота, до сотни свиней, по два плуга и бороны, другой инвентарь.

Быстро «прирастала» библиотека: в 1940 г. её фонд исчислялся 29000 томами учебников, учебно-методических пособий, папок со схемами и диаграммами. «В учебном процессе широко используются технические средства: кино, фильмоскоп, эпидиаскоп»; имеются пианино, два баяна, струнные и духовые музыкальные инструменты, два радиоприёмника.

Что можно сказать о тогдашних обитателях здания? Педагогов по штату — 19. Одни — из числа прежней российской интеллигенции. Как, например, Н.Я. Калинина, преподававшая русский язык и лите-

ратуру, возглавлявшая литкружок, курировавшая выпуск рукописного журнала «Наше творчество». Другие — вроде Н.К. Виноградова — «старые речные волки» с богатым практическим опытом. Третьи — «молодая поросль»: военрук Г.З. Сысолин, секретарь комитета комсомола А.Л. Колмаков (выпускник 1935 г.). 738 студентов 1939—1940 учебного года — от 15-летних, вчера закончивших семилетку до отцов семейств-«стажистов».

По социальному происхождению большинство из колхозников и рабочих, затем из прослойки служащих и, наконец, из «крестьян-единоличников». По-флотски обмундированы лишь «стажисты»; остальные одеты, кто во что горазд — по достатку и уровню культуры. Зато все получают стипендию, а «нацмены» и надбавку к ней. Плюс расходы на «культурнужды» студентов, на проезд до дома и обратно в каникулы, на санаторные путёвки и т.д.

У многих на груди значки «ВЛКСМ», «ГТО», «Ворошиловский стрелок», «Осоавиахим», «ПВХО». С почтением поглядывали на К.Н. Богатырёва, успевшего послужить в РККА, повоювать на Халхин-Голе, удостоившегося Ордена Красной звезды. Все без исключения вовлечены в общественную деятельность по партийной, комсомольской и профсоюзной «линиям». Коммунисты — треть сотрудников, комсомольцев — около половины студентов. Почти все состоят в кружках, благо, кроме упомянутого выше литературного, имелись драматический, шахматный, фотографический, живописи, судомодельный, стрелковый, военно-морской, планерный, парашютный. А ещё славившийся виртуозами-чечёточниками танцевальный ансамбль, хор, духовой и струнный оркестры, дуэт баянистов.

Великая Отечественная война. Директор И.В. Фадеев, значительная часть преподавателей и студентов уходят на фронт — главным образом — в ВМФ и морскую пехоту. Оставшиеся строят учебно-методическую и иную деятельность «под знаком мобилизации всех сил на помощь фронту»¹⁰. «Студент» и «Военмор», стали выполнять задания по доставке военных грузов¹¹. Суровое время отразилось в приказах по МРТ. Вот № 106 от 27.10.41 — о создании учебного подразделения «в составе 43 человек», осваивающего методы истребления танков. Вот № 116 от 30.12.41 — о формировании «боевой роты из состава преподавателей и студентов, способных носить оружие». Создаются сводные группы. Так, на судоводительском и судомеханическом отделениях до ускоренного выпуска 1942 г. из 140 студентов дошло 14, из них 8 — девушки.

Здание по Ирбитской, 13, реквизируют под общежитие семей сотрудников Наркомата угольной промышленности. Снова цитирую документ: «Краткий срок, предложенный для выезда, отсутствие

подходящего помещения для проведения учебных занятий, вызвали необходимость всё оборудование кабинетов уложить в ящики и оставить на хранение в подвальном помещении техникума». С собой взяли только самое необходимое. Взамен получили здание летнего детского санатория в Верхней Курье, корпус которого с большими застеклённой верандой не отапливался. Пришлось теоретические занятия продолжить в общежитиях «на Плоском», практические – на судозаводе и в затоне.

В 1942 г. техникум вернулся на своё место. Трудностей при этом не убавилось:

«Аудиторий всего 9, из которых удовлетворительны по площади и кубатуре только 5, а 3 – в полуподвальном этаже и проходные. Указанные помещения заняты с 8 часов утра до 11 часов ночи... Кабинетов специальных, общетехнических и общеобразовательных дисциплин нет. Наглядные пособия размещаются в аудиториях. Чертёжного зала также нет (...) Нет учебных мастерских. Учебную практику приходится проводить в техникум НКПС на арендных началах»¹².

Резерв всё-таки изыскали – за счёт утепления веранды и проведения занятий в библиотеке¹³.

Учебный процесс шёл с перебоями. Студенток привлекли к обслуживанию подшефного госпиталя – стирке и штопке обмундирования и белья, доставке топлива. Многократно возросли бытовые трудности. Вновь слово К.М. Чулошниковой: «Дров не хватало. Приходилось вылавливать брёвна из реки и тащить их веревками ... Дрова сырые, не горели, а «плакали» камской водой. Мы плакали вместе с ними». Архивный документ – о том же: «учащиеся замерзали в аудиториях»¹⁴. Нехватку продуктов питания восполняли за счёт огородничества на вновь выделенном участке, подработки в порту и на кондитерской фабрике, поездок в родные сёла.

Имел место отсев студентов, в том числе из-за недобросовестного отношения к учёбе тех, кто видел в студенческом положении лишь возможность облегчить своё существование. «К нам много пришли с заводов, уклоняясь от работы», — констатировали коммунисты МРТ¹⁵. Положение усугублялось ещё и тем, что последовательно занимавшие директорскую должность А.А. Быков и Б.В. Кузнецов (эвакуировавшийся из Киева) проявили себя личностями малоинициативными, своекорыстными. Доходило до скандалов и «разборок» на партсобраниях. Как бы то ни было, моральный климат определяли не приспособленцы, а люди, преданные Родине и флоту.

Совершенствовалась учебно-методическая работа, проводились научно-технические исследования, в частности, способов погрузки-выгрузки, буксировки древесины, прохождения «слепых» фарватеров (т.е., со снятыми бакенами и другими знаками обстановки). По итогам 1942—1943 учебного года МРТ занял первое место среди

речных техникумов СССР. За время войны техникум закончили 173 судоводителя и судомеханика, из них 43 женщины. Многие из выпускников сражались на фронтах и погибли, защищая Родину.

О состоянии учебного заведения в период послевоенного восстановления дают представление протоколы собраний его коммунистов 1945—1949 гг. Вот, к примеру: «...В учебном корпусе неуютно, серо, грязно и темно, наглядной агитации недостаточно. Вход в техникум через кочегарку, где грязно и темно, можно сломать голову, так как лестница от снега не очищается»¹⁶. Говорилось также о тесноте («нет зала для гимнастики и акробатических занятий»), о нехватке учебных пособий, приборов, которые «изнашиваются, а новыми не пополняются»¹⁷. Настоятельно требуется ремонт, но «недостаёт стройматериалов, пакли, алебастра, кирпича, кровельного железа и фанеры»¹⁸. В 1949 г. перекрыли крышу, сменили электропроводку¹⁹.

Между тем, статус учебного заведения изменился. В 1947 г. оно стало военным училищем. Посему в программе появились новые дисциплины, педколлектив пополнился офицерами-фронтовиками, среди которых наиболее яркими личностями являлись О.К. Селянкин и Л.М. Левант. Учащиеся теперь уже не студенты, а курсанты, в форме ВМФ, только вместо бескозырок – фуражки со звездой. Принимать в училище стали лишь парней. Конкурс – 20-22 человека на место. Построжали требования к здоровью, образовательному уровню и «политическому облику» абитуриентов. Вспоминает бывший курсант Г.В. Игумнов (выпуск 1956 г.):

«Со мной в училище поступал прекрасно подготовленный мой школьный товарищ Арнольд Эрлих. Пройдя все испытания и сдав экзамены, мы направились на собеседование, которое предшествовало зачислению. И надо было видеть, сколько горя было у нас обоих на лицах, когда мы узнали, что Арнольд не может быть принят, потому, что он немец. Арнольд плакал навзрыд, а я никак не мог понять, почему он, не имевший никакого отношения к фашистам, высланный с Поволжья на Урал с родителями, не может учиться в училище»²⁰.

Курсанты принимали военную присягу. Дисциплина поддерживалась строжайшая. Подъем в семь часов: физзарядка, водные процедуры, построение, повзводно строим под песни — в главный корпус на завтрак и занятия, обед, строим — в общежитие на самоподготовку, строим — на ужин и обратно, свободное время, в 23 часа — отбой.

Курсанты жили в так называемых экипажах — двух двухэтажных бараках. Условия проживания в них были спартанскими. 30 курсантов каждого взвода размещались в двух комнатах общей площадью 30 квадратных метров с печным отоплением, без водопровода и с уборной на улице. Двухъярусные койки стояли настолько близко друг к другу, насколько позволяли стоящие между ними тумбочки. Садиться на кровать в дневное время было категорически запрещено, нарушение на-

казывалось нарядом вне очереди. Курсанты несли вахтенную службу в учебном корпусе по расписанию. Вахтенный стоял у центрального входа, подчиняясь помощнику дежурного по училищу, следил за пропускным входом, так как вход был только по пропускам, и подавал звонки на урок и на его окончание. В экипаже также на всех этажах была вахтенная служба, которая несла ответственность за распорядок дня экипажа и сохранность шинелей, которые висели в коридоре. На первом этаже рядом с туалетом находилась гауптвахта. Нечасто, но за крупные проступки курсанты туда попадали.

Буквально всё курсанты делали сами. На них была и приборка помещений, и уборка снега, и заготовка дров, так как здания общежитий по-прежнему отапливались печами. На вечерней проверке объявлялся очередной суточный наряд дежурной службы в училище во главе с офицером. Из старшинского состава назначался помощник дежурного офицера по училищу. У помощника в подчинении были дежурные по ротам, дежурные по камбузу, дежурные по экипажу, дежурные по контрольно-пропускному пункту, горнист и несколько человек дневальных. Каждый дневальный нес службу в течение дня, сменяя другого через четыре часа. Подсменные дневальные в ночное время могли, не раздеваясь, отдыхать, а днем выполнять все подсобные работы: выносили накопившуюся под умывальником воду, ходили с заплечными термосами в училище за завтраком, обедом и ужином для находившегося в экипаже суточного наряда и болевших курсантов.

1 мая и 7 ноября «коробка» МРУ первой маршировала на парадах (за ней – «коробки» ВМАТУ и частей гарнизона). Лидировало МРУ и в спорте, и в культурно-массовых мероприятиях. Устраивались балы (для них снимались залы школы № 32, ВМАТУ, Дома офицеров, клубов). Чтобы не ударить лицом в грязь, с личным составом разучивались вальсы, танго, другие танцы. Поощрялось творчество. Подтверждение всему этому – толстенные подшивки грамот за успехи в спортивных состязаниях, смотрах художественной самодеятельности, альбомы рисунков и стихов, модели кораблей. Кстати, поэтический дебют выпускника 1961 г. А.А. Гребёнкина состоялся в стенах училища.

Практику теперь проходили, не только на мирных речных пароходах, но и боевых кораблях Балтфлота — крейсере «Адмирал Макаров» (бывший «Нюрнберг»), минном заградителе «Урал» и др. Ещё большее значение стало придаваться участию в общественной жизни. Преподаватели читали лекции для населения, среди тем: «О советском патриотизме», «Происхождение жизни на Земле», «Рак и борьба с ним», «Сон и сновидения», «Наука и религия». На выборах в органы власти назначались агитаторы. Кое-

что сейчас выглядит просто курьёзом. Так, резолюция собрания сотрудников и курсантов МРУ от 21 ноября 1950 г., выдвигавшего и обсуждавшего кандидатуры к очередной избирательной кампании, гласит: «Просить тов. СТАЛИНА дать своё согласие баллотироваться в депутаты Молотовского городского совета депутатов трудящихся по 132 избирательному округу».

Состояние объекта в середине — второй половине 1950-х гг. прослеживается не только по документам, но и по воспоминаниям бывших курсантов – Г.В. Игумнова, Е.Ф. Карабаева, Ю.Н. Овчинникова, А.А. Гребёнкина, В.Н. Омышева.

Здание основательно отремонтировано и — в очередной раз — частично перепланировано (появились отдельные помещения для хранения оружия, секретной документации, карт и лоций). У центрального входа – отгородка поста (вахты). Вахтенный следил за пропускным режимом, подавал звонки. Тут же на стене висели расписание занятий и часы в раме, изображавшей спасательный круг и якорь; на них стояла дата основания учебного заведения — «1913 год». Чуть далее по коридору – вешалки для шинелей. В подвале – библиотека с читальным залом, столовая с отгороженной кухней-камбузом; едва не впритык к столам – стенды с образцами морских узлов, полуразобранная торпеда. Учиться и питаться приходилось в две смены, а также разносить пищу по общежитиям – для дневальных и заболевших, в заплечных термосах.

К надворным строениям и сооружениям прибавились навесы, под которыми «стояли различные корабельные пушки и другое крупное оружие, которое невозможно было поместить в маленьких учебных помещениях», якорь Холла.

Л.М. Югов, выпускник штурманского отделения (выпуск 1956 г.):

«Нас готовили по специальности «БЧ-3; 2», т.е., большая часть учебных часов отводилась минно-торпедному делу, а меньшая – корабельной артиллерии... Была спецаудитория, насыщенная техникой – мины, торпеды, схемы, чертежи, зенитная установка, стенд учебной стрельбы. Все наши конспекты — пронумерованные и прошнурованные – выдавались только на занятия и самоподготовку. После трёх лет теории мы проходили стажировку на боевых кораблях»²¹.

Ещё одна новация: с 1956 г. вместо паровиков стали готовить судомехаников-дизелистов.

Проблема нарастающего дефицита площадей решалась полумерами. По-прежнему арендовались помещения, включая освобождавшиеся зимами в Речном вокзале. Хлопотали о строительстве нового здания, искали место под него. В 1952 г. Министерство морского и речного транспорта пошло навстречу и выделило средства – 4 790 300 руб. Дальнейшее можно охарактеризовать одним словом: долгострой.

Переезд в здание по Бульвару Гагарина, 33, состоялся весной-осенью 1960 г., после чего старое передали вечерней сменной школе № 2. Опять последовали перепланировки, а также снос – за ненадобностью — части надворных построек и сооружений. Поскольку столовая тоже оказалась не нужна (ограничились буфетом), полуподвал использовался для хранения хозяйственных принадлежностей, постепенно наполняясь хламом вроде списанных парт. В последующие три десятилетия ремонт здания, если и проводился, то лишь косметический. Оно ветшало.

По ходатайству Пермской областной организации Союза писателей РФ и в соответствии с постановлением мэра Перми от 8 февраля 2002 г. № 345 на фасаде появилась мемориальная доска:

«В этом здании (бывшем речном училище) с 1946 по 1953 год готовил офицеров запаса ВМФ боевой моряк – защитник Сталинграда – писатель Селянкин Олег Константинович (1917—1995 гг.)»

В 2000-х настал конец и школьному периоду. Здание то пустовало, то занималось недолговечными «конторами». Затем последовали его приватизация, продажа, перепродажа. У собственника один за другим появлялись проекты «повышения полезной площади пятна застройки» — за счёт сноса и возведения многоэтажного здания.

Доступ на территорию преднамеренно оставляли свободным, и она быстро превращалась в свалку, в обиталище бомжей. Произошло несколько локальных возгораний (скорее всего, не случайных, — действовали поджигатели). Осенью 2014 г. формальный арендатор здания, ООО «Пермстройгруп» «произвел демонтаж крыши и составляющих элементов фасадных конструкций». Последовала волна возмущения. Защищающие постройку окрестные жители вновь и вновь вытесняли технику и рабочих. Наконец, региональный Минкульт вынес долгожданное решение о присвоении зданию статуса выявленного объекта культурного наследия. Однако это вовсе не стало концом противостояния. Собственники всячески саботировали решения о приостановке разрушения. Местные жители снова были вынуждены самостоятельно прекращать работы, поскольку стражи порядка избегали вмешиваться.

«Ситуация просто удивительная, — говорила председатель совета дома по Монастырской, 101, И.Н. Устинова. — Властями принято решение о полном запрете работ, и мы, жители, вынуждены следить за его исполнением, вступать в конфликты с рабочими, потому что ни администрация, ни полиция ничего не делают!»

СМИ разнесли историю об уничтожаемом памятнике, возник широчайший общественный резонанс. Власти и правоохранительные органы раскачались на действие. Выяснилось: здание было продано незаконно. Собственник на некоторое время отступил.

Гарантировать неприкосновенность объекта могло бы придание ему статуса памятника истории и культуры (хотя бы регионального значения), на чём настаивала общественность. Тем более что местные архитекторы Г. Возженников и А. Сальников разработали проекты реставрации такового. Автор этих строк выдвинул план — сделать здание-ветеран музеем водного транспорта и судостроения, флотской — трудовой и боевой — славы. К этому вроде бы и шло, тем более что региональный Минкульт издал соответствующий приказ.

И «вдруг» 20 мая 2015 г. Пермский краевой суд, по иску собственника, И.М. Колесникова, отменил вышеуказанный приказ. Основанием послужила альтернативная экспертиза о том, что дом, якобы, не имеет признаков объекта культурного наследия. Прокуратура жалобу поддержала. Вот комментарий члена комиссии по землепользованию и застройке Перми Д.К. Галицкого:

«За 25 лет хождения по судам впервые наблюдал, как прокуратура явно отработывает «заказ» — прокурор мялась, спотыкалась и несвязно пыталась повторить доводы заявителя. Видать, ей стыдно и неловко повторять чужие слова, да и не очень получается «с листа». Не могу представить, чем ещё можно объяснить такое поведение представителя «ока государева».

18 июля 2016 г. вице-премьер Правительства Пермского края Р.А. Кокшаров подписывает постановление о выводе здания из реестра памятников. 8 августа последовало полное уничтожение. Вот предельно эмоциональный отклик на это правозащитника Р.А. Юшкова:

«Пользуясь тем, что почти никого из защитников дома нет в городе, Колесников в выходные дни пускает бульдозеры и банду армянских абреков. Приехавшей полиции суют в нос кокшаровское постановление».

Бывший курсант штурманского отделения А.В. Бузмаков (выпуск 1956 г.):

«С погодой ведя поединок,
Стоит этот дом-бастион.
Подошвы курсантских ботинок
Истёрли подъезда бетон...
Ржавеет железо у башен,
Щербатятся стены от ран.
Частицею юности нашей
Остался речной ветеран».

Увы, уже не стоит, а то, что будет воздвигнуто на опустевшем месте, останется памятником чёрной корысти и беспамятству!

1. <http://metragi.ru/pamyatniki-arxitekturyi/permskoe-rechnoe-uchilishhe.html>

2. См.: Положение о речных училищах Ведомства путей сообщения [Утв. 10 июня 1902 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Отд. 1. – СПб., 1904. — С. 607-610.

**ДОМ КУПЦОВ ДЕНЬШИНЫХ –
ОБЛАСТНОЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА
(ул. Куйбышева, 33)**

3. *Виноградов В.В.* Торгово-мореходное образование в России. — СПб., 1912. — С. 8; <http://www.vgavt-perm.ru/o-nas/istoriya> -сайт ПФ ВГУВТ (раздел «История»).
4. Отчет о состоянии и деятельности Пермского Речного училища Министерства путей сообщения за 1913—1914 учеб. год. — Пермь, 1914. — С. 17; Пермские губернские ведомости. — 1913. — 24 окт.
5. <http://metragi.ru/pamyatniki-arhitekturyi/permskoe-rechnoe-uchilishhe.html>
6. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 269. Л. 2.
7. ПГАНИ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 340. Л. 1-7.
8. ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 2. Д. 948. Л. 1-82. Следует учесть: квартиру далеко не всегда занимала одна семья, чаще это были «коммуналки».
9. Оба судна – дореволюционной постройки. «Студент» переименован из «Евпатории»; прежнее название «Военмора» выяснить не удалось.
10. ПГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 847. Л. 9.
11. См.: Работать по военному. – Молотов, 1941. — С. 13.
12. ПГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 948. Л. 22. НКПС – Народный комиссариат путей сообщения СССР.
13. ПГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 948. Л. 13об., 22. Под верандой, скорее всего, подразумевался навес с тыльной стороны главного корпуса.
14. ПГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 847. Л. 9об.
15. Там же. Л. 19.
16. ПГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 848. Л. 1.
17. Там же. Л. 1, 61.
18. Там же. Д. 848; Д. 851. Л. 74.
19. Там же. Л. 78об.
20. Судьба моя – училище родное: сб. воспоминаний. – Пермь, 2003. — С. 182.
21. Там же. С. 176.

Памятник градостроительства и архитектуры регионального значения «Гостиница купца Деньшина», согласно официально утвержденному 5 декабря 2000 г. губернатором Пермской области списку памятников истории и культуры Пермской области, входит в состав комплекса памятников под общим наименованием «Гостиница и ресторан купца Деньшина» г. Пермь, ул. Куйбышева, № 31-33¹. В связи с дополнительно проведенными историко-архивными изысканиями выяснилось, что домовладения по ул. Куйбышева (Красноуфимской), № 31 и 33 принадлежали представителям разных семейств. Домовладение на углу улиц Красноуфимской и Пермской, № 31/116, в 1870-е гг. принадлежало наследникам чиновника Земляникина, в 1886 г. – Ник. Мод. Хирьякову, и с 1898 по 1917 гг. находилось в собственности представителей семьи Назаровых. Домовладение на углу улиц Красноуфимской и Екатерининской, № 33/114, начиная с 1865 по 1918 гг., находилось в собственности представителей семьи Деньшиных.

В 1865 г. в связи с частыми пожарами, угрожавшими городу (последний крупный пожар в Перми был 9 июня 1859 г.)² Городское управление составило «Расписание пожарных участков в городе Перми»³ с указанием «части, квартала и участка, равно звание, имена владельцев, коим принадлежат дома и другие имения, в постройках состоящие» с номерами домов по участку и по «городской табели». Согласно этому «Расписанию» домовладение во 2-й части г. Перми в 3-м квартале по ул. Екатерининской, под № 102, принадлежало мещанину Алексею Андреевичу Деньшину (он же был выбран пожарным старостой квартала № 3)⁴.

15 марта 1877 г. в городскую управу поступило «объявление» от пермской мещанской жены Татьяны Ивановны Деньшиной о разрешении постройки новых каменных «одноэтажных булочной и лавки с жилым помещением» на принадлежащем ей месте во 2-й части г. Перми на углу Екатерининской улицы и Красноуфимского проулка, «из коих первую — булочную – по Красноуфимскому проулку, вторую — лавку с жилым помещением — по Екатерининской улице.

Согласно выкопировке из плана на город Пермь место мещанки Т.И. Деньшиной находилось во 2-й части г. Перми, на углу ул. Екатерининской и Красноуфимского проулка, фасадом на площадь но-

вого Сенного рынка. Усадебное место Деньшиной размерами — по ул. Екатерининской 10 саж., — граничило по улице с местом Еврейского общества; и по Красноуфимскому проулку — с местом наследников Земляникиных.

На усадьбе Деньшиной обозначены как существующие: угловой полукаменный дом, обозначенный на плане литерой «С»; далее по Красноуфимскому проулку находились: каменные лавки под литерой «Д», деревянные службы (Е), навес, предполагаемый к сломке (Q), и по меже места Наследников Земляникиных и Еврейского общества — баня с прачечной деревянная (F). Деньшина предполагала также построить фасадом в Красноуфимский проулок каменное одноэтажное здание булочной (А) и фасадом на ул. Екатерининскую — каменную лавку с жилыми помещениям (В). В связи с тем, что городской архитектор Попатенко признал этот проект неправильно составленным, Пермская городская управа 17 марта 1877 г. в постройке отказала⁵.

5 апреля 1877 г. в городскую управу поступило новое «объявление» от Т.И. Деньшиной о разрешении постройки каменного одноэтажного флигеля на принадлежащем ей месте на углу Екатерининской улицы и Красноуфимского проулка, где она предполагала построить на месте навеса, назначенного к сломке, каменное одноэтажное здание флигеля, ориентированного главным фасадом в Красноуфимский проулок. На этот раз городской архитектор В.В. Попатенко признал проект составленным правильно, и Пермская городская управа разрешила постройку флигеля во всем согласно предполагаемого плана⁶.

В 1886 г. согласно официально утвержденному списку домовладельцев г. Перми, составленному Г.И. Минеевым, домовладение на углу улиц Екатерининской и Красноуфимской (ныне ул. Куйбышева), № 114/33 принадлежало Деньшиной Анне Ивановне⁷.

Городская управа регулярно, начиная с конца XIX в., проводила оценку недвижимого имущества для обложения его сборами. Оценка зависела от доходности, т.е. учитывалась не только полезная площадь, но и степень комфортабельности дома, и престижность местоположения участка, а также размер получаемого с имущества дохода.

В 1898—1899 гг. домовладение во 2-й части г. Перми на углу ул. Екатерининской и Красноуфимской (ул. Куйбышева), № 114/33, под № 778 по окладным книгам, принадлежало братьям Деньшиным — Николаю и Михаилу Алексеевичам. Домовладение Деньшиных было оценено в 1898 г. в 2.400 руб.; в 1899 г. с новыми постройками — 7.091 руб.⁸

17 марта 1901 г. Михаил и Николай Алексеевичи Деньшины подали в городскую управу прошение и план «на переустройство каменных одноэтажных магазинов с надстройкой на них и службах второго каменного этажа, на переустройство и расширение полукаменного дома каменным пристроем и разделкой в нижнем этаже дома окон, и на постройку каменных одноэтажных погребов и бани», на принадлежащем им усадебном месте во 2-й ч. Перми на углу Екатерининской и Красноуфимской улиц.

20 марта 1901 г. Пермская городская управа разрешила по прилагаемому плану переустройство каменных одноэтажных магазинов с надстройкой на них и служб второго каменного этажа; а также переустройство и расширение 2-х этажного полукаменного дома каменным пристроем и разделкой в нижнем этаже дома окон; и постройку каменных одноэтажных погребов⁹.

В 1917 г. домовладение на углу улиц Екатерининской и Красноуфимской (ныне ул. Куйбышева), 114/33, принадлежало Николаю Алексеевичу Деньшину и было оценено в 23.620 руб. Во втором этаже дома находились меблированные комнаты, принадлежащие Михаилу Алексеевичу Деньшину, под наименованием «Американские номера»¹⁰.

Домовладение на углу ул. Екатерининской и Красноуфимской, 114-33, в 106-м квартале Перми было муниципализировано по Декрету ВЦИК от 20 августа 1918 г.¹¹

В 1918 г. Коммуналдел Пермского Городского Совета эксплуатировал 11 гостиниц и «Советскую квартиру» для приезжающих¹². В 1920-е гг. в Перми продолжали использоваться номера для приезжающих, организованные еще до революции. В период НЭП большая часть из них была сдана в аренду. В 1920-е гг. по адресу ул. Красноуфимская (Куйбышева), 33, находились меблированные номера, или гостиница «Канада», бывшие в аренде у А. Томилова¹³. В 1926 г. Пермский Местхоз (бывший Губкоммуналдел) подал иск о взыскании с А.А. Томилова и М.Н. Копысова неустойки в сумме 1.456 руб. 66 коп. за невыполненный ремонт гостиницы, который они обязаны были сделать по договору, и о расторжении договора на аренду номеров «Канада»¹⁴.

В 1920-е гг. было составлено описание муниципализированного домовладения по адресу: Пермь, угол улиц Троцкого (бывшая Екатерининская, затем Большевикская, с 2014 г. вновь Екатерининская) и Красноуфимской (Куйбышева) № 114-33¹⁵.

Согласно описанию, муниципализированное домовладение в 106-м квартале г. Перми по ул. Троцкого, 114, общей площадью 224,28 кв. саж., в т.ч. застроенной 164,54 кв. саж., под двором — 59,74 кв. саж.,

находилось в ведении Коммуналдела и было сдано в аренду гражданам под жилое и торгово-складочное назначение. На усадьбе — дом № 1: жилой двухэтажный, полукаменный, под железной крышей, фасадом ориентированный на улицу, площадью основания 41,8 кв. саж., — находился в эксплуатации у граждан: А.И. Новак, Е.А. Водовозов, Гальцатовский, Александров и др., объединившихся в жилищно-арендное коммунальное товарищество (ЖАКТ) «Коммуна».

Верхний этаж дома № 1 был занят помещениями, используемыми под жилье граждан, часовую мастерскую Германа; нижний этаж также был занят под часовую мастерскую гражданина Сипятницкого и шляпную мастерскую Когана.

Дом № 2 — жилой двухэтажный каменный под железной крышей, фасадом ориентированный на улицу, площадью основания 96,8 кв. саж. Верх занят — помещения 2-го и 3-го антресольного этажей — под гостиницу «Канада» площадью 96 кв. саж. Помещения в нижнем этаже дома № 2 заняты: под парикмахерскую Водовозова, магазин Александра, мастерскую обуви Т-ва обувщиков (позднее Кустпромсоюз), и т.д.

В начале 1930-х гг. часть помещений в доме по ул. Куйбышева, 33, согласно решению Пермского Горсовета от 26 июля и письменным заявлениям от 10 и 12 августа 1930 г., по договору аренды от 21 августа 1930 г. на срок 1 год и 10 месяцев занимало «Пермское городское шефское общество над деревней». Общая площадь арендуемых помещений — 28,66 кв.м. (под парикмахерскую и склад)¹⁶.

В 1930-1950-е гг. в зданиях на углу ул. Куйбышева, 33, и Большевицкой, 114-116, располагались учреждения электроэнергетического сектора народного хозяйства – Управление «Энергосбыт» и Управление «Энергострой»¹⁷, а также учреждение государственного статистического учета – Пермское агентство «Союзоргучета»¹⁸.

С 12 декабря 1956 г., согласно договору аренды, во 2-м этаже здания по ул. Куйбышева, № 33, разместился Молотовский областной дом Народного творчества¹⁹.

«Областной Дом народного творчества и клубной работы» был создан в 1944 году в соответствии с приказом Комитета по делам искусств при СНК СССР от 2 сентября 1943 г. № 404 «Об организации Дома Народного творчества в г. Молотове» и решением Молотовского Горисполкома от 6 мая 1944 г № 267, с подчинением его областному отделу по делам искусств (до 1953 г.) — для лучшего осуществления руководства художественной самодеятельностью и оказания помощи культурно-просветительным учреждениям в культмассовой работе среди населения. В 1953 г. Дом народного творчества перешел в подчинение управления культуры при Пермском Облисполкоме.

С конца 1956 г. Молотовский дом Народного творчества находился во 2-м этаже здания по ул. Куйбышева, № 33, в служебно-конторском помещении площадью 47 кв.м.²⁰

Дом народного творчества Управления культуры существовал за счет денежных поступлений за оказание методической и практической помощи художественной самодеятельности от профсоюзных клубов: Облпотребсоюз, Облпромсовет, Дворец им. Сталина, Клуб им. Ленина, Клуб им Свердлова, Клуб им. Калинина, Клуб «Прогресс», Клуб им. Овчинникова, Фарминститут, Обком Союза работников лесной и бумажной промышленности, Механический техникум, Горный техникум²¹.

В конце 1950-х гг. во 2-м этаже здания по ул. Куйбышева, 33, размещались: Молотовский областной дом Народного творчества и областное отделение Всероссийского общества хорового пения²², а также областная нотариальная контора, нотариальные конторы Ленинского и Сталинского районов г. Перми²³.

В 1971 г. Молотовский областной дом Народного творчества был объединен с Методическим кабинетом Управления культуры (создан при Молотовском областном отделе культпросветработы в 1946 г., с 1953 г. — методкабинет обл. управления культуры, и с марта 1971 — отдел по клубной работе в составе Областного Дома народного творчества), и стал называться — Областной дом народного творчества и клубной работы.

В 1972—1978 гг. именуется как Пермский областной дом народного творчества, с 1979 по 1990 гг. — Пермский областной научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительной работы. Директором ОНМЦ НТ и КПП был М. Потехин.

Структура ОНМЦ НТ и КПП в этот период объединяла службы и отделы:

- канцелярия,
- отдел научной методики и социологии народного творчества и культурно-просветительной работы,
- отдел политико-воспитательной и культурно-массовой работы,
- отдел самодеятельного художественного творчества,
- отдел самодеятельного изобразительного и прикладного искусства, кинофотолюбительства и технических средств
- организационно-методический отдел.

Основные задачи:

- улучшение руководства клубными учреждениями области,
- оказание помощи в разъяснении и широкой пропаганде материалов съездов КПСС и Совета Министров СССР по развитию зоны Нечерноземья РСФСР,
- повышение роли сельских учреждений культуры в деле воспитания советских людей в духе патриотизма и пролетарского интернационализма,
- оказание практической и методологической помощи по комплексному планированию культурного обслуживания сельского населения,

- укрепление связей учреждений культуры с производством,
- профессиональная ориентация, чествование передовиков производства и колхозных династий,
- пропаганда передового опыта лучших домов культуры и клубов,
- совершенствование работы ранее созданных и организация новых творческих коллективов, повышение идейно-художественного уровня их репертуара, рост исполнительского мастерства и т.д.²⁴

В сеть подведомственных организаций Пермского областного дома народного творчества (ОНМЦ НТ и КПР) входили: 37 районных домов культуры, 12 городских домов культуры; 546 сельских домов культуры, 318 сельских и 146 колхозных и совхозных клубов, 126 автоклубов и 406 автобригад.

В 1979 г., например, согласно «Отчету отдела политико-воспитательной, культурно-массовой работы Пермского научно-методического центра народного творчества и культпросветработы» клубные учреждения были ориентированы на пропаганду и выполнение решений XXV съезда КПСС; пропаганду основного закона «Конституция СССР» и др. Мероприятия сопровождалась показом хроникально-документальных фильмов о Великой Отечественной войне, об освоении целины, о героях Социалистического Труда и т.д.

В 1990-е гг. согласно решению Пермского Горисполкома от 2 февраля 1989 за № 42 и решению Малого Совета Пермского Облсовета от 10 декабря 1992 г. за № 500 помещения во 2-м этаже здания по ул. Куйбышева, 33, закреплены за Центром народного творчества и культурно-просветительной работы Областного управления культуры²⁵.

В 1990—1999 гг. в соответствии с приказом Управления культуры при Пермском облисполкоме от 28 ноября 1990 г., № 179, был учрежден Пермский областной творческий центр. Согласно штатному расписанию на 1 января 1991 г., его структура включала такие отделы, как: литературно-театральный, музыкальный, изобразительного искусства, по работе с детьми, народного творчества, технический, организация концертов и коммерческая работа, и др.; а также творческие коллективы: народный ансамбль песни и танца «Уральский хоровод», народная студия «Этнограф», народная фотостудия «Пермь», народная киностудия «Взгляд», творческое объединение «Пленэр».

Появились новые «Основные задачи»: возрождение и развитие национальных культур и межнациональных культурных связей; оказание информационной и практической помощи учреждениям культуры по основным направления их работы, видам и жанрам народного творчества и досуговой деятельности; формирование культурных запросов и потребностей населения, и др.

Областной творческий центр занимался также организацией и проведением массовых праздников – карнавалов, фестивалей, смотров, конкурсов, дней культуры, тематических вечеров; созданием театрализованных, литературно-художественных представлений и шоу-программ; рекламно-издательской деятельностью и пр.

Центр был ликвидирован в 1999 г. в соответствии с распоряжением губернатора Пермской области от 15 февраля 1999 г.

Кирпичное, «Г»-образное в плане, 2-этажное с подвалом, антресолю и мансардой здание по адресу: ул. Куйбышева, 33, – это образец здания общественного назначения, выполненного в стилистике архитектурной эклектики. Здание перестроено путем надстройки одноэтажных зданий служб и магазинов, вторым каменным этажом по проекту, утвержденному Городской управой в 1901 г. Материал стен – полнотелый керамический кирпич машинной формовки начала XX в.

Крыша скатная, кровля металлическая фальцевая с организованным водостоком. Декоративная отделка фасадов здания с использованием приемов архитектурной эклектики рубежа XIX — XX вв. имеет особенности: фигурный аттик с циркульным слуховым окном над восточным фасадом; венчающий профилированный карниз, филенчатый фриз; рустовка стен 2-го этажа, штукатурные наличники окон с сандриками на кронштейнах, подоконные филенки; междуэтажный филенчатый пояс; портал главного входа, декорированный штукатуркой в стиле «модерн»; навес на цепях; деревянные двери с остекленной фрамугой в стиле «модерн» (с учетом реставрации); витринные окна 1-го этажа.

Интерьеры здания, планировочные решения свидетельствуют о назначении помещений и эксплуатации здания в 1-м этаже под торгово-складочные помещения; и во 2-м этаже планировка помещений, используемых под гостиницу – комнатная с одним центральным коридором. В интерьерах здания сохранились элементы отделки начала XX в.: входные двери деревянные, остекленные в орнаментике «модерна»; центральная лестница – каменные ступени по металлическим косоурам, металлическое кованое ограждение в орнаментике «модерна» и кованое ограждение площадки; профилированные потолочные карнизы, штукатурные панели и филенки на стенах, штукатурные наличники и розетка на потолочном плафоне.

Здание по ул. Куйбышева, 33, является подлинным объектом материальной культуры, свидетельствующем о развитии строительного искусства в Пермском крае, а также с развитием коммунального хозяйства Перми – здесь в 1910 — 1920-е гг. помещалась гостиница «Канада». В первом этаже здания располагались (и располага-

гаются) магазины и предприятия бытового обслуживания населения – парикмахерская, обувная мастерская.

Здание также связано с развитием в Перми и в Пермском крае электроэнергетического хозяйства – здесь в 1930 — 1950-е гг. размещалось Управление Высоковольтных сетей ВВС «Молотовэнерго» Главзападауралэнерго Министерства электростанций СССР. Начиная с середины 1950-х гг. в здании располагались учреждения Управления культуры Пермского Облсполкома – Областной дом народного творчества, плавбаза и областное отделение Всероссийского общества хорového пения.

¹ Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь: Пушка, 2001 – С. 139.

² Трапезников В.Н. Летопись города Перми. – Пермь: Изд. ГАПО, 1998. – С. 38.

³ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 7. Л. 214-259.

⁴ Там же. Л. 243об.

⁵ Там же. Д. 22. Л. 94-94об., 96-98.

⁶ Там же. Л. 114-116.

⁷ Минеев Г.И. Полный адрес домовладельцев губернского города Перми. – Пермь, 1886. – С. 17.

⁸ Раскладка налогов с недвижимых имуществ жителей города Перми. Ч. 2-я. – Пермь, 1899. – С. 84-85.

⁹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 123. Л. 92-94.

¹⁰ Список лиц и учреждений, имеющих на основании ст. 24 Городового Положения, право участия в Городском избирательном собрании для выбора гласных в Пермскую городскую думу на четырехлетний срок с 1917 года. – Пермь, 1916. – С. 17.

¹¹ Список муниципализированных домов гор. Перми // Жилищный вопрос. – Пермь, изд. Перм. коммун. хоз., 1923. – С. 48.

¹² Список гостиниц и служащего в них персонала. 1918 г. // ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 416. Л. 8-9 об.

¹³ ГАПК. Ф. р-423. Оп. 1. Д. 1586. Л. 26-26 об., 29-29 об. Список абонентов Пермской окружной телефонной сети на 1925 год. – Пермь, 1925. – С. 38, 40, 46, 47, 97; Вся Пермь на 1925 год: справ. изд. – Пермь, изд. Быт. ком. при Пермск. Окр. ОГПУ. 1925. – С. 104.

¹⁴ ГАПК. Ф. р-38. Оп. 1. Д. 616. Л. 29.

¹⁵ Материалы к рентному обложению домовладения по ул. Троцкого, № 114. 1924 — 1927 гг. // ГАПК. Ф. р-423. Оп. 1. Д. 1586. 32 л.

¹⁶ Материалы о сдаче в аренду парикмахерской по ул. Красноуфимская, № 33. 1930 — 1931 гг. // ГАПК. Ф. р-423. Оп. 1. Д. 1772. 9 л.

¹⁷ ГУП «ЦТИ Пермского края» Инв. дело № 27788. Л. 86, 110; Справочник города Перми. – Пермь: Изд. Пермского межрайон. РК милиции, 1933. – С. 15.

¹⁸ Справочник города Перми – Пермь: Изд. Пермского межрайон. РК милиции, 1933. – С. 16.

¹⁹ Сметы расходов Дома Народного творчества 1957 — 1958 гг. // ГАПК. Ф. р-927. Оп. 1. Д. 99. Л. 16-16об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 5-11.

²² Пермь: краткий справочник улиц, учреждений, предприятий и транспорта по состоянию на 1 октября 1959 г. – Пермь: Изд. газеты «Звезда», 1959. – С. 196, 227.

²³ Там же. – С. 201.

²⁴ Отчет Областного Научно-Методического центра народного творчества и культурно-просветительной работы за 1979 год. // ГАПК. Ф. р-972. Оп. 1. Д. 1598. Л. 4.

²⁵ ГУП «ЦТИ Пермского края». Инв. дело № 27788. Л. 64.

«ДОЛГО СКРЫВАЛСЯ В ВАННОЙ КОМНАТЕ НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ...»

**(о великом князе Михаиле Романове
и судьбе «Королёвских номеров»)**

О здании бывшей первоклассной гостиницы «Королёвские номера», что находилась в доме № 5 (ранее – № 3) на улице Сибирской, в последние годы появилось несколько статей¹. Интерес к этому памятнику истории и архитектуры регионального значения² вызван в немалой степени тем, что в городе Перми уже много лет обсуждается вопрос о музеефикации всего здания или хотя бы части его в связи с проживанием в «Королёвских номерах» великого князя Михаила Александровича, формально являвшегося последним царём Российской империи. В одной из статей журналист и краевед Варвара Владиславовна Кальпиди писала:

«Сейчас гостиница находится в бедственном положении, требует ремонта. Наилучшим решением её судьбы стало бы создание здесь музея Михаила Романова – как одного из членов династии Романовых и одновременно родоначальника демократических перемен, одной из первых жертв красного террора. Человека, которого вполне можно считать образцом патриотизма, мужества, образованности, аристократизма и многих других положительных человеческих качеств»³.

О пребывании Михаила Романова в Перми напоминает мемориальная (вторая по счёту) доска, установленная на фасаде здания гостиницы⁴.

С 1980 г. здание фактически не использовалось и пришло в аварийное состояние. Затем здесь располагалась гостиница Пермского обкома КПСС, в 1991 г. здание передали управлению культуры для организации общежития Пермского государственного академического театра оперы и балета имени П.И. Чайковского⁵.

Если вопрос со статусом здания, по мнению экспертов, вполне решаем, то, как утверждают скептики, его нечем будет наполнить. Так ли это? Как утверждают некоторые краеведы, где-то во дворе сохранилась закопанная в землю гостиничная ванна, её надо бы отыскать. Но это предположения. Точно известно, что имеются артефакты, относящиеся к романовской теме, в Пермском краевом музее. Бывший директор Пермского краеведческого музея, почётный гражданин города Перми Людмила Григорьевна Дворсон говорила, что часть экспонатов пропала, на что я тогда заметил, что надо бы возбудить следствие и установить, когда и куда эти вещи исчезли. Но увы, этот вопрос до сих пор остаётся без ответа. А

если поскрести по сусекам в других музеях и поискать в частных собраниях у коллекционеров и краеведов, то найдутся, насколько мне известно, многие интересные вещи, которыми можно будет (с согласия владельцев) пополнить Романовский музей, и сомнения скептиков отпадут сами собой.

Так, в своё время (к сожалению, я не зафиксировал дату) кандидат исторических наук, бывший директор архива Пермского обкома КПСС Вадим Григорьевич Светлаков (1940—2013) преподнёс мне просто царский подарок: изящную ручку, изготовленную «под золото», от одной из дверей бывшей гостиницы «Королёвские номера» (её можно увидеть на временной выставке в пермской библиотеке № 32 – просветительском центре «Библиотека духовного возрождения», что на улице Мира, 84) и ксерокопию рукописи очень коротких воспоминаний (это, скорее, справка к преподнесённому мне раритету) одной женщины, фамилию и имя которой Вадим Григорьевич мне не назвал, о реконструкции здания гостиницы и о судьбе великого князя Михаила Александровича Романова (1878—1918), проживавшего в «номерах».

Автор справки-воспоминаний, сообщив, что в 1988 г. началась реконструкция «Королёвских номеров» (смею предположить, что тогда, видимо, у неё и появилась дверная ручка), замечает, что начатые работы вызвали негативную реакцию у журналистов газет «Советская культура» и «Комсомольская правда», которые «возмутились тем, что руководство города в лице начальника отдела культуры Л.А. Лисовенко и директора театра оперы и балета М.С. Арнопольского не побеспокоились о сохранении исторического здания». И далее приводит примеры утрат: «На первом этаже при снятии штукатурки были обнаружены портреты Николая II и его жены Александры Фёдоровны. Однако эта находка не была сохранена, как и большая фарфорофарфяная ванна с амурами на втором этаже. Она исчезла в неизвестном направлении». Эта информация, надо сказать, приходит в противоречие с заявлениями краеведов. Но вдруг эта ванна сохранилась и находится у кого-нибудь дома или на даче? Хочется в это верить.

Вызывает умиление пассаж о посещении гостиницы в 1988 г. бывшим швейцаром (имя его не упомянуто), служившим до Октябрьской революции 1917 года в «Королёвских номерах»:

«Он долго ходил по зданию и потихоньку ворчал, был очень недоволен. Семью он имел до революции большую, шестерых детей и жену, однако работал один, но все жили в достатке, потому что, помимо жалования, у него были чаевые от приезжих серебром и золотом».

Насчёт серебра и золота можно усомниться, а остальное оставим без комментариев.

В 1988 г. «в гостях у пермяков», как пишет автор, побывал астролог Павел Павлович Глоба. Он сообщил жителям Перми «о тяжёлой ауре в здании гостиницы» (это понятно, вроде как по его ведомству), «а самое главное – о бесхозяйственности местных властей, допустивших потерю исторических ценностей» (!) Надо полагать, просто дал оценку тому, что слышал от сопровождавших его людей.

Отягощает повествование ремарка о том, что «в период строительных работ погиб один строитель, а второй стал инвалидом». Эти несчастные случаи, надо понимать, произошли из-за «тяжёлой ауры» в «Королёвских номерах»? Если вспомнить о других инцидентах на стройках Перми (например, с китайскими рабочими в Балатово), то на «тяжёлую ауру» этого не спишешь – думаю, было, как всегда, нарушение техники безопасности при проведении работ.

Самую потрясающую информацию автор воспоминаний приводит в последнем абзаце: «Брат Николая II Михаил Романов в 1918 году долго скрывался в здании на втором этаже в ванной комнате с замурованной дверью. В ванной находился пулемёт».

Откуда взялись такие подробности, сказать трудно⁶. По всей видимости, это результат мифологизации исторического события в общественном сознании, в исторической памяти народа. Их надо знать, собирать, изучать. Ибо мифы важны для понимания истории и психологии людей. Тем более с такими подробностями и столь красочные. Мифов в мировой, да и пермской истории, множество: вспомним хотя бы мифы о тюремном саде в Разгуляе, посаженном якобы декабристами; о «башне смерти» – здании Пермского краевого управления внутренних дел; о чеховских «трёх сестрах», прототипы которых жили, по мнению местных краеведов, в Перми; о том, что пастернаковский город Юртин – это Пермь, Все они давно стали брендом нашего краевого центра. А мифы о «Королёвских номерах» и великом князе Михаиле Александровиче могут украсить лекцию экскурсоводов по будущему музею Романовых в Перми. Разумеется, с указанием, что это — миф.

¹ См.: *Спешилова Е.Н.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723—1917. – Пермь, 1999. – С. 225-226, 287-289; *Колбас В.С.* Вклад Л.С. Кашихина в изучение архитектурных памятников Прикамья (гостиница «Королёвские номера» в Перми) // Пермский дом в истории и культуре края: материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. / сост. и ред. Т.И. Быстрых. – Пермь, 2008. – С. 119-123; То же. 2-е изд. – Пермь, 2009. – С. 119-123; *Колбас В.С.* Гостиница «Королёвские номера» в городе Перми // Уральская Голгофа: материалы III межрегион. науч.-практ. конф. / сост. Л.В. Перескоков. – Пермь, 2008. – Вып. 3. – С. 86-91; *Кальпиди В.В.* Как Королёвские номера стали Королевскими (ул. Сибирская, 5) // Пермский дом в истории и культуре края. – Вып. 2. – Пермь, 2009. – С. 141-145.

² См.: Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь, 2001. – С. 123; Историко-архитектурное наследие Пермского края: каталог-справочник. – Пермь, 2011. – С. 455.

³ *Кальпиди В.В.* Как Королёвские номера стали Королевскими (ул. Сибирская, 5)... — С. 145.

⁴ *Субботин Е.П., Семянников В.В., Серов М.И.* Мемориальные доски Перми: справочник. – Пермь, 2008. – С. 91-92.

⁵ См.: Историко-архитектурное наследие Пермского края: каталог-справочник. – Пермь, 2011. – С. 455; *Кальпиди В.В.* Как Королёвские номера стали Королевскими (ул. Сибирская, 5)... – С. 145.

⁶ О пермском периоде жизни М.А. Романова см.: Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы: документы, материалы следствия, дневники, воспоминания / сост.: В.М. Хрусталёв, Л.А. Лыкова. – Пермь, 1996; а также сборники науч.-практ. конф. «Уральская Голгофа» (Пермь, 2006—2010), вып. 1-5; *Гладышев В.Ф.* По царскому следу: династия Романовых и Прикамье. – Пермь, 2015.

КУДА ПРИВОДЯТ ЛЕГЕНДЫ (Дом Групильтон, ул. Горького, 30)

Жили-поживали, строили и клады копали, прославились в свое время и... что, конец?

Однажды приходит время, и оживают легенды. Одна из них — Дом Групильтон — желтый трехэтажный особнячок по адресу — ул. Горького, ранее Соликамская, 30.

Восстановлен особняк в 2004 году, а теперь оживает для новой страницы своей истории. Творение знаменитого архитектора Ивана Свиязева, он стал его лебединой песней, так как в 1832 г. мастер уехал из Перми, и больше здесь не строил. Хотя горожанам он известен как автор более чем тридцати строений губернского центра, включая ротонду в Городском саду, училище для детей канцелярских служащих (корпус Педагогического университета), здание духовной семинарии (бывшее ВКИУ), обелиски Сибирской и Казанской застав, Дом губернатора, здание Благородного собрания.

Основоположник промышленного строительства, Иван Иванович Свиязев строил медеплавильную фабрику Мотовилихинского завода и другие предприятия. И.И. Свиязев был не только теоретиком и практиком архитектуры и отопительной техники, преподавателем, он был еще и популяризатором научных знаний, общественным деятелем, историком, мемуаристом, поэтом. В течение семи лет редактировал труды Вольного экономического общества. И стал основоположником целого направления — промышленной архитектуры. Всеми миру Свиязев известен как один из создателей шедевра русской архитектуры: в 1839 — 1846 гг. он служил старшим архитектором на сооружении Храма Христа Спасителя в Москве.

Архитектор Свиязев был автором оригинальных инженерных решений, многие из которых реализовались в доме Групильтон.

По словам реставраторов, в этом доме он раскрыл свой гений по максимуму. Например, реализовал один из первых кондиционеров. Кондиционирование достигалось особой веерной системой кладки кирпичей. Отопление дома без гари, экологически чистое, производилось за счет укладки большого слоя особым способом прокаленного песка над потолком, который обнаружили в процессе перестройки дома уже в наши дни. Это же давало отличную звукоизоляцию. По мнению специалистов, дом был идеален для комфортного проживания в нашем климате и тогдашних бытовых услови-

ях. Здание было украшено так называемым французским балкончиком, выходящим во двор. Бригаде реставраторов во главе с Геннадием Возженниковым многое удалось восстановить. Сохранена была практически полностью внутренняя планировка здания, лестница, кабинет, гостиная.

Кстати, накануне принятия решения о реставрации дома, прошли самые первые в истории Перми общественные слушания. В результате мы сейчас имеем то, что имеем: возможность любоваться домом по адресу ул. Горького, 30, — это одно из самых красивых, хотя и внешне скромных зданий административного центра Перми. Сейчас там расположена частная стоматология ЮНИТ, которая продолжает заботиться о сохранении строения и поддержания в нем атмосферы старины и благородства. Здесь даже открыли цикл вечеров «У камина», которые проходят в бывшей гостиной Дома Групильтон.

Естественно, интересно, кто же был владельцем этого здания. А был им пермский полицмейстер Павел Михайлович Групильтон, после его смерти владелицей стала супруга — Татьяна Матвеевна Групильтон. Поэтому логично, что сохранилось название объекта именно так — «Дом Групильтон» (а не Групильтона).

Из метрических записей известно, что поженились Павел Михайлович Групильтон и Татьяна Матвеевна Марьяна 13 февраля 1856 г., а вступил он в должность пермского полицмейстера — 10 июня 1869 г. В круг обязанностей входило обеспечение порядка в городе Перми (на тот момент — 16 тысяч населения, да в Мотовилихе — 8000 человек, плюс окрестности, деревни Горюшка, Горки, Ермилиха, в одну сторону — 12 верст, в другую — 7 верст). Он был обязан присматривать также за арестантами, которых, бывало, через Пермь «проходило до 600 человек, поступавших сюда на пароходах». Встреча и отправка арестантов, наблюдение за тюремным замком, где содержались пересыльные, — это также входило в его обязанности. А еще он должен был лично присутствовать на месте каждого происшествия. И был ответственен за соблюдение тишины и порядка в окрестностях и на пристанях. Все эти свои обязанности П.М. Групильтон описывает в документе, речь о котором пойдет ниже.

По словам полицмейстера, получив должность, он обнаружил в делах застой и беспорядок, доставшийся ему от предшественника. Причем, дела не разбирались с 1863 года, о чем он и пишет в ответах на вопросы следствия, которое было заведено на него именно за то, что был нерасторопен в делах. Павел Михайлович

замечает, что проводил за разбором бумаг (которых получал ежедневно не менее 90 штук) не только дни, но и вечера, и ночи. Иногда — прибегая к помощи жены, вынося бумаги из полицейского управления. Возможно, работал допоздна в том самом кабинете в своем доме, местоположение которого известно. Правда, сейчас кабинет перестроен и разделен на две части, по просьбе первого заказчика. Однако реставраторы уверенно показывают даже место, где стояла конторка хозяина...

Так или иначе, претензий к деятельности городского полицмейстера оказалось немало. Среди списка вменяемых Групилюону правонарушений, было несвоевременное или неполное взыскание денег, в частности, вместо 1000 руб. по иску мещанина Дьяконова с купца Петрова было взыскано всего 500 руб. Из чего следует вывод — то, что сейчас входит в обязанности судебных приставов или исполнителей, так же было обязанностью полицмейстера. Но главное, за что был отправлен в отставку со своего поста пермский полицмейстер — это многочисленные жалобы на него от жителей города.

О сути этих претензий говорит архивное дело: «О пермском полицейском полицмейстере Групилюоне, преданном суду за неправильное арестование мещан Никулина и Волкова» (ГАПК. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1045).

Сенатская комиссия в составе 9 членов рассматривала жалобы на действия Павла Михайловича путем вопросов и ответов на них, которые бывший полицмейстер штабс-капитан Групилюон давал письменно. Среди противозаконных поступков, за которые он был предан суду, был в частности, такой случай, который произошел в пермском коммерческом (иногда в тексте — «купеческом») клубе. Ярославский мещанин Волков «во время спектакля даваемого там художником Херувимовым» во втором антракте, «проходя через буфетную» (!) был остановлен полицмейстером, который сообщил ему, что на него имеются жалобы от его заказчиков. Волков возмутился, что полицмейстер делает ему замечание в публичном месте вместо того, чтобы вызвать его в участок. Тут Групилюон замечает, что Волков, по-видимому, пьян (что за ним частенько наблюдалось), и требует, чтобы он покинул помещение клуба. Но тот отвечает ему новой дерзостью и заявляет, что не уйдет. Тогда полицмейстер зовет унтер-офицера, который находился в прихожей, и отправляет Волкова в арестантскую ком-

нату при полицейском управлении, где он проводит в общей сложности 10 часов. Наутро там происходит еще одна сцена, когда Групилюон требует от Волкова держать руки по швам и, по-видимому, не избегает рукоприкладства... Жалоба парикмахера Волкова рассматривалась в присутствии свидетелей в виде очной ставки и в присутствии свидетелей.

Это дело, объединенное с другими проступками (в частности, с содержанием под арестом мещанина Никулина, который провел 4 месяца и 25 дней в Пермском полицейском управлении с выдачей на карманные расходы по 5 копеек в день, а далее отсидел 4 месяца в Екатеринбургском остроге без предъявления ему обвинений), — и привело к увольнению Групилюона.

В отставку (на пенсию) Павел Михайлович ушел с должности заведующего полицейской частью на золотых промыслах в Екатеринбургском уезде по состоянию здоровья, о чем испрашивал начальство в 1890 г. Его годовая пенсия равнялась 500 рублям.

Умер Павел Михайлович в 1900 г. Дом перешел в собственность его супруги. Татьяне Матвеевне Групилюон принадлежали дома с 20-го по 25-й по Соликамской улице (левая сторона, 1 часть). Этой недвижимостью она и владела до своей смерти в феврале 1917 г.

По всей видимости, в доме проживал и сын, Михаил Павлович Групилюон, действительный статский советник, прокурор Пермского окружного суда, о чем имеются упоминания в календарях-справочниках города Перми. Сын его, Дмитрий Михайлович, был членом Камско-Волжского коммерческого банка незадолго перед революцией, а позднее работал бухгалтером в уездном финансовом отделе уже в советское время.

Но с домом Групилюон связана еще одна легенда, которая нашла подтверждение во время реставрации здания. Она гласит, что в одну из комнат после Декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» и начавшейся вскоре процедуре уплотнения, вселилась бывшая прислуга семейства Групилюон. Да не одна, а с неким молодым человеком, который нужен был ей для того, чтобы помочь в извлечении клада из тайника, о котором ей, по-видимому, было хорошо известно.

В том, что это ей удалось, нет сомнений у архитектора-реставратора здания Геннадия Возженникова. Прятать что-то на черный день было распространенной традицией. Возможно, сокровища, приготовленные к отъезду или просто сокрытые от чужих глаз, дей-

ДОМ ЖИЛОЙ ПЕРМСКИХ ПУШЕЧНЫХ ЗАВОДОВ (ул. КИМ, 46)

ствительно хранились за отверстием в камине, так как в этом месте при реставрации здания был обнаружен небольшой тоннель. А в этом тоннеле строители наткнулись на старинный литой молоток и долото, а также емкости для выгребаемого. Для того, чтобы проделать лаз, приходилось долбить кирпич. Возможно, клад был найден и использован предприимчивой парочкой... Успевшей, по давней традиции, упомянутой Ильфом и Петровым в романе «Золотой теленок», добежать-таки до финской границы.

Дома Т.М. Групильтон в 85-м квартале Перми сохранились не полностью, а упомянутый нами особняк позднее стал носить номер 30 по улице Соликамской (ныне ул. Горького).

Работа над легендой дома Групильтон и его историей продолжается по сей день. Интерес к ней поддерживается вечерами «У камина», которые проходят в гостиной дома по средам, и собирают клиентов компании ЮНИТ, интересующихся историей, краеведением, самопознанием.

В Перми в Мотовилихинском районе, в микрорайоне Рабочий поселок, по улице КИМ (имени Коммунистического Интернационала молодежи; ранее именовалась — Пухаревская, Соколовская) находится двухэтажный полукаменный дом № 46. Дом, построенный в 1912 г., тесно связан с историей старейшего в Перми предприятия оборонного комплекса ОАО «Мотовилихинские заводы» (ранее «Пермские пушечные заводы», Мотовилихинский механический завод, машиностроительный завод им. Ленина). «Мотовилихинские заводы», — по словам известного журналиста С.Л. Федотовой, — «всегда были чем-то большим, чем просто завод. По сути, это отдельный город со своими традициями, героями и легендами»¹.

С 1738 по 1863 гг. в устье р. Мотовилихи существовало предприятие металлургической промышленности Мотовилихинский казенный медеплавильный завод, занимавшийся выплавкой наиболее чистой, т.н. штыковой меди, которая отправлялась на Екатеринбургский монетный двор для производства монет. К 1858 г. в штатах Мотовилихинского завода состояло мастеровых — 1363 и урочных рабочих — 1149 человек².

В 1863—1864 гг. в селении Мотовилихинского завода началось строительство сталепушечного и чугунопушечного заводов, объединенных в 1871 г. под общим наименованием «Пермские пушечные заводы». Выбор места для строительства нового предприятия был обусловлен «наличием большого количества привычного к заводским работам населения, удобной водной транспортной артерией, пригодной для получения сырья и отправки готовой продукции»³.

В начале XX века Пермские пушечные заводы являлись крупнейшими в России и в Европе производителями артиллерийских орудий, лафетов и снарядов, изготавливая в год по 180—200 орудий различных систем и до 200—300 черновых комплектов, а также 140—150 тыс. снарядов различных типов и калибров. Пермские Пушечные заводы отличались передовым в тот период времени уровнем техники и оборудования, позволяющим выполнять наиболее ответственные и сложные заказы военного и морского министерств. В 1875 г. был пущен в действие знаменитый Мотовилихинский паровой молот, позволяющий обрабатывать крупные изделия весом в 50 тонн; с 1876 г. на заводе, наряду с древесным угольным топли-

вом для плавки металла, начали использовать газовое топливо в печах системы Сименса; с 1890 г. на Пермских пушечных заводах применялась электрическая плавка металлов по методу горного инженера Н.Г. Славянова⁴.

С начала строительства Пермских пушечных заводов, кроме заводских цехов, складских и прочих производственных сооружений, было начато строительство жилых домов и социально-бытовых объектов. На прилегающей к заводу площади были построены здания-памятники истории и культуры Пермского края: «Дом, в котором жил электротехник Н.Г. Славянов (1893—1897 гг.)», ул. Свердлова, 32; «Дом, в котором жил Н.Г. Славянов и где находилась его лаборатория» (1888—1893), ул. 1905 года, 37; «Жилой дом Пушечных заводов, где в 1917 году находился штаб Красной гвардии», ул. 1905 года, 20, и «Дом главного механика Пермских пушечных заводов», ул. 1905 года, 22⁵.

Социально-бытовое и жилищное строительство Пермских пушечных заводов производилась также на свободном от жилой застройки месте. В Заивинской части селения Мотовилихинского завода были построены — здание казенного госпиталя на 28 кроватей с каменным зданием аптеки; каменные и деревянные жилые дома для квартир начальствующих лиц, инженеров и врачей⁶. Здесь в 1910 г. для заводского госпиталя было построено двухэтажное кирпичное здание с полуподвалом, ныне известное как памятник истории Пермского края: «Здание, где в хирургическом отделении Мотовилихинской больницы работал Н.М. Степанов (1938—1960 гг.), ул. Грачева, 12⁷.

Водоснабжение завода и жилого поселка осуществлялось при помощи двух водопроводных сетей. Старая водопроводная сеть длиной 1600 пог. саж. (3413,7 м) была построена во время основания завода, ее питание происходило из старого заводского пруда, находящегося в центре поселения Мотовилихинского завода. Новый водопровод, построенный на рубеже XIX—XX вв., источником воды имел р. Каму, общая длина его составляла 2300 пог. саж. (4907,3 м). Новый водопровод, помимо водоснабжения завода хозяйственно-питьевой водой, снабжал водой заводской госпиталь и казенные дома, расположенные в районе, именуемом Заива (за речкой Ивой). Для получения воды на уровне 26 саж. (55,47 м) над уровнем заводской площади была установлена кирпичная водонапорная башня (ныне памятник архитектуры и градостроительства «Водонапорная башня» по адресу ул. А. Барбюса, 54) с железным клепаным резервуаром емкостью 38000 ведер воды⁸.

В 1903 г. по проекту пермского строительного-архитектурного бюро А.Б. Турчевича в Заивинской части на пути к кладбищу была построена Свято-Николаевская церковь (разрушена в 1930 г.)⁹ В настоящее время на территории бывшего заводского кладбища (ул. Уральская, Рабочий поселок) находится «Мемориал заводчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)», который воздвигнут заводом к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне в 1985 г. по проекту заводского архитектора Т. Селиджанова и известного скульптора В.М. Клыкова¹⁰.

Ежегодно Пермские пушечные заводы представляли органам земского управления сведения о принадлежащем заводу движимом и недвижимом имуществе, необходимые для обложения этого имущества земскими сборами и налогами. В 1911 г. был составлен реестр недвижимого имущества, принадлежащего Пермским пушечным заводам, в состав которого вошли не только производственные и складские здания, но также жилые дома и объекты социально-бытового назначения: квартиры начальствующих лиц, заводской госпиталь, театр, почтовое отделение¹¹. В числе этих домов указаны два двухэтажных полукаменных дома, под № 11 и 12.

Под № 12 двухэтажный полукаменный дом, Г-образный в плане, с сенями: длина в наибольшей части — 11 саж., в наименьшей части — 8,7 саж., ширина — 7,6 саж., высота 4,2 саж.; объем дома 307 куб. саж. Дом под железной крышей с холодными и теплыми службами, занят квартирами заведующего чугунолитейной в нижнем этаже, и заведующего орудийной верхний этаж, и второй дом, занятый почтовым отделением¹².

В 1918 г. по требованию Мотовилихинского Совета рабочих депутатов был составлен список: «Сведение о казенных домах Пермских пушечных заводов, занимаемых служащими и разными учреждениями», в котором сообщены более подробные сведения о качественных показателях домов.

В списке под № 11 и 12 указаны два двухэтажных полукаменных дома, построенные соответственно в 1907 и 1912 гг. Двухэтажный полукаменный дом под № 12 на усадьбе площадью 667 кв. саж. (3036,34 кв. м.) был построен в 1912 г.¹³ Размеры дома 10,0 x 7,5 x 4,25 саж. (21,34 x 16,02 x 9,07 м); при доме были служебные постройки, дворницкая, две бани, три дровяника, сад и огород. Освещение дома обеспечивалось электролампами в 60 свечей, отопление печное — 14 печами. Дом был подключен к заводской системе водопровода, при доме были две ванны. Общая строительная стоимость построек и инвентаря — 16349 руб. 63 коп.,

действительная стоимость на 1 апреля 1918 г. – 12108 руб. 70 коп. Дом был разделен на две квартиры, в одной из которых проживал заведующий сталелитейным и кирпичедельным цехами горный инженер Сергей Федорович Шнее за плату в 600 руб. в счет квартирного довольствия¹⁴, и во второй — заводской врач, доктор А.Ф. Кестранек – «пока бесплатно»¹⁵.

В 1930-е гг. домовладение по ул. КИМ, 46, на основании постановления ЦИК СССР от 17 января 1937 г., было передано на баланс предприятия п/я № 210 (Мотовилихинский машиностроительный завод им. В.И. Ленина).

27 октября 1955 г. Пермским городским бюро технической инвентаризации (БТИ) была произведена регистрация государственной собственности за Пермским машиностроительным заводом им. В.И. Ленина в квартале № 1085 Молотовского района г. Перми на объект недвижимости по ул. КИМ, 46: «состоящее из 2-х этажного полукаменного жилого дома лит. «А» и 1-но этажный деревянный жилой флигель лит. «В» построены до 1917 г., площадь земельного участка 3357 кв.м.»¹⁶

В начале 1970-х гг., в связи с проектируемой застройкой микрорайона Заива, жители дома были расселены; в доме размещена заводская гостиница под названием «нулевка», которая функционировала здесь до начала приватизации предприятия. При решении об открытии гостиницы в доме ул. КИМ, 46, – тогда же руководством завода обсуждался вопрос об открытии в нем ведомственного детского сада¹⁷.

В 1991 г., согласно данным БТИ в здании функционировала заводская гостиница (разрешение и проектные документы на оборудование гостиницы отсутствовали). При акционировании машиностроительного завода им. В.И. Ленина имущество было внесено в план приватизации, и с 11 декабря 1992 г. являлось собственностью АО «Мотовилихинские заводы», которое ходатайствовало перед Администрацией г. Перми дать согласие на переоформление указанных зданий (дом и флигель) под «гостиницу для командировочных»¹⁸.

30 ноября 1993 г. недвижимое имущество по адресу г. Пермь ул. КИМ, 46, постановлением администрации г. Перми № 1655 было утверждено в перечне объектов муниципальной собственности¹⁹. 24 мая 1994 г. областной комитет по управлению госимуществом сообщил руководителю комитета по управлению имуществом АО «Мотовилихинские заводы» Л.И. Силингу, что к списку «Объекты непроизводственной сферы, входящие в уставный капитал АО «Мотовилихинские заводы», относятся — двухэтажный полукаменный дом инв. № 2197 и одноэтажный деревянный флигель инв. № 2165,

расположенные за пределами производственной площадки завода в квартале № 1085 Молотовского района г. Перми, по ул. КИМ, 46²⁰. 1 июня 1994 г. был представлен перечень имущества объектов непроизводственной сферы завода им. В.И. Ленина, находящихся за пределами производственной площадки завода, вошедших в уставный капитал ОАО «Мотовилихинские заводы», в том числе: под № 41 одноэтажный деревянный флигель инв. № 2165 и под № 42 гостиница инв. № 3258»²¹.

8 июня 1994 г. дирекция жилищно-коммунальных объектов ОАО «Мотовилихинские заводы» отношением № 092-252 сообщило руководителю комитета по управлению имуществом АО «Мотовилихинские заводы», что «действующих ордеров в дом по ул. КИМ, 46 (основной и флигель) – нет, т.к. эти дома являются нежилыми и используются под гостиницу под названием «нулевка»²². А 2 июня 1994 г. руководство ОАО «Мотовилихинские заводы» сообщило главе администрации города Перми В.Е. Филю о том, что в управлении бывшего машиностроительного завода им. В.И. Ленина в составе госимущества находились полукаменное двухэтажное здание и флигель по ул. КИМ, 46, в котором до 1974 г. проживали руководители машиностроительного завода им. В.И. Ленина: директор В.Н. Лебедев, главный инженер М.С. Гринев, парторг, он же руководитель кадровой службы Степанов и главный технолог Володин²³.

В связи с этим в архиве управления департаментом персонала ОАО «Мотовилихинские заводы» были запрошены личные дела перечисленных руководителей предприятия. При просмотре личных дел руководителей предприятия было установлено следующее:

Виктор Николаевич Лебедев (25.04.1910, Петербург – 22.03.1976, Пермь) – родился в семье служащего. Отец его служил в Мировом суде писмоводителем, мать работала швеей на фабрике Леонтьева. В 1916 г. Виктор Лебедев поступил в начальную школу, после окончания школы был чернорабочим на заводе им. Коминтерна. В 1928 г. поступил в Ленинградский металлургический институт. В январе 1932 г., после окончания Ленинградского металлургического института, молодой инженер, специалист прокатчик «в 1932 году комиссией ВСНХ направлен на завод № 172 Министерства Вооружения, где работал начальником смены, начальником технологического бюро в сортопрокатном цехе, затем старшим инженером по монтажу и пуску нового прокатного цеха. После пуска цеха назначен на должность начальника Техбюро нового цеха. С 28 ноября 1935 г. по 30 декабря 1936 г. проходил службу в рядах РККА. 7 января 1937 г. вернулся на Мотовилихинский машиностроительный завод им. В.И. Ленина, работал инженером в цехе № 24, с 1 сентября 1937 г. – нач. Техбюро цеха.

3 января 1941 г. указом Президиума Верховного Совета № 666-р награжден орденом «Знак Почета» за заслуги в области создания и освоения в производстве новых образцов вооружения. 3 августа 1942 г. приказом директора завода Быховского В.Н. Лебедев был назначен начальником металлургического производства завода. 18 февраля 1944 г. за выдающиеся заслуги в деле освоения новых видов артиллерийского вооружения и образцовое выполнение заданий ГКО награжден орденом Красной Звезды. 28 июня 1945 г. за выдающиеся заслуги в деле освоения новых видов артиллерийского вооружения и образцовое выполнение заданий ГКО В.Н. Лебедев был награжден орденом Трудового Красного Знамени, и с 1 февраля 1946 г. получил назначение на должность зам. директора по металлургии. В 1930-е гг. В.Н. Лебедев жил в гор. Молотово, Рабочий поселок, дом № 11 – кв. 7²⁴.

С 4 мая 1952 по 22 марта 1976 г. в течение почти 24 лет Лебедев Виктор Николаевич — директор Пермского машиностроительного завода им. Ленина. Этот период истории Пермского машиностроительного завода им. В.И. Ленина неразрывно связан с судьбой этого сильного человека. Именно из этого времени пошел термин «градообразующее предприятие», смысл которого был в том, что руководство предприятия несло ответственность за все, что имело отношение к жизни человека, ее бытовой стороне. В то время бытовало твердое убеждение, в том, что вложение капитала в социальную сферу для предприятия выгодно, потому что это нужно людям, работникам предприятия. В то время наиболее острый вопрос для любого предприятия – вопрос квартирный, люди годами стояли в очереди на получение жилья и на улучшение жилищных условий. Благодаря руководству завода в этот период 1720 семей работников предприятия получили квартиры в новых домах. В этот период социальная инфраструктура Мотовилихинского района развивалась за счет капиталовложений машиностроительного завода им. Ленина: в 1968 г. продолжилось строительство фабрики-кухни, которая 8 июня 1970 г., присоединив к себе сеть заводских столовых, стала комбинатом питания, обслуживающим население всего Мотовилихинского района. Был построен большой склад для хранения картофеля, овощей и других продовольственных продуктов. Тогда же началось строительство хоккейного стадиона СК «Молот» на 16 тыс. зрителей. В 1970-х гг. вступили в эксплуатацию бытовой комбинат на 100 рабочих мест, 2 детских комбината на 420 детей, появился детский спортивный лагерь.

В эти же годы был построен Дворец Культуры им. Ленина, финансирование строительства которого было целиком за счет завода. Сама стройка была народной: дворец возводился руками работников завода. Восемь лет шло строительство дворца по проекту архитектора Корнфельда. 19 октября 1963 г., к 100-летию закладки Пермского ста-

лепушечного завода, дворец принял первых посетителей. В конце официальной части для гостей был устроен грандиозный банкет. Вскоре после торжества в одной из центральных газет появился фельетон, повествующий о роскошествах Мотовилихи и ее руководителя. Автор собрал в кучу все: отступление от проекта – гранитные колонны и дорогой мрамор на полах, устроенный банкет и т.д. Общая мысль была такова, что директор Пермского машиностроительного завода разбазаривает государственные средства. Это по тем временам серьезное обвинение грозило В.Н. Лебедеву не только партийным взысканием. Его вызвали для объяснения в Москву. Вскоре после этого на завод приехал секретарь ЦК КПСС А.П. Кириленко. Виктор Николаевич Лебедев показал ему предприятие, возил по району, который в тот период с помощью завода активно застраивался. Побывали они и во Дворце культуры. Осмотрев его, А.П. Кириленко сказал: «Достойный Дворец для достойного коллектива»²⁵.

В личном деле В.Н. Лебедева записано: «За период работы на заводе им. В.И. Ленина В.Н. Лебедев накопил большой производственный опыт в руководстве крупнейшим по Союзу заводом. Под руководством Лебедева завод успешно справляется с поставленными задачами по освоению сложных специальных изделий. На протяжении своей трудовой деятельности т. Лебедев зарекомендовал себя технически грамотным руководителем, обладающим способностями опытного администратора и хорошего организатора, а также активного общественника – в 1960-е гг. являлся членом Совета Западно-Уральского Совнархоза, членом промышленного обкома КПСС, членом горкома КПСС, депутатом городского совета. В 1961 г. В.Н. Лебедев удостоен звания Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» за «выдающиеся заслуги в создании образцов ракетной техники и обеспечение успешного полета советского человека в космическое пространство».

В 1971 г. В.Н. Лебедев был награжден орденом Октябрьской Революции. В 1973 г. ему присвоено звание Почетный гражданин г. Перми. В 1970-е гг. В.Н. Лебедев являлся также депутатом Верховного Совета РСФСР от Пермской области. В.Н. Лебедев, по воспоминаниям заводчан, был не просто выдающимся администратором и руководителем завода, но и «душой компании», любил хорошо отдохнуть; любил музыку, сам неплохо играл на рояле. В.Н. Лебедев был хорошим семьянином. Он женился в 1937 г. на Рихтер Виктории Александровне, в 1960-е гг. она работала в МСЧ № 4 врачом-рентгенологом. В 1940 г. у них родилась дочь Ирина (в 1960-е гг. И.В. Коротаева, врач в МСЧ № 9, жила отдельно от родителей); в 1942 г. — дочь Марина (в 1960-е гг. М.В. Лебедева, журналист, редактор радиостудии); и в 1946 г. сын Александр (в 1960-е гг. А.В.

Лебедев работал технологом на заводе им. В.И. Ленина в отделе механизации и автоматизации). В 1960-е гг. семья Лебедевых жила в доме по ул. КИМ, 46, в квартире № 3²⁶.

Гринев Михаил Степанович (21 августа 1912 г., Самара – 1967(?), Пермь) – родился в семье военнослужащего, его отец подпоручик Гринев погиб в 1-ю Мировую войну. После смерти отца мать, имея на руках еще двоих детей, отдала Михаила на воспитание своему брату. В Самаре М.С. Гринев закончил школу семилетку, в 1926 г. – школу судовых механиков, в 1930 г. – Куйбышевский индустриальный институт, во время учебы работал на судоремонтном заводе.

На Пермском машиностроительном заводе им. В.И. Ленина с июня 1935 г. Работал мастером, начальником цеха, с мая 1952 г. — главным технологом завода, с июня 1955 г. – главным инженером завода. За время работы на Пермском машиностроительном заводе им. В.И. Ленина М.С. Гринев был удостоен правительственных наград: награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», в 1944 г. орденом «Знак Почета», в 1945 г. и 1962 г. орденом «Трудового Красного Знамени», в 1963 г. грамотой Президиума Верховного Совета СССР. М.С. Гринев был женат на Валентине Дмитриевне (1918 г.). В 1939 г. у них родился сын Владимир, в 1960-е гг. он работал инженером-конструктором на заводе им. Ленина; и в 1942 г. дочь Ольга. В 1960-е гг. О.М. Гринева преподаватель Пермского музыкального училища. Семья Гриневых жила в доме по ул. КИМ, 46, в кв. № 4²⁷.

По сведениям личного дела Владимира Яковлевича Володина факт его проживания в доме по ул. КИМ, 46 – не установлен. Личное дело Георгия Ивановича Степанова – руководителя отдела кадров завода им. Ленина в 1950—1960-е гг. и парторга заводской партийной организации в архиве управления персоналом ОАО «Мотовилихинские заводы» не обнаружено, факт проживания его в доме по ул. КИМ, 46, установлен со слов зам. начальника управления персоналом ОАО «Мотовилихинские заводы» Ю.Н. Лядова, работавшего в 1970-е гг. под его началом*.

---

* Более подробную характеристику жителей дома дает в своих воспоминаниях Марина Викторовна Лебедева (1942—2014), журналист, редактор Пермского книжного издательства и издательства «Пушка», поэт. Для нее здание на КИМ, 46, было домом счастливого детства и юности, когда здесь собирались самые близкие друзья, ставшие позднее, как и сама она, известными журналистами, драматургами, писателями, поэтами. Воспоминания, написанные в 2013 году, заканчиваются грустно:

«...Вечным ничего не бывает. И не удивлюсь, если дом вместе с садом просто снесут, дабы возвести очередной торгово-развлекательный комплекс. И мечте моего отца о том, как хорошо будет ребятишкам в деревянных стенах, в большом саду, не осуществится никогда. Другое время, другие нравы, другие ценности».

(Лебедева М.В. Дом среди лип // Пермский дом в истории и культуре края. – Пермь, 2013. – Вып. 6. – С. 249-256).

В 2002 г. объект недвижимости, принадлежащий ОАО «Мотовилихинские заводы» по адресу г. Пермь, ул. КИМ, 46, был выставлен на продажу. 22 июня 2009 г. и 22 октября 2009 г. Управлением Федеральной регистрационной службы по Пермскому краю было зарегистрировано право собственности ЗАО «Губернский город», согласно договору купли-продажи от 8 июня 2009 г., и дополнительному соглашению от 29 июля 2009 г. на земельный участок общей площадью 2973,82 кв.м. и на 2-х этажное нежилое здание (лит. «А»), общей площадью 544,8 кв.м. по адресу г. Пермь, ул. КИМ, 46²⁸.

В 2010 г., по заданию ЗАО «Губернский город» автором-соавителем исторической справки проводились историко-архивные изыскания на предмет установления факта проживания в доме писательницы Веры Федоровны Пановой²⁹, чья творческая биография началась в Перми. Однако факт проживания писательницы, лауреата Сталинской премии В.Ф. Пановой в 1944—1945 гг. в доме по ул. КИМ, 46, документально не установлен. По ее воспоминаниям, она действительно некоторое время «сняла угол» у одной старой женщины в частном доме в Мотовилихе, по ул. Пушкинской. Так же не установлен факт проживания здесь маршала Советского Союза, руководителя военно-промышленного комплекса СССР Дмитрия Федоровича Устинова, неоднократно бывавшего в Мотовилихе по служебным делам. Но вероятно, еще найдутся люди, ветераны завода, которые готовы поделиться своими воспоминаниями о встречах с Д.Ф. Устиновым и помогут в установлении этого факта³⁰.

В настоящее время дом по ул. КИМ, 46, не является признанным памятником истории и культуры, но он находится на территории памятника истории Пермского края, это — «Здание, где в хирургическом отделении Мотовилихинской больницы работал Н.М. Степанов (1938—1960 гг.), ул. Грачева, 12».

В связи с попытками некоторых коммерческих структур изменить границы территории памятника и вывести усадьбу по ул. КИМ, 46, за территорию памятника истории, необходимо срочно придать дому по ул. КИМ, 46, статус памятника истории и культуры краевого значения под условным рабочим названием «Дом жилой Пермских пушечных заводов (1912), в котором в 1960-е гг. жил директор завода им. В.И. Ленина, почетный гражданин г. Перми Виктор Николаевич Лебедев».

---

¹ Федотова С. Вольный путеводитель: заметки о Пермском крае. — Изд. 2-е, расширен. и доп. — Пермь: Компаньон, 2006. — С. 176.

² ГАПК. Ф. 276. Оп. 2. Д. 4. Л. 1-2.

³ Там же. Д. 11. Л. 7.

⁴ Пермский пушечный завод (Мотовилиха) и его средства: из Записок Перм. отд. Импер. РТО. — Пермь, 1911. — С. 2-4; Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Эфрона И.А. — СПб., 1897. — Т. 39. — С. 43.

ВОССТАНОВИТЬ СГОРЕВШУЮ БАШНЮ! К 100-летию Пермского университета

Пермскому классическому университету повезло: в отличие от множества вузов, открытых в советский период, ПГНИУ исторически расположился в трёх прекрасных старых зданиях «Ночлежного дома им. Елены Ивановны Мешковой». Эти ночлежки для сырых и убогих на Заимке уже столетие исправно служат науке. Главным из этих зданий, историческим сердцем университета является так называемый «старый главный» 2-й корпус – величественная, напоминающая псевдоготическую, постройка, напротив которой расположились на постаменте беседующие Ленин и Горький. Но оказывается, нынешний облик старейшего университетского здания разительно отличается от первоначального отсутствием важнейшей архитектурной детали. Давайте вспомним всё по порядку.

В начале XX века с настойчивыми ходатайствами об открытии ВУЗа в Пермской губернии выступали многие общественные деятели Екатеринбург и Перми. Эти предложения объективно отражали нужды края и диктовались государственными интересами. Однако правительство не спешило. И только чрезвычайные обстоятельства, связанные с трагическими событиями 1-й мировой войны, предопределили разрешение этого вопроса: понадобилась эвакуация ряда университетов, в частности, Юрьевского (современный г. Тарту, Эстония).

Главным кандидатом на приём Юрьевского университета стала Пермь, здесь был фактически построен комплекс зданий «Ночлежного дома» на Заимке. С начала 1910-х годов Пермь II стала крупной узловой станцией на линии Великой Сибирской железнодорожной магистрали. Большая часть владений в промышленном районе Заимка принадлежала представителям крупнейших купеческих фирм Перми. В 1912 г. судопромышленник Н.В. Мешков покупает здесь у товарищества Алафузовских заводов два участка и начинает строительство:

«В память и признательность моей матери, в честь ее светлого имени придумал я построить дом приюта, питания и предупреждения заболеваний для неимущих водников со всеми приспособлениями, долго и строго обдуманно, бесплатной библиотекой, школой, с пекарней и квасоварней для половины населения города, с разными мастерскими для заработков...»

Мешков обратился в городскую управу с предложением об организации городского учреждения социального призрения «Ночлежный дом им. Е.И. Мешковой». Пермская городская дума постановила «выразить Н.В. Мешкову глубочайшую благодарность и выбрать его Почетным гражданином г. Перми за его щедрое пожертвование для бедных жителей города».

⁵ Каталог памятников истории и культуры Пермской области. — Т. 2. — Пермь: Арабеск, 1993. — С. 26, 27, 64.

⁶ ГАПК. Ф. р-33. Оп. 1. Д. 8. Л. 13-13об.

⁷ Каталог памятников истории и культуры Пермской области. — Т. 2. — С. 8.

⁸ Пермский пушечный завод (Мотовилиха) и его средства. — Пермь, 1911. — С. 42-45; Каталог памятников истории и культуры Пермской области. Т. 2. — С. 35.

⁹ ПГХГ. Фонд графики. Проект постройки церкви в Мотовилихинском заводе. Ф. р-1066, р-1067, р-1068.

¹⁰ Каталог памятников истории и культуры Пермской области. Т. 2. — С. 28.

¹¹ ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 244а. Л. 1-5об.

¹² Там же. Л. 3-3об.

¹³ ГАПК. Ф. р-33. Оп. 1. Д. 8. Л. 24об.-26.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 74. Л. 12, 24об.

¹⁵ Там же. Д. 74. Л. 25об.

¹⁶ Архив ГУП «ЦТИ Пермского края». Дело № 9933. Домовладение ул. КИМ, 46. Л. 9, 1.

¹⁷ Сведения любезно предоставлены Л.И. Силинг, — быв. руководитель энергетического хозяйства завода, в 1990-е гг. руководитель комитета гос. имущества Мотовилихинских заводов. Запись беседы 2 ноября 2010 г.

¹⁸ Архив ГУП «ЦТИ Пермского края». Дело № 9933. Домовладение ул. КИМ, 46. Л. 12.

¹⁹ То же. Л. 9.

²⁰ То же. Л. 8.

²¹ То же. Л. 5-6.

²² То же. Л. 10.

²³ То же. Л. 12.

²⁴ Материалы личного дела В.Н. Лебедева.

²⁵ *Кадочников В.Н.* Лебедев: Человек и его время. — Пермь: ООО Ратбор, 2006. — С. 141-152.

²⁶ Материалы личного дела В.Н. Лебедева.

²⁷ Материалы личного дела М.С. Гринева.

²⁸ Архив ГУП «ЦТИ Пермского края». Д. 9933. Домовладение ул. КИМ, 46.

²⁹ Вера Федоровна Панова, см.: Русские советские писатели: биобиблиогр. справочник. — Т. 3. — Л., 1964. — С. 470-497; *Панова В.Ф.* О моей жизни, книгах и читателях. — Л., 1980. — С. 195.

³⁰ Устинов Дмитрий Фёдорович (30.10.1908 — 20.12.1984) — министр обороны СССР, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, Дважды Герой Социалистического Труда. См.: *Абрамов А.С.* У Кремлёвской стены. — Изд. 7-е, доп. — М.: Политиздат, 1987. — С. 345-347; Герои Советского Союза: краткий биограф. словарь. — Т. 2. — М.: Воениздат, 1988; *Коноплев Б.В.* Убежденный своих не меняю. — Пермь, 2003. — С. 48-49, 107-108; Биография Д.Ф. Устинова на сайте «Маршалы и Адмиралы Флота Советского Союза».

Строительство началось в том же году. Мешков заказал проект шведской строительной фирме «Турольф и К^о». Согласно «Общему плану расположения построек ночлежного дома им. Е.И. Мешковой» на Заимке были запланированы главное здание Ночлежного дома, баня с прачечной, котельная и амбар. Отсюда общий «скандинавский» дух первоначального университетского городка. Главный корпус «Ночлежного дома» увенчала элегантная башня, главная героиня нашего повествования. Её можно увидеть на фотографии 1915 г. Башня располагалась прямо над главной лестницей. Многие университетские обитатели, увы, даже не подозревают о её изначальном парении в небе над ПГУ...

В 1916 г. эвакуация Юрьевского университета в Пермь была отменена, но основание высшего учебного заведения в Перми признано неотложным и приобретало не только местное, но и общероссийское значение. В августе 1916 г. начался прием студентов, в Пермь съезжались профессора и преподаватели, шла подготовка к приспособлению помещений, но основные здания — Дом просветительных учреждений на Заимке и новое здание губернского земства — все еще занимали военные.

1 (14) октября 1916 г. состоялось открытие Пермского отделения в составе первых курсов всех факультетов Петроградского университета, за исключением факультета восточных языков, и дополнительным медицинским отделением на физико-математическом факультете. И.о. ректора Пермского отделения был назначен К.Д. Покровский, доктор астрономии и профессор Юрьевского университета. В 1916 г. Пермское отделение Петроградского университета в составе трех факультетов физико-математического, историко-филологического и юридического было размещено в следующих зданиях и помещениях:

- 1) аудитории юридического и историко-филологического факультетов, музеев изящных искусств, канцелярия и приемная ректора — в доходном доме Камчатова;
- 2) кабинеты ботанический, зоологический и гистологический — в Кирилло-Мефодиевском училище;
- 3) химическая лаборатория — в одном из флигелей дома просветительных учреждений имени Е.И. Мешковой на Заимке, первоначально предназначенном под бани;
- 4) во втором флигеле Дома просветительных учреждений (амбары) разместились минералогический и геологический кабинеты, а также физический кабинет;
- 5) анатомический институт — в здании на усадьбе психиатрической лечебницы;
- 6) университетская библиотека — в квартире, в доме на ул. Пермской, 43;
- 7) астрономический кабинет — в здании земской сельскохозяйственной лаборатории, ул. Краснова, 10 (ныне факультет экологии сельхоз. университета).

Эти помещения, достаточные для деятельности отделения Петроградского университета, были совершенно недостаточны для самостоятельного ВУЗа. 11 апреля 1917 г. Комиссия по реформе высших учебных заведений при Министерстве Народного просвещения высказалась «за необходимость открытия самостоятельного университета в Перми».

5 мая 1917 г. законопроект о Пермском университете был подготовлен Министерством народного просвещения и утвержден постановлением Временного правительства: «Учредить в г. Перми с 1 июля 1917 г. университет в составе 4-х факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского».

Октябрьский переворот 1917 г. положил начало преобразованиям в стране. В марте 1918 г. органы городского и земского самоуправления в Перми были распущены. Положение университета некоторое время было неопределенным. 23 (10) марта 1918 г. в помещении исполнительного комитета Губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в 2 часа дня было намечено совещание по вопросу об установлении взаимных отношений Пермского университета и советских учреждений. Представители университета составили «Программу совещания», где изложили имеющиеся противоречия:

«До сих пор Университет во всех необходимых случаях вступал в сношения с Губернским Исполнительным комитетом и находил решения, одинаково удовлетворяющие обе стороны. ...Однако за последнее время все учащаются случаи попыток вмешательства в дела автономного Университета со стороны лиц, являющихся представителями то Городского Совета, то Комиссара речного флота, то Делового Комитета б. Т-ва Мешкова и Каменских: большей частью эти попытки имели целью занятие той или иной части университетских помещений. Не входя пока в обсуждение вопроса о помещениях, мы только указываем, что все эти случаи происходили от невыясненности способа сношений Советских властей с автономным Пермским Государственным Университетом. Центральный орган — Комиссариат Народного просвещения — вполне считается с автономией университета, что видно из целого ряда бумаг, полученных Университетом за последнее время. Между тем со стороны местных учреждений иногда не видно достаточного признания этой автономии».

В конце лета — начале осени 1918 г. на восточном фронте гражданской войны сложилась критическая для Красной армии ситуация. 13 сентября 1918 г. совет университета, заслушав сообщение ректора, профессора Н.В. Култашева о прекращении строительных работ, постановил, что «приостановка работ приносит народному достоянию серьезный ущерб..., университетским зданиям грозит опасность к зиме не быть закрытыми от холода и, следовательно, испытать возможность разрушения, и расход казенных денег на непроизводительные расходы...» Решено было сообщить о прекращении работ в Наркомпрос. С конца декабря 1918 по 1 июля 1919 г., когда город находился в руках у белых, совет Пермского университета предпринимал попытки возобновления строительных работ.

1 июля 1919 г. Красная армия освободила Пермь. Личный состав Пермского университета был эвакуирован с отступающими войсками белых. 3 июля 1919 г. профессор А.С. Безикович, оставшийся в Перми, представил Ревкому отчет о состоянии университета:

«В настоящее время перед университетом стоит задача охраны университетского имущества, ухода за некоторыми учреждениями при университете (обладающими животными и растениями) и совершении ремонта, без которого пользование зданиями университета для каких бы то ни было целей в ближайшем году невозможно. Вопрос о прочих делах университета может быть решен только после доклада Народному комиссару по просвещению».

28 января 1921 г. ректор Уральского государственного университета Пинкевич запросил у и.д. ректора Пермского университета Поленова сведения о существовании в Перми университета:

«На заседании Совтударма, где я присутствовал по делам Уральского университета ... было выражено мнение, что Пермский университет уже не существует, и его помещения могут быть переданы другим учреждениям. Ко мне была обращена просьба «навести справку». Нужно «сообщить для доклада в Совтударм о положении университета и о помещениях, им занятых, о степени их использования и о нуждах университета в этом отношении».

9 февраля 1921 г. и.д. ректора Пермского университета Поленов сообщил:

«Пермский Университет функционирует в составе 5 факультетов: общественных наук, физико-математического, технического, сельскохозяйственного и лесного, и медицинского, при 163 профессорах и преподавателях, 1902 студентах, которые распределены следующим образом: на факультете общественных наук – 311, на физико-математическом факультете – 172, на медицинском факультете – 831, техническом факультете – 230, сельскохозяйственном и лесном факультете – 358. Что касается помещений университета, то все они использованы, и в настоящее время ощущается крайняя нужда в других помещениях».

В 1920-е годы в связи с острым жилищным кризисом в Перми часть помещений в зданиях университета была занята под жилые комнаты сотрудников. В том самом «старом главном», нынешнем 2-м корпусе, где располагаются физмат и истфак, в помещении мансарды жили семьи сотрудников, и здесь же располагались библиотека-читальня и лаборатории.

21 января 1927 г. в 10 часов вечера в главном здании начался пожар. Он возник в мансардном помещении, на чердаке, над потолком 5-го этажа, занятого квартирами научных работников и оранжереей ботанической лаборатории. Огонь был замечен первоначально в центральной части чердака между башней и северным крылом здания. Причину возникновения пожара ввиду значительных разрушений специально созданной правительственной Комиссии выявить так и не удалось. Было предположение, что пожар вспыхнул или от печной трубы, или от неосторожности рабочих, работавших в тот день наверху.

Несмотря на героическую борьбу за здание, которую вели студенты и преподаватели, а также рабочие ближайших предприятий, красноармейцы и милиция, последствия оказались опустошительны.

Борьбу с пожаром организовал профессор А.Г. Генкель. О пожаре подробно рассказала его дочь, М.А. Генкель в своей «Хронике семьи Генкель»*.

«Пожар полыхал всюду. 5 пожарных команд тщетно пытались протянуть свои шланги на крышу, но они не доставали до нее. Сгорела маленькая башенка, горел чердак, начала гореть мансарда. Александр Германович кликнул клич: «Все бегите за ведрами, соберите их по все округе, будем тушить вручную!» Мигом появились ведра. Студенты-мужчины встали по правой стороне лестницы и подавали по цепочке ведра, полные воды, пожарным; студентки, стоявшие по левой стороне лестницы, спускали ведра вниз. Дело пошло быстрее и веселее. Потоки воды низвергались вниз по лестнице, все быстро промокли. На другой день насосом из подвала выкачивали воду. [...] После пожара отец, совершенно больной, поехал по городам Сибири читать платные лекции, чтобы в какой-то мере возместить урон ПГУ. 1 апреля он слег, чтобы больше не встать. За неделю его не стало. Он не смог справиться со стрептококковой ангиной».

А.Г. Генкель умер в ночь с 8 на 9 апреля 1927 г.

Пожаром были уничтожены внутренние каменные стены и переборки в пределах 5-го этажа, система отопления и вентиляции, разрушены и расширительные баки центрального водяного отопления, которые упали на потолок 4-го этажа. В огне погибли оранжерея и имущество научных работников, живших на 5-м этаже. В результате тушения здание было затоплено водой, и система отопления заморожена. И, конечно же, рухнула та самая башня, символ университета...

За ликвидацию бедствия взялась специально созданная комиссия Пермского Окрисполкома. Комиссия признала, что нецелесообразно и недопустимо восстанавливать сгоревший 5-й этаж в первоначальном виде, т.е. с деревянными, заполненными опилками стенами, крайне опасными в пожарном отношении. При этом учли острую нужду ПГУ в помещении для целого ряда учебно-вспомогательных учреждений, а также достаточную прочность основных каменных стен здания и железобетонных перекрытий. Решили восстанавливать утраченный 5-й этаж с несгораемыми перекрытиями. Постановили, что сама крыша должна быть восстановлена в прежнем «норвежском» виде, разумеется, вместе с башней. Примечательна использованная для этого аргументация: «*Для сохранения общего стиля всей группы университетских зданий на данном участке города Перми*».

*Пермский университет в воспоминаниях современников. – Вып. 3: Уральские просветители семья Генкель. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1996. – С. 40-41.

**Т.П. ВАРГИНА — «ЗАЧАРОВАННАЯ МУЗЫКОЙ»
(ул. Белинского, 49)**

Восстановление сгоревшей башни решено было совместить с использованием ее для астрономической площадки университетского кабинета астрономии. Состоявшееся в скором времени в Свердловске совещание Уралпроектбюро по вопросу о восстановлении крыши здания ПГУ также высказалось за полную реставрацию крыши в том виде, каком она была до пожара — «как более соответствующей общему характеру здания и всей Заимки». Более того, башня, предназначенная и для астрономического наблюдения, должна была стать «сложно вращающейся». Грандиозные замыслы!..

А дальше началась обычная пермская проза... Из архивных справок следует, что начавшиеся летом на крыше работы, выполняемые Окрстройконторой, забуксовали. Почему-то работало всего лишь три кровельщика, восстановление стропил производилось без утвержденного проекта, всё двигалось медленно и через пень-колоду... Правление ПГУ не раз обвиняло в этом Окрстройконтору. Та в ответ писала, что архитекторы И.И. Бенда и Воеводин задерживают проект башни...

В августе 1927 г. комиссия по восстановлению здания университета умерила размах планов и решила «*приспособление башни для установки астрономических труб считать не целесообразным...*». Башню решено было использовать как одну из вентиляционных вытяжек. В декабре 1927 г. проект устройства башни в новом виде был утверждён. Но вскоре от плана восстановления башни окончательно отказались. Причина формулируется в документах весьма прозаично: «*ввиду недостаточной технической оснащённости и слабого технического руководства местных строительных организаций, а также позднего представления проекта...*»

Автору настоящей статьи уже приходилось писать на эту тему, чтобы обратить внимание общественности на необходимость восстановить университетское здание в его первоначальном виде*. В 2013 г. автор статьи совместно с сотрудниками фонда университета «Башня» обсуждал проект восстановления утраченной башенки над вторым корпусом. Но и спустя годы, вопрос остается открытым. Очевидно, у самого университета не хватит на это собственных средств. Восстановление здания, бывшего долгое время родным для многих выпускников Пермского университета, занимающих сегодня командные высоты в политике, бизнесе, науке и культуре, является делом их чести и долга по отношению к Alma Mater. Над Заимкой снова должна подняться башня, символизируя восстановленную, не раз прерывавшуюся, связь времён.

*Гайсин О.Д. Башня над городом // За человека. — 2014. — № 4 — С. 11.

Речь пойдет о типовом доме, о «хрущевке» 60-х годов XX века, которая появилась на территории бывшей Солдатской слободки. Слободка упоминается в книге В.С. Верхоланцева «Город Пермь, его прошлое и настоящее» (Пермь, 1994, с. 145). Когда-то Солдатская слободка располагалась на площади, ограниченной современными улицами П. Осипенко (Мещанская) и Чернышевского (2-я Загородная). Улица Белинского, находящаяся между этими улицами, называлась 1-й Загородной.

В. Семяников в книге «Микрорайоны г. Перми» (Пермь, 2008, с. 363) относит улицы П. Осипенко и Белинского к микрорайону «Свердлова-Центр»: «Квартал улицы Сибирской между улицами Белинского и Полины Осипенко застроен типовыми пятиэтажными домами, поставленными на месте частной застройки».

Дом по улице Белинского, 49, — образчик стандартных серых домов. Но в этих домах уже практически не было коммуналок, и многие люди были счастливы получить отдельную, пусть и крохотную, квартиру. Дом был сдан в эксплуатацию в 1962 г. Часть квартир здесь была выделена работникам Пермского театра оперы и балета, поэтому его называли «Домом артистов».

В доме жили:

— Н.Н. Дьяченко — балерина, в последующем главный балетмейстер Государственного музыкального театра г. Минска;

— В.И. Акимова — балерина, преподаватель Пермского государственного хореографического училища;

— Юрий Силин — заведующий музеем Театра оперы и балета, фотограф;

— музыканты оркестра театра и работники не музыкальной сферы (костюмеры, швеи и др.).

Дом по адресу Белинского, 49, в советские времена был известен ещё и тем, что в подвальном помещении 3-го подъезда длительное время располагался туристический клуб «Компас».

В 1963 г. в этом доме получила квартиру (взамен жилплощади на Малой Ямской) Татьяна Павловна Варгина, она прожила в однокомнатной квартире на втором этаже 40 лет.

Татьяна Павловна, в девичестве Размахнина, была невесткой «патриарха агрономии Урала», профессора университета Владимира Николаевича Варгина, женой его сына Сергея Владимировича,

кандидата технических наук, возглавлявшего кафедру технологии металлов университета. Семья Варгиных жила по адресу: М. Ямская, 16. Этот дом В.Н. Варгин занял еще в 1899 г. и жил в нем до 1936 г. с женой и детьми, а потом, до 1960 года, — здесь жил С.В. Варгин с женой Татьяной. С.В. Варгин умер в 1960 г., и в 1963 г. Татьяна Павловна сменила место жительства. На месте бывшего «Варгиновского» дома сейчас располагается Дом слепых.

Татьяна Павловна была преподавателем в 1-й музыкальной школе г. Перми. Окна ее квартиры выходили во двор и на пустырь, на котором в 1966 г. была построена школа № 93.

Этажом выше в такой же «однушке» жили мать и отец Героя Советского Союза Алексея Флоренко. А двумя этажами выше долгие годы жил и творил известный пермский прозаик Владимир Черненко.

Квартира Татьяны Павловны Варгиной видела многих корифеев российского музыкального искусства. Музыканты первой величины нередко приезжали сюда после концерта. У Татьяны Павловны по этому случаю обязательно были готовы капустный пирог, разборник с вареньем, торт «Стёпка-растрёпка». Начинались разговоры, обсуждение концерта, исполнения. Если было за что похвалить, Татьяна Павловна щедро хвалила; а если видела погрешности в исполнении произведения, то указывала на них без оглядки на авторитет гостя; умела и похвалить с восторгом, и поругать необидно. Одно из кресел в квартире, с удобной обнимающей спинкой, так и называлось — «лауреатское». Стены этой квартиры и старинный «Шрёдер» видели многое.

Вот только несколько имён: Наум Штаркман — пианист, в молодости занял третье место на Первом Международном конкурсе им. П.И. Чайковского, лучший в мире исполнитель Шопена, профессор Московской консерватории. Наум Штаркман называл Татьяну Павловну своей второй мамой. Бывал здесь известный пианист Дмитрий Паперно, который, даже эмигрировав в США, будучи профессором Чикагского университета, всегда помнил Татьяну Павловну и из далёкой Америки посылал ей открытки и семейные фотографии. Михаил Воскресенский, Александр Бахчиев — какие имена!

На концерте, посвящённом 80-летию Т.П. Варгиной в Доме политпросвещения на улице Сибирской (где в то время проходили концерты), Наум Штаркман, Михаил Воскресенский и Александр Бахчиев исполнили на одном рояле произведение в шесть рук. Это был уникальный звёздный номер, созданный специально для их пермской поклонницы. Можно продолжить «парад звёзд»: Фуат Мансуров — дирижёр Большого театра (дирижёр-альпинист), Лев Евграфов — виолончелист (всегда приезжал с мамой), Николай Пет-

ров — пианист (крупный мужчина, еле поместился в кресле, очень позитивный). Что примечательно, попадая в квартиру к Татьяне Павловне, звёзды вели себя по-домашнему, и было видно, что им это доставляет удовольствие.

Татьяна Павловна Варгина была величайшим пропагандистом музыкальной культуры. Она умела увлечь музыкой, театром человека профессионально далёкого от искусства. Телефон не умолкал: она обзванивала знакомых и малознакомых, рассказывала о предстоящих гастролях и премьерах, объясняла, почему необходимо послушать именно этого исполнителя. Всегда была честна в суждениях, и собеседник чувствовал это. Ей удавалось заинтересовать людей, после концерта приглашённые ею зрители всегда были благодарны.

Вот что рассказывает член союза композиторов О. Белогрудов в своей статье (архив семьи Варгиных) «Жизнь, отданная музыке»:

«Мы сидим с ней в ее уютной однокомнатной квартире со старинной мебелью.

— Попробуйте, пожалуйста, вот этот пирог с мясом, — говорит она, заботливо наполняя стаканы чаем. — Вам нравится тесто? Столько у меня было с ним хлопот...

Зазвонил телефон.

— Извините, я сейчас.

Живо оставлен чай. Легкой походкой она подошла к аппарату. Ее глаза разгорелись.

— Нет-нет, этого пианиста я вам не советую приглашать, — темпераментно говорила она в трубку. — Он почему-то считает, что Пермь — глубинка, где мало разбираются в музыке, а потому играет без полной отдачи. Пригласите лучше Н. Штаркмана или М. Воскресенского, или А. Бахчиева. И.Л. Берман, кстати, приедет, только скажите, что я просила. Словом, выбирайте. Это настоящие художники, а не только пианисты.

— Из филармонии звонили, — объяснила она, снова принимаясь за чаепитие. — Так на чем же мы с Вами остановились?

Наш разговор продолжался. Мы говорили о музыке, о людях и их судьбах. В том числе и о жизненном пути самой Татьяны Павловны».

На 80-летний юбилей Театр оперы и балета подарил Татьяне Павловне пуанты с автографами пермских балерин и пропуск на 18-19 места в первом ряду (до самой смерти Татьяны Павловны эти места на спектакли не продавались). А от Пермского речного вокзала была вручена большая фотография теплохода «Маяковский» и звание почётного пассажира. На протяжении нескольких десятилетий Т.П. Варгина путешествовала на теплоходах от Перми до Ростова или Астрахани, обычно в мае и сентябре. Она собирала компанию человек 10-12: родственники, знакомые, люди разных возрастов и профессий. Лично «хлопотала» в пароходстве о билетах, учитывая пожелания. А во время поездки в салоне теплохода ежедневно звучала музыка. Пели все — пассажиры, команда, капитан, повар.

А за роялем — энтузиаст и вдохновитель, концертмейстер и постановщик Татьяна Павловна. Арии из оперетт, романсы, свежесочинённые песни о Волге и Каме-реке.

90-летний юбилей Татьяны Павловны Пермская филармония под руководством В.М. Матвеева, который был частым гостем квартиры на Белинского, 49, отметила большим концертом в Культурно-деловом центре. Зал на тысячу мест был полон. Татьяна Павловна в кресле с высокой спинкой в красивом вечернем платье находилась на сцене. Кантус-квартет спел «Многие лета», и в темноту сцены вывезли огромный торт с множеством свечей. В концерте принял участие любимец Татьяны Павловны, солист Пермского театра оперы и балета, народный артист России Валерий Тюменцев. С семьёй Тюменцевых у нее в последние годы были почти родственные отношения. И конечно, все спектакли с участием этого выдающегося баритона были анонсированы Татьяной Павловной.

Работать по линии филармонии Татьяна Павловна начала еще в 1946 г. К 60-летию С.С. Вейхман, тогда директор филармонии, вручил ей памятный адрес. Татьяна Павловна была постоянным слушателем всех международных конкурсов им. П.И. Чайковского.

Татьяна Павловна прожила 100 лет. 9 января 2004 г. в квартире на Белинского, 49, собрались гости. Однокомнатная квартира умела становиться «резиновой» в дни рождения Татьяны Павловны. Именинница в красивом платье подняла бокал с шампанским, села за клавиши «Шрёдера», не совсем послушными уже пальцами сыграла несколько арий. Гости подпевали. А через две недели её не стало.

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСКУССТВЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Альперович Михаил Савельевич

ВОСПОМИНАНИЯ

КАК ЗАВЯЗЫВАЕТСЯ ЮНОШЕСКАЯ ДРУЖБА

Нам было по 15 лет, когда в Пермь пришли белогвардейцы. Многого мы не понимали, но всё же эти шесть месяцев стали каким-то переломным временем в судьбе нашей группы ребят-сверстников со Слудской горы. При белых не было «громких» партий, не говоря уже о большевистской, которую вешали и стреляли безо всяких.

Небольшая Пермь делилась по районам, объединяла в общегородском масштабе ребят только школа: гимназия, реальное училище. У нас на Слудке не было такой школы, кроме ремесленного училища, и нас, молодежь района, объединяла вторая районная библиотека, а притягательным центром для нас стала заведующая этой библиотекой Зоя Александровна Будрина*. Гуртовались при этой библиотеке и гимназисты, и ремесленники, даже рабочие ребята, уже работавшие на заводах и фабриках — Ваня Царегородцев, Шура Шарин, учившийся у отца в типографии на наборщика. Многие были из рабочих семей — братья Костя и Павел Варасовы, сын портного Геннадий Коротков**.

Все мы состояли в детском комитете. Мы практиковались на выдаче книг в детском отделе библиотеки, беседовали с малышами, рекомендовали им книги. Для этого нам З.А. много рассказывала о детской литературе, да и о взрослой: мы имели свободный доступ к полкам всей библиотеки. Увлекались Максимом Горьким, Джеком Лондоном и его «Мартином Иденом», но хотели читать и Шерлока Холмса, и Пинкертон.

*О Будриной Зое Александровне, а также о многих друзьях М.С. Альперовича, упоминаемых в этих воспоминаниях, — см. также: Назаровский: к 100-летию со дня рождения Б.Н. Назаровского, журналиста и краеведа / сост. Т.И. Быстрых. — Пермь: Пушка, 2004. — 448 с.: ил.

**Семье Коротковых М.С. Альперович посвятил главу в своих воспоминаниях «Юность боевая» (Вечерняя Пермь. 1979. 6-8 сент.).

В городе самом ребята собирались в публичной библиотеке. Там были мои одноклассники Вася Малыгин, Никита Верховский*. Слышал я и про Борьку Назаровского. Мы знали, что эти ребята из членов детского комитета публичной библиотеки решили издавать журнал, но губернатор-белогвардеец не разрешил. Они ездили к нему два раза, он их выслушал и все же запретил, пригрозив, что если они будут издавать без разрешения, он их посадит**. Это их очень обидело, и они охладели к библиотеке, и к комитету, и к руководительнице детского абонемента.

Мы, слудские, как-то дальше были от начальства. Слудка сливалась с рабочей Заимкой, с депо, с заводом Лесснера, спичечной фабрикой, гвоздарным заводом. Не скажу, что мы были смелее городских ребят, но как-то мы не вписывались в колчаковские порядки. А когда арестовали Зою Александровну, хотя все знали, что она не член большевистской партии, что еще в ту революцию она вышла из нее, мы стали по настроению против белогвардейцев и ждали прихода красных. Мы пошли на свидание в тюрьму: Геннадий Коротков, я, двоюродная сестра З.А. Люся Будрина. Начальник сначала не разрешил, а потом пропустил: «только коротко, передачу сделайте, и всё». Мы её успокаивали, говорили, чтобы она не боялась, а она, улыбаясь, говорила: «Я несколько раз сидела в тюрьме, и хоть тоскливо, но за себя не боюсь. Вы не забывайте библиотеки, она вам во многом поможет в жизни вашей будущей».

Майский теплый день. Иду по Оханской улице. На углу Вознесенской у открытого окна сидит мальчик и читает книгу***. Видно, что он увлечен чтением. Я гляжу на него: худой, длинный. Я его не знаю, и поэтому прохожу молча. В это время он отрывается от книги и, глядя на меня, говорит:

— Слушай, ты в детском комитете 2-й районной?

— Да, — отвечаю.

---

*Верховский Никита Юрьевич (1903—1954) – театральный критик, первый исследователь советского искусства художественного чтения, поэт.

**По-видимому, с этой историей связано объявление, появившееся в издаваемой в Перми газете «Освобождение России»: «В мире детей. В центральной библиотеке вышел первый номер еженедельного издания «Жизнь детского комитета». Редакторы издания Н. Верховский (15 лет) и Б. Назаровский (15 лет) // Освобождение России. – 1919. – 18 марта.

***В то время Назаровские жили на углу улиц Газеты «Звезда» (Оханская) и Луначарского (Вознесенской). С 1948 по 1967 гг. Б.Н. Назаровский жил в доме на ул. Большевистской, 51. 24 ноября 2004 г., к 100-летию Бориса Никандровича на этом доме установлена мемориальная доска. С 1967 по 1972 гг. Б.Н. Назаровский жил в доме на ул. Газеты «Звезда», 72.

— А ну-ка расскажи, что вы там делаете?

— Читаем, книги выдаем ребятам, даже взрослым, нас свободно допускают ко всем полкам, берем, что понравится.

— А что тебе нравится?

— Испанский писатель Пио Бароха (ей-богу, хвастанул, открыл взятую книгу, и спать захотел). А что ты читаешь?

— Историю Египта древнего. Автор Зинаида Рагозина. Да ты подойди, посмотри...

И вот мы уже оба сидим верхом на окне, и он с жаром рассказывает мне, как интересно читать про древних:

— Вот кончу читать Рагозину, и перейду к настоящей истории древнего мира. Давай дружить и читать вместе.

— Давай, только древние меня меньше интересуют, люблю читать про героев из народа: вот Данко не пожалел своей жизни ради народа, вырвал сердце из груди и повел свой народ к светлой жизни. Хочу быть похожим на него и на Овода. Не читал этой книги, но З.А. рассказывала нам про него.

Спохватился, — сидим уже несколько часов. Он уже знает, что я ночью работаю в пекарне у Касаткина учеником, а днем учусь в гимназии. А про него знаю, что он недавно осиротел, что его папа, хирург, умер, что мама у него фельдшерица, что у него есть сестра Люся, что зовут его Боря Назаровский, что мать ему не мешает читать всё, что он хочет, да и ни в чем. Учился он в коммерческом училище, а его красные закрыли, сейчас не учится нигде. Дома у них большая библиотека («я занимаюсь сам, читаю, что мне понравится»).

Выяснили, кто из нас старше, я – на целых почти четыре месяца.

И когда зашла мать звать его обедать, он ей говорит: «Вот мой новый товарищ. С ним мы будем дружить».

Она зовет меня обедать, но я говорю, что на работу пора уже, надо не опоздать.

Видимо, моя одежда ей не очень нравится – обшарпанные, обтерханные штаны, косоворотка, гимназическая фуражка с гербом, густые рыжие волосы не дают натянуть ее на голову. А когда узнала, что ни папы, ни мамы у меня нет, что я сам по себе; что сплю на печке в пекарне; что, как только кончу работу, до утра читаю, а потом иду в гимназию, — я ей определенно не нравлюсь, но она не хочет огорчать Борю и уводит его обедать.

Этот день мне запомнился навсегда: какая-то радость на душе у меня, тянусь к парню, у которого родители, любят его и дают ему возможность делать то, что он считает нужным. У меня, у которого нет ни родных, ни близких, появился друг: кажется, это по-настоящему будет друг.

Когда я уже спрыгиваю с окна, возвращается его мать и говорит: — Приходите в воскресенье к нам на пирог, приходите на целый день. Пойдете гулять с Борей, а потом будете читать и заниматься вместе... Хорошо, что вы учитесь в гимназии, а работать в 15 лет... лучше бы, конечно, если бы не работали...

Пришел в пекарню. До замеса хлеба еще часа полтора. Залез на печь, схватил Пио Бароха. И зачем я Боре наврал, что он мне нравится. Скучный он, непонятный.

С этого дня мы встречались каждый день, гуляли по берегу Камы и говорили без конца обо всем, что только в голову приходило.

Интересовали ли нас тогда политические события? Не особенно. Нам явно не нравились белые. И когда третьего июня они заняли Глазов, и мы думали, что, наверное, захватят и Вятку, все же были уверены, что большевиков им не одолеть. Боря мне рассказал, что он был на параде войск генерала Гайды, но уж очень они зверствуют над народом.

Повторяю, мы не очень принимали близко к сердцу события, а тем более большую политику, разговоры наши велись вокруг прочитанных и нужных для прочтения книг, чтобы их потом обсудить. Занятия в гимназии кончились, и мы были свободны. Мы уходили на Каму и пропадали там целыми днями. И хотя Лидия Алексеевна каждый раз брала с Бориса слово, что он не будет купаться, но мы приходили на яхт-клуб, где были знакомые, Борины соседи, катались на лодке, которую они нам давали, а иногда на том берегу Камы и купались, благо, было так мелко, что чуть ли не со середины реки можно было пешком идти до берега. От спортсменов мы узнали, что красные обратно взяли Глазов и быстро наступают на Пермь.

30 июня утром мы на берегу Камы, у дома Бориных знакомых Чердынцевых увидели солдат. Они копали в твердой земле окопы. Мы подошли к одному и спросили: для чего это? Он ответил, что краснопулые нажимают. Подошел офицер и прогнал нас.

Вечером была слышна небольшая стрельба, и утром мы не пошли на Каму. Стрельба была слышнее и интенсивнее, чем вчера. Когда утихла стрельба, мы все же побежали на Каму. Увидели взорванный второй пролет железнодорожного моста, а по Каме плыла горящая нефть, мазут, буквально вся река горела и охватывала огнем все суда, стоящие на Каме. Особенно ярко был виден большой пароход «Григорий» на том берегу. Горели баржи, дебаркадеры пристаней пассажирских. Тяжело нам стало, что же они, скоты, жгут. Пошли домой.

А к вечеру опять пошли на Сибирскую и увидели, как шел человек с красным знаменем, а за ним шли с десятков красноармейцев, прошли они до земской управы. Через несколько минут над зданием взвился красный флаг. Мы, мальчишки, закричали «Ура!», а на

улицах было в тот летний вечер много народа, и все были как-то празднично настроены. Не стало этих чванных офицеров с шашками и погонами. Красные были плохо одеты, но все одинаково – и красноармейцы, и командиры ничем не отличались, только больше револьверы носили командиры.

А назавтра буквально все улицы были заполнены народом. Чувствовалось, что вернулся настоящий хозяин. Боялись их прихода только богатые, а они все удрали с белыми, удрали и наши учителя гимназии. Пошли мы по городу, разрушений было немного, разбита была часть управления дороги у тоннеля, да много квартир было открыто – хозяева убежали и оставили все.

5 июля мы пошли с Борей на митинг по случаю пуска первого паровоза на ветке Пермь I — Пермь II. Выступал тот самый дядька, который нес 1-го числа знамя. Назвали его председателем губревкома Сивковым*. Он говорил горячо, что мост будет восстановлен, и связь с центром наладится.

А уже третьего июля освободили из тюрьмы Зою Александровну Будрину, а может и раньше, но мы узнали в тот день и побежали к ней в библиотеку, где она появилась после нашего прихода. Собрались нас человек 20. Боря был, кажется, впервые в библиотеке, но некоторые ребята его знали, а я рассказал, что это мой друг, и что он будет с нами.

И впервые тут пошел разговор ребят, что мы не хотим больше быть в детском комитете, мы уже взрослые и хотим создать клуб отдельно от библиотеки. Зоя Александровна, к нашему удивлению, не стала нас уговаривать остаться при библиотеке, а поддержала нас, предложила выбрать организационную группу и пойти к заведующему отделом народного образования губревкома Юрию Здравосмыслову просить дом под клуб молодежи для нас. Выбрали тут же Лёню Лёгих, меня и Борю Назаровского, как представителя от детского комитета публичной библиотеки, хотя он и не был там в последнее время.

Отправились мы в бывший окружной суд, где поместился отдел народного образования. Секретарей никаких еще не было, и мы просто прошли в комнату, где сидел молодой дядька (З.А. сказала, что он – студент нашего университета).

— Ребята, вам что?

— Мы хотим, чтобы советская власть нам, ребятам, дом дала под клуб молодежи.

— А что за клуб?

---

*Сивков Владимир Федорович, автор воспоминаний «Пережитое» (Пермь, 1968).

Тут вдруг Боря выпалил:

— Где мы могли бы каждый день собираться, а не только учиться выдавать книги детишкам.

Вмешался я:

— Хотим, чтобы он именем Данко звался, того, кто вырвал из груди сердце свое и повел народ к свободе и свету, погибая за этот свой народ.

— Так вы хотите клуб именем Максима Горького назвать?

— Ну да.

— А ведь мы с ним в ссоре маленько.

— Он что же, белым стал?

— Ну, не белый, а с советской властью не в ладах немного. Ну да ладно, попрошу в партийном комитете коммунистов, чтобы для вас выделили дом под клуб. Думаю, что он у вас будет, а уж оборудуете его вы сами. Мебели, заранее говорю, у нас нет. Вот так-то, «горьковцы». Через три дня будет вам ответ.

— Да вы передайте его через Зою Александровну Будрину.

— Значит, это она вас послала?

— Ну не совсем она, а все же она нас поддерживает.

— Ну ладно, значит, клуб будет при второй районной?

— Нет, клуб будет наш, самостоятельный, для ребят всей Слудки, а мы и городских примем. Вот он городской, — показываю на Борю.

Вечером в библиотеке мы рассказали ребятам, чего мы добились, и тут же приступили к выборам временного правления будущего клуба имени М. Горького. Председателем избрали меня, заместителей Лёню Лёгких, членами – Борис Назаровский (ребята смеются: Борька Назарович и Мишка Альперовский – неразлучные) и Коля Лахтин. Пристал к нам один парень, как он сказал, — из комсомола. Жил он по соседству со второй районной. Отец его какой-то большой инженер из правления железной дороги. Звали парня Игорь Орестов. Он взял на себя всю подготовку к художественной части при открытии клуба. З.А. Будрина обещала попросить своего родственника – двоюродного брата – художника Мотю Будрина написать нам большую картину – Данко, ведущего народ с горящим сердцем в руках, — тоже к открытию.

Борис стал помогать Игорю Орестову, начал расписывать роли и реплики в коллективной мелодекламации Бельгийского революционного поэта Эмиля Верхарна «Восстание».

Однажды у Назов (как мы стали звать дом Бориса) он мне показал газету, в которой я прочитал следующее:

«Ввиду поступившей жалобы на заведующего жилищным отделом горревкома Пещурова со стороны редакционных работников

на бюрократизм и грубость, приказываю: Пещурова отправить на семь суток для работы в ассенизационном обозе. Работать он должен только с бочкой».

Подпись была в «Красном Урале» предгубревкома – В. Сивков.

Мы хохотали над этим наказанием, причем Борька особенно восхищался таким приговором. Кто-то нам рассказал потом, что Сивков позвонил в фотографию Бурденко, чтобы Пещурова сняли с бочкой, и эту карточку развесили по учреждениям. Борька хотел бежать на Сибирскую, где проезжали эти бочки, и научить ребят, чтобы они бежали за бочкой и кричали: «не макай, хозяину скажу!», — как дразнили мальчишки «золотарей», но я его отговорил – мы же серьезные люди, члены правления клуба.

Сильна советская власть! С этим криком я прибежал к Назам, и еще с улицы кричу:

— Борька, знаешь, нам под клуб отдали дом купца Камчатова* на углу Долматовской и Монастырской, где он сам жил. Бежим смотреть, ключ Здравосмыслов отдал З.А. А комнаты, говорят, большущие, человек на сорок есть, главное, мебель есть.

Он не стал дообедывать, выскочил из дома, а Л.А. глядела нам вслед и качала головой. Мы уже опоздали, там уже был Коля Лахтин со своими электриками будущими (он взялся за электрокружок).

Никогда в жизни не видел я такой роскоши в доме: комнат больше 30, в каждой своя мебель, да еще какая – мягкая, с золочеными бронзовыми подлокотниками, полы паркетные, окна большущие, с гардинами. Осмотрели мы дом и решили сейчас же открыть заседание правления. Когда мы обошли все комнаты на обоих этажах и мелом написали, какой кружок где будет, вернулись обратно, я плюхнулся в кресло с подлокотниками, и тут же вскочил как ужаленный. Оказывается, Коля успел пропустить ток через бронзовый подлокотник, и он меня куснул.

Лёня Лёгких нас немного остудил: ведь нужен зал человек на 80, а такой комнаты нет, придется ломать стены и строить зал, да и мебель нужна, а потом штукатурить комнаты, которые мы будем перedelывать, нужно будет. Да, в восторге мы совсем про это забыли, даром что ли Лёнька ремесленник – быстро дотумкал.

Пришла З.А., улыбается:

— Хорош домина, да работы много! Установите точное число открытия клуба, а потом разворачивайтесь, начинайте делать. Я вам дам человека, который набросает вместе с правлением будущего клуба, что в какой комнате будет, и что надо перedelывать.

*См.: Шилов А.В., Гайсин О.Д. Доходный дом Камчатова или «Город в городе» // Пермский дом в истории и культуре края: материалы 3-й науч.-практ. конф. – Пермь, 2010. – С. 194-199.

Единогласно было решено: открытие будет через полтора месяца – 25 августа.

Все мы превратились в плотников, столяров. Командовал нами Ваня Царегородцев, а девочками Наташа Расцветаева, они штукатурили, чистили, мыли. З.А. откуда-то прислала двух рабочих настоящих. В две недели мы кое-как приспособили зал и сцену в нем.

На заседании правления решали сложный вопрос: мебель. Нужны скамейки и табуретки в зал, человек на сто. Командировали Борю опять же к Здавосмыслову, он раз дал дом, не должен отказать в помощи. Один он все же не пошел, пошли мы, Лёня Лёгких и я в помощь. Встретил он нас приветливо, со смешком:

— Дома больше не дадим, будем переселять в такие дома рабочих из подвалов да из полуземлянок Заимских.

— Нет, нам хватит того, что нам дали. Не дом нам нужен, мы его переделяваем, нужны табуретки и скамейки в зрительный зал, штук двадцать венских стульев, — это все Борис ему перечисляет.

— А вы не думаете, что получится не по-горьковски, а по пушкинской сказке о рыбаке и рыбке?

— Нет, больше мы не придем просить ничего. Вот придете на открытие клуба и посмотрите сами, что не можем же мы без табуреток, в крайнем случае, заберите у нас часть мягких стульев.

— Это резон, — говорит он Борису. — Вот что: есть у нас такой прекрасный большевик-подпольщик товарищ Лаис. Он латыш, заведует хозяйственным складом, он любит ребят, вот вам записка к нему, сможет он – не откажет. Вы знаете склад там, где был раньше магазин Гаврилова и Досманова, шагайте туда!

Отправились. Старый дед с большими усами встречает, с акцентом говорит:

— Что, мальчики?

Показываем записку.

— А, это Юрка пишет.

— Нам очень нужны табуретки или скамейки, иначе мы не сможем открыть клуб к назначенному времени.

— Пойдем на склад, может, там подберете что-нибудь годное, так и перетаскаете.

Часа два копаемся в наваленной мебели, выдираем то табуретку, то скамейку, стулья он не велит брать — это для рабочих, которые переселяются в богатские дома. Отобрали, ну а как переносить? Пойдем, соберем правление клуба и там посоветуемся. Пришли, собрали всех. Боря рассказывает, и тут же сам предлагает: давайте попробуем так. От склада до нас четыре квартала, нас, парней, сорок человек. Встанем сажень на двадцать друг от дружки и перетаскаем всё к вечеру.

И вот сорок мальчишек с криком, веселым шумом, к удивлению прохожих, выстраиваются ленточкой саженой через десять и перетаскивает скамейки, табуретки, лавки. Зрителей собралось много больше чем носильщиков. И ведь дотащили! Мебель во дворе клуба, а уже утром девушки помыли и подкрасили ее. Ваня Царегородцев подправил, где нужно было. Расставили все по залу.

НА СЦЕНУ ВЫХОДИТ КОМСОМОЛ.

ПЕРВАЯ РАЗМОЛВКА

За пару дней до торжественного открытия клуба нашего к нам пожаловали гости из горкома комсомола – Костя Матвеев*, Шостин – инструктор губбюро по работе в деревне, и работник горкома Мильчаков**.

— Мы пришли узнать, что это за клуб вы собираетесь открыть, и кто у вас в правлении, стоите ли вы на платформе советской власти?

— Да, вполне, и это советская власть нам предоставила этот дом и дала нам мебель, помогла нам его открыть.

Матвеев смотрит на объявление о записи в кружки.

— А почему у вас нет в числе кружков политического, или секции, будете ли вы обучать молодежь политике?

— Нет, мы только хотим поднять культурный уровень подростков, приохотить их к хорошей книге, научить читать лекции для детей на научные темы.

— Ну а комсомольцев будете принимать в члены клуба?

— У нас и сейчас их уже три человека – Царегородцев, Соломонов и ваш инструктор горкома Игорь Орестов.

— А вы знаете, что кроме комсомола никто не уполномочен вести работу среди молодежи, — говорит Шостин. — Мы хотим ваш клуб превратить в районный клуб комсомола Слудского района, который мы создадим.

---

*Матвеев Константин Павлович (1902—1938), один из сыновей известного в Перми адвоката и социал-демократа П.А. Матвеева, представитель большой замечательной пермской семьи Матвеевых. Был председателем Пермского губкома РКСМ, на комсомольской работе в Омске и Тюмени. В 1937 г. репрессирован, в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1958 г. В Перми на здании бывшей гимназии Циммерман (ул. Луначарского, 29), где учился К.П. Матвеев была установлена мемориальная доска в его честь.

**Мильчаков Александр Иванович (1903—1973), известный советский комсомольский, партийный и хозяйственный деятель, в 1928—1929 гг. генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1938 г. репрессирован, 16 лет находился в лагерях. В 1954 г. реабилитирован. Близкий друг М.С. Альперовича в течение всей жизни. Позднее А.И. Мильчаков посвятил Михаилу Альперовичу главу «Опасный мальчик» в книге воспоминаний «Нестареющие комсомольцы» (Пермь, 1968). В 1978 г. улица Центральная в Дзержинском районе г. Перми переименована в улицу Мильчакова.

Как председатель, отвечаю:

— Мы не согласны.

Встает Борис и говорит:

— В таком случае, я выхожу из правления и не буду членом клуба.

Костя Матвеев бросает ему реплику:

— Ты же интеллигент закоснелый, путаешься в ногах пролетариата.

Я ему кричу:

— Ты же сам интеллигент! У него отец врач, а у тебя адвокат. Значит, дело не в том, какая профессия у отцов наших.

Вмешивается Мильчаков:

— Такой вопрос не решается криком, и не решается в один вечер. Мы еще не раз соберемся. Ругать нужно не всю интеллигенцию, многие из интеллигентов в партии большевиков. Давайте разойдемся, успокоимся, а на днях опять побеседуем.

— Ну да, — говорю я, — а в газете уже объявление об открытии клуба.

Я ушел в библиотеку поделиться с З.А. Прибежал Борис, взволнованный, разгоряченный, злой:

— Ну что, пойдешь в комсомол, передашь им всё, над чем мы столько трудились!? Я в комсомол не пойду.

— Ты уж очень притко решаешь, или мама не пускает, вернее, не хочет видеть тебя в комсомоле. Что мы знаем о нем? Давай попросим наших комсомольцев послезавтра рассказать нам о комсомоле, что это за организация, какие цели она ставит.

— Согласен послушать, а в комсомол все равно не пойду. И мама тут не причем, ты это знаешь лучше других, ты знаешь, что если я захочу, то она препятствовать не будет.

Послушали мы Игоря Орестова, все-таки работник горкома. Партия большевиков ему поручила вести работу с молодежью, а цели, что у нас, что у них — совпадают. Я сказал: они нас обвиняют, что мы против них. Я как председатель правления подам заявление в комсомол, а вы можете подождать, пока станет ясным вопрос — дадут ли нам работать среди подростков и приучать их к серьезному чтению. А что политикой так или иначе придется заняться — это факт, ведь мы говорим, что мы на советской платформе, а это и есть политика. Борис вскочил и ушел.

На открытие клуба Боря не пришел. Был Здравосмыслов, была З.А. Из комсомола тоже никто не пришел, хотя им были посланы приглашения. Размолвка с Борисом меня очень расстроила: неужели я ошибся, и это не настоящий друг, хотя я допускал, что основания для такого раздумья были и у него. Несмотря на то, что он в клуб не ходил, мы виделись каждый день или у него, или в библиотеке.

З.А. не выражала откровенного сочувствия ни той, ни другой группе. Мне казалось, что она с удовольствием наблюдает за стычкой обеих групп. В один из дней она нас познакомила с прибывшим из Москвы инспектором по библиотекам Е.Ф. Проскуряковой, большевичкой. Та, конечно, встала на мою позицию, но я сказал, что ей трудно судить только выслушав одну из сторон.

За этой размолвкой последовала другая: в школах начался набор учащихся старших классов. После приезда Н.К. Крупской на пароходе «Красная звезда», видимо, по ее указанию как заместителя наркомпроса начали создавать школы II-й ступени. Все старые школы объявлены ликвидированными: гимназии, реальное училище, коммерческое, торговое, епархиальное и духовное училище. Я, конечно, записался в школу, в шестой класс. Прибежал к Борису:

— В какую ты школу запишешься?

— Ни в какую, в школу не пойду, и всё.

— Что же это, бойкот?

— Не знаю, но твердо решил.

Тут пришла Лидия Алексеевна и начала его уговаривать идти в школу. Он вспылил, даже накричал на нее. Она пыталась поставить меня в пример, ничего не вышло.

Всех учеников зачислили в шесть школ по городу, ввели самоуправление — ученические комитеты. Меня выбрали сразу председателем ученического комитета 5-6 школ, моего одноклассника по гимназии Васю Малыгина в 3-4, а Зою Гильдину в 1-2. Как раз в дни открытия клуба меня на общегородском собрании учащихся выбрали и председателем общегородского ученического комитета. Многие из членов клуба пошли в школу, где учился я. Тут я впервые подумал: ну, Боренька, и самолюбия же у тебя много. Из-за самолюбия ты и в школы не идешь, а поди и хочется.

Мы начали учиться, а Боря... задумал поступить на работу. «Хочу, — сказал он мне, — поддержать мать». Рассказал мне, что З.А. Будрина решила организовать группу по сбору книг из домов бежавших с Колчаком. Договорилась с начальником политотдела гарнизона, только что приехавшей Кирсановой (известная пермская революционерка). Решила собрать всех мальчишек из второй районной на это дело, позвала нас к себе и растолковала, что и как. Борис будет за старшего, он будет получать паек и зарплату в гарнизонном клубе, а мы будем ему помогать. Для перевозки книг она организовала какую-то арбу, а вместо лошади пригнала нам ишака, который остался от «первых красных», когда Блюхер провалился на Кунгур с Южного Урала. Ишак так и пробыл при белых на плацах Красных казарм.

Наметили так: сначала мы работаем там, где немного книг, а Борис начнет отбирать книги в библиотеке фабриканта серно-кислотного завода Тупицына (человек он был грамотный, читал на многих языках). Всего Борис насчитал там около 30 тысяч книг. И вот невиданная для Перми картина: шестеро мальчишек вытаскивают кучи книг и бросают в арбу. Дом помещался на не мощеной Екатерининской улице, около монастыря (в Перми все улицы, кроме Сибирской и Покровской, не были мощеными).

Начальник наш, Борис, с самым серьезным видом пытается «завести» осла, то его за хвост покрутит, то палкой лупит, а он ни в какую. Наваливаемся все, толкаем арбу, и вот... двинулась. Прыгает на ходу Борька на верх арбы и усаживается там, а с ним обычно Игорь Орестов – это переводчик, распознающий, на каком языке написаны книги. Вдвоем они располагаются наверху и рассматривают альбомы с марками, которых было много. Мальчишек с Данилихи за нами толпа, ишак штука невиданная в Перми, да еще зартачится, запоет... А Борис уже тогда выделялся среди нас, про него частушка тогда была во второй районной: «Назаровский Боб гуляет, Эйфелева башня...»

Картина для мальчишек неопишуемая, а ему нравится, что он старшой, хоть и вида не подает, только немного напыщен. Так мы возили книги с месяц: газеты и журналы – в публичную библиотеку, а книги во вторую районную. Вскоре помещения, отведенные для книг, были загружены до потолка. Стало холодать, ишака нечем было кормить, и Борис перестал вызывать нас и приезжать за нами после школы в своем экипаже.

Моя должность председателя Слудского райкома комсомола кончилась. Всего в нем было не больше 60 человек, и обгорком постановил слить два района – Слудский и Заимский – в один и оба названия, а меня избрал заместителем горюездного комитета. Делать было особенно нечего, только по вечерам велись кружки, свет горел плохо, керосину давали мало, а ребята в полутемноте спорили о божестве. Провели мы мобилизацию на Деникинский фронт после II съезда РКСМ, начали ходить на восстановление переправы через Каму, чтобы можно было пропустить поезда до Петрограда и Москвы. Это делалось по расписанию губкома партии, которое печаталось тогда в газете «Красный Урал».

Не помню, получали ли мы тогда деньги или паек. И вот однажды губком вызвал нас и дал направление в гарнизонную библиотеку, в распоряжение т. Крестьянинова – начальника клуба гарнизона Перми. Конечно, не обошлось тут без Бориса, это он решил продолжать начальствование над нами, чтобы мы работали по его указанию.

Утром мы собирались в гарнизонной библиотеке, набирали книг и для малограмотных, и для тех, кто уже читал. Красноармейцы у нас за день разберут все книги, и мы приходим вечером отчитываться, и идем домой.

Пекарню я уже оставил к тому времени, а получаемый паек на санках отвозил к Назам, благо всего один квартал от клуба гарнизонного. У меня постоянной квартиры не было, в пекарне я ночевал не каждый день, а потом ее, как и все пекарни, национализировали. Большею частью я ночевал у Назаровских.

Борис затеял хитрую штуку: обучать красноармейцев грамоте. Мы надевали на спины по одной большой вырезанной картонной букве, а красноармейцы занимались на плацу. Мы шли впереди, а они хором, в ответ на громкий вопрос политрука, отвечали: РЫ, ПЫ, ЛЕ. Но скоро это бросили, это мешало строевой подготовке, и комиссар полка Зырянов отменил это.

Комсомольской работы прибавилось, и я начал меньше бывать в казармах, но и Борис, конечно, и я продолжали получать паек. С каким форсом он на санках возил домой паек: пару селедок, полфунта постного масла, фунт мяса и сколько-то муки. Борис надо мной частенько посмеивался: отставной козы барабанщик, отставку дали. Я отмалчивался, только однажды бросил ему: смейся, смейся, будешь еще у меня просить рекомендацию в комсомол, а я еще подумаю, давать ли тебе её. Что делается в комсомоле, и что я делаю в союзе, я ему почти не говорил. Не рассказал ему и о том, что горюездком заставлял меня быть заведующим второй районной библиотекой, а я ревмя ревел: не пойду на унижение З.А. Будриной, она же меня воспитала. А это было решение горкома партии: советизировать библиотеки, поставить во главе их коммунистов или же комсомольцев.

Весна 1920 года. Мы живем вместе, но я уже знаю, что ему на каждый месяц надо иметь своего идола. Был некоторое время им и я. Сейчас им стал новый их квартирант – работник совнархоза Сабуров. Это был грамотный, даже образованный коммунист, и Борис старался во всем подражать ему.

В это время мы опять начали цапаться, на этот раз из-за его отношения к сестре. Слепая любовь мамы к нему доходила до готовности пожертвовать дочерью, лишь бы Боренька был всем доволен. Он третировал сестру, грубил ей на каждом шагу. А она, забытая молчаливая девочка, машинистка губсуда, не могла устоять перед чарами красивого, хамоватого хорошего спортсмена, которого поселили к ним. Он и подписывался: «Начхоз 57 полка Владимир фон Шлезингер». Конечно, дело кончилось беременностью. Борис её

возненавидел. Я никак не мог вынести его странности: к нему он относился с известной долей насмешливости, но довольно дружелюбно, а к ней, несмотря на то, что брак был оформлен, он и не подходил, и не разговаривал, да и мама тоже встала на эту позицию. Я презирал этого красивого хлыща, которому было все равно кому служить – белым или красным, лишь бы носить красивую форму и щеголять на спортплощадке. Игорь Орестов его окрестил «порхачий мотылёк», а я добавил – «в галифе», фон барон.

И вот однажды я встал из-за стола, вызвал Бориса и устроил ему «бенефис». Я выложил ему всё: и любовь к старой няньке Аннушке, которая каждое воскресенье отстаивает всё утро в церкви, а потом приходит домой, напивается пьянущей, а он афиширует свою любовь к ней. Он окрысился на меня: это комсомол так учит тебя – люби падших, презирай пьяных, а у меня отец умер, тоже пил.

Короче, я решил не рвать, а просто уехать из Перми, и когда на следующий день собрал свои манатки, чтобы перейти в общежитие губкома комсомола, меня буквально ни Л.А., ни Борис не пустили.

Одно событие меня удержало от разрыва: для меня было каким-то чудом, что Борис написал статью о работе гарнизонной библиотеки. Я считал, что пишут только талантливые, выдающиеся люди, а тут Борис написал, да так толково. А печать может быть только партийной. Значит, если Борис решит стать журналистом, о чем он мне говорил не раз, то он перейдет и формально на позицию партии и комсомола. И всё же...

На III съезде комсомола (губернском) я был избран кандидатом в губком. Приехал Мильчаков и сагитировал съезд, чтобы они отпустили избранных членов и кандидатов «в подарок» Сибири, и начал разговор со мной. Я дал согласие поехать. И в числе 13 человек пермяков выехал в распоряжение Сиббюро ЦК РКСМ. Нам нужно было на каком-то испытании проверить нашу дружбу, на чем она основана, может ли она сохраниться дальше.

Мы встретились в июне 1921 года, когда я ехал в распоряжение ЦК РКСМ, чтобы быть направленным на работу в Грузию, недавно освобожденную, и в комсомол, недавно вышедший из подполья. Две недели я пробыл в Перми, заехал, конечно, к Назам. Обрадовались мы взаимно друг другу. Работал он тогда в «Роста». Он сразу же потащил меня туда. Очередным кумиром его были, это чувствовалось во всем, зав. Ростой Антонов и редактор Милютин. Так как в Сибири мне пришлось поработать на газетной работе в комсомоле, то в первый же день мне дали какие-то задания, и я сделал некоторые статейки, заметки и сводки. Борис работал с душой, забывал про еду и сон, про всё на свете. С боль-

шим интересом я включился в его задумку — создать устную газету при Росте. Делалось это так. Гинц брал большой шест, на котором было написано: «Идите за этим человеком, он вам расскажет что-то интересное!» Выходили из Росты Борис, я, еще несколько человек, шли по улице и скандировали стихи входившего в моду Маяковского. Громче всех скандировал Борис: «Наш бог бег. Сердце наш барабан».

Я не понимал поэта, и орал что-то другое, а Борис на полном серьёзе изо всех сил кричал эти стихи. Постепенно идя по городу, мы обрастали довольно большой толпой, и когда доходили до Гоголевского сада к специально устроенной трибуне, пересказывали устно сегодняшнюю сводку Росты. Гинц – прекрасный декламатор, в промежутке между статьями читал стихи революционных поэтов. Борис в выступлениях не участвовал – у него был глухой голос, и он быстро надрывался и хрипел, но он был организатором и душой этого дела, как и в постановках второрайонников в городском театре «Потонувшего колокола» Гауптмана и «Женитьбы» Гоголя. Он играл главную роль – суфлёра. Вообще, я заметил, что он никогда не берется за дело, с которого может сорваться. Не то что мы: брались за роли – все-таки в городском театре и к тому же такой мистической вещи как «Колокол»! Конечно, у меня от лешего было только – кудлатая рыжая шевелюра, не больше.

И вот накануне моего отъезда в Москву, когда мы шли со Слудки, Борис начал разговор о комсомоле. Я сделал вид, что не понимаю, в чем суть, но выслушал его, а разговор ему давался, при его самолюбии, с большим трудом. Я сказал: да, те, кто имел возможность раньше в комсомол вступить и не вступил, сами много потеряли и не дали ему то, что они способны были дать за эти два года. Сейчас есть решение – детей интеллигентов принимать только кандидатами, исключение делать только для тех, кто активно работает в комсомоле. Кто хочет из этой прослойки вступить в комсомол, может быть прикреплен к рабочей ячейке. На этом разговор оборвался. Когда меня ребята через несколько дней провожали, Борька вдруг спрашивает:

— Колька Оборин хороший парень?

— Это кто, с электростанции? Очень хороший.

Больше мы не сказали ни слова друг другу, но я понял, что дело с комсомолом пойдет вперед. Иди-иди, ты ведь из тех людей, которые никогда не каются вслух, будешь есть сам себя поездом. Но я коммунист почти уже год, и ты, если бы не твое ложное самолюбие, тоже был бы уже им. Ну что же, если нужна будет моя помощь, окажу ее, только обраться.

Переписка тогда была не в моде, и мы оторвались друг от друга на полтора года. В Пермь я приехал осенью перед поступлением в МГУ. До этого меня в Сухуми перевели на партийную газетную работу. Редактором был левый эсер, но человек честный, быстро изживающий свои эсеровские замашки. Там я попробовал себя и в очерке, и в передовых статьях, и даже в рассказах о голоде. Как я узнал потом, примерно в это время Борис начал себя пробовать в «Звезде».

Когда я приехал в Пермь, Борис мне сказал, что он работает в «Звезде», пел сплошные дифирамбы Валентину Орлову, заместителю редактора. Человек был действительно ценный: настоящий рабочий, машинист, партийный работник. Я спросил:

— Что, очередной кумир?

— Да ты не знаешь его, он действительно самородок!

Он мне сказал, что принят в комсомол сразу членом, учитывая его активную общественную работу. И тут я сказал ему первый сознательный и продуманный комплимент:

— Ты глубже меня, это я вижу, не болтлив, целеустремлён, и это я очень ценю.

И с удовольствием, хотя и не понимал, слушал в его исполнении «Левый марш» Маяковского. Для него слова «России не быть под Антантой!» были уже не только словами, но и мировоззрением.

Впервые мы разговорились о нашем будущем. Он меня спросил: почему я решил идти на дипломатическое отделение, неужели мне хочется быть дипломатом? Я посмеялся и сказал, что не мню себя дипломатом, хочу выучить иностранные языки и быть хорошим лектором и докладчиком по международным вопросам. И тут он мне сказал: а я решаю идти по философии.

На прощание я ему сказал, что где бы я ни был, если он попросит рекомендацию в партию, то я дам. Насупившись, он буркнул:

— Ты уже раз ошибся во мне. Не могу себе простить, что я был против комсомола. Мне еще долго до думы о вступлении в партию, не хочу вступать формально в нее, при первой же чистке меня вышибут. Ведь отец редактировал в первую революцию кадетскую газету «Камский край». Хочу закрепиться в газете и думаю, что это мне удастся, что я буду достойным журналистом. Тогда и думать буду о партии, будет время и на это. А твою обещанную рекомендацию я буду помнить...

Увлёкшись студенческими делами, я летом много путешествовал по Донбассу и Кавказу. Только на несколько дней удалось заехать в Пермь в 1923 году. Борис был в отпуске и жил с матерью в Нижней Курье. Эту пару дней, что мы были там вместе, мы посвятили сбору грибов. Он меня водил по лесу и рассказывал, что это всё вместе составляло дачу

графа Шувалова, ближний лес это «Бассенький бор». Как-то мы переехали на перевозе через Каму и пошли по направлению к Усть-Качке. Собрали мы в тот раз уйму грибов, причем Борис был настоящим грибником, а я учился их распознавать. Собрали столько, что не в силах были унести. Зашли в какую-то деревню, сговорились с возчиком, и он нам помог довести до перевоза и погрузить, а уже в Курье в гору мы на пузах еле дотянули. Боря, худющий, выпятил свой животик и шествовал с огромной корзиной. И когда его спрашивали соседи по даче, где он ухитрился столько набрать за один день, он выразительно отвечал: по шуваловской меже и лесу, в Бассеньком бору.

Умер Ленин. Ходил я прощаться с ним в Колонный зал Дома Союзов. Начался Ленинский призыв. Было не до лекций. Наше международное отделение закрыли и предложили перейти на юридический факультет. Кое-как скачав сессию, пошел я в ЦК партии к зав. агитпропом Я.А. Яковлеву и попросил направить в Пермь для работы с Ленинским призывом. Зашел я предварительно к его секретарю Асе Боярской, она мне сказала:

— Мы только что направили на Урал пропагандистскую группу для этого, но туда вы не подходите, брали только из «Свердловки». Можем вас направить только индивидуально в распоряжение Пермского окружкома партии, минуя обком.

Я согласился, получил направление в Пермь, в распоряжение окружкома. Заехал, конечно, к Борису. Узнал, что секретарем окружкома сейчас будет бывший до этого секретарем Мотовилихинского райкома Иван Петрович Румянцев. Борис работал секретарем редакции «Звезды». Вся редакция состояла из молодежи, командовал ими зам. Редактора Шура Плеско, по годам мой ровесник, успевший кончить институт журналистики. Когда я зашел в редакцию, Борис побежал к нему. Он позвонил редактору, Михаилу Павловичу Туркину, тот обратился в окружком, и я был откомандирован для работы в редакцию. Вставая на учет в горрайкоме партии, попросил прикрепить к депо Пермь II и дать мне кружок Ленинского призыва.

Явился в редакцию и после беседы с Плеско присел к столу Бориса.

— Отношения наши работы не касаются, буду с тебя требовать больше чем с других. Посоветовались мы с редактором, и он сказал: так как ты пока среди работников, кроме Плеско, единственный коммунист, то ты будешь зав. отделом партийной жизни. Кроме того, на тебе будут лежать обзоры международного положения раз в неделю и народнохозяйственный обзор раз в месяц.

Пробой пера стала картинка к годовщине освобождения Перми от белых — «Красные, белые, красные». Прошла почти без правки, значит, приняли.

Работники редакции – каждый был несомненно талантлив, и вдобавок каждый имел свой «пунктик». Борис был поглощен рабковским движением. Вечерами он бывал обязательно на Шпагинских мастерских, за Камой на лесозаводах, на Уралсепараторе. Он был не просто увлечен, а одержим этим. В редакцию все больше поступало материала от рабкоров. Борис наш сотруди́ческий материал не правил, забракует, скажет – дай тому-то переделать: или Гинцу (так назывался и подписывался Савватий Гинцбург – зав. информацией), или Лёне Неверову – зав. международным отделом, а их брак часто попадал ко мне на переделку. Зато рабковский материал он правил и доводил до кондиции сам, сидя до позднего вечера.

Тогда пользовалась всесоюзной славой четвертая страница газеты «Гудок», где за подписью «Зубило» давались сатирические статьи по рабочим заметкам. Борис поставил задачу сделать четвертую страницу «Звезды» такой же острой и интересной. К удаче задумки послужил приезд нашего старого знакомого Игоря Орестова, который возвратился из Швеции и Англии, где его отец принимал купленные за границей тысячу паровозов. Он и встал во главе четвертой страницы. Талантлив он был бесспорно. Вскоре «Звезда» приобрела популярность большую среди рабочих и начала расти подписка на нее.

Пермское рабковское движение получило широкий размах: росло количество рабкоров, и они начали давать интересный материал. В Пермь на окружные съезды рабкоров «Правда» начала посылать своих представителей, а затем М.И. Ульянова послала на третий съезд рабковский свою помощницу Наташу Пилацкую. Это всё мы считали бесспорно заслугой прежде всего Бориса и Плеско. Вообще, в редакции каждый имел свое дополнительное увлечение. Плеско был увлечен МОПРОМ, он завел переписку с узниками фашистской Италии, главное, с тюрьмой политических в Форли. Он выпустил книжку о Форли и ряды МОПРА выросли сильно.

Гинц все больше увлекался декламацией и поэзией. Читал он В. Каменского и В. Маяковского мастерски. Ходил в полушубке, на котором через всю спину был написан лозунг Маяковского «Светить всегда, светить везде, светить, и никаких гвоздей, вот лозунг мой и солнца». В одно ухо у него была вдетая серьга.

Борис и Плеско были инициаторами создания при редакции футбольной команды «Звезда», благо близко стоявший к редакции Павел Варасов был вратарем уральской сборной команды. В устье реки Чусовой редакция унаследовала островок, который в свое время получил название в память о второй районной библиотеке. Плеско завел для своей приемной дочери молоденького медвежонка.

Борис был в восторге от всех этих дел. Попалась ему однажды английская газета «Дейли Геральд» с симметричной версткой, и он загорелся: сделаем «Звезду» такой же. И стала она симметричной. Все время Борис был в приподнятом настроении, но в это время он мало очень стал писать в газету, что несомненно отразилось на его опыте как журналиста.

Вместе с Василием Филипповичем Тиуновым мы были назначены руководителями семинара по партийному просвещению, хотели меня снять с редакционной работы, но Борис уперся – «он нужен здесь!» Я повел себя провокационно:

– Ну, ты иди к первому секретарю окружкома и скажи ему!

Он сердито посмотрел на меня:

– Что ж ты, сукин сын, еще дразнишься, что я беспартийный!

Конечно, решил вопрос М.П. Туркин. Он зашел к секретарю окружкому и сказал, что работника редакции он не даст, и меня оставили. Борис посмотрел на меня, ничего не сказал, но я должен был понять – хоть и не я, но все же вышло по-моему.

Жили мы втроем: Борис, Игорь и я. Это была своеобразная коммуна без всяких формальных обязательств, хочешь – вноси зарплату, не хочешь – можешь не давать ничего. Но мы все отдавали три четверти, не меньше, оставляя себе на курево и мелкие расходы. Жили мы хорошо, Лидия Алексеевна относилась к нам как к родным.

В это время я заметил в Борисе что-то новое: он, не терпевший Люсю, как мы знали с Игорем, очень любил её девочку Светланку, которой было тогда около четырех лет. Я-то считал его сухарем. Он, правда, старался делать эту любовь к ребенку незаметной, но взгляд его выдавал. Он с ней не играл, но стоило ей упасть, как он менялся в лице. Вот же характер самолюбивый, даже любовь к ребенку боится показать. Внешне он был к ней прохладен. Эмоциональный, веселый Игорь, артист по характеру, играл с ней за обедом: увидит, что она уронила крошку хлеба под стол, поворачивается к ней и делает вид, что вынимает свой глаз и шарит им под столом в поисках упавшей крошки. Девчушка в ужасе старается посмотреть на дырку, откуда он вынул глаз. Игорь поворачивается, вставляет глаз на место, и Светка успокаивается.

Мой коронный номер был такой. Я спал в столовой за ширмой, и утром Светланка бежала будить меня, бабушка ее посылала. Я встаю, окружаю себя ширмой и иду в сторону умывальника. Ужас девочки не поддавался описанию: «Бабушка, ширма пошла, а дяди Миши нет в кровати, ширма его унесла!»

Дядя же Боря не опускался до игры. Он иногда только снисходил до чтения ей стихов Маяковского, а она повторяла: «Ваш сын прекрасно болен...»

Работали мы много и не считались со временем. Редакция сработалась. И неудивительно, что мы приняли в свои ряды приехавшего Аркадия Голикова, он уже Плеско не застал в Перми, быстро сошелся с ребятами и стал своим.

Борис с удовольствием рассказывал, как я «зачитал» ужин. Дело было так. Пришел я поздно, все уже спали. Читал я какую-то интересную книгу. Лидия Алексеевна сказала:

— Миша, ужин в печке, налейте и ешьте.

Через некоторое время спрашивает:

— Ну как, горячий ужин?

— Да, только почему-то мочалка здесь.

— Да вы же взяли горшок из-под каши, который отмокал с обеда!

Вскочила, заменила тарелку, а сама хохочет. Конечно, Игорь проснулся, проснулся и Борис, хохот стоял довольно долго. Наутро Борис рассказал в редакции, как это все произошло. Хорошо мы жили!

Однажды, когда Бориса не было дома, Лидия Алексеевна подсе-ла к нам и сказала:

— Что делать? Я замечаю, что Боря начинает выпивать. Я боюсь, это же у него наследственное. Скажите мне, как поступить, говорить с ним я боюсь, не было бы хуже.

— Если вы не возражаете, я поговорю с ним.

Я слышал иногда – они сговариваются между собой: сходим сегодня в Вулкан или в Отраду. Был разгар НЭПа, и на черном рынке кабачков частных было сколько угодно, но лично я никогда даже близко не подходил к ним, считал, что и ребята также относятся. Верхогляд я оказался самый настоящий. Я был настолько обескуражен и расстроен, что сорвался. Вечером сказал Борису:

— Если ты будешь ходить пить по кабакам, то я вынужден буду поговорить в ячейке на электростанции.

Он побледнел:

— Кто тебе дал такое право, ты меня видел когда-нибудь пьяным на работе?

— Не хватало еще, чтобы на работу кто-нибудь пришел пьяный, чтобы весь город заговорил про «пьяную редакцию», а может и до рабкоров это дойти.

Этого разговора он мне не простил. Это были не наши старые споры о школе, даже о комсомоле, когда мы могли спорить и в то же время через пять минут забыть о споре и начать говорить о чем-нибудь другом. С этого времени некоторые ребята редакционные начали прохладнее относиться ко мне, я почувствовал себя не в своей тарелке. И когда меня вызвали в военкомат и сказали, что мой год призывается в армию, что я могу получить отсрочку как студент МГУ, я сказал:

— Нет, не хочу никаких отсрочек. Если можно отправить меня в часть, которая воюет, то прошу направить.

Окулов, военком, ответил:

— Фронт у нас один, Туркестанский, там у нас один наряд – в железнодорожный полк.

Я настоял на посылку туда. Пришел в редакцию и сказал Борису и Туркину, что меня призвали в Красную армию, что дал согласие. А вот насчет Бориса, которому призываться на будущий год, сказал Туркину:

— Ему обязательно надо дать отсрочку. Ну посмотрите, какой из него может быть красноармеец? Да он предрасположен к туберкулезу. Можете вы вообразить его на строевой подготовке?

Он согласился со мной.

Пару слов о лирике, о романтике. Нам было в это время по 21-22 года, и вопрос отношения к женщинам был далеко не теоретическим. Гинц женился. Я тоже каждый вечер провожал за 11 кварталов свой «объект». Галина, видимо, не замечала, что Борис держался, но глаза выдавали его чувства при взгляде на нее. Да она вскоре и вышла замуж за Плеско. Мы считали, что Борис из-за боязни отказа прозевал Галю, но он держался так, что он выше этого.

Перед отъездом в Туркестан я долго думал: говорить ли с Борисом «по душам». Хотелось определить наши дальнейшие отношения. Говорливостью он не отличался, докладчик был неважный, а беседчик замечательный. Сила воли у него колоссальная, но мстительности, злопамятства хоть отбавляй. Журналист он божьей милостью, хотя в последний год почти не печатал своих статей. Грамотность он подогнал, был грамотнее меня, хотя и не пошел в школу. Синтаксис он знал прекрасно. Может ли он пожертвовать товарищем для карьеры? На этот вопрос ответа я не нашел. Видел прекрасно, что «Звезда» после отъезда Плеско и ухода с редакторского поста Туркина держалась только на молодежи, возглавляемой Борисом. Это было доказательство его хватки журналистской.

Воевать в армии мне почти не пришлось, да и пробыл я почти год, сразу попал секретарем партийной организации школы и членом партийного бюро полка, да вдобавок служить как студенту мне пришлось только год со сдачей экзаменов на командира взвода запаса инженерных войск.

Вернулся в Пермь, заехал к Назам. Лидия Алексеевна в одном была настоящей широкой натурой: приняли меня, как всегда, радушно. Я себя действительно чувствовал по-настоящему дома. Были новые люди. Не было Игоря, но всю развернулся Гайдар как фельетонист. Рабкоры «Звезды», большей частью воспитанники Бориса, были серьезными людьми. Активной была наша общая

симпатия – секретарь комсомольской ячейки кожзавода Раля Соломьянская, одна из зачинательниц пионерского движения Перми, наступательная, мажорная девушка, которая вошла в коллектив газеты и вскоре стала женой Гайдара. Но всё же четвертая страница газеты заметно поблекла.

На вопрос Бориса – когда выйду на работу – я ответил, что решил кончать университет, коммунист должен быть грамотным и специалистом в какой-то определенной отрасли. Он, помолчав, сказал:

— Меня зовут в «Гудок» работать, и именно на четвертой странице. Трудно мне ответить на это. Думаешь, мне не хочется учиться? Ой как хочется.

— Ну за чем же дело встало? Твой бывший кумир Шурка Плеско ведь кончил институт журналистики, и тебе имеет смысл, ведь ты же газетчик настоящий и останешься им навсегда.

— Нет, не выдержу я нескольких лет учебы, да и не только в институт журналистики не попаду беспартийный, а и в университет не смогу поступить. Ты же поступал, когда принимали туда без экзаменов, куда же я сунусь с четырьмя классами коммерческого училища. Сейчас времена не те, надо экзамен выдержать.

Тут впервые он мне кратко сказал о своей работе над Гегелем. Он меня начал дома шпиговать по «Маленькой логике» его:

— Тут я пасую, спроси «Капитал» Маркса – это да, а Гегеля читать мог только Маркс да ты, а я слишком живой человек, не одолеть мне его, не такого я склада. А в общем, решай, не будешь же век сидеть у маминой юбки, ведь шутка сказать, 23 года, а в Перми сидишь безвыездно. До окончания университета я в паршивых условиях, но смогу тебе обеспечить жилье. Знаю, что ты с ужасом думаешь об общежитии, ты не привык к жизни на людях, только в своей комнате, да чтобы мама положила соленые сухарики на ночь на тумбочку... Поэтому мать и считает тебя ребенком до сих пор.

В феврале 1927 года я вернулся в университет, поступил на третий курс судебного отделения. Вскоре стал секретарем партийной организации отделения с тремя сотнями коммунистов. Были сложные дни, в организации было много троцкистов. Работы было сверх головы.

Вскоре Борис приехал работать в «Гудок». Заехал, конечно, ко мне. И вот мы зажили в Москве. Комната была в бывшей дореволюционной лечебнице, где жили нянечки. Было восемь квадратных метров, установились две раскладушки, но проход между ними был такой, что разойтись мы не могли, надо было сначала одному лечь, потом другому. Зато у нее было преимущество, «центрее» её в Москве, наверное, не было: окно выходило на Садово-Триумфальную, а через 5-6 метров была Тверская.

В будни мы почти не видели друг друга. Заниматься в комнате, где притулился в углу какой-то сундук с книгами, служивший и столом, не было никакой возможности. Поэтому — то он приходил, когда я уже спал, то я опаздывал, и он уже отдыхал. В воскресенье мы кейфовали: ставили между койками чайник, и когда он закипал, мы одевались, причем один сидел на окне. И вот начиналась воскресная жизнь: один из нас спускал веревочку с завязанным гривенником вниз, и торговка привязывала две французские булки. Мы поднимали этот завтрак наверх, и начиналась трапеза. Посидим, поговорим и разойдемся, Борис в редакцию, я тоже куда-нибудь, хотя хотелось посидеть и поговорить.

Он мне рассказывал про коллектив редакции, а тот действительно был особым. Здесь работали писатели Ильф и Петров, Ю. Герман, В. Катаев, и много, много других. Работал Борис много, но все это была правка заметок рабкоров. Однажды я спросил, не обижает ли его то, что нет его подписи в газете ни под одной заметкой, что он ее правил. Он ответил:

— У меня такая радость от того, что получается после моей правки, что нет места для обиды. Это же самый лучший университет журналистики.

Принес он однажды большую фотографию работников редакции, где был и он в кружке. Там был также его старый кумир Антонов, когда-то бывший заведующий пермской РОСТА. Долго она стояла на сундуке с книгами, а потом он ее отослал в Пермь. Там были все тогдашние видные писатели, и он мне долго рассказывал, кто чем дышит.

Расскажу запомнившийся эпизод из нашей тогдашней жизни. В совпартшколе, куда была перенесена работа второрайонников и где заведующей библиотекой была З.А. Будрина, а зав. совпартшколой – Вера Павловна Нанейшвили, жена бывшего секретаря губкома партии, появился приехавший из Надеждинска Адам Зуев. ГПУ его посадило за толстовские проповеди, а потом отпустило, и вот он приехал в Пермь и как-то притулился к второрайонникам. З.А. устроила его истопником в совпартшколу. Пил он так, что мог пропить последние брюки и ходить в чем угодно, но это был милый и обаятельный человек. И вот он приезжает в Москву поступать во второй университет. Устроился он в общежитии университета. Денег у него, конечно, не было ни копейки, он буквально голодал. И вот он приходит однажды к нам в комнату и говорит:

— Меня все равно не примут в университет, решил я поехать обратно в Пермь. Дайте мне денег на дорогу, а то у меня нет ни шиша.

Богачом у нас был Борис, я получал стипендию. Он раскошелился на большую часть суммы, я на остальное, дали ему на билет и рублевку на харчи до дома. Он поблагодарил и ушел. А через две недели явился оборванный, взлохмаченный и, опустив голову, промямлил:

— Ребята, я виноват, пропил деньги. Поверьте, когда-нибудь стану человеком и возмещу вам все, что вы для меня сделали. Поверьте последний раз, дайте возможность уехать домой, ей-богу уеду.

— Ну, ты сочувствующий всяким сирым и падшим, — говорю я Борису. — Ты у нас капиталист, тебе и решать.

— Нет, брат, дудки. Денег на руки ты не получишь. Миша поедет на вокзал, возьмет билет, заедет за тобой в общежитие, отвезет тебя на поезд, и когда ты сядешь, он тебе отдаст билет и продукты на дорогу натурой.

Взял я билет и поехал во второй университет. Еле нашел общежитие. Комендант мне показал, где живет «трезвый сектант». Было это недели за две до начала вступительных экзаменов, студенты все были на практике. Захожу в пустую комнату. На полу лежит Адам, на полу же лежит электрическая лампочка, и он внимательно читает какую-то книгу. Собрать ему было нечего — все на нем. Поехали на вокзал. Нашел я проводницу, отдал ей билет и рубль денег на питание голодающих. Дал телеграмму в Пермь, что Зуев выехал. Но никуда он не доехал. Что с ним стало, неизвестно, больше не было о нем ни слуху, ни духу. Мы искали, делали запросы, все без толку. Так закончилось неизвестное для нас существование пьющего толстовца. Адам Зуев был талантливым человеком, правда, знал его только Борис, я его не знал, увидел только в Москве.

Хотелось мне сказать: вот и спасай пьяненьких... Не сказал, и хорошо сделал. Приехал из Перми Павел Варасов, и нашли они развлечение: посещали подряд все пивные от нас до Смоленского бульвара. Пивных было много в Москве: и Новая Бавария, и Беларусь, и еще какие-то фирменные. Вечером они рассказывали, что не столько пили, сколько любовались закусками. В одной пивной подали к пиву семь закусок. Начали перечислять и уговаривали меня пойти завтра в поход по другому ряду, но я отмахнулся. «Ну что с него возьмешь, ничего он в жизни не понимает!» — такова была резолюция Павла. Борис промолчал. И все-таки однажды я решил пойти с ними, хоть посмотреть, что это за такие «злачные» места. Никакого впечатления: орут пьяными голосами, готовы вцепиться друг в друга. Смотрели на меня презрительно и официанты, и посетители... Дурной, не понимает вкуса, пьет лимонад.

Однажды я сказал Борису:

— Давай подумаем что-нибудь насчет жилья. Одно из двух — или ты проси в редакции комнату, или же я перейду в общежитие. Больше года живем так, что дома даже газету не прочитаешь. Давай решать, чтобы хоть кто-нибудь мог придти к нам из товарищей. Имей ввиду, что мне от рабочей фракции эта комната дана по ходатайству университета, когда кончу, все равно придется решать вопрос.

Борис обиделся. Я давно заметил, что он тяготится Москвой. Он слишком привык к маминым обедам, а тут в редакционной столовке «Гудка» кухня не блистала разносолами. Я уехал на практику в Архангельск, а он уехал в Пермь. И когда я заехал в Пермь, он мне сказал:

— Ты меня гонишь, я и уехал.

— Нет, я готов уехать в общежитие. Я имею возможность как секретарь партийной организации и как отличник остаться на работе в Москве, но не хочу, она меня не прельщает, предпочитаю Вятку.

Вдруг получаю от него письмо, что по вступительной работе по философии он принят в РАНИОН на философское отделение без экзамена и выезжает в Москву. Это было в 1929 году.

Комнаты уже не было, он жил где-то в общежитии или на частной квартире. Но он был неузнаваемым: радостным и просветленным каким-то. У меня было много товарищей, сочленов кружка по изучению «Капитала» при Комакадемии. Я ходил иногда слушать их рефераты по истории, но по философии он просил меня не приходить — стесняю его.

Он с такой радостью рассказывал мне о своей пропагандистской практике в кружке на заводе «Манометр», что и я радовался за него.

Когда я уже был переведен в Нижний Новгород из Вятки помощником краевого прокурора и частенько наезжал в Москву по делам, товарищи говорили мне, что Борис — талантливый исследователь.

И вдруг я узнаю, что он бросил РАНИОН и вернулся в Пермь. В связи с ликвидацией округов Уралобком партии назначил его редактором или замом, не помню уже, в Тюмень, а оттуда в Омск. И вот тогда, перед отъездом из Перми, он мне написал: «Если ты не забыл свое обещание дать мне рекомендацию в партию, то прошу прислать мне ее. Я решил связать свою жизнь с партией». Я тотчас же послал ему рекомендацию и написал, что поздравляю его с этим решением, что уверен, что он будет принят без всяких заковырок.

Шесть лет мы изредка вели переписку. Из Нижнего я был направлен в кадры Красной Армии, прошел «скорострельные курсы» академии и был назначен комиссаром полка в Забайкалье.

Только в 1936 году я заехал во время отпуска в Омск, где он работал заместителем редактора. Приняли меня, как всегда, очень хорошо. Борис увлекся тогда фотографией. Светлана училась в 7 или 8 классе. Он снимал нас с ней в различных сочетаниях, но сам не снимался со мной ни разу. Времена были тяжелые. Отгремел шквал убийства Кирова. Начался мрачный период судов над военными руководителями Красной Армии. Борис был, конечно, неглупым человеком, он понимал, к чему идет дело. Но на все мои попыт-

ки заговорить с ним серьезно, он отказывался от этого. Он только заявил мне, что редакционная работа перестала быть для него тем, чем она была всю жизнь, что он тяготится ею.

Поговорил я и с Лидией Алексеевной. Говорили мы о Люсе: «Не могу простить, что вы отняли у Светланки мать, а у себя дочь».

Она только плакала и говорила мне:

— Я предпочла остаться с одним, чем потерять обоих. Сейчас у Люси туберкулез, работает она в химической лаборатории. Да и у Бори склонность к этой болезни.

Она думает, что пока она с Борей, она его уберезет. Я сказал, что если буду жив и все будет в порядке, она может рассчитывать на меня, так как она относилась ко мне, как к родному.

Вскоре меня арестовали. Когда меня на следствии спрашивали о работе в Перми, я умолчал даже об имени Бориса. На целых двадцать лет я был вырван из жизни и, конечно, всякие отношения были прерваны.

Уже будучи в Кутаиси я получил сведения о том, что он вернулся в Пермь, что он редактор «Звезды», член бюро обкома партии. С болью я узнал, что он вел себя не лучшим образом во время сталинской кампании против космополитов, по существу, он выгнал Савватия из редакции как космополита. Тяжело было мне узнать, что он стал приспособленцем. Очень мне хотелось получить ответы на ряд вопросов от него, но решил – не стоит. После моей реабилитации, о чем, конечно, узнали старые пермские товарищи, я вдруг начал получать письма из Перми с предложением переехать туда. Писем было много, и от настоящих друзей, и просто от знакомых. Чувствовалось, что кто-то организует их. Но это уже относится ко второй части, которая, может быть, будет написана.

М.С. Альперович [подпись]. 30 января 1979 г. Кр[нрзб]во – Пермь.

И ОПЯТЬ ПЕРМЬ, И ОПЯТЬ БОРИС!

В полубессознательном, восторженном состоянии после арм. парткомиссии и реабилитации зашел я на телеграф и дал телеграмму Савватию.

После возвращения в Кутаиси у меня и мыслях не было об отъезде оттуда, а тем более о Перми. Получив от Гинца теплое поздравление, я написал ему письмо, что не хотелось бы, чтобы Борис узнал о реабилитации. Конечно, все время я понимал, что не у всякого хватило бы смелости начать переписку с исполняющим обязанности врага народа, а тем более, с рекомендовавшим его в партию, поди еще привяжутся к тому, что его рекомендатель – враг. Но все-таки я считал, что при наших отношениях он мог бы за эти годы передать хотя бы весточку.

Получив партийные документы, я начал принимать участие в партийной жизни, и вскоре был избран в партийное бюро. Каким-то образом Игорь Орестов узнал о реабилитации и начал писать теплые письма. И вдруг из Перми начали каждый день поступать письма: Лахтины, Царегородцевы, Нана – жена Гинца, Светлана и ее муж – летчик Игорь Залкинд, и многие другие. Все в один голос просили приехать в Пермь и увидеться со старыми друзьями. Конечно, чувствовал я, что чья-то рука направляет все это. Не помню, кто мне написал, что во время чумного последнего сталинского года, когда была кампания против «космополитизма», Борис обвинил Савватия в этом грехе и вышиб его из редакции. Меня это потрясло до глубины души: уж кто-кто, а Гинц с детских лет работал в газете, почему он в глазах Бориса космополит?

Зная Бориса как прекрасного организатора, я ждал, что после этого потока что-то должно последовать и от самого него. И вот получаю письмо от незнакомой мне Ирины Рыжановой. Пишет, что она жена Бориса, что он тяжело переживает свое неправильное поведение по отношению ко мне, что он просит, если могу, простить и поверить, что это урок на всю дальнейшую жизнь, что приглашает меня к себе и, в зависимости от моего решения, я смогу или остаться, или уехать обратно.

И тут я себя повел не лучшим образом. Юношеская память о друзьях «второрайонниках», накопившаяся за эти семнадцать лет тоска по дружескому слову, по ласке... Пермь я любил как родной город. Кутаиси был привычным рабочим местом, куда я приехал как последний человек, без права куда-нибудь выехать, с отпечатками пальцев в уголовном розыске. И хотя на строительстве товарищи, грузинские работники, относились ко мне хорошо, но все же это были люди, говорившие только по-грузински, а я научился читать по писаному, а говорить по-грузински – нет. И я не выдержал марки, написал, что приеду в очередной отпуск в Пермь, а там видно будет. Написал, что заеду к Гинцам, что извещу, когда будет отпуск. И получив отпуск в августе 1956 года, поехал в Пермь.

На вокзале меня встретили Борис и Савватий. Мы сразу узнали друг друга, хотя с Борисом не виделись ровно двадцать лет, а с Гинцем – тридцать. По дороге, пока мы ехали, Борис предложил мне остановиться у него: «Ты знаешь, по старой памяти. Что за обстановка у Гинцев, у него же нет места». Пришлось согласиться. А пока ехали с вокзала, попутчики мне объясняли, что и где построено нового в городе.

Встреча у Бориса была исключительно дружеской. Ирина оказалась прекрасным человеком, ее сын Сережа, усыновленный Борисом, восьмиклассник, серьезный, думающий парень. Все были искренне рады мне. Было так тепло, что я как-то оттаял. Узнал, что Лидия Алексеевна недавно умерла.

Вечер, устроенный Борисом для встречи со старыми друзьями, собрал действительно всех живых «второрайонников»: Назаровские, Гинцы, Шерман, Нина Александровна Будрина, Царегородцевы, Вася Малыгин, Коля Лахтин. Конечно, была Светланка со своим мужем Игорем. Мне было аж не по себе от тостов и того внимания, в центре которого я очутился. После этого вечера началась «обработка», чтобы я переехал насовсем жить в Пермь к Борису. Борис мне рассказал, что он из «Звезды» недавно перешел в областное издательство главным редактором. Я настолько размяк от всего этого внимания, что, не давая согласия вслух, просто — остался.

И Борис решил «пристроить» меня. Тут же созвонился с секретарем городского комитета партии Коноплевым о приеме для беседы. Мы пошли с ним вместе. Послушав короткую мою характеристику, секретарь был удивлен, что я ставлю условием — направить на работу нормировщиком на строительство, кем я работал и в Грузии. Видимо, он думал, что я, как старый член партии, претендую на больший масштаб, как мне и сказал. Тут же он позвонил управляющему «Пермстрой» П.Е. Константинову и сказал, что посылает к нему работника нормирования и считает возможным, несмотря на маленький «чин», написать письмо в ЦК партии Грузии об откомандировании меня в Пермь как старого пермяка и старого коммуниста.

— Чего ты сияешь? — спрашиваю Бориса.

— Доволен очень, что все прошло хорошо.

Назавтра мы поехали, вернее, пошли, так как в Балатово тогда не было еще ни трамвая, ни автобусов, к Константинову. Бориса он знал, и после его рассказа велел своей секретарше написать письмо в ЦК Грузии.

Как говорится, организационные проблемы были решены, и целых две недели мы втроем — Борис, Ирина и я — «примеривались» друг к другу. Видел я, что он-то рад, да и мы все больше были похожи на восторженных телят. Я так растаял, что согласился жить в комнате, где и столовая, так как отдельной комнаты не было. Борис уверил меня, что со временем он устроит все, но по совести говоря, меня это не интересовало особенно.

Мы с ним после окончания его работы ежедневно ходили на Каму, глядели друг на друга и таяли от улыбок. Мы даже не успели рассказать друг другу, как мы жили все эти годы. Он только успевал отвечать на мои вопросы о друзьях. Рассказал он мне, что Игорь Орестов был весной этого года в гостях у него, что еще застал его мать в живых. Откровенно говоря, мы не были особенно разговорчивы, все больше помалкивали, ограничиваясь репликами.

И все-таки в один из походов на Каму Борис рассказал, что он был исключен в Омске из партии, что поступил тогда работать на завод слесарем, что вскоре был восстановлен и назначен директором Омской оперетты.

С этой работы он и вернулся в Пермь, где работал заместителем председателя областного исполкома, а потом редактором «Звезды» и членом обкома партии. Чуть меня черт не дернул спросить: так что же ты, не понимал, что вся история 37-го — 38-го годов — это трагикомедия? Что же ты, не знал тогда, в 36-м году, в последнюю нашу встречу, когда я тебя предупреждал, что дело идет к этому? Правда, я тогда еще не мог сказать, какие размеры и масштабы это примет.

Все-таки я сдержался, не хотел ссориться и требовать от него признания, что он был слепым. А может быть, он и понимал, но не хотел идти против течения. Это всё моё восторженное настроение, или это вид Камы так на меня подействовал, но я промолчал.

И вот я уже в Перми окончательно. Начал активно работать в строительном управлении, вскоре был избран в партийное бюро, а затем стал секретарем партийной организации. Правда, довольно долго смотрели на меня с недоверием: что-то тут есть, старый член партии, бывший военком, а идет работать нормировщиком, а ему предлагают более ответственную работу. Партийная работа дала мне возможность приобрести много друзей среди рабочих и молодежи. Начали они приходить домой к нам, я познакомил с ними наших, они им понравились.

Так как мы с Борисом друг другу не рассказывали о работе, чтобы не наскучить, то вечера были самым лучшим временем за общим столом: разговоры, шутки, розыгрыши. Он меня познакомил с людьми из издательства, в первую очередь, с Людмилой Сергеевной Римской, человеком, влюбленным в писателей, старающейся открыть дорогу мало-мальски талантливому огоньку. Она прекрасно и глубоко знала литературу, и её слово было авторитетным, и не только для писателей, но и для Бориса, как я заметил. Он мне не показывал сути своей работы, но присматриваясь к некоторым материалам до его редакции и после, я начал понимать, в чем суть и его работы, и Римской, хотя он был вполне самостоятелен. Это были уже не когдатшние газетные статьи, это было настоящее творчество.

Борис подобрал редакторов по отраслям издательства, пригласив на редакцию художественной литературы... Гинца. Я восхищался его тактом и не сказал ему ни слова, да он и без этого понимал, что значит такой шаг. Когда ко мне обратилась группа молодых рабочих с просьбой рассказать о первых днях пермского комсомола, и я через газету написал ответ, то дал ему: ну-ка, стилист, посмотри с точки зрения именно стиля. Он взял и прочитал, сделав всего несколько правок. И должен сказать, статья «заиграла».

Так прошел у нас первый год, вернее, зима, нашей совместной жизни.

Уже с началом весны 1958 года, как только запахло теплом, Борис начал говорить, что хочет за лето занять дачу на берегу Камского моря. И, конечно, выплыл Винный завод, место, где Лидия Алексеевна, мать Бориса, жила в 1926 году, куда был насильно водворен Аркадий Гайдар и откуда он писал в евангельско-псалтырном стиле письма к Борису, и был возвращен решением редакционных работников.

Сначала Борис поехал один. Из когдатойной большой деревни с 60-ю домами после затопления поймы реки Сылвы осталось всего семь домов. Когда-то семидесятиметровая река превратилась сейчас в трехкилометровую водную гладь, почти без течения.

Как только началась навигация, Борис поехал в Лядовский сельсовет и получил разрешение на участок в деревне Винный завод, где он купил усадьбу со сгоревшим остатком двора в виде бани по-черному. Сельсовет знал Бориса как журналиста и обусловил ему отвод участка шестью беседами с колхозниками по текущим вопросам. И только после этого бригадир колхоза Морозов подписал разрешение на использование участка колхозной земли под домик. Борис приехал домой сияющим, с задранной носом: знай наших! А на лето он пока арендовал тот самый дом, в котором жила Лидия Алексеевна со Светланкой в 1926 году, и как раз жил Аркадий Гайдар.

Это было не так-то просто постройиться здесь: надо было завезти бревна, доски, кирпич, в общем, все, что требовалось для мало-мальски годного угла. Баня имела 2х2 метра, а надо было хотя бы сделать две каюты и веранду широкую, чтобы можно было все делать там, а в каютах только спать.

В одно из воскресений поехали мы с ним на поиски лесоматериала. Адрес указал нам один из работников Быковского леспромхоза, куда мы и направились. Обошли пешком несколько заброшенных поселков лесорубов. Сторож-охранник от леспромхоза рекомендовал нам купить бывшее здание столовой-клуба. Все это продавалось на снос и разборку. Я предупредил Бориса, что в качестве лесоматериала, хоть я и числюсь строителем, понимаю столько же, сколько и он, редактор издательства.

Устали мы очень от хождения по поселкам. Сели отдохнуть в малиннике, а она только поспела, и наелись ею. Борис мне поясняет, что дело все в географии: Винный завод – это остров, с одной стороны Быковский залив, с другой – река Быковка, с третьей – река Чусовая, а с лицевой стороны – залив Камского моря. И что все, что привозят в деревню Винный завод, все привозят на барже-пароме, даже тракторы для работы колхозной бригады перевозят по воде, как и товары в магазинчик для населения и лесорубов. Сидели и гадали: как же перевезти все нужное. Пока Борис решил поставить печи и очаг

на улице будущего «дворца». Как-то после работы он, Игорь Залкинд и я погрузили на грузовик кирпич и поехали к деревне Черной, как раз напротив Винного завода с противоположной стороны залива. Выгрузив кирпич из машины, мы перетасили его в моторную лодку и переехали на Винный. Вот уж когда Борис высунул язык первым, ведь он был самым хилым из нас, да и расположенным к туберкулезу. Из последних сил мы перетасили кирпич на усадьбу. Из этого кирпича Борис сложил примитивную печь, выложил трубу. Все это было сложено без раствора, а потом служило многие годы.

Надо сказать, что увлечение дачей стоило ему очень много здоровья. Где-то он все же достал подводку и как-то перевез все доски на участок. Пошли мы с ним в Катаевку (полтора километра от Винного, там, где пристань Степановка) к местному плотнику Семену Ивановичу. Борис с ним договорился, что он сделает все, что нужно. Он, конечно, потребовал план дачи, и Борис пообещал привезти его. Дома он долго «колдовал», что-то чертил, рисовал. Я принес какой-то план сарая со строительства, но он, конечно, отверг его. Пришлось ему прибегнуть к первобытному способу – на пальцах. Семен Иванович, наш «инженер-строитель», этот язык понял лучше и начал делать. Долго служило Борису курьезное письмо, полученное от него: «Что касается полового вопроса, то доски по толщине не подходят, надо их пилить». Борис показывал его всем знакомым.

Наконец, «дворец» был готов, и мы устроили новоселье. Были приглашены все знакомые Бориса: писатели, работники издательства, с моей стороны – мои помощницы и друзья, рабочие-комсомольцы. Ирине понравилась моя помощница Лида, и она стала часто у нас бывать. Конечно, были Савватий и Ваня Царегородцев. И тут впервые в реальном виде появился «звериный стиль». Борис принес из леса сучья, которые при очень маленькой доработке или совсем без доделки были похожи на лошадиные головы, животных всяких видов, и расставил по ограде эти фигуры, а на воротах поставил полукружье из сучьев.

Я удивлялся радости Бориса. Он показывал малюсенькие каютки, меньше двух метров, в которых еле установились топчаны, с не меньшим удовольствием, наверное, чем раньше помещики показывали купленные имения. Каждый раз, приезжая на выходной день, мы находили что-нибудь новое, действительно вызывающее восхищение. Винный стал вскоре популярен среди наших знакомых.

Все, что он делал, он делал с широтой, с размахом. Рыболовные принадлежности представляли собой все, что можно было достать в магазинах, и даже чуть больше. Вот Борис собирается рыбачить. Конечно, сначала была заказана лодка. Когда ее причалили, началось ее оборудование. Сорта блесен самые разнообразные. Молча,

глазами, он мне подсказывал: учись, мол, как серьезно рыбачить. Выйдя на залив, он забросил удочки, затем несколько блесен и... рыба не клевала. Побыл час на заливе, тихо свернул все сооружение и поплыл домой. Больше не помню, чтобы он прикасался к удочкам когда-либо. Зато я, его ученик, пристрастился к рыбной ловле. Это стало моей страстью, как только я научился насаживать наживку. Ловил я только с берега в маленьком заливычке, но как ловил! Вставал в 4 часа утра, как только можно было видеть поплавок. Какой там завтрак! Моя рыбалка была очень недалеко от дачи, и начинался зов рыбака к завтраку, попеременно то Ирины, то еще кого-нибудь. Рыбаком я оказался усидчивым, рыба же не шла ко мне. Видимо, ее не устраивало меню, предлагаемое ей. Уделом моим стали ерши, которые вечером, уже после заката, брали очень бойко, но для ухи их надо было поймать не меньше сотни, самый большой ерш в заливычке весил не больше тридцати граммов. Но меня это не обескураживало. Я служил предметом шуток Бориса, Ирины, Сережи, но использовал наготовленные Борисом принадлежности интенсивно. В каждый сеанс — то терял крючок, то ломал удочку, то леска запутывалась в прибрежных корягах или в елках.

Зато, как и в юности, Борис был добычливым специалистом по части грибов, а по ягодам мы оба были хорошими охотниками. Борису собирание земляники быстро приедалось, но когда приезжали гости, он помогал им находить ягодные полянки. Лес был изумительный. Это был сосновый бор, похожий на аллею, и бродить по нему было огромным удовольствием.

Физически мы работали на доставке дров. Конечно, инструмент лесорубный был в изобилии и по последнему слову техники. Я, по его выражению, «торопыга» и «варвар», начинал рубить любую валезину, не разбираясь, под силу ли мне дотащить ее до дома. А он обойдет целый участок, выберет сушняк, напилит, как-то красиво транспортирует его до дома, потом расколет и устроит небольшую поленицу, разложив все по сортам: на печку, на костерик, а Ирина предпочитала часто готовить несложные блюда на таганке.

Ближе к осени Борис организовал нашу поездку по Волге до Ростова. Поехали мы вчетвером: Борис с Ириной, я и Ралюша Соломянская-Гайдар. Пароход «Красногвардеец», только что прибывший из Венгрии, шел чуть ли не в первый рейс. Его капитан Сафонов принял нас очень радушно, все-таки Борис был известным журналистом, и лестно было иметь на пароходе такого гостя. Впервые я тут увидел телевизор — он стоял в каюте у капитана. Ехали мы весело и интересно. Началось с кают: Борис просил двухместные каюты для себя с Ириной и для нас с Ралюшей. Конечно, это был шуточный запрос, и нам предоставили одноместные каюты.

С интересом мы осматривали ленинские места в Ульяновске. Хотя Ирине в ее болезненном состоянии было трудно подняться в гору, но мы внимательно присматривались к комнатам, обстановке и вообще ко всему, что было умно и вдумчиво расставлено, и что иллюстрировало жизнь молодых Ульяновых. Мы немного посмеивались над Борисом: после Ульяновска он перестал ходить на осмотры, не сходил в Куйбышеву, в Саратов, и только в Сталинграде осмотрел музей и набережную Волги. В шутку я сказал:

— Что же ты, боишься разочароваться в Перми после осмотра красивых городов?

В шутку же он ответил:

— Все равно, лучше Перми города нет.

Напомнил я ему, что однажды от него уже слышал эту реплику, когда приехала Вера Инбер в Пермь и беседовала в редакции с коллективом, он ей заявил, что лучше Перми города нет. А на ее реплику — «и в мире?» — тут же ответил: может, и в мире. Он хмыкнул и замолчал.

В Ростове, где я бывал неоднократно, он увлекся шумным базаром, множеством павильонов, особенно винным рядом, где можно было пробовать качество вина. «Вот это город, — сказал он. — И шумный, и красивый, и живой». Ростов ему очень понравился: не жарко, но очень тепло.

Обратно мы ехали, не выходя почти нигде, только Ралюша и я выскакивали на остановках. Нас часто разыгрывали двухместной каютой, а я отшучивался: что ж, Раля в Архангельске приходила ко мне в комнату, когда Тимуру было полтора года.

Когда ехали еще туда, у нас произошел небольшой инцидент. Не знаю, с согласия ли Бориса, Раля пошла в команду, а она была вся комсомольская, и сказала им, что я один из организаторов комсомола в Перми, что они могут меня просить рассказать о пермском комсомоле. И вот сижу, читаю, вдруг открывается дверь и входит целая делегация: команда просит выступить и рассказать о пермском комсомоле. Отказаться было невозможно. Пришлось начинать выступление с того, что я, конечно, не первый, что если рассказывать, то интереснее послушать Ралюшу — она жена Гайдара и мать Тимура, московская журналистка*. Рассказал о предстоящем юбилее комсомола, ему исполняется 40 лет. Ребята остались довольны. А Ралюше я «отомстил». Она написала очерк о нашем путешествии

---

*Лия Лазаревна Соломянская в начале 1920-х гг. была активным работником «Муравейника» в Перми, одним из организаторов пионерского движения. В 1970-х гг. работала в пермских архивах над книгой по истории пионерской организации. (Соломянская Л. Развращивайтесь в марше! // На марше внуки Ильича. — Пермь, 1972. — С. 11-24).

по Волге и Каме в «Литературную газету» и допустила там в отношении меня всякие «плюскамперфектумы». Я предупредил, что если она в таком виде направит очерк в редакцию, то я напишу протест. А очерк был хороший, но так и не попал в печать, за что и Раля, и Борис долго ворчали на меня: и консерватор, и дикарь, и «энфантерибль» (это от Бориса).

Вернулись мы в Пермь 17 сентября. В городе шел первый снежок. Должен сказать, что это путешествие оставило прекрасные воспоминания. Вообще, это был год неомрачимой дружбы, я как-то оттаял весь. Судя по высказываниям Бориса, и он тоже. Хотя это и не мешало нашим спорам.

Я радовался талантливости Бориса. Как-то я заинтересовался общими тетрадками у него на полке, они все были обозначены на корешках – «ЗД.» Почерк у него был, дай боже. Чтобы разобрать его письмо или записку, мне требовалось десять минут на строчку. Я спросил: что это ты такое варишь, и, видимо, давно уже? Он не стал рассказывать подробно, только сказал, что «ЗД» – это статья В.И. Ленина «Замечательное дело», о претензии очерских рабочих об отчуждении от Строгановых земли, которую они присвоили вопреки манифесту об освобождении крестьян и посессионных рабочих от крепостной зависимости. Дело дошло до Сената и он, конечно, стал на сторону фабрикантов. Вот он и собирает материалы об обстановке на Очерском заводе и на Урале в связи с этим делом, чтобы написать подробный анализ:

– Если разберешь мой почерк, читай!

К сожалению, не хватило ни времени, ни терпения, и я забросил это. Но по тем страницам, которые разобрал, я понял, что он глубоко копает: тут и историческое положение Урала, и экономическое исследование, а главное, все это интересно, живо, но не газетно.

Как-то посмотрел его работу о хозяйстве Западного Урала. Работа отдавала немного спешкой, скомканностью, и я сказал ему об этом. И получил ответ:

– Ты еще не знаешь, что мне иногда приходится исполнять роль «негра» – писать для других под их фамилией. Ты запомни, что сейчас, когда появился новый закон о пенсиях, я ни одного дня после исполнения мне 60 лет не буду работать. Хочу, наконец, заняться научно-исследовательской работой и серьезными газетными статьями. И тебе советую тоже.

Что меня восхищало в нем, – это настойчивость и стремление довести начатое дело до конца, будь это принципиальное дело или мелочь. Вот Борис решил собственноручно сделать две полки для книг. А ведь он не держал, по-серьезному, рубанка и стамеску в

руках, если не считать его изделий в зверином стиле. Потратил он на эти две полки около двух месяцев, каждый вечер работал, даже отпуском пожертвовал. Меня да Ирину он даже не впускал в комнату, где «творил», боялся шуток, а еще пуще указаний каких-нибудь да советов. И как же был горд, когда окончил полки. Однажды после обеда открывается дверь, и он втаскивает одну полку ко мне: на, это тебе от меня. Я принял подарок и поблагодарил, а он еще несколько дней заходил ко мне и любовался своим изделием. Потом, когда остыл немного, и вторую полку перенес ко мне в комнату, так они и остались у меня навсегда. Когда он закончил полки, я как-то за обедом посмеялся:

– Хвастунишка, ты бы пригласил по случаю окончания творческого замысла гостей!

– А это идея!

Ирина сидит за столом и улыбается.

С моим рекомендателем в партию и комсомол* – бывшим генеральным секретарем ЦК комсомола – мы после возвращения из «стран далеких» интенсивно переписывались, обычно пару раз в неделю. Борис принесет из почтового ящика письмо и иногда говорит:

– Удивляюсь, о чем можно писать друг другу чуть не каждый день, и какой в этом интерес?

Я ему:

– Не знаю, что он находит в моих письмах интересного, а я в его письмах нахожу много поучительного. Ведь он все время в разъездах по стране, встречается с молодежью. Вот когда-нибудь приедет в Пермь, и я тебя с ним познакомлю.

К юбилею комсомола он должен был приехать, но меня командировали в Кузбасс, где я в 1920 году секретарил в укоме. Встреча наша не состоялась, и я не сумел познакомиться с ним Бориса. Зато в 1961 году я насильно взял его чемодан и притащил к нам домой, о чем он написал в своем очерке о моей биографии, и свел его с нашими. В эти дни Мильчаков много выступал, мы с ним часто бывали и у ветеранов, и у молодежи. Приходя домой, он делился своими впечатлениями о встречах, а рассказывать он умел. Мы сидели допоздна – и Борис, и Ирина, и Сережа, – и слушали его очень внимательно. Борис устроил прием для всех наших старых друзей-«второрайонников». Мильчаков рассказал о встрече со студенткой университета, которая после выступления выбежала к нему и упала на грудь, и с горькими слезами рассказала, что для нее мучителен вопрос, на который она не может ответить:

---

*Мильчаков А.И.

– Ведь мой отец погиб в эти проклятые годы! У меня бывает желание выступить и рассказать всем о зверствах в эти проклятые годы, но не знаю, правильно ли я поступлю, ведь я комсомолка!

Он ответил:

– Как ни тяжела было это пережить, а все-таки страна пошла дальше, и строила, и победила.

Это было сказано с такой интонацией, что произвело на всех, кто присутствовал, огромное впечатление. У многих на глазах были слезы, и у Ирины, и даже у мужчин. После проводов, Ирина сказала Борису:

– Мы видели человека из теста, из которого пекутся народные вожаки.

Для меня было большой радостью, когда Борис с Савватием решили написать книгу о Гайдаре на Урале. Это само собой было признанием той ошибки, которую он совершил по отношению к Савватию. И я был рад не только теплой дарственной надписи, сделанной обоими авторами, но и прочел ее с большим вниманием. И однажды сказал Борису:

– Ты не думай и не присматривайся ко мне, что, будто бы, есть какая-то обида, что вы не упомянули обо мне в книге. Это правильно вполне. В данном случае лучше помнить поговорку: о мертвых или хорошо, или ничего. Так и о моих отношениях с Аркадием. И не нужно даже в маленькой степени чернить этого большого человека и писателя никакими «брехами».

Коротко говоря, несколько лет мы прожили друзьями настоящими. Не знаю, много ли я ему дал, но он мне дал много хорошего. И, пожалуй, я впервые после 18 лет пребывания в «дальних странах», почувствовал себя дома – в полном смысле этого слова.

На субботнике при сдаче здания больницы мы грузили машины со строительным мусором. После работы, приехав домой, я почувствовал себя усталым и прилег. Когда хотел встать, ноги не пошли, одна волочилась, речь стала затрудненной. Ирина и Борис встревожились. Борис через «придворного» врача Ирина А.П. Бересневу добился, чтобы меня положили в спецбольницу. Это было в 1962 году. Посещали меня часто. Только через четыре месяца я смог выйти на работу. Борис сразу начал разговор о пенсии, начал писать в архивы, чтобы достать документы о моем трудовом стаже, настаивал на хлопотах о персональной пенсии. И я в том состоянии, в котором был тогда, вынужден был согласиться, что доработаю до 60-летнего возраста и уйду с работы. А когда этот возраст наступил, чувствуя себя получше, решил все-таки работать. В это время Борис сам оформил себе пенсию. Он развернул серию статей в «Звезде», причем, должен сознаться, это были прекрасные статьи. Особенно хороша была большая статья о Герцене.

А Ирина таяла с каждым днем, сердце сдавало, и в январе 1965 года она угасла. Никогда не думал, что Борис будет так переживать это, он плакал навзрыд, что я видел впервые за все время нашего знакомства. Я так тяжело перенес все это, что случился сердечный припадок, и мне запретили присутствовать на похоронах.

В это время Борис был откровенен со мной в своих настроениях. Он сказал, что если реабилитируют «корифея», то его посадят в тюрьму. Я был в курсе дела с его письмом в ЦК, с протестом против решения о создании городской и сельской партии и о создании совнархозов, о чем после отстранения Хрущева первый секретарь обкома партии рассказал на партийном активе. Должен сказать, что с того времени он не «котировался» в глазах начальства.

Он не переживал одиночества, и сейчас буквально менялся на глазах, то веселым был, то насупленным, пессимистичным. Очень хорошо у него складывались отношения с Н.А. Аликиной, А.Г. Будриной, Р.Г. Андаевой, он их уважал. И вот Н.А. Аликина в связи с предстоящим юбилеем Октября предложила ему возглавить книгу о подпольщиках Прикамья. Он охотно взялся за это. В этом сказался его организаторский талант: подбор авторов биографий, правка материалов – он жил этим.

Мне была поручена сначала одна биография, а потом уже много. Требовательность его ко мне была, по-моему, более жесткой, чем к остальным. Я ему напомнил заявление его по приходе моем в «Звезду»: «требовать от тебя буду без всяких скидок, тут дружба не причем». Он немного смягчился, когда двое живых старых большевиков, о которых я писал, В.Ф. Сивков и А.Г. Кравченко, одобрили мои статьи о них. Особенно мы спорили о Хлыновой, он требовал документирования каждого факта, а я много писал со слов ее мужа, Г.М. Деменчука. У меня даже появилась мысль, что он не хотел бы, чтобы она вошла в книгу. И как же я ошибался, когда потом в архиве нашел письмо, писанное при ее жизни, с ходатайством о присвоении ей персональной пенсии, с семью подписями.

Поражение я потерпел с биографией В.С. Мутных. Формальный момент: какой-то период во время мировой войны она была оборонкой, меньшевичкой. И это несмотря на прекрасную биографию – первый арест был произведен в 1896 году, до войны была активной большевичкой, в 1924 году орган Пермского окружкома напечатал в нескольких номерах своего журнала «Комячейка» ее работу «История Пермского подполья».

Восхищался я его последовательностью с биографией А.М. Лбова. Под влиянием «шибко активных» людей улица его имени была переименована. И все-таки Борис сам взялся быть автором его биографии в книге.

Книга получилась серьезной, ее одобрили многие работники – историки партии, и она приводится в качестве серьезного источника*.

В это время вышла и его книга «Замечательное дело», о которой выше сказано.

Большие споры у нас вызывали его горячие полемические статьи по поводу юбилея Перми. Он меня обвинял, что я, как юрист по профессии, формально подхожу к вопросу. Я возражал ему, что, хотя он меня называет торопыгой, но в данном случае ему не терпится «состарить» Пермь на полвека. Так мы и не договорились. Когда мне приходилось читать лекции о юбилее города, я все же говорил о городе по моему убеждению, что его очень сердило.

Заключительная запись сделана от руки Надеждой Алексеевны Аликиной: Концовки нет и подписи тоже, но воспоминания подлинны. [Подпись Н.А. Аликиной].

ПермГАНИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 142. Л. 1-46.

Публикация подготовлена Т.И. Быстрых.

Небольшие главы из воспоминаний М.С. Альперовича публиковались в книгах: Назаровский: к 100-летию со дня рождения Б.Н. Назаровского, журналиста и краеведа. – Пермь: Пушка, 2004; Пермский дом в истории и культуре края: материалы 8-й науч.-практ. конф. – Пермь, 2015.

Полностью воспоминания публикуются впервые. Они хранятся в личном фонде Н.А. Аликиной в Пермском государственном архиве новейшей истории. Воспоминания М.С. Альперовича были неоднозначно восприняты современниками описываемых им событий. Так, в сборнике памяти Б.Н. Назаровского опубликовано письмо Л.Л. Соломянской от 1 марта 1979 г., адресованное Михаилу Савельевичу, где ею высказано личное отношение к этим воспоминаниям, в частности, к его характеристике Б.Н. Назаровского.

Вместе с тем значимость воспоминаний очень велика. Они охватывают большой период времени – годы революции, становления советского государства, репрессий и оттепели. Михаил Савельевич сохранил в памяти множество интереснейших событий и фактов, необходимых для понимания истории нашего города, нашей страны. Очерки о многих событиях, описанных позднее в воспоминаниях, были опубликованы им в пермских газетах.

М.С. Альперович до последних дней жизни был удивительно активным человеком, участвовал во всех общественно значимых событиях в городе, руководил исторической секцией Совета ветеранов комсомола при обкоме ВЛКСМ.

Особенно хорошо его помнят в Пермском краеведческом музее, где Михаил Савельевич работал в общественных Советах ветеранов революции и комсомола, помогал оформлять выставки и экспозиции.

Он принимал участие в работе над монументальным сборником «Революционеры Прикамья» (Пермь, 1966), был одним из авторов и редактором книги «История комсомола Прикамья» (Пермь, 1968), редактором библиографического указателя «История пермского комсомола», изданного областной библиотекой им. А.М. Горького (Пермь, 1978).

*Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье / сост.: Н.А. Аликина, И.Г. Горюва; ред.: Н.А. Аликина, Б.Н. Назаровский, В.Ф. Попов. – Пермь: Кн. изд-во, 1966. – 823 с.

В Государственном архиве Пермского края (ГАПК) и Государственном архиве новейшей истории (ПермГАНИ, бывший Партийный архив Пермской области) хранятся личные фонды М.С. Альперовича, включающие массу интереснейших документов, переписку, фотографии.

Михаил Савельевич скончался 18 июля 1980 г., похоронен на Южном кладбище в Перми.

Приложение.

Письмо М.С. Альперовича Н.А. Аликиной

Пермь. 13 сентября 1979 г.

Уважаемая Надежда Алексеевна!

Посылаю вам статью свою о семье Коротковых, напечатанную в газете «Вечерняя Пермь» за 6-7-8/IX в дополнение к имеющимся у вас моим статьям.

Лично вам* направляю вторую часть моих очерков-воспоминаний о Борисе Назаровском. Это, скорее, воспоминания о себе в связи с отношениями с Б.Н.Н. Не умею я писать воспоминания, выключив себя из отношений с людьми.

Пожалуй, на этом можно считать это дело законченным. Если будет дальше писаться что-либо, то это уже будут не воспоминания о нашем совместном существовании, а о нашем сосуществовании в последние годы его жизни. Но думаю, что этот период останется в проекте. Прошу положить его к первой части. Надобности в печати, надеюсь, в пределах нашего поколения, не будет, за дальнейшее – не гадаю.

Экземпляра статьи моей в «Молодой гвардии» за 5/IX у меня нет**. Ваша Галина Федоровна обещала принести свой экземпляр газеты и положить его в дело.

Всего вам наилучшего, вам и всем архивистам.

Форсирую работу над восстановлением памяти о П.А. Матвееве и восстановления улицы его имени. Как только напишу проект письма – пошлю вам, может быть, вы поддержите меня в хлопотах. Собираю материалы о всей семье В.С. Мутных, знаю, что в этом вы со мной не согласитесь.

С глубоким уважением М. Альперович [подпись].

ПермГАНИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 142. Л. 47.

*Примечания Н.А. Аликиной на полях: «1-ю часть М.С. передал мне в руки без письма».

**Имеется в виду статья М.С. Альперовича «Первый губернский», о первом Пермском губернском съезде РКСМ (Молодая гвардия. 1979. 5 сент.).

**Краткая автобиография члена КПСС с 1920 года
Альперовича Михаила Савельевича**

Родился 23 ноября 1903 года в местечке Видзы Ковенской губернии в семье кустаря. Работать начал с ноября 1917 года в Петрограде курьером-рассыльным. В августе 1919 года вступил в комсомол и был до 1922 года на комсомольской работе (секретарь Слудско-Заимского райкома – Пермь; секретарь Кузнецкого уездного комитета в Кузнецке – Кузбасс; секретарь Томского губбюро РКСМ; работник оргбюро КСМ, Абхазия).

1922—1923 гг. студент МГУ и одновременно работал на партийной работе (Хамовнический район, Москва).

1924—1925 гг. Пермь, редакция газеты «Звезда», зав. отделом партийной жизни.

1926 г. Туркестанский фронт, 8 полк железнодорожный, красноармеец, и на партработе.

1927—1929 гг. МГУ, студент факультета советского права.

1929—1931 гг. на прокурорской работе (пом. прокурора Вятской губернии и округа, старший помощник прокурора Нижегородского края).

1932—1938 гг. военный комиссар полка железнодорожного и замполит в 3-м и 8-м полках железнодорожных.

1938—1956 гг. репрессирован (до 1946 года – особые режимные лагеря, Колыма, прииск Челбанья; с 1946 года – Кутаиси, на строительстве автомобильного завода, технический нормировщик).

В 1956 году реабилитирован и восстановлен в партии без отметки перерыва.

1957—1964 гг. инженер и старший инженер по технормированию СМУ-5, треста 7. Одновременно на партийной работе секретарь парторганизации.

С 1964 года на пенсии, персональной.

С выходом на пенсию – лектор районного общества «Знание», член Областного совета ветеранов комсомола, в лекторской группе обкома ВЛКСМ, Пермь.

Беспрерывно живу в Перми. Семья пропала без вести во время блокады в Ленинграде.

Альперович Михаил Савельевич.

Адрес: Пермь-36, ул. Мира, 78, кв. 7.

***

**Автобиография
Альперовича Михаила Савельевича**

Родился 23 ноября 1903 года в городке (ныне рабочий поселок) Видзы Ковенской губернии, Новоалександровского уезда (ныне Белорусская ССР), в семье кустаря.

11-ти лет, под влиянием брата, принял участие в демонстрации против войны 1914 года. За это был посажен на три месяца в тюрьму и был выслан в город Годяч Полтавской губернии. С места высылки скрылся. Приехал в Петроград, где работал учеником-курьером в конторе за Невской заставой.

После Февральской революции научился писать (читать умел с раннего детства) на курсах за 4 класса, которые кончил в октябре 1917 года. В ноябре 1917 года поступил курьером-рассыльным в кожевенную секцию СНХ Северного района в Петрограде.

В мае 1918 года из-за голода уехал в Пермь и поступил помощником пекаря. В августе 1919 года вступил в РКСМ и вскоре был избран председателем, сначала Слудского, а потом Слудско-Заимского райкома РКСМ. Был делегатом первого Пермского губсъезда комсомола и работал зам. председателя Пермского уездно-городского комитета РКСМ.

В октябре 1919 года подал заявление в Красную Армию и был зачислен в 330 батальон 70 бригады Вохр, откуда был назначен в Пермскую гарнизонную библиотеку библиотекарем.

В марте 1920 года из части был откомандирован в распоряжение Пермского губкома РКСМ, а последним был отправлен в числе 13 работников для работы в Сибирь. Работал в Томске секретарем губбюро РКСМ, а потом секретарем Кузнецкого уездного комитета. В феврале 1921 года был переброшен для работы в Сиббюро ЦК РКСМ, где работал членом редколлегии органа Сиббюро. В июле 1921 года ЦК РКСМ направил на комсомольскую работу в Абхазскую АССР. Там перешел в начале 1922 года на партийную работу и работал в редколлегии газеты «Голос Трудовой Абхазии». В августе 1922 года командирован на учебу в Московский государственный университет.

В 1924 году был направлен для работы с ленинским призывом в Пермь, в депо Пермь-2. Одновременно работал в редакции газеты «Звезда» заведующим партотделом. В 1925 году работал руководителем семинара пропагандистов горкома партии.

В ноябре 1925 года призван в Красную Армию и направлен на Туркестанский фронт красноармейцем, в 8-й железнодорожный фронт, одновременно был избран секретарем партбюро военной школы полка.

В феврале 1927 года демобилизован и командирован в МГУ для окончания учебы. Учился и работал секретарем парторганизации. После окончания университета был направлен в Вятку народным следователем, а затем также помощником губернского прокурора. В 1930 году был назначен старшим помощником прокурора Нижегородского края и прокурором Волги и бассейна.

В мае 1932 года ЦК ВКП(б) был мобилизован в кадры РККА и направлен в военную политическую академию на особый курс. Осенью этого же года выпущен и назначен военным комиссаром полка. С полком уехал на Дальний Восток и работал комиссаром полка до 1937 года.

Был репрессирован и присужден к особо строгим лагерям на Колыме. Там работал на шахте и в с-х лагерях. В 1946 году был отправлен в Кутаиси на строительство автозавода. Работал сначала рабочим, а после окончания курсов и получения диплома нормировщиком-техником.

После реабилитации был командирован из Грузии в Пермь на работу сначала нормировщиком, а потом инженером и старшим инженером треста. Одновременно работал секретарем партбюро.

В 1964 году вышел на пенсию. Получаю персональную пенсию республиканского масштаба. Веду общественную работу по истории комсомола и партии.

В кандидаты партии вступил в мае 1920 года в Томске (16,5 лет), а в члены в Кузнецке в ноябре 1920 года.

Альперович М.С.
24/X 69 г. г. Пермь.

***

ТЕЛЕГРАММА

Москва.

Пермь. Обком. Совету ветеранов.

Глубоко скорбим о Михаиле Альперовиче, прекрасном человеке, верном коммунисте, ветеране Уральского комсомола. Память о нем в сердцах друзей и в лучших свершениях новых поколений. Л. Соломянская. Т. Гайдар.

ТЕЛЕГРАММА

Москва.

Пермь. Пушкина, 25, кв. 157.

Председателю Облсовета ветеранов комсомола Оборину.

Примите искренние соболезнования от ветеранов комсомола пермяков, также семей Мильчаковых, Чаплиных, Соломянской, по случаю кончины ветерана партии и комсомола, прекрасного товарища Михаила Савельевича Альперовича. По поручению ветеранов Ерогов, Бабенко, Филиппов.

***

Директору Интерната ветеранов труда.
г. Пермь-30, ул. Медведева, 23.
6 августа 1980 г.

Уважаемый тов. директор!

Убедительно просим согласовать с секретарем партийной организации и сообщить (письменно или по телефону 33-71-23) о дне и времени, когда вы можете передать нам документы Михаила Савельевича Альперовича, скончавшегося 18 июля 1980 года и завещавшего все свои документы партийному архиву. Завещание будет предъявлено по приезду.

Зав. партийным архивом
Пермского обкома КПСС
Н.А. Аликина.

ПермГАНИ. Ф. 95. Оп. 2. Д. А-6.

АСТАФЬЕВЫ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ И МАРИЯ СЕМЕНОВНА

Великий русский писатель Виктор Петрович и его преданная жена Мария Семеновна составили могучий тандем. Героическая женщина, перепечатавшая на пишущей машинке сотни тысяч страниц рассказов, повестей и романов мужа, сама написавшая несколько повестей, была достойной спутницей жизни писателя. Мне это особо хотелось подчеркнуть. Когда многие годы спустя я видела распухшие суставы пальцев на руках Марии Семеновны, я догадывалась чего ей стоит многочасовая постоянная работа на пишущей машинке...

Виктора Петровича я увидела впервые в Пермском областном книжном издательстве вскоре после переезда Астафьевых из Чусового в Пермь. Он мне совсем не понравился — небрежно одет, лицо в глубоких морщинах, да еще и с одним глазом. Трудно было угадать в нем восходящую звезду российской литературы. Познакомились же с ним мы — я, мой муж и сын, — в летние месяцы 1965 или 1966 гг. на даче у Бориса Никандровича Назаровского, старейшего журналиста. Перед выходом на пенсию он 15 лет был главным редактором Пермского книжного издательства.

В те времена, а было это полвека назад, о личных автомашинах даже и не помышляли. При возможности приобретали моторные лодки, катера с моторами разной мощности. У нас, например, сначала была алюминиевая лодка «Казанка», а позже мы сменили ее на катер «Прогресс» с двумя моторами «Вихрь». И с мая по сентябрь по выходным, начиная с пятницы, на Каме, Чусовой и Сылве стоял непрерывный гул моторов: тысячи горожан мчались по рекам на отдых. Где только не побывали мы на нашем «Прогрессе», выбирая красивейшие места для рыбалки и отдыха. На лодках, большой компанией, проводили отпуск.

Дача Бориса Никандровича примостилась на берегу залива Сылвы. Назвать этот крошечный домишко дачей слишком громко, перестроенная банька на две комнатки с трех сторон обнесена верандой, участок земли в две сотки, заросший высокой травой, в центре которого красовалась печка — самовародром, — вот и все хозяйство, а вокруг сосновый лес и река. Рядом стоит дом, в котором в двадцатые годы снимала дачу мать Назаровского. У них в августе 1926 г. несколько недель жил друг Бориса Никандровича, Аркадий Гайдар.

Виктор Петрович писал позднее:

«Борис Никандрович — ироничный, тонко воспитанный меломан, эстет, проницательный человек и читатель... не «всякого Якова» он подпускал к себе, не всякому оказывал доверие и, тем более, надеялся дружеским расположением. Я удостоился всего этого... Назаровский, да и я тоже, шибко были огорчены, когда пришлось нам расставаться, переезжать с Урала, всю душу мне истерзавшего».

Мы нередко заглядывали к Назаровскому «на огонек». Как-то раз мой брат Владимир с другом провели в заливе около дачи Назаровского почти весь отпуск. Они привели в порядок веранду: заменили подгнившие стойки и половые доски, отремонтировали крышу, заготовили дровишки для холодной погоды, привозили продукты, а хозяин угощал их умными разговорами. Все остались довольны.

Гостей Борис Никандрович принимал на веранде, а ночевали мы на катере, могли сорваться и на рассвете отправиться в другое место. Случалось, на Винный завод к Борису Никандровичу приезжали большой компанией на трех-четырёх катерах. Однажды решили устроить «День рыбака». В ночь на субботу мой муж Геннадий Ильич (его часто звали просто Ильичем) с двумя приятелями отправились рыбачить, а утром привезли полное ведро лещей.

На этот раз собралось человек двадцать, среди приехавших — сын Бориса Никандровича Сергей, племянница Светлана с мужем Игорем, а также мой брат с женой и двумя дочками дошкольного возраста, и приятели моего мужа. Чтобы упорядочить подготовку рыбного стола и всего задуманного пиршества, решено было написать фантики, по числу присутствующих, обозначив в них, кто за что отвечает. День выдался теплый, солнечный, настроение у всех приподнятое. В разгар подготовки неожиданно появились Астафьевы: Виктор Петрович с Марией Семеновной. Их радостно приветствовали (они жили в деревне Быковке в двух километрах от Винного завода). Дух беспечного веселья захватил и вновь прибывших. У Виктора Петровича загорелись глаза при виде больших лещей. Тут же состоялось знакомство с моим мужем, Геннадием Ильичом, и начался рыбацкий разговор — рыбак рыбака видит издалека — о блеснах, лесках, мормышках. С этого времени до самого отъезда Астафьевых в Вологду мой муж и Виктор Петрович поддерживали дружеские отношения. Муж делился с Виктором Петровичем рыбацкими крючками и мормышками, которые у него были в изобилии, и не раз подвозил Астафьевых на своем быстроходном катере к месту на правом берегу Сылвы, от которого ближе всего добраться до Быковки. День рыбака удался на славу и запомнился всем на долгие времена.

Виктор Петрович не раз приглашал Бориса Никандровича в гости в Быковку, где Астафьевы несколько лет назад, не без участия Назаровского, купили дом. Из воспоминаний Астафьева:

«Мы получили долгожданную квартиру... она нам сдана была без света, без воды, без газа... в ту пору без избы в деревне работать мне было невозможно. Вот тогда-то и свозил меня Борис Никандрович Назаровский в деревню Быковку, и для меня наступили счастливые дни и годы плодотворной работы».

В один из моих приездов на Винный завод Борис Никандрович предложил мне пойти с ним в гости к Астафьевым. Быковка, как и Винный завод, находятся в развилке между Сылвой и Чусовой (Добрянский район) и, расходясь в стороны реки, образуют треугольник в десятки километров, куда даже в наши дни можно добраться только по реке.

Дошли мы до забытой богом деревушки без приключений. Неожиданно лес кончился, и мы казались на вершине высокой горы. Далеко внизу стояло несколько домиков – Нижняя Быковка, там жил писатель Лев Давыдычев. Маленькая горная речушка, протекавшая под горой, тоже называлась Быковка, она впадала в Быковский залив на Сылве. Изба Астафьевых, с тремя окнами по фасаду, с тесовыми воротами и еще три-четыре точно таких же избы составляли зеленую улицу без названия. Не знаю, описал ли кто это патриархальное местечко, но на меня это Берендеево царство произвело сказочное впечатление: никаких признаков цивилизации, как поселились здесь люди сто или двести лет назад, так и жили. Нет ни электричества, ни радио, ни газа, а если провести прямую линию — и двадцати километров не будет до Перми.

Постучали в окно. Тут же появилось лицо Виктора Петровича, а за его плечом улыбалась Мария Семеновна. Мы вошли, я с интересом разглядывала всё и без конца задавала вопросы. О подобных крестьянских усадьбах я, конечно, читала, но видела впервые: крытый двор; бывший коровник превращен в две гостевые комнаты со сверкающими белизной стенами и большими окнами. Высокое крыльцо вело в просторные сени и на сеновал. В центре избы – большая русская печь с лежанкой и примыкавшими к ней полатами над дверью. Легкая перегородка разделяла избу на спальню и столовую – кухню, за печкой закуток для умывальника, на стене картина пермского художника Зырянова.

Говорили обо всем: о погоде, о природе, но главное, о творческих планах Виктора Петровича и предстоящих изданиях; о пермских писателях, которые слишком много пьют, и ему никак не удается наладить с ними деловые отношения. Виктор Петрович расска-

зывал, как им с Марией Семеновной здесь легко жить и работать. Пишущая машинка и рукопись с краю стола у окна, подтверждали его слова. Разговор затягивался. Почувствовав, что мы отрываем хозяев от работы, Борис Никандрович стал собираться в обратный путь, но Мария Семеновна пригласила нас на импровизированный пикник, устроенный на зеленой полянке в огороде. «Я буду угощать вас хариусами, – сказала она, — у Вити вчера был хороший улов». Все было просто, без затей: на клеенке большая тарелка полная отварных хариусов и тарелка поменьше с деревенским ржаным хлебом. Чай заварен в эмалированном чайнике с мятой и душицей, плюс эмалированные кружки – получилась изысканная простота и полная гармония с окружающей природой.

В огороде грядки доходили до почти отвесного обрыва поросшего высокой травой, а внизу, в прозрачной быстрой Быковке, Виктор Петрович ловил хариусов. Небольшая (всего 15-20 см), но очень вкусная рыбешка. Я с удовольствием ела отварные рыбки, пила травяной чай и восторгалась радушием хозяев, горами, покрытыми лесом, всем происходящим. Все время вскакивала, порываясь спуститься к речке. Виктор Петрович глядя на меня, смеясь, сказал: «Она как моя Марья, пять минут не посидит спокойно. Хоть ногой да дрыгнет». Обрато мы возвращались довольные походом. Виктор Петрович проводил нас до половины дороги.

Многие годы спустя, живя в Красноярске, Мария Семеновна писала мне:

«Всегда вас помню. Да разве возможно иначе – один Винный завод чего значит в нашей с вами жизни! Мы с Виктором Петровичем часто, как сказку, вспоминаем «Быковские годы».

Случались у Астафьевых в Быковке и не столь радостные события, об одном из них Мария Семеновна рассказала мне сама. Постараюсь ничего не прибавить и не убавить. Случилось так, что Мария Семеновна Астафьева чуть было не утонула в Сылве.

2 мая 1960-какого-то года Астафьевы собрались в первый раз после затянувшейся зимы навестить свою любимую Быковку. Быковка-база лесосплава и Быковский залив на правом берегу Сылвы были тем местом, откуда начиналась пешеходная дорога Астафьевых на их дачу. Самой большой трудностью было — перебраться через Сылву, — без регулярной переправы всякий раз приходилось искать частника. Тогда по Сылве еще плыли льдины, и только один подвыпивший лодочник перевозил на правый берег. Его «Казанка» с мотором вмещала четырех пассажиров, а так как трое мужчин уже пришли раньше, то решили, что Мария Семеновна переправится с ними, а Виктор Петрович следующим

рейсом. Река еще не наполнилась талыми водами, по обе стороны были широкие пляжи. Лодочник, надеясь побольше заработать, торопливо отчалил. До берега оставалось не больше сорока метров, когда путь преградила большая льдина. Моторист резко повернул руль, чтобы избежать столкновения, всех по инерции бросило в сторону низкого борта, и лодка перевернулась, но не утонула. У таких лодок есть воздушная подушка, позволяющая ей держаться на плаву, а вдоль бортов была натянута веревка, за которую и ухватились вынырнувшие пассажиры. Моторист при падении смертельно ударился головой и не подавал признаков жизни, вода вокруг него окрашивалась кровью. Первое, что увидела Мария Семеновна, ухватившись за веревку, свой рюкзак: он был у нее на коленях, а теперь уплывал вслед за льдиной.

Народ на берегу кричал, размахивал руками, но никто не знал, что предпринять. Виктор Петрович, обхватив голову руками, сел на землю, какая-то баба вопила: «Ой, утопнут, ой, утопнут!» На правом берегу, к которому лодка уже была ближе, тоже бессмысленно суетились. Двое парней побежали к лодке, перевернутой с осени вверх дном, приволокли ее к воде, по пути прихватили два обломка досок вместо весел, спустили лодку на воду и поплыли к утопающим. Ребята оказались ловкими и сообразительными, сразу видно — у реки выросли. Они зацепили веревку «Казанки» за свою лодку, уже набравшую много воды и отбуксировали к берегу. Спасенным людям с трудом разжимали руки, чтобы освободить их от веревки. У Марии Семеновны веревку вообще пришлось резать — пальцы не разгибались. Её перенесли в ближайший дом, напоили чаем с водкой, укутали в одеяло и уложили на протопленную с утра русскую печь.

Вот так переправа чуть было не кончилась трагедией. В конторе Быковки-базы были телефон или рация, удалось связаться со спасательным катером, который доставил спасенных в Лёвшино, где их ждала скорая помощь. Марию Семеновну через три дня выписали из больницы. Сильнейший нервный шок спас ее от простудных болезней. Мария Семеновна закончила рассказ так: «Я теперь, когда бываю на воде, в лодке или на пароходе, совсем не могу смотреть на воду — дурно становится».

Помнятся и другие встречи с Астафьевым. Пригородный поезд Пермь – Голованово останавливался в Мотовилихе на три минуты. Я и мой сын Алексей чуть-чуть не опоздали, едва успели. В вагоне мы увидели Виктора Петровича Астафьева, — подняв руку, он приветливо помахивал нам, приглашая сесть рядом. Виктор Петрович сказал, что наконец-то выбрался из города. Была бы возможность, совсем бы не уезжал из Быковки. Ему предстояло доехать до стан-

ции Сылва, потом искать лодку, чтобы переправиться на правый берег реки, а дальше около трех километров пешком с нагруженным рюкзаком. В Быковке отродясь не было магазина, продукты везли из города или ходили в Быковку-базу. Мы ехали до Голованово на лодочную базу, где нас ждал Геннадий Ильич.

Вместе нам было ехать минут 30-35, и все это время Виктор Петрович рассказывал о жизни в детском доме. Рассказчик он неподражаемый, весело смеялся и одновременно осуждал хулиганские проделки детдомовцев. Один из эпизодов я хорошо запомнила и попытаюсь его изложить.

Виктор Астафьев в подростковом возрасте некоторое время жил в детдоме, пока не взяла его к себе бабушка, которую он вспоминал с большой теплотой. Детдомовцы изобретательные ребята, кто-то им рассказал: если тухлое яйцо разбить об лысину, то на ней через некоторое время начнут расти волосы. Ребята решили проверить, так ли это. Тухлое яйцо нашли, и стали думать, где бы найти лысого? Все мужики ходили в шапках или в картузах, как узнать есть лысина или нет? Кто-то вспомнил: у фельдшера, лечившего детдомовцев вся голова голая! Больница, где принимал фельдшер, находилась на соседней улице, а кабинет его на первом этаже, к тому же стол стоял прямо у открытого окна. Бросить яйцо вызвался самый хулиганистый парень. Подкрался к окну, выждал, когда фельдшер сядет за стол, поднялся во весь рост и с размаху бросил яйцо прямо в голову. Долго потом ребята бегали смотреть, растут ли у фельдшера волосы. А тот, понятно, жутко разозлился. До этого случая он хорошо относился к детдомовцам, жалел их, справки давал, когда парнишка выдумывал болезнь, а с этого случая возненавидел.

Это краткое содержание, слушать же самого Виктора Петровича одно удовольствие, он был мастером художественного слова. Совместная поездка быстро закончилась, правильно говорят: красно-речивый спутник лучше повозки.

Жить Виктору Петровичу в Перми было, мягко скажу, некомфортно. Отношения с писателями Перми не складывались. Хотелось доброжелательной критики, полезных советов, но одни завидовали, другие слишком много пьянствовали. К концу 60-х годов имя Астафьева все чаще появлялось в местной и центральной печати. К этому времени были изданы «Рассказ о любви», «Тают снега», «Кража», шла работа над большим романом «Пастух и пастушка».

В Пермском книжном издательстве вышел очерк об Астафьеве «Во глубине России», известного советского литературоведа Александра Николаевича Макарова. Очерк понравился Виктору Петро-

вичу точным изложением фактов, он подружился с Макаровым, который помогал ему добрыми и полезными советами. Виктор Петрович знал себе цену. В автобиографическом очерке подчеркнул: «Писателями рождаются. А не становятся...»

На курсах молодых литераторов в Москве Астафьев познакомился и подружился с писателями из Вологды. В Вологде была сильная и дружная писательская организация. В Вологде жил замечательный поэт Николай Рубцов, его стихи, положенные на музыку, исполняли лучшие певцы страны. Вологодские друзья взяли помочь Астафьеву с переездом. Секретарь Вологодского горкома КПСС, прочитав произведения Астафьева, увидел в нем большого писателя. Заботясь о престиже Вологды, быстро решил квартирный вопрос.

Однажды мне позвонил Борис Никандрович Назаровский: «Хотите проститься с Астафьевыми – приходите вечером к ним. Сегодня они уезжают в Вологду».

Мы с мужем появились у Астафьевых за полтора часа до отхода поезда. У двери стояли два небольших чемодана. Мы пришли последними. В комнате человек 18-20, разбившись на три группы, тихо беседовали. Отдельно сидели незнакомые мне люди, позже узнали – это вологодские писатели Белов и Воронов. В Пермь они приехали, чтобы помочь собраться и сопровождать Астафьевых в Вологду.

У окна беседовали журналисты. Мы примкнули к работникам книжного издательства, где Б.Н. Назаровский поддерживал разговор. Никаких общих речей не произносили. Время от времени уходили в кухню – там была выпивка. Никого из пермских писателей не было.

Хозяева заметно нервничали. Пора было отправляться на вокзал, когда раздался звонок в наружную дверь. Виктор Петрович пошел открывать, но Мария Семеновна решительно его остановила: «Я открою». Минут пять слышался разговор на повышенных тонах. Дверь захлопнулась, вошла Мария Семеновна и взволнованно сказала: «Я его непустила». Оказалось, приходил Авенир Крашенинников, председатель Пермского отделения Союза писателей СССР. Мария Семеновна посчитала, что может произойти скандал, и закрыла перед Авениром дверь.

Пришла пора отправляться. Решили идти пешком. Погода стояла по-осеннему теплая и тихая, а до вокзала Пермь-2 рукой подать. Только успели прийти, как началась суета. Поезд проходящий, стоял всего пять минут. Толком попрощаться не успели. Раздался свисток, поезд тронулся, мы только помахали руками вслед. Поезд увез великого русского писателя Виктора Астафьева из Перми, оказавшейся недоброй к нему.

В квартире у Астафьевых были прописаны племянник Марии Семеновны с женой, под их опекой оставался и участок с избой в Быковке.

Дружеские отношения с Астафьевыми продолжались долгие годы, и когда они уехали в Вологду, и когда переехали в Красноярск. Многие считали Виктора Петровича человеком с трудным характером, возможно, это и так: ему трудно пришлось пробивать дорогу к успеху. Но мне он всегда улыбался при встречах. Я рада этому.

После отъезда из Перми я никогда больше не встречалась с Виктором Петровичем, а с Марией Семеновной мы виделись во все ее приезды в Пермь. Многие годы мы переписывались. У меня сохранилось несколько десятков писем и поздравительных открыток. В один из приездов в Пермь Мария Семеновна подарила мне фотографию, где на обороте написала: «Милой Надежде Алексеевне на добрую память от семейства Астафьевых и их вологодских друзей: поэтов В. Коротаева и Н. Рубцова. С любовью навсегда. 29.10.69. М. Астафьева». Между поэтами стоят Виктор Петрович, Мария Семеновна и их дочь Ирина.

Большая часть книг Астафьева, хранящихся у меня, подарена автором. Приведу лишь одну дарственную надпись: «Дорогим Аликиным – Наде, Гене, всем большим и малым, на добрую память мою юбилейную книгу. В. Астафьев». А далее Виктор Петрович нарисовал большую рыбу — осетра, где в плавник и хвост причудливо вписал свой автограф: «А это автограф Гене-рыбаку с напоминанием, что он сделал мне мормышки из чудо-металла».

Я счастлива, что много лет была в дружеских отношениях с Виктором Петровичем и его милейшей женой Марией Семеновной.

Март 2016 года. Н.А. Аликина.

Примечание редактора:

В 1960 г. Астафьев всерьез задумался о переезде в Сибирь, но ему было твердо обещано решить, наконец, «квартирный вопрос». Из книги Ю. Ростовцева «Виктор Астафьев» (М., 2009, ЖЗЛ):

«Совсем кстати в ту пору в центре города строился приличный дом. Астафьев вспоминал, как он более года ездил смотреть, как продвигается строительство дома, в котором была обещана квартира. Боялись они с женой, что ее или займут, или передумают давать.

«Спустя восемнадцать лет после войны, – пишет он, – мы получили долгожданную квартиру, и тогда я запомнил навсегда родившуюся в ту пору поговорку, что жизнь советского человека делится на две половины: до получения квартиры и после получения таковой. Квартира сдана нам была без света, без воды, без газа, с бетонными пробками в трубах и вывороченной плиткой в совмещенном туалете...»

А меж тем семья к тому времени состояла из пяти человек: Виктор Петрович и Мария Семеновна, дочь Ирина, сын Андрей и племянник Анатолий. Хоть

квартира была и трехкомнатная, особо в ней не развернешься – ведь все в семье уже взрослые. Так что почти сразу же возник вопрос о приобретении домика в деревне, где бы Астафьев мог уединиться, чтобы его никто не отвлек от главного дела – творческой работы».

С 1962 по 1968 гг. В.П. Астафьев жил в трехкомнатной квартире по адресу ул. Ленина, 84. В 1960-е гг. был снят телевизионный фильм об Астафьеве, где показана эта квартира, обстановка в ней, писатель за своим рабочим столом и пр. По словам писателя, он «умотал» из Перми в феврале 1969 г.

Во время переезда в Вологду Андрей Астафьев, сын писателя, находился в армии. Перед отъездом В.П. Астафьев обратился к властям Перми с просьбой предоставить ему вместо этой квартиры другую, меньше, поскольку здесь были прописаны, кроме них, племянник Марии Семеновны Анатолий с женой, Ольгой Николаевной. Власти пошли навстречу, и просьбу писателя удовлетворили, предоставив однокомнатную квартиру для родственников в доме по улице Большевикской, 190.

Виктор Петрович не раз вспоминал Быковку, где «не было никаких условий, кроме главного», – там ему всегда хорошо работалось. В Быковке он много раз бывал и работал и после отъезда из Перми. Уезжая туда, оставлял друзьям и знакомым адрес для переписки: «Пермь-68, ул. Большевикская, дом 190, ... Хорошунным (для Астафьева)».

Мария Семеновна, приезжая позднее в Пермь, тоже останавливалась здесь, у племянника. Ольга Николаевна и сейчас живет в доме на Большевикской, переименованной теперь в Екатерининскую улицу. Приезжая для участия в Астафьевских чтениях, которые регулярно проходят в Перми, здесь останавливается Андрей Викторович Астафьев, сын писателя. Так было, например, в мае 2016 года. По воспоминаниям Ольги Николаевны, квартира Астафьевых в доме на ул. Ленина, 84, была передана актеру Петру Вельяминову.

19 мая 2003 г. на доме, где жил Виктор Астафьев, по адресу ул. Ленина, 84, открыта мемориальная доска с барельефом, автор – Р. Исмагилов:

**«В этом доме с 1962 по 1969 годы
жил и работал русский писатель
Виктор Петрович АСТАФЬЕВ».**

Доска открыта в рамках Вторых Гражданских Астафьевских чтений, открыл доску сын писателя – Андрей Викторович.

ПИСЬМА В.П. АСТАФЬЕВА ИЗ ПЕРМИ В ВОЛОГДУ

В.П. АСТАФЬЕВ – А.А. РОМАНОВУ*

Дорогой Саша!

Пишу тебе полуофициальное, а может даже и официальное письмо.

Сегодня, после очередной бессонной ночи, я окончательно решил оставить Пермь. Причин тому накопилось много. Часть из них я тебе еще летом обрисовал, о части из них ты и сам догадаешься – это те самые причины, по которым Сергей Павлович Залыгин и иные прочие покинули Сибирь и поехали в столицы и прочие города.

Добавилась еще очень немаловажная для меня причина – у меня стала безумно болеть голова. Уеду из Перми – ничего, отхожу. Как приеду, поднимается такой трезвон, и так я себя плохо чувствую, что утром с трудом, как старик, разламываюсь и заставляю, буквально заставляю себя сесть за стол.

И опять же ты догадаешься, почему это происходит. Урал-батюшка со всеми вытекающими из него последствиями!

После долгих раздумий я остановил свой выбор на двух местах – Сибири и Вологде. Против Сибири давно и твердо восстает моя семья. В другие города мне ехать просто не хочется, ибо в Вологде есть мне дорогие люди. Пусть и немного, но это немного уже немало в нашей жизни.

Как ты посоветуешь?

Ждать квартиру или начинать размен своей?

И вообще, что ты скажешь мне на сей счет?

Оставаться ли навеки в уже ненавистном мне городе Перми? Переезжать к вам или в другое какое место?

Менять квартиру или ждать?

А ждать-то долго не хочется! Боюсь, что начнут на меня «влиять» со всех сторон и сломят мой слабый характер. Надо бы уехать разом и сразу, неожиданно для всех, ибо долгие проводы – долгие слезы.

Жду от тебя ответа.

Привет ребятам. Твой Виктор.

[Декабрь 1968 г.]

ПКМ 20983/2

---

*Романов Александр Александрович (1930—1999), вологодский поэт, автор более 20 поэтических книг. Советские критики относили его творчество к известной в то время группе писателей «деревенщиков», куда входили В. Белов, Ф. Абрамов, В. Астафьев.

В.П. АСТАФЬЕВ — ВОЛОГОДСКИМ ПИСАТЕЛЯМ.

Ребята!

Письмо, которое я ждал с нетерпением, — получил. Решение мое твердо и бесповоротно. Я даже никому ничего не говорю, даже Марье своей, а как будет готова у вас квартира, сдаю свою приемному сыну и собираю манатки. Что новый дом — меня не пугает, все в новых живут, вот если бы четыре комнаты, это было бы прекрасно, но я не балованный человек, и как будет, так пусть и будет.

На пленум я не приеду — нездоров, и квартиру смотреть тоже не поеду, а как напишете, что надо въезжать, я уж со всем сразу выеду, это чтобы избавиться от уговоров, склонений, прочего, и прочего, и прочего.

А город ваш я видел, знаю, и переезжаю-то больше всего к вам — друзьям моим, а остальное — дело [шестнадцатое]!

Спасибо вам! — всем.

Виктор.

21 декабря 68 г.

ПКМ 20983/4

В.П. АСТАФЬЕВ – А.А. РОМАНОВУ

Дорогой Саша!

Значит, добрался я благополучно, а дома Марья уж все и манатки связала — молодец она у меня. Прошу тебя, как только появится номер нашего дома и определится номер квартиры, сразу же и сообщи мне, потому что надо же мне выписываться, сниматься с военного учета, переадресовывать подписку, и все это требует адреса, ибо у нас все и всё о гражданах и миграции их должны знать. Уж если рыбу-кету знают, куда она и откуда приходит, то тут тем паче...

Хочется уж скорее переехать, осесть на месте, да и успокоиться.

Ребятам кланяйся. Молодцы они у тебя, хлопотуны!

Обнимаю, Виктор.

(На обороте).

Да! Как только вам дадут ключи от квартиры, неустанно следите за нею, бо не знаю, как у вас, а у нас бывают так называемые «самозахваты», т.е. какие-то граждане заходят в новую квартиру и потом их оттель пушкой не выгонишь!..

[Февраль (?) 1969г.]

ПКМ 20983/6

Письма из фондов Пермского краеведческого музея подготовлены к публикации *Н.Л. Нохриной*.

ПИСЬМО В. АСТАФЬЕВА – К. ВОРОБЬЕВУ*

Дорогой Костя!

Не знаю, переехал ли ты во Псков? А я вот взял и переехал в Вологду, поближе к России и к русским, бо Урал — это не пойми поймешь что такое, и азиатчина есть, и от Европы немножко, в основном — парша европейская, а также много сажи, дыма, радиации и повсеместного и повсеминутного хамства и варварства.

Все это мне за 24 года так надоело, что я не выдержал, да и голова моя контуженная стала так болеть, что я уж пробовал среди улицы падать, чем доставлял большое удовольствие многочисленным «доброжелателям». Они, показывая пальцем, выступали от имени народа и последних решений: «Вот до чего доводят деньги и слава, пьянствует так, что земля наша советская не держит!..»

Словом, в феврале умотал я. Ребята вологодские встретили меня хорошо, дали точно такую квартиру, как в Перми, — малосортную и малоудобную, но в тихом районе. А так как семья моя поредела, а и лучше, в смысле покоя живется. Народишко здесь добродушный, приветливый и простой. Русский народишко-то, еще сохранившийся в этих болотах.

Писаки — тоже хорошие ребята.

Мне в Перми успели поручить подготовить сборник рассказов к 25-летию Победы. Ты вот что — подумай, выбери из своего опубликованного что-нибудь о войне, чего считаешь посильнее, и пришли мне в двух экземплярах, а я вставлю в сборник, можа и пройдет. Только не тяни резину и присылай скорее.

Пишу тебе на Вильнюс, если тебя там уже нет — перешлют письмо-то, надеюсь. И поздравляю с праздником весны. Желаю чтобы она мирной была и доброй, да еще здоровья желаю.

Привет всем твоим от моих и от меня.

Обнимаю — Виктор.

25 апреля 1969 г.

Ростовцев Ю. Виктор Астафьев. — М.: Молодая гвардия, 2009. — (ЖЗЛ. Вып. 1454). — С. 355.

---

*Воробьев Константин Дмитриевич (1919—1975), писатель, яркий представитель «лейтенантской» прозы, автор книг «Убиты под Москвой», «Это мы, Господи!» и др.

«БОГЕМНЫЙ ПРИТОН» НА СИБИРСКОЙ

Едва ли многие из пермяков после опустошительного пожара 1842 года обратили внимание на покупку у города пепелища небольшого дома чиновника Анфиногенова очередным председателем Казённой палаты Василием Евграфовичем Вердеревским. Однако вскоре на углу улицы Монастырской и Сибирского переуллка, близ камских берегов, были воздвигнуты роскошные апартаменты, тотчас взбудоражившие воображение горожан.

В те достопамятные времена богатые хоромы, половину которых сообразительный хозяин уступил в аренду Благородному собранию (передавшему своё помещение пострадавшей от пожара мужской гимназии), быстро приобрели всеобщий интерес и стали «притчей во языцех». Перемещение центра городской музыкальной жизни «в объятия Вердеревского» в соседстве с недавно построенным первым в городе театральным зданием, «рассадником богемных нравов», смущало благопристойных отцов семейств, порождало кривотолки.

Они усилились с приездом племянника владельца усадьбы – эlegantного молодого певца и музыканта Евграфа Александровича, недавнего «вольнодумного» лицеиста, а теперь «покорителя дамских сердец», сразу принятого губернатором на должность чиновника особых поручений. Заметим, позже, через пятилетие он окажется редактором газеты «Кавказ», станет писателем.

«И начались в Благородном собрании вместо излюбленных балов литературные диспуты и откровения полемистов, явно совращавшие неокрепшие умы. Между исполнением трогательных романсов – бурные обсуждения предосудительных стихов и каких-то рукописей, сродни язвительным сборищам в университетских городах...» — отложил очередной тревожный донос помрачневший полицмейстер.

Однако вся мыслящая Пермь зачастила на Каму. Случалось бывать за такими застольями и Смышляеву, где, уступая дамским просьбам, молодой хор распевал оффенбаховские шутки Лафонте-на. Приглашённые актёры местной оперы, вызывая умиление и сладкое томление у слабого пола, чередой исполняли варламовские мотивы, полюбившиеся арии из опер. И вновь трепетали гитарные струны буфетных цыган, развлекая уставшее общество.

И меж этой суеты вдруг начинаются споры о тревожных вестях из Франции, где очередная революция изгнала Луи Филиппа... Уклоняясь от опальных бесед, Василий Евграфович спешит предложить собравшимся приз за лучшую небылицу о семейных преданиях.

Старший Смышляев, обычно державший себя в строгости, но раззадоренный Бахусом, поразил гостей историей времён возведения Петербурга, когда якобы его прадед принимал хлебом-солью в Соликамске (откуда происходит его род) самого... Робинзона Крузо! Приз – серебряный самовар достался ему.

Под утро осмелевшие актёры разыграли одну из первых весёлых интермедий Эрве – «Дон Кихот и Санчо Панса», вызвавшую взрыв гомерического хохота. Закончилось всё фейерверком и бенгальскими огнями в туманном саду от сизого дыма.

— Слышали? – судачили посреди гостиного двора после заутрени вездесущие кумушки.

— В Петербурге тоже состоялся вечер «балалаечного музыканта» Варламова. Госпожа Шиловская, урождённая Вердеревская, что-то там пела...

— Не что-то, а «Красный сарафан», и премило заслужила оvationи.

— Помилуйте, да она недавно родила сына Константина!

— Фу ты, какая разница, пусть до этого пела или после... но «простонародные» сермяжные вещи.

— Ну и что же?! Мария Васильевна равно хорошо поёт всё, к чему лежит душа, — подоспела резкая дама из гимназии, — я сама её слушала на этом бесподобном концерте.

Знали бы милые собеседницы, что пройдут годы и к возмужавшему Константину Шиловскому – художнику и сочинителю – обратится с просьбой о сценарии (и дописать недостающие стихи) к опере Евгений Онегин П.И. Чайковский, его приятель... А сама Шиловская, после второго замужества, станет женой управляющего Императорским театром Бегичева, который напишет либретто к балету Петра Ильича «Лебединое озеро».

Грядущее принесёт пермякам ещё пропасть неожиданностей, а пока вернёмся к часовне гостиного двора, откуда только что выпорхнула взволнованная дочка почтмейстера со свежей новостью.

— Да слыхивали ль вы? Невероятный скандал! Хозяин-то Казённой палаты кутил дома с актёрками. Его племянник сподобился распевать подсудные вещи Беранже...

— Впрочем, и в самом деле после оперы Россини «Семирамида», — объяснял Вердеревский губернатору свой «неловкий поступок», — я пригласил избранный персонал актёров с их антрепренёром Соколовым на чашку чая. Хотелось с ними посудачить о репертуаре, об исполнении таких сложных ролей.

— Нуте-с — сдерживая улыбку, строго вопрошал повинившегося губернатор И.И. Огарёв, — и когда же покинули вас сии особы?

— Пожалуй, много за полночь...

НЕИСТОВЫЙ СУЛЕЙМАН БУРХАНОВ

— Батюшка, Василий Евграфович, мы не дети. Вы вольны быть дома угодным узкому кругу избранников, но у вас собирается милое общество, избегайте огласки, зачем это предосудительное знакомство, берегите репутацию!

Вечером, помешивая головешки в камине, Василий Евграфович передал племяннику «совет» губернатора — когда улягутся толки, подумать о баллотировке от дворян в Пермский совестной суд.

— Почётная отставка? — вспыхнув, взъерошил причёску молодой поэт. — И всему виной наивные стихи, цыганская дурь и тосты? Завтра же снова позову актёрок и устроим «дым коромыслом»!

В ту же ночь антрепренёра Соколова мучили сомнения: догадался ли вчерась совавший Ивановой нотные листы Вердеревский, что Дуня не ведаёт музыкальной грамоты и поёт всё по памяти?

На следующем спектакле, когда жена с блеском пела затвержённую лучшую свою партию Амины в опере Беллини «Сомнамбула», где её героиня, девушка-лунатик, перед своей свадьбой во сне забредает ночью в покои графа, Соколов в антракте вновь получил от Вердеревских приглашение с актёрами пожаловать после окончания оперы к ним на дружественный ужин. Опасно, но не откажешь!

— Как можно устоять от соблазна услышать этот неземной голос ещё раз на Монастырской?! — вторили единодушно недавние гости на новый призыв неугомонных Вердеревских.

— Отменно и правдиво ведёт роль Иванова, — поглядывая на раскрасневшегося сына, заключает Смышляев-старший.

— Поразительно, налицо все симптомы болезни, — разводит восхищённо руками доктор Циммерман, — и при этом она симпатична, и грация царит над клиническим процессом.

— Несомненно, перед нами не просто актёрка, а прекрасный художник, подлинный мастер, — широким жестом пригласил собравшихся Вердеревский на свою половину дома.

— Главное, что граф поступил справедливо, по-графски, — робко добавил Смышляев-младший, переступая порог залы. — Всему венец — благородство и большое искреннее чувство.

В этот поздний вечер в «Благородке» пустовал буфет, и расстроилась карточная игра. Все наслаждались трио: Головинский, Иванова и Вердеревский-младший...

Статья из личного архива Ю.А. Силина представлена для публикации Г.Н. Силиной.

16 августа 2017 г. исполнится 75 лет со дня рождения выдающегося балетмейстера Пермского края и России Сулеймана Фаттаховича Бурханова (1942—1983). Директор Пермского государственного хореографического училища, заслуженный учитель РФ Л.Д. Шевченко предложила мне, ученице и преемнику его творчества, поделиться воспоминаниями о нем.

Сулейман Бурханов родился в Таджикской ССР, в селе Мулинабад, Мулинабадского района, Кулябской области. В десять лет он поступил на национальное отделение в Ленинградское хореографическое училище им. А.Я. Вагановой. Окончив его в 1961 г., работал артистом балета в Таджикском ордена Ленина академическом театре оперы и балета им. С. Айни. В 1962 г. поступил на балетмейстерский факультет ГИТИСа имени А.В. Луначарского в Москве и окончил его в 1968 г. по специальности режиссер-балетмейстер. Студентом Бурханов установил прочный контакт с Пермским государственным хореографическим училищем, где в порядке преддипломной практики ставил ряд концертных номеров.

Из воспоминаний В.И. Дубровина, ведущего артиста балета Пермского театра оперы и балета им. П.И. Чайковского (ныне руководитель балетной труппы театра):

«Это было в 1967 г. в хореографическом училище. При постановке номера «Заклинание» на музыку Ю.А. Шапорина с балетмейстером интересно было работать по пластике тела. У Бурханова была энергия, которой он сам заразился и заражал других, заводил эмоционально окружающих. Сулейман был очень добрым человеком, артистичным, давал толчок к тому, каким должен быть артист балета — эмоциональным и пластичным. Номер получился. Моей партнершей была Татьяна Хайкина. У Сулеймана был хороший показ, он располагал к себе непосредственностью. Только такой человек может работать с детьми. Его постановки были удачными. Номер «Заклинание» долго жил. С «Заклинанием» выезжали на гастроли в Москву. Это сложный танец, его не на всех площадках можно было танцевать. Лирический дуэт, романс на смерть жены Ю.А. Шапорина».

В дальнейшем Виталий Дубровин сохранял этот номер в своем репертуаре, партнерши менялись. Кроме «Заклинания», в хореографическом училище были поставлены концертные номера: «Царевна Несмеяна, царь Горох, да Иван-Дурак» на музыку Богдана Троицкого (1968); танец латиноамериканских негров «Джонго»; «Риголетто» на музыку Джузеппе Верди (1968).

Дипломная практика Бурханова также проходила в Перми. В Пермском хореографическом училище он поставил трехактный балет на музыку Б. Троицкого «Белый голубь». Мысль о создании этого балета-сказки и первые наброски либретто возникли, когда он учился на

предпоследнем курсе балетмейстерского факультета ГИТИСа имени А.В. Луначарского. Тогда произошла его встреча с представителями Пермского хореографического училища и родилась идея создания нового балетного спектакля в Перми. Руководители и педагогический коллектив училища шли на смелый эксперимент. Сулейман Бурханов ставил первый в своей жизни балет, композитор Богдан Троцюк написал первый свой балетный клави́р, первыми интерпретаторами которого стали концертмейстеры училища.

Балет « Белый голубь » впервые увидел свет рампы в 1967 г., а через год был включен в гастрольный репертуар Пермского театра оперы и балета во время творческого отчёта в Москве. Учащиеся пермской школы балета с успехом представляли своё искусство в Кремлёвском Дворце съездов в августе 1968 г. Об успехе гастролей сообщали « Правда », « Комсомольская правда », « Советская культура » и другие центральные газеты, а так же радио и телевидение. Работа балетмейстера была отмечена дипломом I-ой степени на смотре хореографических училищ в Ленинграде и удостоена премии Пермского комсомола.

С 1968 г. Бурханов работал главным балетмейстером музыкально-драматического театра им. А.М. Горького в Магадане. В 1969 г. — получил приглашение на должность главного балетмейстера государственного Якутского музыкально-драматического театра имени П.А. Ойунского. В 1973–1974 гг. работал балетмейстером в Таджикском ордена Ленина академическом театре оперы и балета им. С. Айни. В 1975–1976 гг. был приглашен главным балетмейстером в Театр музыкальной комедии Красноярск. В 1976 г. Бурханов переходит на постоянную работу в Пермское хореографическое училище, возвращается в пермский дом, на улицу Петропавловская, 18.

Наташа Гусева (Высочина), артистка балета, играла девочку в небольшом номере « Арлекинад а » с участием Алексея Боровика, Сергея Попова для 2-3 класса. Наташа вспоминает, как Бурханов встретил ее в коридоре:

«Здравствуйте, Сулейман Потапович, — сказала я, перепутав отчество. — Он очень доброжелательно поправил меня, взял за руку и провел на сцену. У него новая идея: звучит струна инструмента, один звук, якутский мотив. Бурханов начинает сочинять номер, ему нужно себя раскрыть, даже не обязательно, чтобы этот номер воплотился. Его подход, его отношение к искусству танца говорили о том, что он — творческая личность. От него шла добрая энергия — «будил» всех детей, был комиком. [...] Это большое счастье, что я работала с таким человеком, который отдавал себя искусству. Даже не огорчало, если номер не показывался на публику, важен был творческий процесс».

Несомненной удачей балетмейстера стала постановка концертного номера «Чебурашка» на музыку В.Я. Шаинского, который был включён в программу концерта для делегатов и гостей XXV съезда КПСС в 1976 г.

О творчестве С.Ф. Бурханова говорит Л.П. Сахарова, выдающийся педагог Пермского хореографического училища, Народная артистка СССР и России:

«Бурханов вел мастерство актера, у него была преддипломная практика. Терпеливо умел организовать детей, работал с интересом и с большой самоотдачей. Показал в Москве балет «Белый голубь» — для студента это большая работа. Очень интересно работал с маленькими детьми, для них был поставлен балет «Волк и семеро козлят» на музыку А. Рыбникова. Очень интересный номер «Красные дьяволята» на музыку Яна Френкеля. Тематика его номеров совпадала с музыкой. «Адажио военных лет» на музыку Г. Свиридова было поставлено на старших учеников, его возили на конкурс. Номер вошел в программу творческих работ балетмейстера Бурханова и исполнялся в концерте 15 мая 1983 г. в городе Перми учащимися 3-го курса Пермского хореографического училища Алтантуя Дорж и Ганбаатор Дарам. Эти номера остались, училище их выпускает в концерты. «Риголетто» на музыку Д. Верди для старших классов, «Тройка» на музыку Г. Свиридова, «Несмеяна» на музыку Б. Троцюка, — на этих хореографических номерах учились дети. Бурханов создал большой репертуар, много номеров на современную тему. Это был новый стиль. Сулейман был очень музыкален, вспоминаем его с любовью. Вместе ездили отбирать детей в Сыктывкар, взяли Василия Полушина, который стал народным артистом РСФСР, лауреатом Всесоюзного конкурса, работал в Красноярске и у Вячеслава Гордеева в Москве. Сулейман Бурханов трудолюбив, мог работать всё время. Характер неуравновешенный. Его творчество очень интересно...»

Первая встреча директора Пермской областной филармонии В.М. Матвеева (годы работы 1974–1991) с Сулейманом Бурхановым состоялась на отчётном концерте в школе искусств (Гайва). В.М. Матвеев вспоминает, что ему понравилась мысль Бурханова о создании детского хореографического ансамбля. Инструктор обкома партии И.В. Будрин встретился с Бурхановым, говорили о создании коллектива. Дали рекламу, дети активно откликнулись, в филармонии были толпы детей. Отбор проходил очень тщательно. В ансамбль попали и дети работников филармонии.

Сулейман Бурханов работал в Пермской областной филармонии в должности художественного руководителя и балетмейстера детского ансамбля танца с 24.10.1980 г. по 01.09.1982 г. Здание по улице Советской, 69, становится его вторым пермским домом. В филармонии Бурханов встретился с Н.И. Гагуа, которая создала отдел художественного воспитания детей и юношества, они были знакомы по фестивалю в Чайковском. Она вспоминает о Сулеймане Бурханове как об обаятельном, разностороннем художнике, искренним и в творчестве, и в общении:

«К 8 Марта готовили песню «Наши дети» (композитор И.В. Морозов). Виктор Руденко позвонил композитору, через два дня оркестр играл, Виктор пел, коллектив Бурханова танцевал».

Многие дети, пришедшие в начале создания коллектива, занимались здесь, пока не поступили в институт. Марина Разуванова, Сергей Райник, Ирина Григорьева окончили кафедру хореографии Пермского государственного института культуры.

Партнёром балетмейстера Бурханова по его работе в Пермской областной филармонии был Фарид Бикбулатов, выпускник Пермского хореографического училища 1967 г., затем к ним присоединилась Г.И. Качанова (1930–1993). Она попала в Пермь с эвакуированным Ленинградским хореографическим училищем, осталась в Пермском хореографическом училище и окончила его в 1950 г. (класс Е.Н. Гейденрейх). Артистка балета Пермского театра оперы и балета в 1958–1966 гг., руководитель хореографических кружков Дворцов пионеров Норильска и Перми. За успехи в эстетическом воспитании школьников и развитии художественной самодеятельности учащихся была награждена значком «За отличную работу» Министерства культуры СССР (1977), «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1988).

Вспоминает заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат Всероссийского конкурса театральных представлений, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений Е.С. Соломенный:

«Бурханов был гением. Он мог зажечь огнём своего таланта через исполнителей публику, зарядить её энергией своего яркого творчества. Репетируя с исполнителями, балетмейстер не навязывал насильно своё творчество, а вовлекал в мир пластических фантазий. Помогал найти нужное настроение, ощущение в танце. Было интересно и весело, когда он репетировал, ставил. При больших нагрузках из него сыпались искры юмора. Балетмейстер приходит в класс и за час ставит номер «Грузинский танец» на музыку Георгия Канчели. Скандал вокруг номера. Он нарушил традицию, поднялся над ней и поставил «юность» на колени перед девушкой как символ. Бурханов – художник-символист. Полька «Карабаса» доступна в исполнении младшему школьному возрасту. Хореография проста, незатейлива, игрива. В танце игра «Чехарда». Эту польку дети танцуют радостно и весело».

В 1978 г. в детском танцевальном ансамбле Дворца культуры имени Ф.Э. Дзержинского Сулейман Бурханов поставил танец «Преодоление», посвященный предстоящей Олимпиаде. Полгода шел творческий поиск номера. Детский танцевальный ансамбль назвали «Преодоление». В 1980 г. ансамбль «Преодоление» был награжден путевками во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Сорок дней юные танцоры отдыхали в знаменитом лагере, показывали в санаториях и здравницах хореографические номера балетмейстера Бурханова. Концерты в «Артеке» шли в присутствии народного артиста СССР И.С. Козловского, Долорес Ибаррури и др.

На одном из концертов в Кремлевском Дворце съездов присутствовал Марис Лиєпа. Он сказал: «Смотрите, все смотрите. Это маленький шедевр мировой хореографии». Так мастер оценил танец «Марш оловянных солдатиков» из балета П.И. Чайковского «Щелкунчик» в постановке Сулеймана Бурханова. «Марш оловянных солдатиков» и «Красных дьяволят» можно назвать жемчужинами русской хореографической миниатюры.

3 марта 1983 года Сулейман Бурханов скончался.

В 1983 г. по заказу Гостелерадио Пермской студией телевидения (реж. О. Федорущенко) был снят цветной музыкальный фильм «Вместе весело шагать». Фильм получил приз кинозрителей на фестивале в Алма-Ате, неоднократно демонстрировался по центральному телевидению.

«Бурханову необходимо было серьезно отнестись к своему здоровью. Сулейман забыл лекарство во время съёмки. День был тяжелый, все устали. Утром он задохнулся, так как не было лекарств, – вспоминает Марина Федорущенко, – смерть настигла его во время съёмок фильма «Вместе весело шагать». Кинорежиссер Олег Федорущенко мало успел снять, фильм снимался и монтировался без балетмейстера из кусочков, из небольшого количества кадров. Конечно, название фильма стало веселым».

В 1982 г. базой детского хореографического ансамбля стал Дом пионеров Ленинского района. Здание по улице Советской, 56, стало последним пермским домом для Сулеймана Бурханова.

Вспоминает Маргарита Николаевна Бояршинова, директор Дома пионеров Ленинского района г. Перми (1975–1986):

«Бурханов был человеком творческим, очень эмоциональным, очень ранимым. Это требовало очень тактичного с ним обращения. Он погиб, довел себя, все силы отдавал, нисколько не отдыхал. Работали, когда фильм снимали, по двенадцать часов во Дворце культуры телефонного завода и Доме пионеров Ленинского района. Так сняли фильм «Вместе весело шагать». Он имел большой успех. Когда я отдыхала на курорте, женщина из Осетии рассказывала, что видела фильм про козлят. После смерти Бурханова работу с этим коллективом продолжила Качанова Галина Ивановна. Я уходила на пенсию, она просила остаться. Галину Ивановну никто не поддерживал, она погибла трагически. После её смерти с коллективом осталась Ирина Пичкалёва, которая в первые годы возникновения Дома пионеров вела танцевальный кружок. Ирина поддержала ансамбль. Спасибо ей, работала оптимистично, с огоньком».

В 1996 г. я с участниками ансамбля «Щелкунчик» ездила во Францию на международный детский фестиваль. На фестивале было показано четыре концертных номера хореографии Сулеймана Бурханова: «Птицы» на музыку Джеймса Ласта, «Ковбои» на музыку Ван Левена, «Чебурашка» и «Вместе весело шагать» на музыку Владимира Шаинского.

Случайно перед отъездом я встретила Николая Зарубина на ул. Овчинникова в Перми. Летний день был теплый и сухой. Узнав, что мы готовимся к поездке во Францию с хореографией Сулеймана Бурханова, он попросил привезти запахи Франции. Это был день, когда я последний раз видела художника Николая Зарубина. Николай Зарубин выступил в станковой живописи с темой, связанной с Дягилевым. В Перми на углу улиц Сибирской и Пушкина (бывшая Большая Ямская) родовой дом Сергея Дягилева по проекту архитектора Р.О. Карвовского. В тесном сотрудничестве с Домом Дягилева художником были созданы две портретные композиции: «Рас-

О СУЛЕЙМАНЕ БУРХАНОВЕ

свет на Каме (портрет Серёжи Дягилева)» и «Сергей Дягилев в Париже». В моей памяти сохранилось мистическое ощущение присутствия Дома Дягилева и самого Дягилева, как будто он направлял меня на поездку во Францию прославить хореографию выдающегося балетмейстера Сулеймана Бурханова. С этим призраком я уезжала с берегов Камы.

25 января 1997 г. в Доме Дягилева состоялось выступление ансамбля «Щелкунчик» совместно с танцевальным коллективом С.А. Цидилиной. На сегодняшний день участники ансамбля «Щелкунчик» – это школьники Перми. В репертуаре бережно сохраняются хореографические постановки Сулеймана Бурханова. Ансамбль «Щелкунчик» с хореографией Бурханова участвовал в проектах «Дворца молодежи» г. Перми, в представлении «В поисках волшебных гаджетов» (2013) и «Новогодние приключения Ешки» (2014). Дети выступают в концертах и мероприятиях школ, в частности, с детьми школы № 22, где на сегодняшний день находится «Пермская городская студия творческого развития благотворительного фонда К. Хабенского»; школы № 6 им. Героя России С.Л. Яшкина» и школы № 7.

В 2000 г. по результатам опроса и анкетирования жителей Перми, проведенных обществом «Арабеск», Сулейман Бурханов удостоен звания «Выдающийся деятель Пермского балета XX столетия» в номинации «Хореограф».

В этих воспоминаниях я пишу только о своих непосредственных контактах с Бурхановым, и о фактах, за достоверность которых я всецело ручаюсь, зная о них из первоисточников. Я не касаюсь деталей его творчества, не пытаюсь анализировать его удаchi и неудачи, не рассматриваю его отдельные работы, так как не владел этими материалами в полном объеме; просто не считаю, что имею право на такое занятие. Думаю, что все это с успехом сделают наши специалисты хореографы. Но сделать это совершенно необходимо, с тем, чтобы хоть как-то увековечить память такой незаурядной личности, более чем достойной быть вписанной в летопись культуры и искусства Прикамья.

Впервые я встретился с Сулейманом в экстраординарной для него ситуации. Я в то время работал в Пермском обкоме КПСС и ведал там вопросами культуры и искусства. Ко мне на прием попросился человек, назвавшийся хореографом, фамилия которого мне была когда-то известна, но никаких деталей память подсказать не смогла. В кабинет вошел худощавый среднего роста человек с копной темных кудрявых волос, с явно восточным типом лица, смуглый, остроносый. Меня сразу же привлекла окружающая его аура какой-то доброй застенчивости, симпатии и незащитности. Его глаза лучились теплом и глубокой печалью. За всем этим угадывалась незаурядная личность, попавшая в какую-то беду.

Начали разбираться. Оказалось, что Сулейман приехал в Пермь по контракту с управлением общественного питания поставить танцы в варьете ресторана «Кама» (кстати, это было зрелище). Контракт заканчивался, никаких перспектив на будущее не было. Далее выяснилось, что мой гость уволился с предыдущего места работы — балетной — сфера музыкального театра, по-моему, в Якутске, и возвращаться туда не собирается. Мало того! Он привез с собой в Пермь семью – жену и грудного ребенка, жилья у него нет, и все семейство обитает в холодном неблагоустроенном номере гостиницы «Центральная».

И привело ко мне Сулеймана то обстоятельство, что дирекция гостиницы предупредила его о предстоящем выселении и отключили электричество, поскольку пользоваться плитками в гостиницах запрещено! А ребенка нужно кормить и купать, пеленки стирать и сушить! В общем, — крах!

Пришлось идти в гостиницу утрясать с электричеством, организовывать письмо горисполкома о продлении проживания и т.д.

На мой вопрос о его планах по поводу работы Сулейман смущенно пожимал плечами и говорил, что, может быть, что-нибудь найдет. О работе в оперном театре речи быть не могло – штаты переполнены, да и ситуация в труппе неподходящая. Нужно было что-то срочно делать: необходима зарплата – не на что жить, надо решать вопрос с жильем, а для этого нужно где-то работать. Жилье в то время давали только на коллективы трудящихся, а там – распределяли.

Эти вопросы мы решили при большой помощи секретаря Обкома КПСС, ныне покойной, Инны Павловны Быковой. Сулеймана мы устроили на работу в хореографическое училище, туда же выделили квартиру, и, не без труда, поселили в нее Бурхановых.

Надо было видеть счастье Сулеймана! Он весь светился от радости. Мы с женой были приглашены на новоселье и с удовольствием к ним сходили.

Ну, а дальше пошли будни. С утра до позднего вечера работа. Встречались все реже и реже.

На праздничных концертах, отчетных концертах училища неизменно радовали работы Сулеймана. Они всегда выделялись яркой индивидуальностью постановщика, особой, только Бурханову присущей пластикой, ритмами, внутренней наполненностью образов, неизменной жизнерадостностью. На фоне всеобщих перепевов и заимствований бурхановские работы впечатляли и радовали зрителей. Не напрасно некоторые номера, созданные им, были показаны на правительственных концертах в Москве, и конечно, на всех наших детских фестивалях.

Бурханова тяготил тот факт, что его переполненная замыслами натура не находила полноценного выражения. В училище при всем желании можно было ставить лишь одиночные номера, а хотелось все большего и большего.

Однажды он пришел посоветоваться: решил попробовать себя в детских коллективах профсоюзов. Я всячески его поддержал. Уже стало ясно, что на наших глазах вырастает незаурядный хореограф детского танца, выходящий по масштабам за пределы Перми!

К великому сожалению, его творчество не оценил по достоинству, постоянно приезжавший к нам в область выдающийся музыкант и педагог Д.Б. Кабалевский. Этот рыцарь детского музыкального воспитания, очень много сделавший добра для нашей области и города Перми, неосторожно раскритиковал «вольный стиль» увиденного им на фестивале детского танца.

Кстати сказать, Дмитрий Борисович совершенно отвергал творчество композитора Шаинского. Ну что тут скажешь! У каждого человека есть свое индивидуальное восприятие. Плохо, когда он, имея

ключевое значение в какой-либо отрасли, позволяет себе высказывать крайние мнения. Все это не повлияло коренным образом на жизнь Бурханова, но некоторые чиновники от культуры заметно охладели к его творчеству. Пришлось с этим немало повозиться, ставя все на свои места.

Бурханов решил организовать детский танцевальный коллектив и пришел рассказать об этом своем решении. Я его поддержал, предварительно выяснив, не подорвет ли это его материально. Оказалось, что нет. Увлекаясь все более и более осуществлением этой своей идеи, причем, вполне успешно, Сулейман был вынужден оставить работу в училище. Этому способствовали и некоторые обстоятельства, о которых не хочу говорить.

В своем новом направлении творческой и организаторской деятельности Бурханов быстро достиг замечательных успехов. К его счастью нашлись верные единомышленники, которые явились доброй опорой для него.

Поскольку я на своей работе занимался вопросами профессионального искусства, дальнейшая деятельность Сулеймана вышла из пределов моей компетенции, и я лишь иногда на концертах с огромной радостью и восхищением встречался все с новыми и новыми работами его подопечных, успешно воплощавших неисчерпаемые замыслы своего художественного руководителя.

Думаю, что об этом периоде жизни Бурханова более компетентно и, главное, документально, расскажут люди, бывшие с ним рядом.

В заключение хочу высказать горькие мысли, переполнившие меня при воспоминаниях о Сулеймане и его жизни. Сейчас, в наше смутное время, это становится все более и более значимым.

Творческие личности – это драгоценный Алмазный фонд страны, нации, народа. Этот божий дар встречается крайне редко. Говоря об этом, я не имею в виду горлохватов от культуры и искусства, выдирающих себе лично оклады и привилегии. С этими все ясно! Они вырвут себе все, что надо, встанут под любые модные и выгодные лозунги, бесстыдно торгуя собой. Но, как правило, – это ремесленники, которые не в состоянии создать нечто, способное обогатить и укрепить дух народа.

Истинный творец – человек отрешенный от личных выгод. Он живет своей творческой идеей, забывая себя. Таких людей надо беречь, не спускать с них глаз, окружать вниманием и заботой. Иначе они сожгут себя в непосильных трудах.

Так произошло с Сулейманом Бурхановым. Будучи уже больным, он, не обращал на себя внимания, не мог заставить себя капитально взяться за серьезное лечение. А мы все — недоглядели, не замети-

ли, не заставили его вовремя отложить в сторону все дела и заняться главным – здоровьем. И вот результат. Мы его потеряли. Сколько он мог бы еще принести радости людям! Пусть его судьба будет для всех нас жестоким и страшным уроком. Светлая ему память!

7 августа 1997 года.

По другим сведениям, Сулейман Фаттахович Бурханов с женой Ольгой Дмитриевной и дочерью Надеждой Бурхановой долго прожили в гостинице «Турист», затем он и его семья переехали в квартиру по адресу ул. Куйбышева, 54. Похоронен Сулейман Бурханов на Северном кладбище.

Анна Бердичевская
Памяти хореографа
Сулеймана Бурханова

В марте, в ночь погиб Бурханов.
Легкомысленный Бурханов.
Жил нелепо он и просто –
Танцевать учил детей.

Прыгал он, махал руками,
Был он маленького роста,
Говорил с акцентом легким,
Одевался без затей.

Он болел, но не опасно,
Умирают ли от астмы?..
По ночам скрипело в легких,
Утром – думать забывал!

Он поставил «Буратино»,
Он попал в кинокартину,
Он хотел, чтоб толстый мальчик
«Польку-Анку» танцевал.

И погиб. В гробу сосновом
Он лежит в костюме новом —
Маленький, сорокалетний,
И на Пушкина похож.

А бывало он без шапки –
У него кудрей охапка –
В снегопад летел, не зная,
День погож, иль не погож.

Триста маленьких артистов,
Примулы в горшочках стиснув,
В репетиционном зале
В день холодный собрались.

А потом в лесу за Камой
Над пробитой в глине ямой,
В суете, как на вокзале,
Слезы детские лились.

Снег идет, и плачут дети.
Их учитель жил на свете
Правильно и вдохновенно –
Был он странный человек.

Легок был душой нетленной,
В жизни все решал мгновенно –
В среду прыгал и смеялся,
А в четверг ушел навек.

В марте в ночь погиб Бурханов –
Странный, странный человек...
Утром к небесам туманным
Улетает «Полька-Анка».
Плачет мальчик. Тает снег.

СВЯТОЙ РАЗБОЙНИК ИЗ КОВЧЕГА ГРЯДУЩЕГО Из предисловия к книге Василия Каменского «Его – Моя биография Великого Футуриста»

Имя русского поэта Василия Васильевича Каменского (1884—1961) навсегда связано с бурным, чрезвычайно насыщенным событиями периодом в истории отечественной культуры первых десятилетий двадцатого века. Именно в эти годы начиналась литературная деятельность В. Каменского, которая продолжалась почти полвека, хотя казалось, что она пронеслась метеором в культурном пространстве России.

В 1962 г. в Москве, в Центральном доме литераторов проходил вечер памяти В. Каменского. Семен Кирсанов начал воспоминания словами:

— Высокий, с вьющимися русыми волосами, полный незабываемых ощущений Волги и Камы, он вошел в русскую поэзию, словно лихо прыгнул с разинского струга...

Каменский рано осиротел, и его детство прошло в Перми, на берегу Камы, в семье родной тетки Александры Трущевой. Ее муж, Григорий Семенович, управлял крупным буксирным пароходством Любимова. О своем детстве и дальнейшей феерической жизни он рассказал в первой автобиографической книге «Его – Моя биография Великого Футуриста».

«Вася всегда знал, что он будет исключительным, необыкновенным, высоким орлом над долинами будней, — напишет он в своей книге. — Быть всеми, пройти все пути лучшей жизни, все пережить, всех понять, полюбить и стать навеки поэтом»¹.

Надо сказать, что этому девизу Каменский был верен всю жизнь. Амбиции будущего поэта возрастали стремительно. В конце 1906 г. он приезжает в Петербург, чтобы продолжить образование. Сдает экзамены за гимназический курс, поступает на Высшие сельскохозяйственные курсы, слушает лекции на естественном факультете Петербургского университета, полностью окунается в студенческую жизнь, посещает многочисленные диспуты, лекции, политические собрания. В молодежной среде он пользовался большим уважением, и студенты курсов избрали его старшиной. На одной из вечеринок В. Каменский был в своем репертуаре и сказал слова, необычные для будущего агронома:

«Черт возьми, вы пришли ко мне на именины и никто из вас не знает, что мне сегодня 23 года. Баста. Теперь я начинаю восходить. Взгляните на горизонт – там взошла сияющая звезда Василия Каменского».

В более поздний, советский период нашего государства жизнь и творчество В. Каменского привлекли внимание видного общественного и государственного деятеля А. Луначарского, поэтов Н. Асеева, Б. Слуцкого, писателя В. Шаламова, критика Н. Степанова, первого биографа поэта журналиста С. Гинца и его коллеги А. Никитина, пермского литературоведа, заведующего кафедрой журналистики ПГНИУ В. Абашева.

В наши дни Пермский краеведческий музей предоставил возможность современному читателю познакомиться с творчеством В. Каменского и его «железобетонными поэмами», издав превосходный иллюстрированный «Ежедневник поэта». А самые дотошные читатели могут принять участие в «чтении» поэм в Доме-музее поэта в селе Троица. Такие традиционные ежегодные праздники проводятся в Троице ежегодно, привлекая большое число туристов не только Пермского края, но и других регионов России.

В. Каменский пишет, что в его душе самое дорогое, чистое, сокровенное было связано с пристанью на Каме, с Камнем, как называли в старину Урал, с Каменкой, с родной Пермью, где и сегодня трудно найти на прилавках книжных магазинов его стихи или прозу, если даже хорошо поискать. А ведь мы, пермяки, в большом долгу перед его светлой памятью. Размер этого предисловия не позволяет мне рассказать о его наиболее романтическом увлечении авиацией. Когда вы придете в Пермский авиационный музей, его директор Галина Олеговна Смагина, наша отважная летчица и рекордсменка мира, освоившая вождение восьми типов воздушных кораблей, расскажет вам, кем был для нее и ее братьев по небу Василий Каменский. Да, он не из первых русских летчиков. Но он был первым, кто полетел в небо за своими песнями, кто окрылил пермяков и Пермь, которая стала мощным промышленным центром отечественной авиации и космонавтики.

Каменский никогда не отрывался от уральской земли, хотя объездил всю Россию и европейские города. Он здесь черпал и свое поэтическое вдохновение, и уральский говор, и мелодии речных и лесных просторов, которые звучали в его стихах и прозе. Непостижимо, как этот поэт, прозаик и художник во всех значениях этого многоликого слова до сих пор остается на задворках культурной Перми. Здесь можно привести много объяснений, но оправдания этому нет.

Одно из объяснений состоит в том, что в период становления советской власти на ее призыв к мастерам культуры к сотрудничеству откликнулись немногие. Большая часть известных поэтов, писателей, художников и музыкантов оказались в эмиграции. А идеологам «литературы факта» и сонму пролетарских писателей авангардное искус-

ство было не ко двору и даже очень мешало. После отъезда Д. Бурлюка, ухода из жизни В. Хлебникова, В. Маяковского, Каменский оставался одним из «последних могикиан», популярным поэтом и драматургом, всегда имевшим широкую читательскую аудиторию, сохранившим свои творческие позиции будетлянина. Каменский был патриотом уральской земли, всей Страны Советов, радовался успехам и переменам, которые происходили в городе и на селе, посвящал этому свои новые произведения. Одним словом, поэт продолжал бурлить, творить и оставаться «непромокаемым энтузиастом».

Когда исполнилось 25 лет его творческой деятельности, был создан Общественный оргкомитет под председательством А.В. Луначарского для чествования юбиляра. Оно проходило в Москве в Большом зале консерватории. Собрался весь цвет московской интеллигенции. На сцену поднялся знаменитый тенор И. Козловский и, обращаясь к Василию Каменскому, коленапреклоненно спел «Сейте разумное...», и вручил юбиляру четверть вина с надписью «Из нотной библиотеки И.С. Козловского»...

Накануне Праздника юбиляр написал заместителю председателя юбилейного комитета, народному артисту республики Л.В. Собинову письмо, в котором есть такие строки:

«Мне лично юбилей нужен для того, чтобы на лобном месте общественного внимания заявить во всеуслышание, что я жив-здоров (назло врагам!) до такой творческой степени напряженья, что еще только собираюсь, вооруженный мастерством поэта, дать (хоть сейчас) монументальные вещи, которые лежат ненапечатанными, хотя и читаются в рабочих клубах мастерами чтения и передаются по радио, как произведение актуального значенья».

Я рвусь быть услышанным до конца, но мне не дают слова... Судите сами: за мои 15 лет работы Госиздат не издал ни единой моей книги (подчеркнуто В. Каменским – *И.Е.*), оставив меня в тайге обещаний... И это не «непризнание», а простое безобразие, за которое никто не отвечает. А я говорю Вам об этом лишь для того, чтобы Вы знали, как нестерпимо труден был весь мой двадцатипятилетний путь мастера-новатора, путь борца за новое искусство»².

Не случайно, что именно в те дни со страниц «Известий» А.В. Луначарский задает тревожный вопрос:

«Каменского любят, его слушают, читают... Но достаточно ли он оценен? Достаточно ли понято, какого веселого, талантливого, яркого, громозвучного друга-певца имеет в нем наша страна, какого даровитого, бодрого, вдаль зовущего песельника перед рядами нашей общетрудовой армии имеет она в этом своем сыне?»³

Только сегодня мы можем понять и оценить то беспокойство, которое прозвучало у автора статьи. Каменскому и следующую четверть века, до конца жизни придется пробиваться «сквозь тернии к звездам», не зная передышки, перенося невероятные моральные и физические страдания. Уже через год после юбилея, который широко отмечался и в Перми, в конце августа 1934 г. в Москве проходил первый съезд

советских писателей. Пермский писатель и краевед Владимир Гладышев, многие годы исследующий жизнь и творчество поэта, рассказал о том, почему в списке делегатов не было В. Каменского:

В тот период, в преддверии первого съезда Союза советских писателей, на Урал приехала бригада московских литераторов, возглавляемая тов. Ермиловым, критиком, представлявшим оргкомитет по подготовке к съезду. Одновременно проходили выборы делегатов. Сначала в Свердловске, а затем в Перми. Ермилов выступил с докладом перед участниками писательских конференций, после чего резолюция появилась на странице газеты «Звезда». И нигде: ни на конференции, ни в газете – имя Каменского не упоминалось. Не было его и в списках делегатов.

Глубоко задетый за живое, поэт отреагировал на ермиловский демарш письмом на имя Н.И. Бухарина:

«Дорогой Николай Иванович!

Я нисколько не сомневаюсь в том, что Ваше будущее слово о сов. литературе будет великолепным словом исторического (значения), как не сомневаюсь и в том, что обо мне, как писателе, вероятно, ничего сказано не будет.

По просьбе т. Ермилова в пермской газете «Звезда» была напечатана большая резолюция по докладу Ермилова, где говорится, что на Урале до Окт. Революции знали только двух писателей – Мамина-Сибиряка и Решетникова, а что после революции этих писателей стало двадцать. И все фамилии их перечислены, но «герострат» Ермилов мое имя сжег до конца, замолчал меня на смерть и свернулся в Москву...

Понятно, что особенно горячо реагировала Пермь, ибо Пермь еще за 10 лет до Окт. Революции любила меня как поэта, как первого летчика-авиатора (1910-й год), как автора поэмы «Степан Разин» (1912-й год), как лектора по революционной литературе.

Ко мне, в дер. Троица, где я живу (это около Перми) на днях прибыла делегация молодых литераторов, чтобы выразить возмущение по поводу ермиловского выступления как «представления» совершенно дикого поступка по отношению ко мне»⁴.

Попытка В. Ермилова «замолчать» Каменского, на мой взгляд, и была первой волной репрессий в отношении поэта: один из предводителей РАПА не мог не знать его. Просто он не хотел знать футуриста В. Каменского, друга В. Маяковского, Вс. Мейерхольда. Это выглядело явным сведением счетов.

В годы репрессий участились нападки на Каменского и в самой Троице, где в тридцатые годы он был кумиром сельского населения. В его честь были названы местный колхоз, школа, клуб. По Каме и Волге ходил пароход «Василий Каменский». А вот когда на одном из собраний Троицкой парторганизации Каменского, который не был членом партии, а только сочувствующим, обвинили в связи с троцкистами, отношение к нему резко изменилось. Вызывали поэта и в местное отделение народного комиссариата внутренних дел, видимо, хорошо проработали. Вернулся он оттуда очень молчаливым.

Сейчас трудно сказать, что спасло поэта от дальнейшего преследования: награждение в числе других писателей орденом «Знак Почета» (1939) заступничество «сверху» или коварная болезнь ног, которая привела к их ампутации. В эти годы он реже выезжал из Троицы, меньше выступал, меньше принимал гостей. Спасала только работа. В годы войны он написал поэму «Партизаны», либретто оперы М. Ковалю «Емельян Пугачев», драматическую поэму и на ее основе либретто новой оперы «Ермак Тимофеевич». Венцом этой духовной, поистине героической работы на пределе физических сил стало награждение поэта в 1944 г. (год его 60-летия!) орденом Трудового Красного Знамени. В переписке со своими друзьями и близкими поэт сам рассказал, как он работал в последние годы, чего ему стоила каждая новая строка. Письма, дневники поэта опубликованы в Перми и доступны даже рядовому читателю. И вот после этого его земляк, писатель нового поколения А. Иванов ничтоже сумняшеся вынес ему приговор:

«Каменский – миф Перми... А реальный Каменский десятилетиями гнил заживо в своей Троице, когда остался без энергетической подпитки и увидел себя трезво: без таланта, без шумных друзей, без свободы, без семьи. Он уже давно не барахтался в полынье, а безвозвратно утонул»⁵.

Такие измышления не имеют ничего общего с истиной, но вредны тем, что гасят интерес к творчеству и личности поэта.

А творчество, жизнь и судьба Василия Каменского по-прежнему привлекают пристальное внимание собратьев по перу, литературоведов и просто читателей. Оценка его творчества весьма неоднозначна. В 2000 г. в Перми вышла в свет книга литературоведа, профессора Пермского государственного научно-исследовательского университета Владимира Абашева «Пермь как текст (Пермь в русской культуре и литературе XX века)». В этом интересном исследовании есть глава «Василий Каменский. Пермский текст и проблема авторской идентичности». Подчеркивая роль Каменского как культурного героя пермского текста, автор пишет:

«Литературная репутация Каменского зиждилась отнюдь не на литературном качестве созданных им произведений. Как литератор он был всего лишь одаренным дилетантом, что совсем не исключало отдельных художественных удач, о которых мы говорили...

Во всяком случае, очевидно, что Каменский не «поэт» в том смысле, в каком «поэтами» мы называем Маяковского, Хлебникова, Северянина или даже Крученых, и поэтому бесперспективно искать генеративные структуры его воображения в собственных стихах. Его стихи глубоко вторичны в том смысле, что они лишь производны от автобиографического дискурса, образующего главное речевое тело творчества Каменского, в котором и реализуется центр его творческой активности. Стихи ему подчинены. Это спонтанные записи на полях его автобиографической прозы. Именно автобиографическая проза образует подлинный центр литературного наследия»⁶.

С этим выводом трудно согласиться. Да, автобиографические книги В. Каменского заслуживают внимания не только литературоведов, но и широкого читателя. Его книги «Его – Моя биография Великого Футуриста», «Путь энтузиаста». «Жизнь с Маяковским» – увлекательное чтение. Но и поэзия В. Каменского, на наш взгляд, – самобытная, неповторимая страница русской культуры первых десятилетий прошлого века. Достаточно взять в руки любой сборник стихотворений и поэм Василия Каменского и прочитать хотя бы эти чеканные строки:

«Черная чертова ночь
Багровеет окровавленным заревом.
Дымно. Ой, горячо! Ой!
Ишь, во всю силушку-мочь
Жарит жарное жариво
сам Пугачев...»

Неужели это просто запись на полях автобиографической книги? И разве справедливо отказывать поэту в богоданном даре, который признавали в нем Н. Гумилев, В. Маяковский, Б. Слуцкий, С. Васильев и другие.

Главу о Каменском В. Абашев заканчивает словами:

«Каменский первым программно сделал *пермский текст* основой персональной автоидентичности, ощутив свою личную связь с Камой, Камнем, как онтологию собственной жизни... Непреходящая заслуга Каменского в локальном контексте состоит в том, что вслед за Уралом он ввел в топику русской культуры Каму и Пермь как самостоятельные поэтические реальности. Другой важнейший аспект отношений Каменского с его локусом рождения состоял в том, что он первый сопоставил свою жизнь с Пермью как личностью и сюжет своего соперничества с городом сделал сюжетом творчества. В этом смысле Виталий Кальпиди и поэты 1980-х годов пошли по пути, проложенному Каменским.

Однако в советскую эпоху наследие Каменского в целом было освоено поверхностно. Советская культура оказалась невосприимчивой к глубинным аспектам его личностных и персонализированных отношений с родным краем, ограничившись внешним культом его имени».

В статье В. Абашева меня привлекла его мысль, что В. Каменский изображал свою жизнь в терминах и символах перманентной смерти – воскресения и постоянного возврата к своим юности, детству. Об этих воскрешениях (падение с балкона в детстве, уход из городской жизни, новая страница в биографии после падения с аэроплана) вы прочитаете в книге. Возвращая современному читателю первую автобиографическую книгу В. Каменского, мы воскрешаем интерес и к самому легендарному уральцу, и к его творчеству.

«Я всегда готов на каторгу за спасенье Поэта, — написал он на одной из первых страниц.

Голубится голубь веющий
Над моей избой
Благослови Аминь алеющий –
Святой разбой.

Он мне написал эту молитву, и я понял ее по-своему. Во имя Истины я совершил ряд святых разбоев, и в моей душе нет капли раскаяния, напротив – я горд за Молодость, за смелость, за жест решенья, за Него, за счастье быть названным друзьями: — Святой разбойник».

Не знаю, святым или не очень святым разбойником был наш земляк: время все расставит по местам. Но имя Василия Каменского навсегда вписано в историю русской культуры Серебряного века и мирового авангардного течения в литературе и живописи. И. Бродский говорил, что поэзия — это видовая мечта человечества. Каменский говорил стихами, пел стихами и жил стихами.

Вспомним, как часто его критиковали: стихи декларативны, проза слабая, а пьесы требуют отделки. Ну что тут поделаешь, если он был величайшим экспериментатором в каждой своей книге, в каждом произведении. Вся жизнь его была непрерывным экспериментом, который вряд ли кому удастся повторить. Обращаясь к поэзии, он в каждой букве видел вселенную и пытался прокатиться по ней, как по Млечному пути. Правда, он умел хорошо делать и другое: охотиться, ходить с рогатиной на медведя или слушать лесных птиц, ловить щук, растить цветы, летать на аэроплане и готовиться к полету на Луну, любить женщин и прощать ближних. Не зря он носил имя будетлянин – человек, который еще будет. Потому и назвали его сегодня Человеком Эпохи Возрождения. Он просыпается в каждом из нас: в пермском арт-художнике Александре Жуневе, который вынес свое искусство на улицы Перми, Москвы и других городов, в каждом летчике, в юном создании, впервые взявшему в руки перо или кисть...

Стихи В. Каменского, его легендарная биография близки творческой молодежи наших дней. Его лучшие произведения остаются неисчерпаемой поэтической лабораторией для многих юных пермяков, прошедших школу поэтического мастерства в литературном объединении «Тропа», в творческом коллективе гимназии № 4 имени братьев Каменских. Юные поэты постоянно выезжают в Троицу, в Дом-музей В. Каменского, участвуют во всех литературных праздниках, снялись в документальном фильме «Берег Каменского». В Сылвенском поселении много лет работает поэтическое объединение «Край малахитовый». Стихи его участников звучат на всех литературных вечерах. В 2015 г. Дом-музей В.В. Каменского посетили более пяти тысяч россиян.

Молодежным литературным объединением «Тропа» больше двадцати лет руководит известный в России поэт Федор Востриков, посвятивший В. Каменскому проникновенные строки:

«...Не стал поэт лихим изгоем –
Он выжил в злые времена.
И приняла в свои покои
Его стихийная страна.
Поньше он стихами вьюжит,

Тайгой уральскою дыша.
Над Камой чайкой снежной кружит
Его мятежная душа».

Так что держайте, юные поэты, художники, музыканты – настоящие и будущие композиторы стихии. Так жил и творил Василий Каменский. И все это вы прочтаете в книге «Его – Моя биография Великого Футуриста».

¹ Каменский В. Его – Моя биография Великого футуриста». – М.: Тип. Т.М. Дортман, 1918. – С. 152, 153.

² Ежиков И. Из «архивов бытия» // Вечерняя Пермь. — 1984. — 10 апр.

³ Луначарский А. Каменский В.В. К 25-летию литературной деятельности // Известия. – 1933. — 26 марта.

⁴ Гладышев В. «Меня «замолчали» насмерть...» // Российская газета. – 2002. – 6 сент.

⁵ Иванов А. Гладиаторы быта // Новый компаньон. – 2005. – 9 июля.

⁶ Абашев В. Василий Каменский. Пермский текст и проблема авторской идентичности // Абашев В. Пермь как текст. – Пермь, 2000. — С. 151, 156.

МОИ ДОМА – МОИ ВОСПОМИНАНЬЯ

«Мои дома — мои воспоминанья,
Живет в них все — и радость, и страданья.
В них образы давно минувших лет,
Сосед-художник и сосед-поэт...
Плывут дни детства мимо дорогие,
А может, и события иные...»

Рядом с домом Попова

Кто из старых пермских краеведов не помнит небольшой одноэтажный дом по улице Коммунистической, 71. До революции улица была Петропавловской, в советское время Коммунистической, сейчас снова получила прежнее имя – Петропавловская.

И был бы этот дом ничем не замечателен, если бы в нем в 1873—1877 годах не жил на квартире своего дальнего родственника П.М. Лаврова семинарист Александр Попов — будущий изобретатель беспроводного телеграфа (радио). Окончив четыре класса Пермской духовной семинарии, он подготовился к поступлению в Петербургский университет. В память об этом величайшем изобретателе и ученом-физике на доме была установлена мемориальная доска. Здесь планировалось создать музей Александра Степановича Попова, заключив дом в чехол в форме трехгранной призмы.

К сожалению, этот проект не был осуществлен, и строение дважды снесено: сперва настоящий «Дом Попова», а затем новодел. В утешение Пермь получила памятник знаменитому уральцу перед зданием «Уралсвязьинформа».

Над домом Попова нависал огромный корпус первой на Урале и в Сибири конфетной фабрики купца Судоплатова «Кама», перестроенной в конце 1940-х годов. Традиции, заложенные третьим «шоколадье» России получили развитие в советское время. А когда Пермская кондитерская фабрика была перенесена на Липовую гору, решили убрать старое здание. И не так давно оно исчезло.

Третьей достопримечательностью 48-го квартала Ленинского района является единственный сохранившийся торговый дом московских купцов братьев Ижболдиных, имевших разветвленную сеть мануфактурной торговли во многих городах России. Пермский филиал был открыт по адресу: Петропавловская, 65, на углу с улицей Осинской. Это красивое здание построено в 1910 г. в стиле модерн, предположительно по проекту архитектора А.Б. Турчевича. Есть сведения о том, что одним из покупателей здесь был Борис Пастернак, живший в 1916 году во Всеволодо-Вильве и приезжавший в Пермь.

В послереволюционные годы здесь были поочередно: общежитие рабфака, клуб Ленина, клубы Мотовилихинского и Дзержинского заводов, еврейский народный театр, в котором принимали участие артисты ГОСЕТа, а в годы Великой Отечественной войны возник Молотовский театр музыкальной комедии. Сейчас здесь работает центр творчества юных «Росток». И каждая из этих достопримечательностей достойна отдельного рассказа. Однако речь не о них, а о ничем неприметном двухэтажном доме, стоявшем на другом конце квартала, на углу с улицей Попова, по адресу улица Коммунистическая, 75, — это дом, где прошло мое раннее детство.

Родительский дом

В жизни каждого человека есть свой первый дом, память о котором хранится всю жизнь или стирается навсегда. Для меня это был ничем не примечательный двухэтажный дом на улице Коммунистической, 75.

На втором этаже еще до начала Великой Отечественной войны поселилась семья моего деда, Куколева Григория Михайловича (Гирша Минеевича). Было в этом доме много горя и много веселья. Здесь радовались успехам старшего сына Владимира (моего будущего отца), талантливого математика и педагога, трудовым успехам младшего — Леонида. Отсюда провожали сыновей на действительную службу в Красную армию. А в самом начале войны, когда оба сына бились с фашистами, по злому навету мой дед был арестован и осужден на семь лет. В доме осталась бабушка — Анна Михайловна (Рахиль Менделевна) со своей старой матерью, Серафимой Абрамовной Смолянской. Вскоре они приняли к себе эвакуированных ленинградцев — Марию Иосифовну Оскотскую и ее сына Володю.

Изредка получая письма из армии, бабушка радовалась тому, как сражаются ее сыновья. А в ответных письмах призывала: «Бейте врага так, как трудится ваша мать-стахановка!» И это не были просто слова, — некогда модная пермская шляпочница шила теперь ушанки для красноармейцев, значительно перекрывая нормы, о чем свидетельствуют сохранившиеся почетные грамоты.

С фронта приходили не только хорошие вести. Командир части, где служил младший сын, сообщил, что боец Леонид Куколев пропал без вести. В то время это было равносильно гибели, только при невыясненных обстоятельствах. Но бабушка долго не хотела верить этому, и посылала запрос за запросом. Однако чуда не случилось. А в феврале 1943 года в плавнях Кубани был тяжело ранен младший сержант, артиллерист Владимир Куколев, прошедший горький путь отступления от западно-украинского городка Рава Русская. И

БАЛАТОВО — НЕ ЗАГРАНИЦА? ПАРИЖ И ДРУГИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

только чудо да искусство хирургов сохранили ему жизнь. Больше года врачи ставили Владимира на ноги, но в строй он так и не вернулся, возвратился на костылях домой.

Общежитие на улице Кирова

С первого взгляда этот четырехэтажный дом по улице Кирова, 65, кажется ничем не примечательным. Сейчас в нем находится один из учебных корпусов Пермского государственного педагогического университета, а до этого было общежитие, в котором наряду со студентами жили преподаватели. Долгое время оно, как океанский лайнер, возвышалось над домишками квартала, и лишь совсем недавно его со стороны Комсомольского проспекта загородил один из стеклянных монстров. Трудно сказать, когда это здание было построено. В одной из архитектурных справок ошибочно указан 1959 год. Но известно, что в 1945 году, когда в Перми (тогда – Молотов) проходила совместная конференция Академии наук СССР и Молотовского облисполкома по изучению производительных сил Молотовской области, в списке зданий для размещения участников конференции были — естественно, гостиница Центральная («Семиэтажка»), общежитие Медицинского института, и — общежитие Педагогического института на Кирова, 65.

Но для меня дом памятен тем, что одна из его комнат-кают стала первым собственным гнездом для моих родителей. В 1956 году наша семья отделилась от родителей отца в 14-метровую комнату с окнами во двор. Жили очень тесно, но всё же отдельно. На тот момент мне было пять лет, а сестре несколько месяцев. А вскоре появилась нянька сестры — Галя. Она прожила у нас недолго, Наташу отдали в ясли. По тем временам в доме были определенные удобства: паровое отопление со своей кочегаркой, холодная вода и теплый туалет. Первый и последний этажи в доме занимали студенты, а посередине — семьи преподавателей.

Когда ломают старые дома,
И я не успеваю оглядеться,
В минуты эти кажется всегда,
Что рвется нить последняя из детства.
Заслонка, проржавевшая скоба,
Забытая в углу печная дверца.
И стены разбирают на дрова,
Как будто разбирают мое сердце.
А вскоре вместо маленьких домов
И крошечных уютных палисадов
Поднимутся бетонные громады.
Быть может, кто-то скажет — хорошо,
А мне бывает горько и досадно...

Дома, как известно, молчаливы, но порой они могут рассказать о многом.

В статье В.С. Колбаса и А.П. Зиновьева «Так начинался Индустриальный район» мы читаем: «На четной стороне улицы Мира (между улицами Космонавта Леонова и Качалова) были сданы два общежития – женское и мужское. Местные острословы прозвали их «Парижем» и «Лондоном»*.

На наш вопрос, почему именно так, этими словами? — авторы ответили: кто-то назвал, и прицепилось! Мы не сомневались, что так и было. Не смогли дать ответ и некоторые бывшие жильцы общежитий, но все-таки хотелось каких-то объяснений. О том, что среди жителей общежитий могли быть французы и англичане, в закрытом городе не могло быть и речи. О том, что кто-то из постояльцев жилья побывал в служебной командировке в послевоенный период – тоже.

Общежитие – это не какое-нибудь особенное здание, обычное, почти без прикрас. Почти в классическом стиле, но всё же: центральный карниз с барельефом, круглое чердачное окно в растительном обрамлении лавровых веток понизу, и розетки из кисти и листьев винограда по обе стороны. Сталинский ампир: для рабочих — всё лучшее.

Главным девизом для жильцов общежитий были слова: «Береги общежитие, оно твое». Жильцы вспоминают, что в коридорах и кухнях была идеальная чистота, устраивались дежурства, создавались специальные комиссии по проверке чистоты в комнатах. Всех обязывали записаться в библиотеку, которая была в общежитии, да и районная неподалеку. По вечерам и выходным дням проводились различные мероприятия, в том числе литературные вечера. А как пели под гитару до утра!

Здания построены в 1953 г. строительной компанией «Молотовстрой» (в дальнейшем — строительно-монтажный трест № 7) для своих же рабочих. В марте 1953 г. умер Сталин, а в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС Н.С. Хрущев выступил с докладом, наметившим курс на развенчание «культы личности», духовное обновление общества, ослабление информационной блокады.

*Колбас В.С., Зиновьев А.П. Так начинался Индустриальный район // Индустриальный район. История продолжается. – Пермь, 2002. – С. 10.

Наступило время надежд на перемены, время оттепели. Все читают стихи, пишут стихи, любят Хемингуэя, поют про Париж. Все куда-то спешат, летят, едут. Уральские парни и девушки едут на строительство городов и заводов, нефтекомплекса.

Напомним об одном малоизвестном факте, случившемся рядом с общежитиями: в сентябре 1959 г. на углу улиц Мира и Качалова киностудия им. Горького вела съемки эпизодов художественного фильма «Бессонная ночь» (режиссер И.М. Анненский)*. Фильм снят по мотивам повести Н. Дементьева «Мои дороги». В нем дебютировал будущий народный артист СССР Юрий Соломин. Премьера фильма состоялась 23 мая 1960 г. Это фильм о таких же молодых людях, что жили тогда в наших общежитиях, работали, влюблялись, читали книги и стихи.

Настоящий «поэтический бум» был связан, прежде всего, с именами Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной, Роберта Рождественского. Молодые поэты приобрели широкую популярность, выступая с «поэтической эстрады». Пермь узнавала об этом из газет, радио; из лекций библиотекарей, учителей, врачей, часто выступавших в рабочих общежитиях.

Поэты собирали стадионы и действительно были национальными героями. Им разрешался выезд за рубеж. В 1960 г. Евгений Евтушенко написал своих «Парижских девочек»:

«Какие девочки в Париже, чёрт возьми!
И чёрт — он с удовольствием их взял бы!
Они так ослепительны, как залпы
среди фейерверка уличной войны.
Война за то, чтоб, царственно курсируя,
всем телом ощущать, как ты царишь.
Война за то, чтоб самой быть красивой,
за то, чтоб стать «мадмуазель Париж»!..»

Разве эти стихи не об общежитии на улице Мира? Не о пермских девочках с французской челкой?

Как сказано, — «поэт должен быть таким, как Евтушенко, — высоким, нарядным, столичным, звездным, с широким жестом и мальчишеской улыбкой». И вот кто-то, пусть не такой нарядный, не такой столичный и не такой звездный, но с широким жестом и с мальчишеской улыбкой крикнул: «Какие девочки!» А другой ловко вставил: «В Париже!» И вот с тех пор, уже более полувека, здание — в то время женское общежитие, а с перестроечных времен «малосемейка», — называется «Парижем».

Напомним, что это были общежития для молодых строителей: штукатуров и маляров, каменщиков и плотников, бульдозеристов и кровельщиков, электриков и шоферов. И вот эти рабочие и строители — читали, знали, любили стихи, и даже писали собственные стихи! И было понятие: «рабочая интеллигенция». А быть рабочим — почетно.

Всем хотелось быть свободными от условностей («постель была расстелена, и ты была растеряна...»). Но цитировали и стихи Евтушенко о строительстве ГЭС, и о Пугачеве. И Вознесенского:

«Есть русская интеллигенция.
Вы думали, — нет? Есть.
Не масса индифферентная,
а совесть страны и честь...»

Однажды замечательный пермский редактор Н.Н. Гашева сказала, что поэты видят лучше нас, т.е. — предвидят будущее. Это ли не пророки? У поэтов учатся, их стихи применяют в жизни, в шутках, в названиях.

Если первое общежитие называли «Парижем», то второе, на противоположной стороне «Ла-Манша», — «Лондоном». В общем, две самые притягательные европейские столицы. Но и — рабочие неплохо знали географию. Но если говорить о противоположностях, то почему общежитие не назвали, например, «Москвой»?

В 1964 г. Евгений Евтушенко издал в Лондоне свою бесцензурную книгу «Автобиография» и был подвергнут суровой критике на IV пленуме правления Союза писателей СССР, а также массовой атаке и травле в советской прессе, которую возглавили газета «Комсомольская правда» и лично первый секретарь комсомола С. Павлов. Под градом брани и угроз Евтушенко был вынужден покаяться. Книга так и не переиздана в СССР. «Комсомолка» в общежитиях лежала на открытом доступе. Думающая молодежь, конечно же, обращала внимание на публикации о любимом поэте. И в поддержку поэта его поклонники вполне могли назвать свое общежитие «Лондоном», «проголосовав» за бесцензурную литературу.

Поэты-шестидесятники учили, просвещали своих читателей, старались раскрыть им глаза, помочь разобраться с эпохой. Они расширили состав поэтической аудитории, сделали поэзию масштабным общественным явлением. К середине 60-х гг. надежды на обновление угасли. Но знание поэзии осталось.

Кроме двух общежитий, «Парижа» и «Лондона», рядом, на углу улиц Мира и Качалова, было еще одно, с названием — «Шанхай». Здесь действительно жили китайцы, приехавшие в 1955 и 1956 гг. после заключения между странами договора о взаимопомощи. Истории жизни и деятельности китайских рабочих в тре-

---

*Там же.

сте Молотовстрой (позднее строительный трест № 7) посвящены исследования М.С. Каменских*, из которого можно узнать много интересного. Например: китайцы приехали в Советский Союз «помочь старшему брату строить коммунизм»; их прозвали «тракторами» за то, что брались за самую тяжелую работу; мужчины-китайцы готовили такие экзотические блюда, как свиные ножки в сахаре или арбузные корки с мясом; на советские демонстрации китайцы ходили на ходулях.

Нас же интересует китайское общежитие. По сведениям М.С. Каменских, «в Молотове китайцев первоначально расселили в домах на ул. Нефтяников. Специально для них был построен большой дом»**.

Можно понять так, что кто-то строил дом для китайцев. Но по рассказам жителей Балатово, китайцы сами строили для себя общежитие. При этом вспоминают, что во время строительства произошла авария – обвалилась стена. В трагедии погибло семь китайцев-строителей. Так, В.М. Вожакова рассказывала, со слов своего отца, что разгневанные китайцы убили виновника аварии и замуровали его в стене. Скорее всего, это лишь страшная сказка. Каменских сообщает, что в управление поступило лишь четыре жалобы от китайцев о недостатке спецодежды, недопоставке материалов и несвоевременной выплате зарплаты, и они быстро были удовлетворены. Имело место и недобросовестное отношение к делу, за что несколько китайцев были высланы на родину.

На Верхнемуллинском кладбище есть братское захоронение китайских рабочих-строителей. Оно представляет собой ряд огороженных по кругу металлической решеткой отдельных насыпных холмов с общим памятником в центре площадки. На памятной плите, ниже китайских иероглифов, по-русски нацарапана надпись: «Вечная память вам, товарищам, умершим при исполнении своего долга, помогавшим строить коммунизм, ради укрепления китайско-советской дружбы. Мир праху вашему. От коллектива китайских практикантов. 15 июля 1963г.»*** В 1963 г. большинство китайцев выехали на родину.

Жители Балатово называли общежитие «Китайским домом» или «Китайским общежитием», а также «Китайской булочной». Действительно, в мои школьные годы и долгое время еще с торца здания была булочная.

---

*Каменских М.С. Китайские рабочие в Прикамье // Вестник Пермского университета. – 2013. “ Вып. 3(23).

**Там же.

***Колбас В.С. Любовь к отеческим гробам // <http://perm-necropol.livejournal.com/6773.html>

В двухтысячные годы в частном секторе недалеко от пересечения улиц Мира и Связева появились два трехэтажных дома (таунхаусы), каждый из трех секций, характерной архитектуры, напоминающей Прагу или Амстердам. Еще недавно они были видны с улицы Связева, но сейчас загорожены частными магазинами и высоким забором. Появится ли у кого-нибудь желание дать им название? Покажет время.

А вот пристальное внимание жителей Балатово к Парижу появилось вновь.

В 2009 г. в городе снова появился кусочек Франции. Metallургический торговый дом «МагПермМет» установил перед зданием своего офиса, на ул. Рязанской, 19, точную уменьшенную копию знаменитой на весь мир Эйфелевой башни. Высота этого архитектурного чуда всего 11 метров (настоящая — 324 метра). Пермляки и гости города любят фотографироваться на её фоне.

Предприятие «МагПермМет» затратило на строительство более 7 тонн стали (на башню в Париже — 10100 тонн). Работники считают, что перемещать сооружение неправильно, ведь проект был выполнен для рекламы и частично для украшения окраины города. Проведены работы по освещению мини-башни, что позволило придать ей абсолютное сходство с мировым аналогом.

Добрая традиция создавать уменьшенные копии мировых достопримечательностей известна давно, и Эйфелева башня здесь не исключение. На данный момент самое большое количество таких башен, целых четыре, есть в Китае: в Тиандученге, Шеньжене, Фошане, Ваньсяне. В России установлено три башни: в селе Париж, поселке Уральский, и теперь — в Перми.

Итак, мы задали себе вопрос о происхождении необычных «иностранных» названий общежитий и нашли на него свой ответ. Возможно, у кого-то будут другие ответы, появятся новые имена и новые истории.

НАШ КАЛЕНДАРЬ. К 150-ЛЕТИЮ С.А. ИЛЬИНА

Т.И. Быстрых

ДВЕ ЖИЗНИ ПОЭТА СЕРГЕЯ ИЛЬИНА

В ноябре 1918 г. известный пермский краевед В.С. Верхоланцев записал в дневнике, который называл «краткой летописью» своей жизни:

«24 ноября. Слушал в музее доклады Малаховского «Забытый поэт-пермяк» (С.А. Ильин) и Сыропятова «Каменная баба»*.

Сергей Андреевич Ильин, которому посвящена лекция, — поэт, журналист, музыкант, известнейший в Перми человек, из тех, кого называют обычно «душой общества», — умер в июле 1914-го, всего четыре года назад. Он был сотрудником «Пермских губернских ведомостей», отзывался практически на все события городской жизни:

«Нет, для меня не синекура
Газетная литература:
Писал, не видя в этом зла,
Я и про бритта, и про бура,
И про китайские дела;
Касался фактов жизни местной
И их снабжал в стихе своем
То – аттестациею лестной,
То – назидательным шлепком...»

---

*Верхоланцев В.С. Летопись моей жизни. Январь 1917 г. – 1946 г. Тетрадь № 25 // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. – Пермь, 2010. – Вып. 2. – С. 177.

Вероятно, речь здесь идет о Всеволоде Антоновиче Малаховском (1890—1966) – известном впоследствии ученом-диалектологе, докторе филологических наук. В Перми он оказался в конце 1890-х годов и жил до июля 1919-го. Учился здесь, затем окончил Казанский университет, вернулся и преподавал в пермских гимназиях. В.А. Малаховский активно занимался общественной и просветительской работой, и в октябре 1915 г. был включен в состав Комиссии Пермского научно-промышленного музея по организации публичных лекций, рефератов, а также общественных чтений для народа, созданной при лекционном бюро музея. Пермский музей знакомил жителей с замечательными земляками и важнейшими событиями в истории города. Судя по записям В.С. Верхоланцева, Малаховский был одним из самых популярных лекторов, почти ежедневно выступая перед собравшейся публикой. (ГАПК. Ф. 680. Оп. 1. Д. 111. Л. 1-2; Три века Пермского музея: краткая летопись. 1890—2005. – М.: Художник и книга, 2005. С. 22).

Сергей Ильин участвовал в работе Пермского музыкального кружка, играл в любительских спектаклях, был настоящим театралом. Его знали в Перми не только как поэта и журналиста, но и как актера, дирижера, просто остроумного и веселого человека. Везде и всюду он был «объединяющим началом», и в то же время отличался поразительной скромностью.

Таким людям обычно нелегко живется. И все же почему — «забытый»?

Послужной список С.А. Ильина проследила Т.П. Чуракова, сотрудник Пермского краеведческого музея, обнаружившая в 1990-х гг. в Государственном архиве Пермского края «Дело о назначении коллежскому секретарю Ильину усиленной пенсии» (ГАПК. Ф. 36. Оп. 6. Д. 169).

Сергей Андреевич происходил из старинного рода столбовых уфимских дворян. Он родился в Уфе 23 апреля 1867 года, был старшим ребенком в большой семье. Когда Ильины переехали в Пермь, ему было шесть лет. В 1885 г. он окончил пермскую гимназию и поступил в Казанский университет сначала на медицинский, а потом на юридический факультет, но не закончил курса. По возвращении в Пермь работал в различных учреждениях. В декабре 1891 г. был зачислен в штат канцелярии суда служителем 1-го разряда. Затем служил канцелярским чиновником в государственном банке, в штате Казенной палаты, где произведен в коллежские регистраторы и назначен столоначальником. В сентябре 1899 г. вышел в отставку, затем до июня 1914 г. работал чиновником без должности в штате Пермского губернского правления. Это позволило ему всецело отдаться литературной и журналистской деятельности. 6 июня 1914 г., за месяц до своей смерти, вынужден был подать в отставку по болезни.

Первое стихотворение 13-летнего Сергея Ильина, написанное по случаю 25-летнего юбилея царствования императора Александра II, напечатано в «Пермских ведомостях» в 1880 г. Юный поэт был удостоен Высочайшей благодарности. Сам Ильин считал своим поэтическим дебютом стихотворение «Христова заутреня», которое опубликовал в университетские времена, 5 апреля 1887 г. в газете «Казанские вести». Позднее В.А. Весновский отметил в посвященном ему некрологе, что эти стихи «одобрены были Е.Н. Чириковым*, тогда еще начинаю-

щим писателем и студентом Казанского университета». Этот день — 5 апреля 1887 года — стал началом газетно-литературной деятельности С.А. Ильина, от него и отсчитывали потом 25-летний юбилей, торжественно отмеченный общественностью в апреле 1912 г.

«Завтра, 5 апреля, наступит 25-летний юбилей литературной деятельности сотрудника «Пермских ведомостей» уважаемого Сергея Андреевича Ильина, о чем мы берем на себя приятную обязанность известить его знакомых и читателей его литературных произведений», — так газета открыла юбилейные дни, целый ряд событий, посвященных чествованию поэта, журналиста и общественного деятеля (ПГВ. 1912. 4 апр. (№ 73).

Юбилейные заметки и очерки, посвященные С.А. Ильину, появлялись в течение всего апреля и даже в мае 1912 года, наряду с его собственными статьями — праздничные дни не стали поводом поступиться репортерскими обязанностями. Юбиляру поднесли приветственные адреса от «официальных и многих частных лиц», от меценатов, а также от пермских, екатеринбургских и казанских газет, где он был постоянным автором.

«5 апреля в 3 часа дня, в помещении редакции «Пермских Ведомостей» происходило чествование Сергея Андреевича Ильина, по случаю 25-летия его литературной деятельности.

Скромное семейное чествование, на котором присутствовали знакомые юбиляра, почитатели его таланта и сотрудники «ПВ», открылось прочувственной речью редактора А.И. Перфильева, охарактеризовавшего многолетнее сотрудничество юбиляра в «ПВ» и отметившего высокие достоинства его литературных произведений. Из речей остальных лиц, собравшихся для принесения поздравления юбиляру, особенной искренностью отличились речи старшего советника губернского правления Н.А. Иванова и П.И. Королева, говорившего от лица многочисленных почитателей литературных произведений юбиляра.

Затем были прочитаны приветственные телеграммы от любителей драматического искусства, семейного собрания, от книжного магазина О. Петровской, от А.И. Цветкова и г. Городцова (из Казани), от г. Шулепова и многих других.

В заключение А.И. Перфильевым и М.З. Басоновым-Гольдберг были прочитаны посвященные юбиляру стихотворения г-жи Одуевской и г-на Лопатина.

Ответная речь глубоко растроганного юбиляра дышала той скромностью, которая неизменно сопутствовала С.А. Ильину во всей его жизни и литературной деятельности.

Все чествование носило теплый, задушевный характер.

Весь этот день юбиляру приносились поздравления, причем одним из первых, еще на дому, Сергея Андреевича приветствовал П.Н. Серебренников».

Этот юбилей, бесспорно, стал заметным событием года, не случайно позднее его включили в свои «Летописи Перми» и В.С. Верхоланцев, и В.Н. Трапезников. И надо полагать, эти праздничные дни были большим утешением для поэта. За легкостью характера, постоянной доброжелательностью и радующим собеседников остроумием скрыта трудная жизнь настоящего чернорабочего от журналистики:

*Чириков Евгений Николаевич (1864—1932), прозаик, драматург, публицист, один из писателей-реалистов конца XIX — начала XX вв. Оставил большое литературное наследие, в частности, автобиографическую трилогию «Жизнь Тарханова», которую признают документом эпохи. Прошел путь от участника студенческих волнений в Казанском университете, увлечения марксизмом и звания «неблагонадежного до полного разрыва с «демократическими симпатиями» и эмиграции в 1920 г. в Болгарию, а затем в Прагу. (Русские писатели: биобиблиогр. словарь в 2-х ч. — Ч. 2. — М., 1990).

«Потянулись в Париж россияне,
Золотою мощною звеня.
Нет ли сотни рублёвок в кармане
У меня?
Лишь бы водки купить на дорогу,
А на прочий товар – наплевать!
Ведь не мне привыкать, Слава Богу,
Голодать!
Я не чревом живу – головою.
И обязан, как истый поэт,
Быть семь раз на неделе с нуждою
Tête á tête!...»

В.В. Абашев, известный пермский ученый-филолог, профессор, написал замечательное предисловие к стихам Сергея Ильина в книге «Пермяки. Антология пермской фельетоники» (Фонд «Юртин», 1996):

«Свои фельетоны Ильин подписывал: Little man – маленький человек. Красноречивый псевдоним судьбы, вобравший и прирожденное джентльменство, и артистизм, и благоприобретенную близость всем пасынкам русской жизни, башмачкиным русской литературы.

Потомок старинного дворянского рода, он жил «разночинцем в «заботах о корке хлеба»; щедро одаренный природой и образованием, единственное применение своим талантам нашел в провинциальной газете; поэт с проблесками незаурядного дара, он с литературным блеском описывал дачные хлопоты горожан, думские прения о городском водопроводе и неисправности тротуаров. Судьба не задалась, и незаживающее чувство неудачника всегда сопровождало бойкое перо фельетониста-острослова. В этом соль, острый лирический подтекст его легкого фельетонного жанра...»

И все-таки у Сергея Ильина была возможность проявить свой талант и в более серьезных жанрах. Так, есть сведения о том, что в 1904—1905 гг. он в качестве поэта-переводчика принял участие в подготовке к изданию «Полного собрания сочинений» Д. Байрона под редакцией С.А. Венгерова, переводил стихи «К Томасу Муру», «К моему сыну» и др.* К сожалению, эта страница жизни Ильина мало изучена. Когда и по чьей инициативе он включился в эту работу? Почему об этом не упоминают его биографы, в частности, В.А. Весновский? В общем, здесь широкое поле для исследовательской деятельности.

В 1913 г. Сергей Ильин написал «Песню о ныробском узнике» – самое большое свое произведение, с прологом и эпилогом. Ныробский узник – боярин Михаил Федорович Романов, привезенный в 1601 г. по приказу Бориса Годунова в Ныроб, где он был заточен в яму и через год умер в мучениях. Поэма посвящена сыну Нико-

лая II, цесаревичу Алексею, за что автор удостоен благодарности императрицы Александры Федоровны. Так Ильин получил вторую Высочайшую благодарность.

Юбилейные торжества Сергей Андреевич встретил уже больным человеком, у него развивался туберкулез. Из статьи «Памяти С.А. Ильина»:

«Уже тогда здоровье С.А. было неважно; одной мечтой его было съездить куда-нибудь на юг, отдохнуть, набраться сил и служить с большей энергией и интенсивностью любимому делу. Но желания покойного не осуществились, а тяжелый недуг все более и более подтачивал его здоровье, лишая сил...»

Последнее стихотворение Ильина «Под роскошной природою юга», продиктованное сыну Алексею в палате Александровской земской больницы, — настоящий гимн недоступному для него «целебному морскому воздуху»:

«Под роскошной природою юга
Среди пышных цветов и листья
Про больного, далекого друга
Неужели не вспомните вы?
Здесь, где солнце и летом сурово,
Где скупится оно на привет,
Где дыханье весны не здорово,
Где целебного воздуха нет...»

В апреле 1914 г. Ильину исполнилось 47 лет. Легко ли было умирать в таком возрасте! Стихотворение называют «лебединой песней» поэта, оно опубликовано в «Пермских ведомостях» 26 июня 1914 г.

13 июля 1914 г. Сергей Андреевич скончался, после его смерти остались двое детей, дочь и сын. В дни прощания с поэтом снова, как в дни его юбилея, имя С.А. Ильина присутствовало в каждом номере «Пермских ведомостей». В.А. Весновский написал очень теплый и содержательный некролог, подчеркнув, что он содержит биографические сведения, «переданные пишущему эти строки незадолго до кончины» самим Сергеем Андреевичем. Позднее некролог был опубликован и в «Адрес-календаре Пермской губернии» на 1915 год.

Весновский же подробно рассказал о прощании с Ильиным, о похоронной процессии:

«...Отпевание происходило при хоре студентов и товарищей покойного. По пути следования к месту вечного упокоения Сергея Андреевича все время присоединялись к процессии и к певчим новые лица. Когда похоронная процессия подходила к зданию губернского правления, где помещается редакция Пермских ведомостей, то толпа возросла до того, что она запрудила Сибирскую улицу. Ко времени совершения литии присоединился еще хор из студентов и любителей.

Соединенный хор похоронную процессию сопровождал до могилы. Приятно отметить, что проводить прах С.А. Ильина, несмотря на очень раннее время, собрались лица всех сословий, званий и положений.

*http://az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_0390.shtml

...Большая толпа знакомых и друзей Сергея Андреевича после того, как накрылась крышка гроба, в немом молчании, без всяких речей, еще долгое время стояла над выросшим свежим холмом. Затем, в молитвенном благоговении, отдавши последнюю дань усопшему, все мало-помалу стали расходиться. Осталась одна могильная насыпь с деревянным крестом, на котором написано:

Сергей Андреевич Ильин. Скончался 13 июля 1914 г. 47-ми лет. Не забудем его!» (Пермские ведомости. 1914. 17 июля (№ 154).

По просьбе жены и друзей больного поэта в Министерство внутренних дел было направлено прошение Пермского губернатора «О назначении отставному коллежскому секретарю Сергею Ильину усиленной пенсии по 400 рублей в год»:

«...При этом докладывали мне, чиновник Ильин материально совершенно не обеспечен и в испрашиваемой пенсии крайне нуждается не только для дальнейшего существования, но и для лечения его болезни; причитающаяся ему по закону пенсия настолько незначительная, что ее, при нынешней дороговизне жизни, не хватает даже для найма квартиры...»

Решение о назначении пенсии принято, но уже после его смерти, в ноябре 1914 г.

С.А. Ильин был похоронен на Новом кладбище. Сразу же «Пермские ведомости» объявили сбор средств на памятник и начали публиковать сведения о поступлении денег. Инициатором акции стал Г. Кобяк:

«Прилагаю при сем 25 рублей, покорнейше прошу редакцию принять мою лепту для сооружения надгробного памятника на могиле безвременного талантливого, редкой души, незлобивого человека – друга, Сергея Андреевича Ильина. Лычу себя надеждой, что уважаемая редакция не откажет в своем любезном содействии для дальнейшего сбора на достойный памятник скромному труженику пера».

(Пермские ведомости. 1914. 16 июля (№ 153).

В Перми до наших дней сохранился дом, где в последние годы жила семья Ильиных (ул. Екатерининская, 8). А вот место захоронения со временем было потеряно, тяжелый памятник провалился под землю, и могила оказалась безымянной. Через два года после смерти, в 1916 г. в «Пермских ведомостях» появилась теплая статья в память о С.А. Ильине, автором которой была Н.П. Одуевская, племянница Д.Д. Смышляева и начинающая поэтесса. А спустя еще два года – в 1918-м – он был уже безоговорочно объявлен «забытым поэтом».

В 1925 г. П.С. Богословский, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Пермского университета, председатель возрожденного им Кружка по изучению Северного края, редактор «Пермского краеведческого сборника», опубликовал в журнале «Экономика» статью «Пермский край в историко-литературном отношении», включив в нее краткие сведения о наиболее значительных

писателях и литераторах, занявших прочное место в истории и культуре края и заслуживающих серьезного изучения. В этот перечень включен и С.А. Ильин:

«В девяностых годах в Перми выявляют себя Ильины: один даровитый поэт, другой – беллетрист и публицист. 5 апреля 1912 года исполнилось 25-летие литературной деятельности поэта Сергея Андреевича *Ильина*. В 1905 году вышли из печати в отдельном издании его стихотворения»*.

«Другой Ильин», беллетрист и публицист, – это младший брат Сергея Андреевича, Михаил Андреевич Ильин, взявший себе литературный псевдоним «Осоргин». В это время его уже не было в России, и трудно представить себе, что Богословский мог этого не знать. В наши дни Михаил Осоргин широко известен как писатель, видный представитель русского зарубежья. Он родился в Перми в 1878 г., здесь окончил гимназию и поступил в Московский университет. С тех пор приезжал в родной город на каникулы и на время прекращения занятий по причине студенческих волнений. Все эти годы он поддерживал связь с редакцией «Пермских губернских ведомостей», публиковался в газете, находясь в Перми, присылал корреспонденции из Москвы. В 2003 г. эти «Московские письма» изданы, и составитель книги Е.Г. Власова справедливо отмечает, что Осоргин был в то время еще очень далек от того спасительного образа российской глубинки, который будет создан им в мемуарной прозе. Пермь периода *Московских писем* – это пыльный, грязный городок, в ее образе больше фельетонных ноток, чем сентиментально-ностальгических:

«Пермь обладает способностью наводить тоску. Приедешь, поживешь недельку-другую, и начинает тебя тянуть вон из города, куда-нибудь подальше, на лоно природы, где нет ни правильно распланированных улиц, ни велодрома, ни сада Общественного собрания, по единственно освещенной аллее которого тянется бесконечная вереница скучающих обывателей. Подальше от этих казенных зданий, чиновников с кокардами, женщин, одетых в темные цвета и падких до всевозможных слухов и сплетен» (ПГВ. 1901. 8 июля).

В общем-то, обычные размышления молодого человека, уехавшего из провинциального города в столицу и вернувшегося через год на летние каникулы. Позднее, из невозвратной эмиграции, Пермь виделась уже по-другому:

«Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции, в деревянном доме, окруженном нечитанными десятинами, никогда не знавшими крепостного права, и что голубая кровь отцов окислилась во мне независимыми просторами, очистилась речной и родниковой водой...»

---

*Богословский П.С. Краеведение. Пермский край в историко-литературном отношении: (некоторые материалы) // Экономика. – 1925. – № 2-3. – С. 58.

Никто из российских литераторов не писал о Перми теплее, содержательнее, благодарнее.

«В моих детских воспоминаниях, — писал Михаил Осоргин в автобиографической книге «Времена», — отец и мать заслоняют сестер и брата: вероятно, потому, что я был на десять лет моложе брата и на четыре — младшей сестры; между мною и ими была пустота, образовавшаяся смертью двухлетнего Вани, и я был слишком маленьким для их компании. Многие соединило нас позже, уже в годы взрослости, но и это оборвалось на перекрестке дорог: моя — увела меня на Запад».

В отличие от «идеально беспартийного», по словам В.А. Весновского, Сергея Ильина, Осоргин рано определился со своими политическими взглядами. В годы первой русской революции был арестован и заключен в Таганскую тюрьму. Здесь узнал о смерти матери, и до конца дней считал себя виновным в этом. Вскоре пришлось с помощью друзей уехать в эмиграцию, в Италию. Вернувшись, он сумел в последний раз побывать в Перми — в качестве корреспондента на открытии университета в 1916 г. А после революции 1917 года оказался в оппозиции уже к советской власти, по его собственным словам, пришлось «повалиться на заплыванном полу ВЧК». В 1922 г. М.А. Осоргин, уже известный журналист, писатель и общественный деятель, был выслан из страны в составе большой группы научной и творческой интеллигенции на печально знаменитом «философском пароходе». Михаил Андреевич умер в 1942 г. во Франции, где и похоронен. В родной стране и в родном городе познакомились с его книгами только в конце 1980-х годов, во времена перестройки.

Таким образом, забытыми — или, точнее сказать, — исключенными из повседневной литературной и культурной жизни Перми — оказались оба брата, но по разной причине. Творческая, писательская жизнь М.А. Осоргина проходила не просто за границей, а за «железным занавесом». Стоило занавесу упасть — и мы естественным образом оказались в общем огромном литературном мире.

С.А. Ильин никуда не уезжал — жил в Перми, о Перми писал, здесь и упокоился навечно. И четыре года — это слишком мало для того, чтобы включить столь известную в городе личность в разряд «забытых». Конечно же, дело здесь не столько в творчестве Сергея Ильина, сколько в радикальных переменах, происшедших в обществе за эти годы: мировая война, две революции, смена государственного строя, затем гражданская война. Можно смело сказать, что к концу 1918-го года городское общество в Перми изменилось совершенно. Здесь появился университет, о чем мечтательно писал когда-то в стихах Ильин, с преподавательским коллективом, состав которого он никак не мог представить себе в то время. По разным причинам, в том числе, спасаясь от репрессивной политики новой власти, в

Перми оказались профессора из Москвы, Петербурга и других мест, чьи громкие имена могли оказать честь любому университетскому городу. Стоит ли напоминать о том, что спустя месяц после посвященной поэту лекции В.А. Малаховского — 24 декабря 1918 г. — город заняли колчаковцы. До спокойной, устоявшейся жизни в прифронтной Перми было еще очень далеко.

Естественно, что поэт-фельетонист, чье творчество полностью связано с конкретным городом, принадлежит тому времени, когда он жил и творил. «Железного занавеса» в данном случае не было, — установились другие границы: город жил в советском времени, а Сергей Ильин остался в «дореволюционном прошлом». И это прошлое следовало отныне изучать и пропагандировать только по определенным правилам, по строгой методике. Краеведение поставили в жесткие рамки. Известный пермский журналист И.Г. Остроумов писал в 1930 г.: «Старые краеведы, занимающиеся темами гуманитарного характера..., объявляются даже не имеющими права на звание краеведов...» (ГАПК. Ф. р-72. Оп. 1. Д. 80. Л. 3).

В стране изменилось не только государственное устройство, но и отношение к городской жизни, к быту, существовавшему до революции 1917 года. Для чтения и изучения были отобраны, прежде всего, писатели-демократы, разночинцы, справедливо считавшие в то время своей задачей выявление недостатков в жизни родного города.

«Яркую» характеристику дореволюционной Перми дал писатель М. Слонимский, находившийся здесь в эвакуации в годы Великой Отечественной войны:

«...Богатырей Пермь не рожала. Город, построенный для государственного удобства, для надзора над дальним и прибыльным краем, город узкогрудых, узколобых, малорослых чиновников, упрямых, ленивых и грубых, недолюбливал и побаивался богатырей, предпочитая видеть их в рабстве или в окопах.

Тот, кто хочет знать историю края, пусть не очень спотыкается о прежнюю Пермь, а прямо идет в древнюю Чердынь, в Соликамск, в Осу, Кунгур, Верхотурье, Кудымкар, вглубь области, в горы и предгорья. Там историю боронила земля, там шли богатырские дела, там копились силы, подступая к Перми и охватывая ее солеварями, старателями приисков, могучими охотниками, кизеловскими шахтерами, горнозаводскими работниками.

Пермь была тормозом и тюрьмой. Но уже рожденный казной Мотовилихинский завод под самым городом растил племя богатырей. С местными богатырями соединились богатыри, которых ссылали сюда на подвиги Петербург.

Даже тараканы в Перми были умнее городских заправил. История Перми с уважением поминает о тараканах, за неделю до знаменитого пожара 1842 года вышедших из города на Слудку. Тараканов в Перми было такое изобилие, что желтых от тараканьих толп стали пути на Слудку.

Исход тараканов из Перми совершился за несколько дней до пожара. Почуввав в необычной сентябрьской жаре неизбежность пожара, и зная, с какими начальниками им приходится иметь дело, тараканы покинули Пермь, и город вспыхнул.

Пермские хозяева, как об этом заранее догадались тараканы, не смогли, конечно, потушить пожар, и когда тараканы вернулись на прежние места, то многих домов не досчитались, и пришлось им селиться потесней, чем прежде.

Через 17 лет город еще раз горел. Но властвовать в нем остались все те же унылые чиновники, на которых удивлялся еще сосланный сюда при Александре I Сперанский. Эти чиновники и в огне не сгорели, и в Каме не потонули. А главное – они были не способны поумнеть. В Перми даже землетрясение было однажды, но из чиновников никто не стал любознательнее, чем прежде. Эти существа боялись выхода в широкий мир, глухо рычали на всякого нового человека и придумывали самые хитроумные способы прекращать все, что грозило опасностями культуры, фантазии и даже самой обыкновенной чистоплотности. Сердца их были так же узки, как и черепа. Чиновники здесь принадлежали скорей к мертвой природе, чем к живой.

Пермь была самым чиновничьим городом из всех русских городов, и медведь в гербе Пермской губернии для Перми никак не годился. В гербе старой Перми естественней был бы таракан*.

И это ведь не от желания нанести пермякам обиду, совсем наоборот — подчеркнуть, как изменился город за годы советской власти, каким стал современным и замечательным. Даже имя у него с 1940 года было новым – Молотов!

Облик дореволюционной Перми, какой описывал её Ильин, — с театрами, «опероманами», концертами музыкального кружка, велодромами и гуляньями по набережной, библиотеками и богатством краеведческой литературы, с наличием интереснейшей периодики, где блистал не один только Сергей Ильин, — никак не вписывался в картину свершившихся революционных преобразований. Маленький, пыльный, жалкий городишко, в котором поэт-фельетонист находил почему-то массу привлекательного. Более того, он не собирался ничего менять, не был революционером и борцом с социальной несправедливостью. Обличал городские власти, но не так чтобы очень сильно, не призывая свергнуть.

Прошло не так уж много времени после войны, и было принято решение исключить из фондов массовых библиотек всю краеведческую литературу, изданную до 1917 года, оставить эти книги только в областных и специализированных библиотеках. Бытовая, повседневная история дореволюционной Перми отошла в прошлое, забылась.

И все же, несомненно, стихи и фельетоны Ильина рано или поздно были бы востребованы учеными – как одно из интересных направлений региональной литературы. Так, собственно, и произошло, когда наступили перестроечные времена и филологи принялись изучать литературное прошлое Перми, открывая все новые и новые имена, в том числе, и в пермской фельетонистике: В.Я. Кричевский, А.Н. Скугарев и многие другие. Представители ученого мира и мес-

тные литературоведы естественным образом включили эти стихотворные фельетоны в «пермский текст». Сергея Ильина взметнула и вынесла на поверхность — не из небытия, а уже из этого ряда — триумфальная слава вернувшегося в Россию Осоргина.

Новый статус – брата известного писателя, видного представителя русского зарубежья – вызвал интерес не только к его творчеству, но и к его личности, к биографии, к малейшим событиям в его жизни. Читатели и исследователи взглянули на поэта новыми глазами, и здесь нет ничего необычного и обидного для поэта, подобных примеров в русской литературе множество. Вот, к примеру, несколько биографических справок из словаря «Русские писатели» (М., 1990): «Пушкин Василий Львович – поэт. Дядя А.С. Пушкина»; «Чехов Александр Павлович — прозаик, публицист, мемуарист. Старший брат А.П. Чехова». Такая же судьба постигла и С.А. Ильина, любая из многочисленных публикаций о нем теперь, как правило, начинается с уточнения – старший брат Михаила Осоргина. При этом значение поэта для нашей истории и литературы ничуть не умалется.

Естественно и то, что практически все исследователи творчества Осоргина поднимали вопрос о взаимоотношениях братьев. Нельзя не заметить того, что у Осоргина, много и тепло писавшего о родителях и сестрах, — о Сергее можно найти лишь краткие упоминания в мемуарной прозе: «Брат был по-настоящему музыкален, немного играл на рояле и обладал прекрасным баритоном при абсолютном слухе...»

Оба брата, в частности, считаются любимцами учителя и поэта Афанасьева, «пермской достопримечательности» того времени; оба оставляют воспоминания о нем, а Осоргин – еще и очерк в мемуарной прозе, и при этом демонстративно не упоминают друг о друге.

«Трудно представить почти семилетнее, с 1897 по 1903 год, сотрудничество М. Осоргина с «Пермскими губернскими ведомостями» без содействия брата, который был тогда ведущим сотрудником редакции, а одно время (в 1901 г.) даже редактировал литературный отдел, — пишет Е.Г. Власова. — Вполне резонным было бы предположить, что во время летних приездов Михаила в Пермь и совместной работы в редакции ПГВ братья также общались. Прямых свидетельств этого общения не осталось»*.

О.Г. Ласунский, которого по праву считают инициатором возвращения имени Михаила Осоргина на родину в конце 1980-х годов, в предисловии к его сборнику «Мемуарная проза» (Пермь, 1992) сообщает:

«В течение всей своей кочевой жизни М.А. Осоргин как некую реликвию хранил в архиве один из первых художественных опытов Сергея – поэму-балладу «Песня о ныробском узнике», на которой была весьма одобрительная пометка какого-то гимназического наставника».

*Власова Е.Г. Пермский поэт Михаил Афанасьев: общая память братьев Ильиных // Михаил Осоргин: художник и журналист. – Пермь, 2006. – С. 132-149.

*Слонимский М. Председатель горсовета. – Молотов, 1943. – С. 36-38.

Скорее всего, эта поэма была передана кем-то Осоргину во время поездки его в Пермь в 1916 году. Кем, в каком виде? Как много неразрешенных до сей поры вопросов!

Причин очевидного раздора между братьями выдвигается несколько, и все они кажутся достоверными. Возможно, все дело в рано сформировавшемся оппозиционном отношении Михаила Осоргина к власти и непоколебимой аполитичности Сергея Ильина. Тем более что следствием увлечения «политикой» стала смерть матери, страшно переживавшей за младшего сына. Спустя столько лет вряд ли удастся это выяснить. А жаль. Есть загадки, которые очень хотелось бы когда-нибудь разгадать.

Так, в 1906 г. Осоргин в качестве политического беженца оказался в Италии. С лета 1909 г. он стал представителем российской комиссии, организовывающей экскурсии русских учителей в различные европейские страны (так называемая комиссия Бобринской), и в течение шести лет знакомил с Италией учителей, в основном, из российской глубинки. В 1914 г. В.С. Верховланцев с группой учителей принял участие в заграничной экскурсии Бобринской и побывал в Италии. Он отмечает в дневнике:

«1 июля. Объезжали остров Капри на лодке. Вечером жуткое и таинственное посещение храма Митры. Мих. Андр. Ильин (Осоргин).

4 июля. Обзор Рима. После обеда – Яникульский холм. Беседа Осоргина».

Что следует из этих записей? В.С. Верховланцев, вне всякого сомнения, был знаком с Сергеем Ильиным. Его знали в Перми все, а Верховланцев — учитель, краевед — к этому времени стал автором двух популярных книг о Перми. Он постоянно бывал в театре, в музее, был настоящим общественником. И конечно же, знал о том, что поэт болен, умирает прямо в эти дни в Александровской больнице. Судя по всему, знал и Осоргина, маловероятно, чтобы тот сам представился экскурсантам как Ильин. И что же, они разговаривали? О чем? Узнал ли Осоргин о скорой смерти брата? Знал ли до этого? Безумное сожаление вызывает иногда эта сверхкраткая манера Верховланцева вести дневники!

Одним словом, загадок много, много работы у литературоведов и краеведов. Хотелось бы, например, добраться до метрических книг в Уфе, документально подтвердить некоторые даты из жизни поэта.

И все же сделано за эти годы много, издана целая библиотека книг, посвященных семье Ильиных. В Перми неоднократно издавались мемуарные очерки М.А. Осоргина, проводились научные конференции и специальные «Осоргинские чтения», написаны десятки статей. Огромный вклад в изучение творчества Осоргина и его «пермских корней» внесли ученые Пермского государственного универ-

ситета (ПГНИУ). Силами лаборатории литературного краеведения и Фонда «Юрятин» подготовлены и изданы два прекрасных сборника – «Пермяки» и «Прогулки по старой Перми», антология пермской городской фельетонистики конца XIX — начала XX века, где опубликованы и стихотворные фельетоны С.А. Ильина.

Кандидат филологических наук Е.Г. Власова провела серьезное исследование этого жанра. По ее мнению, в «Пермских губернских ведомостях» в конце 1890-х гг. произошел настоящий переворот, связанный с появлением в рубрике «Маленький фельетон» нового для провинции жанра – стихотворного фельетона, и первым автором его стал С.А. Ильин. Несмотря на то, что в Перми появились последователи этого жанра, Ильин остался его непревзойденным мастером.

В Пермском краеведческом музее в 1993 г. открыта мемориальная комната «Михаил Осоргин. Жизнь и творчество», где представлены, в том числе, семейные реликвии и фотографии. И, наконец, 18 октября 1996 г. на улице Сибирской, 13, на здании бывшей мужской гимназии, где учился Осоргин, открыта мемориальная доска в его честь. Внесли свой вклад и пермские краеведы. Под руководством председателя городского клуба В.Ф. Гладышева краеведческому сообществу удалось в 2005 г. отыскать на Егошихинском кладбище безымянную могилу С.А. Ильина. Вновь начался сбор средств на памятник поэту, и 19 октября 2005 г. памятник был установлен и освящен.

Самым большим «даром перестройки» считал О.Г. Ласунский возвращение на родину творчества Михаила Осоргина. Это действительно так, если учесть все его последствия. Пермяки обрели не только новые произведения, посвященные родному городу. Жизнь каждого человека – это целый мир. А открывшаяся нам вдруг жизнь большой семьи, большого дома, где все обитатели крепко связаны не только бытом, но и любовью, творческими, духовными узами; где радости, страдания и разлуки тесно переплелись с историей страны, помогая нам, столетие спустя, понять и ощутить дыхание, «шум времени», — это бесценный дар. Замечательно, что мы сумели им распорядиться.

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ ИЛЬИН И ЕГО СЕМЬЯ **Уточнение к биографии поэта по документам ГАПК**

«Во мраке жизненном, в борьбе существованья,
Ты сохранил, поэт, ниспосланный талант.
Ты закалил его в горниле испытанья
И блещет он теперь, как дорогой брильянт...»
*Н.А. Лопатин*¹

В 2017 г. исполнится 150 лет со дня рождения нашего замечательного земляка Сергея Андреевича Ильина. Летописец Перми В.С. Верхоланцев писал:

«Начало появления в Перми периодической печати нужно отнести к 1836 году, когда впервые в Перми появляется официальный орган «Пермские губернские ведомости». Сначала они представляли из себя исключительно официальные сведения, а впоследствии к ним был присоединен и неофициальный отдел, состоявший большей частью из неофициальных статей по истории Пермского края. В восьмидесятых годах прошлого столетия деятельными сотрудниками неофициального отдела являются Д.Д. Смышляев и А.А. Дмитриев. ... Но особенно «Пермские губернские ведомости» оживляются с ноября месяца 1894 года, когда по инициативе начальника Пермской губернии П.Г. Погодина происходит их коренная реформа. С этого времени они ... становятся в ряд лучших провинциальных газет ... К сотрудничеству в газете привлекаются лучшие литературные силы губернии. Так, начинает выступать местный даровитый поэт С.А. Ильин, интересные фельетонисты Кричевский и Скугарев, местный историк А.А. Дмитриев, преподаватель гимназии Синицын...»².

Малой родиной дворян Ильиных была Уфа. Уфимский краевед Я.С. Свице рассказывает нам о местах родного ей города, связанных с представителями этого старинного рода:

«В середине XIX века уфимские дворяне Ильины или жили в приходе Александровской церкви, или являлись ее прихожанами по сословию, так как храм считался «дворянским». В Александровской церкви были крещены младшие и бракосочетались старшие дети Федора Александровича и Надежды Львовны Ильиных. В Александровской церкви прошло отпевание деда Михаила Осоргина (Я.С. Свице интересуется младший брат Сергея Андреевича – Н.К.) — коллежского асессора Федора Александровича Ильина, скончавшегося в 1847 году... В Уфимской гимназии учился отец Михаила Осоргина — Андрей Федорович Ильин, учились его братья Николай и Владимир (кроме братьев, у Андрея Федоровича, по данным Я. Свице, были сестры – Людмила, 1843 г.р., в замужестве Резанцева, и Александра, 1847 г.р., в замужестве Липницкая, — Н.К.).

Кроме того, в 1863—1865 гг. директором гимназии являлся дед писателя со стороны матери — Александр Степанович Савин. По всей видимости, семья Савиных в эти годы жила в директорской квартире, которая располагалась в одном из флигелей гимназии. Здание гимназии сохранилось (ул. Заки Валиди, 47)»³.

Интересующий нас сегодня Сергей Андреевич Ильин родился 23 апреля 1867 г. в Уфе. По каким-то причинам с датой рождения поэта произошла путаница, существовавшая до недавнего времени. Еще в 1912 г., когда отмечали 25-летний юбилей творческой деятельнос-

ти Сергея Андреевича, его коллеги в «Пермских ведомостях» написали: «Уроженец Уфы (родился С.А. 23 апреля 1868 г.), юбиляр живет в Перми с 1872 г.»⁴.

Сергей Андреевич, будучи человеком чрезвычайно скромным, когда это касалось лично его, на этой ошибке не заострил внимания. Предположу, что, возможно, по этой причине и дата на памятнике поэту, установленному через год после его смерти, тоже оказалась ошибочной.

Однако из сохранившейся в документах Государственного архива Пермского края выписке из метрической книги Спасской церкви г. Уфы за 1867 г. следует, что в этом году «...Апреля двадцать третьего числа у Титулярного Советника Андрея Федорова Ильина и законной жены его Елены Александровой, оба православные, родился сын Сергей, которого крестили Мая четырнадцатого числа. Восприемниками были Коллежский Секретарь Петр Григорьев Резанцев (по данным уфимского краеведа Я.С. Свице, муж сестры А.Ф. Ильина – Н.К.) и вдова Коллежская Ассесорша Надежда Львова Ильина (бабушка новорожденного — Н.К.)».

Крестил и имя нарекал Священник Ипполит Подбельский. Выдано свидетельство было из Уфимской Духовной Консистории 3 сентября 1876 г. по прошению коллежского советника А.Ф. Ильина⁵. Церковь сохранилась до наших дней.

Титулярный советник Андрей Федорович Ильин происходил из потомственных дворян. Родители его прежде имели 950 десятин земли в Уфимской и Самарской губерниях. Воспитывался он в Императорском Казанском Университете, где окончил полный курс наук по юридическому факультету со степенью кандидата, на которую получил из правления Казанского университета свидетельство от 16 июня 1858 г. за № 344.

Как следует из найденного формулярного списка Андрея Федоровича Ильина, службу он начал столоничальником Оренбургского губернского правления 17 ноября 1858 г. Любопытно, что по предписанию начальника губернии от 27 января 1863 г., А.Ф. Ильину было поручено «заведывание памятной книжкой Оренбургской губернии, изданной на 1863 г.» По предложению того же начальника губернии, 3 мая 1863 г. А.Ф. Ильин был назначен цензором неофициальной части губернских ведомостей, обязанность которого исполнял до января 1865 г. Служебная карьера Андрея Федоровича Ильина до его приезда в Пермь складывалась довольно успешно: очередные чины за выслугу лет ему не задерживались, не раз он получал за

свою работу дополнительные денежные вознаграждения и знаки отличия, а 8 августа 1865 г. «за отлично-усердную службу» чиновник А.Ф. Ильин был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени⁶.

В Пермь семья Ильиных, переехала в 1873 г., когда приказом по ведомству министерства юстиции от 20 апреля 1873 г. чиновник А.Ф. Ильин был назначен товарищем председателя Пермской палаты уголовного и гражданского суда⁷. На момент переезда в Пермь Андрей Федорович Ильин был женат на дочери коллежского советника Александра Степановича Савина – Елене Александровне. Кроме старшего сына Сергея, в семье Ильиных уже подрастали дочери — Ольга, родившаяся 4 апреля 1869 г., и Вера, родившаяся 17 января 1872 г.⁸. Уже в Перми в семье Ильиных родились: Нина — 18 мая 1874 г.⁹, Иван — 21 октября 1876 г.¹⁰ и Михаил — 7 октября 1878 г.¹¹ (ранее об этом писала Т.П. Чуракова¹². Иван умер 14 ноября 1878 г. в возрасте двух лет от крупа¹³.

Уже 22 декабря 1873 г., при преобразованиях в Пермском суде, А.Ф. Ильина утвердили только членом Пермского окружного суда. В начале следующего года, 7 февраля 1874 г., Андрей Федорович Ильин был произведен за выслугу лет в коллежские советники, и только спустя почти 18 лет, в январе 1892 г., приказом по министерству юстиции, был «произведен за выслугу лет в статские советники, со старшинством, с 17 ноября 1876 г.»

С чем была связана такая задержка в получении чина, мы можем только предполагать. Ведь согласно его служебным документам, наказаниям и взысканиям А.Ф. Ильин во время службы не подвергался. Справедливости ради следует отметить, что в Перми он был «Всемилоостивейше пожалован в 1-й день Января 1879 года орденом Св. Анны 2-й степени».

12 июня 1885 г. старший сын Ильиных, Сергей Андреевич Ильин окончил курс Пермской мужской гимназии, получив аттестат зрелости за № 683¹⁴. Его сестра Ольга в этот же год окончила курс Мариинской женской гимназии и поступила в дополнительный педагогический класс¹⁵. Уже 26 сентября следующего 1886 г. 17-летняя Ольга вышла замуж за сына умершего титулярного советника Александра Разевига, 35-летнего Владимира-Константина-Фридриха Александровича Разевига. Свидетелями по жениху выступили Пермский 1-й гильдии купец Николай Васильевич Мешков и титулярный советник Павел Петрович Писцов, но невесте — действительный статский советник Павел Тихонович Лыкин и действительный статский советник Матвей Павлович Богданович¹⁶.

Сергей Андреевич 19 августа 1885 г. поступил в число студентов юридического факультета Императорского Казанского университета. По постановлению правления университета от 16 октября 1890 г.

С.А. Ильин из числа студентов Казанского университета был уволен. Поскольку с 10 февраля по 10 июня 1886 г. он пользовался казенной стипендией от Пермской губернии, то обязан был прослужить «по назначению Начальства шесть месяцев»¹⁷.

Из формулярного списка о службе коллежского секретаря С.А. Ильина, составленного по 2 апреля 1905 г.:

«Коллежский секретарь, Сергей Андреевич Ильин, состоит в штате Пермского Губернского Правления... имеет серебряную медаль для ношения на груди на Александровской ленте в память в Бозе почившего Императора Александра III. Содержания не получает. Из потомственных дворян. У него самого и у родителей, у жены имения нет. Обучался в Императорском Казанском Университете по Юридическому факультету, но полного курса не окончил. Постановлением председателя Пермского окружного суда, состоявшемся 5 декабря 1891 г., зачислен в штат канцелярии суда канцелярским служителем 1-го разряда. Постановлением Председателя Суда, состоявшемся 20 мая 1892 г. поручено заведывание 3-м столом гражданского отделения суда на время отпуска заведующего тем столом с 21 мая по 4 июня 1892 г.»¹⁸.

Сухие казенные строки. Просмотрев документы Пермского окружного суда за 1893 г., я увидела в требовательных ведомостях на выдачу заработной платы знакомые фамилии: Андрей Федорович и Сергей Андреевич Ильины. Содержание члена окружного суда А.Ф. Ильина составляло: 1598 рублей в год жалованья (1128 основное и 470 рублей дополнительное для шести членов суда), 470 рублей в год столовых и 480 рублей в год квартирных, всего 2548 рублей в год (не учитывая вычетов)¹⁹. Жалованье Сергея Андреевича в месяц составляло в начале года 20 рублей²⁰, а в октябре уже только 15 рублей в месяц²¹.

К концу года этих фамилий в ведомостях уже нет. Андрей Федорович Ильин умер 26 июня 1893 г.²², а Сергей Андреевич уволен из окружного суда в связи с тем, что 1 декабря 1893 г. был принят канцелярским чиновником Пермского отделения государственного Банка, где служил до 1 июня 1894 г.

Вскоре после увольнения со службы Сергей Андреевич женился на дочери чиновника Зинкевича (в другом документе Зенкевича) Юлии Петровне²³. Вероятно, после свадьбы, молодожены стали жить в деревянном доме, принадлежащем Петру Яковлевичу и Елене Павловне Ильиным, в районе Разгуляя, по адресу ул. Екатерининская, 8.

Нужно отметить, что на сегодняшний день достоверно установлен только этот адрес проживания этой семьи Ильиных в Перми. Были ли Ильины-хозяева и Ильины-квартиранты только однофамильцами, — неизвестно, это тема для отдельного исследования. Однако известно, что при рождении в семье хозяев дома детей в 1902 г.

среди восприемников (крестных родителей) значится и «жена дворянина Юлия Петрова Ильина» (жена С.А. — Н.К.)²⁴. Также известно, что согласно «Списка владельцев недвижимых имуществ г. Перми на 1898 г.», чиновнику Ильину Петру Яковлевичу ранее принадлежал дом 65/33 по ул. Вознесенской в квартале 137 (между Кунгурской и Красноуфимской улицами)²⁵. Уж не там ли жили Ильины ранее? Вопрос этот пока остается без ответа. Известно доподлинно, что и после смерти Сергея Андреевича Ильина его семья жила в известном нам доме по улице Екатерининской, 8.

Вернемся к формулярному списку Сергея Андреевича.

1 января 1895 г. С.А. Ильин вновь был определен канцелярским служителем 1-го разряда в штат Пермской казенной палаты. С 1 сентября 1895 г. назначен помощником бухгалтера 3-го отделения палаты.

17 марта 1896 г. в семье Сергея Андреевича и Юлии Петровны Ильиных родился сын Алексей, о чем есть запись в метрической книге Спасо-Преображенского собора г. Перми:

«17, 21 марта 1896 г. родился Алексей. Родители: потомственный дворянин Сергей Андреевич Ильин и законная жена его Юлия Петровна. Восприемники: присяжный поверенный Валентин Валентинович Грибель, жена присяжного поверенного Магдалина Олимпиаевна Кротова и жена присяжного поверенного Мария Раймундовна Клерикова (начальница Тюменской женской прогимназии — Н.К.)»²⁶.

14 февраля 1897 г. Сергей Андреевич Ильин произведен за выслугу лет в коллежские регистраторы со старшинством, считая с 5 декабря 1893 г.

28 июля 1897 г. ему было поручено заведывание 2-м столом III отделения палаты.

16 Августа 1897 г. произведен за выслугу лет в губернские секретари со старшинством, считая с 5 дек. 1896 г.

С 1 сентября 1897 г. назначен исправляющим должность столоначальника палаты.

Уволен, согласно прошению, по болезни в отставку с 6 сентября 1899 г.

21 сентября 1900 г., согласно прошению, вновь определен на государственную службу в штат правления Пермской казенной палаты канцелярским чиновником.

2 августа 1901 г. произведен за выслугу лет в коллежские секретари со старшинством с 20 декабря 1900 г.

Копия формулярного списка была выдана из Пермского губернского правления Сергею Андреевичу Ильину в 1905 г. для предоставления в Пермскую мужскую гимназию при определении сына Алексея²⁷.

16 февраля 1906 г. умерла мама Сергея Андреевича, Елена Александровна. Для него это стало потрясением. 19 февраля 1906 г. пермские газеты сообщали:

«Вдова статского советника Елена Александровна Ильина 16 февраля, в 3 часа дня, тихо скончалась, о чем с глубокою горестью сын ее извещает знакомых. Вынос тела в 8 часов утра, в воскресенье, 19 февраля. Погребение после литургии на Новом кладбище»²⁸.

В том же номере помещен некролог:

«Е.А. Ильина. Смерть унесла в могилу из нашего общества милую, симпатичную женщину, с доброй душой и чутким сердцем. Это могут засвидетельствовать все, знавшие Елену Александровну, — каждый из ее знакомых, в особенности из близких знакомых, находился под обаянием этой светлой личности. Вдова члена

здешнего окружного суда (одного из старейших) Е.А. Ильина вошла в состав Пермского общества более 30 лет тому назад. Истинно скромная, она скромно прожила свою жизнь. Развитая, образованная, знавшая, как родной, иностранные языки — французский, итальянский, а также польский язык, отчасти английский и немецкий, много и хорошо читавшая, до последних дней жизни следившая за литературой, она всецело посвятила себя воспитанию своих детей.

Когда дети начали самостоятельную жизнь, Е.А., оставшись в Перми, могла уделить свои знания и на долю общества, она приняла участие в «Пермских Ведомостях». Здесь она работала без подписи, не заявляя о себе, столь же скромно, как и жила. Ее переводы для газеты всегда были выбраны с присущим ей вкусом, отличались содержательностью. Она одно время в китайско-японскую войну (в бытность редактором г. Функа) вела в «Пермских Ведомостях» иностранный отдел по специально выписываемым редакцией для этой цели французским газетам: «Petit journal», «Figaro».

В последние 2-3 года жизни болезненное состояние страшно мешало этой полезной, скромной труженице принимать ближайшее участие в газете. И вот пришла неминуемая пора и смертный час ударил!

Погребение сегодня, 19 февраля, на Новом кладбище. Мир твоему праху, скромная труженица!»²⁹

Сергей Андреевич Ильин живо откликнулся на каждое событие, происходившее в нашем городе. Поражает то, что многие его произведения злободневны и сегодня.

5 апреля 1912 г. общественность отметила 25-летие литературной деятельности Сергея Андреевича Ильина. Весь день юбиляру приносили поздравления, «причем одним из первых, еще на дому, Сергея Андреевича приветствовал Павел Николаевич Серебренников», врач и известный в Перми общественный деятель³⁰. Чествование происходило в редакции «Пермских ведомостей». Газета писала:

«25 лет непрерывной работы в провинциальной прессе — это серьезная и крупная общественная заслуга, выпадающая на долю очень немногих работников пера... Все его злободневные стихи изящны, талантливы и остроумны... и вся почти Пермь давно уже знает его и как литератора, и как симпатичнейшего человека»³¹.

Были прочитаны и посвященные юбиляру стихотворения, одно из которых написано Н. Одуевской³²:

«Посвящается С.А. Ильину».

Бывало встарь поэт, посол небес смиренный,

Царил над своенравною толпой:

— Он мог, когда хотел, избранник вдохновенный,

Увлечь умы высокою мечтой,

Смирить мятежный дух, смягчить тоску страданья,

Чаруя всех поэзией своей;

Он мог разжечь в сердцах порыв негодованья,

И за Отчизну в бой вести толпы людей!

Теперь прошла пора поэтов: не желает

Мир слушать дивные напевы прежних дней...

Святую истину он дерзко отрицает,

Каскадный бард ему приятней и нужней!..

В это время Сергей Андреевич Ильин был уже серьезно болен. Еще в мае 1898 г., обращаясь с прошением к управляющему Пермской Казенной палатой, он писал:

«Имею честь почтнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в назначении мне пособия в размере, каковом Ваше Превосходительство сочтет уместным, на излечение болезни, продолжающейся уже два года, усложняющейся прогрессивно...»

На прошении резолюция:

«На 28-дневный отпуск г. Ильину согласен, что касается пособия, то по ограниченности средств пособие может быть выдаваемо лишь при каких-либо острых случаях, требующих острой помощи»³³.

Узнав о таком решении, Сергей Александрович, «не имея средств на поездку для лечения болезни», просит освобождения от обязанностей службы: «...дабы провести это время около станции «Сылва» Пермь-Тюменской дороги, где живет моя семья, и где я надеюсь укрепить телом и отдохнуть душой»³⁴.

Здоровье поэта продолжало ухудшаться. 3 мая 1914 г. врачебное отделение Пермского губернского правления представило свидетельство о состоянии здоровья коллежского секретаря С.А. Ильина, необходимое для ходатайства о назначении ему усиленной пенсии. Препровождая собранные документы, губернатор писал министру внутренних дел:

«...Прошу Ваше Высокопревосходительство об исходатайствовании Ильину усиленной пенсии, в размере 400 р. в год, во внимание об его продолжительной, усердной и безупречной государственной службе, которую он вынужден был оставить вследствие расстроенного здоровья. При этом докладываю, что чиновник Ильин материально совершенно не обеспечен и в испрашиваемой пенсии крайне нуждается не только для дальнейшего существования, но и для лечения его болезни; причитающаяся же ему по закону пенсия настолько незначительна, что ее, при нынешней дороговизне жизни, не хватит даже для найма квартиры»³⁵.

Причитающаяся С.А. Ильину по закону пенсия составляла 28 руб. 59 коп. Пока этот вопрос рассматривался, С.А. Ильин умер. Газеты сообщили: «Сергей Андреевич Ильин скончался 13 июля, в 11 часов ночи, о чем жена и сын извещают родных и знакомых»³⁶.

«...Он был, что называется, душою общества. «Сережа Ильин» — так его звали всегда: он и певец, он и дирижер на танцевальных вечерах, он и неутомимый рассказчик-юморист... Везде и всюду бывал «Сережа Ильин». То он организует футбольные матчи, то, смотришь, он занят шахматным турниром, там он режиссирует комедию Островского. Немного погодя, он занят уже с малышами... И везде решительно он был центром, объединяющим началом... Обладая несомненным даром поэтического творчества, Сергей Андреевич отличался в то же время изумительной скромностью, он не любил создавать вокруг себя и своего имени шумихи...»³⁷.

Проводить в последний путь Сергея Андреевича Ильина, по словам его современников, «несмотря на раннее время, собрались лица всех сословий, званий и положений...». Когда похоронная процес-

сия подходила к зданию губернского правления, где помещалась редакция «Пермских Ведомостей», толпа провожающих загрохотала по Сибирскую улицу. По пути следования к процессии присоединялись все новые лица.

«Большая толпа знакомых и друзей Сергея Андреевича, после того, как закрылась крышка гроба, в немом молчании, без всяких речей, еще долгое время стояла над выросшим свежим холмом... Осталась одна могильная насыпь с деревянным крестом, на котором написано: Сергей Андреевич Ильин. Скончался 13 июля 1914 г. 47 лет»³⁸.

Уже в день похорон Сергея Андреевича в газетах было опубликовано сообщение о начале сбора пожертвований на памятник ему и размещено первое сообщение о передаче «для сооружения надгробного памятника на могиле безвременного угасшего талантливого, редкой души, незлобивого человека, друга» — 25 рублей от Г. Кобяка³⁹.

После этого в газете регулярно печатались сообщения о ходе сбора средств:

«В редакцию «Пермских Ведомостей» поступили пожертвования на памятник С.А. Ильину от следующих лиц: от Н.А. Иванова 3 руб., от Шулеповых 5 руб., от В.И. Ракшинского 1 руб., всего 34 рубля»⁴⁰.

«На памятник С.А. Ильину поступило от г-жи Одуевской 2 руб., от С.С. Вершова 3 руб., с прежде поступившими 41 руб.»⁴¹.

Через год, 13 июля 1915 г. «Пермские Ведомости» сообщали:

«Сегодня исполняется год со дня смерти многолетнего сотрудника «Пермских Ведомостей» Сергея Андреевича Ильина. На могиле покойного будет совершена в 6 часов вечера панихида и освящен памятник, сооруженный на средства его товарищей и почитателей»⁴².

Юлия Петровна Ильина, жена Сергея Андреевича, служила на Пермской железной дороге штатным счетоводом службы пути⁴³. 12 января 1915 г. Пермский полицмейстер докладывал:

«...Означенная Ильина имеет от роду 43 года, у ней имеется сын Алексей, 18 лет, обучающийся в Пермской гимназии, за право учения которого платит Братство Стефана Великопермского; имущество она, Ильина, кроме необходимого платья и домашней обстановки, никакого не имеет, состоит на службе в счетоводстве Службы пути Управления Пермской железной дороги, получает содержания 62 руб. 50 коп. в месяц, из коих платит за квартиру 22 руб. в месяц, а на остальные существует; образ жизни она, Ильина, ведет правильный и, по средствам, скромный, поведения хорошего и права на получение законной части назначенной покойному ее мужу пенсии не потеряла»⁴⁴.

19 декабря 1914 г. стало известно, что покойному С.А. Ильину была назначена усиленная пенсия в 200 рублей, и Юлия Петровна может получать причитающуюся ей часть этой пенсии⁴⁵.

Единственный сын Сергея Андреевича и Юлии Петровны, Алексей Сергеевич Ильин окончил курс в Пермской Александровской гимназии. В составе футбольной команды «Унитас-1», стал в 1914 г. первым чемпионом города по футболу⁴⁶. Играл он и в составе

футболистов «Яхт-клуба» в товарищеском матче со сборной Екатеринбургa, состоявшемся в г. Перми 16 июля 1915 г.⁴⁷. В 1916 г. Алексей Сергеевич Ильин был принят на медицинское отделение физико-математического факультета Пермского отделения Петроградского университета. Плата за право учения в размере 25 рублей была внесена им в Пермское губернское казначейство. Адрес проживания в Перми, указанный им в заявлении о приеме – ул. Екатерининская, дом 8⁴⁸.

Побывав в Москве, в гостях у внучки С.А. Ильина, Маргариты Алексеевны Красюк, журналист и краевед Владимир Федорович Гладышев рассказал о том, как сложилась судьба семьи С.А. Ильина вне Перми.

Алексей Сергеевич, отец Маргариты Алексеевны, унаследовал от своего отца музыкальные способности. Он окончил Томский музыкальный техникум и получил специальность пианиста-иллюстратора (тапера). Дочь вспоминает, что Алексей Сергеевич погиб в 1943 г.

Однако, согласно документам военных архивов, капельмейстер муззвезда второго Томского артиллерийского училища, майор Ильин Алексей Сергеевич, уроженец Молотовской области, умер от болезни 25 апреля 1944 г. в эвакогоспитале № 2494. Он призывался в ряды Красной Армии в 1941 г. из г. Новосибирска. Похоронен в Новосибирске (Новое кладбище, квартал 18, могила № 93). Его жена, Ильина Ольга Михайловна, жила на тот момент в г. Новосибирске по ул. Салтыкова-Щедрина, д. 144. В 1947 г. семья Ильиных проживала уже в Москве⁴⁹. Сведения об Алексее Сергеевиче Ильине есть в 14-м томе «Книги памяти» Новосибирской области.

Юлия Петровна Ильина (жена С.А. – *Н.К.*), по словам внучки, пропала без вести — ушла из дома и не вернулась⁵⁰.

Могила С.А. Ильина на Егошихинском кладбище долгие годы считалась утраченной. Только в 2005 г., благодаря журналисту и краеведу В.Ф. Гладышеву, ее удалось обнаружить и восстановить. 19 октября 2005 г. на общественные средства на могиле был установлен новый памятник. После долгого забвения, вновь вспомнили и о творчестве С.А.Ильина. В 1996 г. пермский фонд «Юртин» издал антологию «Пермяки», куда включена подборка стихотворных фельетонов Сергея Ильина, а в 1998 г. – «Прогулки по старой Перми»; в 2002 г. в издательстве «Пушка» вышел сборник «В лампаде камских вод звезда», где также есть его стихи⁵¹.

Закончить мой рассказ-воспоминание об этом удивительном незлобивом человеке-друге, человеке-патриоте хотелось бы строчками из его стихотворения «Заря» – поддержкой и пожеланием нам, пермякам, добрых перемен:

«...Забрезжил свет зари провинциальной:
Провинция здоровых сил полна,
С сонливостью и косностью печальной
Сознательно сражается она.
Трудна борьба, но свежих сил избыток –
Он превратит в действительность мечту,
Ведь нравственных и материальных пыток
Не струсит тот, кто верит в правоту!...»⁵²

1. *Лопатин Н.А.* С.А. Ильину // ПГВ. — 1912. — 6 апр. (№ 75). — С. 3.
2. *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. — Пермь, 1994. — С. 134-135.
3. *Свице Я.С.* Осоргинские места города Уфы // Дворянский род Осоргиных в истории и культуре России: материалы Всерос. науч. конф., приуроченной в 135-летию со дня рождения писателя и публициста М.А. Осоргина. Уфа, 13 декабря 2013 г. / отв. ред. О.С. Тарасенко. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. — С. 100-126.
4. *Д-н. К юбилею С.А. Ильина* // ПГВ. — 1912. — 5 апр. (№ 74). — С. 3.
5. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 289. Л. 21-21об.
6. Там же. Л. 26об.-27.
7. Там же. Л. 27об.-28.
8. Там же. Л. 24об.-25.
9. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 318. Л. 121об.-122.
10. Там же. Д. 320. Л. 128а об.-129.
11. Там же. Д. 322. Л. 149об.-150.
12. *Чуракова Т.П.* Семья Ильиных в Перми // Михаил Осоргин: художник и журналист. — Пермь, 2006. — С. 130.
13. ГАПК. Ф. 37. Оп.6. Д. 322. Л. 228об.-229.
14. Там же. Ф. 111. Оп.1. Д. 289. Л. 22.
15. *Семченков В.К.* Исторический очерк Пермской Мариинской женской гимназии за 25 лет ее существования (1861—1889). — Пермь, 1888. — С. 101.
16. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 332. Л. 82об.-83.
17. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 289. Л. 22.
18. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 5. Д. 1478. Л. 3об.-4.
19. ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 342. Л. 2.
20. Там же. Л. 42об.-43.
21. Там же. Л. 235об.-236.
22. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 289. Л. 28об.-29.
23. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 5. Д. 1478. Л. 3об.-4.
24. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 899. Л. 73об.-74.
25. Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми. — Пермь, 1898. — С. 58.
26. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 348. Л. 2об.-3.
27. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 5. Д. 1478. Л. 4об.-7.
28. ПГВ. — 1906. — 19 февр. (№ 39). — С. 1.
29. Там же. — С. 2.

30. К юбилею С.А. Ильина // ПГВ. — 1912. — 8 апр. (№ 77). — С. 3.
 31. Д-н. К юбилею С.А. Ильина // ПГВ. — 1912. — 5 апр. (№ 74). — С. 3.
 32. Одуевская Н. Посвящается С.А. Ильину // ПГВ. — 1912. — 6 апр. (№ 75). — С. 3.
 33. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 289. Л. 9.
 34. Там же. Л. 10.
 35. ГАПК. Ф. 36. Оп. 6. Д. 169. Л. 2-2об.
 36. ПГВ. — 1914. — 15 июля (№ 152). — С. 1.
 37. П-в. Памяти С.А. Ильина // ПГВ. — 1914. — 16 июля (№ 153). — С. 2.
 38. Весновский В. Похороны С.А. Ильина // ПГВ. — 1914. — 17 июля (№ 154). — С. 3.
 39. Кобяк Г. На памятник С.А. Ильину // ПГВ. — 1914. — 16 июля (№ 153). — С. 3.
 40. Хроника. На памятник С.А. Ильину // ПГВ. — 1914. — 19 июля (№ 154). — С. 3.
 41. Хроника. На памятник С.А. Ильину // ПГВ. — 1914. — 22 июля (№ 158). — С. 3.
 42. К годовщине со дня смерти С.А. Ильина // ПГВ. — 1915. — 13 июля (№ 185). — С. 2.
 43. Справочная книга «Вся Пермь» на 1911 г. — Пермь: Изд. И.И. Мацкевича, 1911. — С. 49.
 44. ГАПК. Ф. 36. Оп. 6. Д. 169. Л. 8-8об.
 45. Там же. Л. 7.
 46. Кожаный мяч, трибуна и поле / И. Рогожников, С. Онорин, М. Виногоградова, С. Слюсарев. — Пермь, 2008. — С. 22.
 47. Там же. С. 28.
 48. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 5. Д. 1478. Л. 8.
 49. Сайт ОБД «Мемориал» <https://www.obd-memorial.ru/>
 50. Гладышев В.Ф. Старший брат //Звезда. — 2006. — 18 авг.
 51. Красноперов Д.А. Литературная память Перми. — Пермь, 2010. — С. 90.
 52. Ильин С. Стихотворения. — Вып. 1: Лирика и на злобу дня. — Пермь, 1905. — С. 139.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

А.Б. Кудымов

ЧАСЫ НА КОЛОКОЛЬНЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО СОБОРА

Вниманию читателей предлагается весьма любопытный и информативный по своему содержанию архивный документ о первых городских часах на колокольне Петропавловского собора г. Перми. В нём прямым текстом говорится о существовании таких часов «с самого открытия Пермского наместничества» и констатируется факт нахождения и перехода этих часов, как сейчас говорят, на баланс Мотовилихинского завода с 1787 г. Это произошло, очевидно, после прекращения действия в 1786 году Ягошихинского завода «за истощением руд» и его окончательной ликвидации в 1788 г.

Документ подтверждает факт рабочего состояния часов в начале 1810 года, их функционирование, если можно так выразиться, в качестве одного из внешних и системообразующих атрибутов общественной жизни завода и города. К тому же документ частично повествует об истории самих часов и даёт их краткую характеристику. Здесь же содержатся своеобразные «подсказки» для потенциальных исследователей по возможным направлениям научного поиска по данному предмету изучения.

При этом, конечно, нельзя исключать возможности появления неточных и недостоверных сведений в источнике о возрасте и дате установки первых пермских городских часов, ибо эти сведения за «30-40 лет» вполне могли быть подзабыты или вовсе стереться из памяти современников или людей, живших позднее того периода времени. Уточнения по делу были бы вполне уместны и полезны.

Одним из первых из исследователей истории пермских городских часов стала О.А. Мельчакова¹. Она приводит интересные сведения и даёт краткий анализ источников, хотя и есть некоторые разночтения с документами, появившимися позднее. Впереди дальнейшая разработка темы.

Какие именно часы были или считались «городскими»?

На широко известных фотографиях 2-й половины XIX — начала XX вв. здания городского самоуправления (ул. Петропавловская, 25) и колокольни Петропавловского собора (с луковичной маковкой, т.е. после перестройки в XIX в.) не наблюдалось каких-либо часов как на внешних стенах этих сооружений, так и на верхних ярусах колокольни собора, а также на крыше в стилизованном круглом чердачном окне с городским гербом на известном для каждого горожанина закруглении здания городской управы и думы на углу улиц Петропавловской и Сибирской.

Однако в ежегодных отчётах Пермской городской управы, по крайней мере, начиная с 1873 по 1915 гг. включительно, «городские» часы как таковые там постоянно фигурируют. И тут же в некоторых отчётах, например, за 1886 год, уточняется – «стенные часы в управе»²; за 1873 г. — об установке в городской управе часов мастером Олигером за 50 руб. и об отдельном приложенном к тем часам футляре за 15 руб.³

Поскольку идет речь о футляре, значит часы можно было переносить, чего, конечно, нельзя сделать с башенными часами. Причём ежегодная сумма расходов за «завождение и наблюдение за правильным ходом городских часов» по отчётам управы с 1873 по 1915 гг. была примерно одной и той же, она повысилась немного, с 40 до 62 руб. в год⁴. Так что эти «городские» часы находились, скорее всего, в одном из внутренних помещений городской управы, предназначенном для публики. А первыми уличными общественными, действительно городскими, следует считать часы на колокольне Петропавловского собора г. Перми.

В результате архивных поисков удалось найти дополнительные сведения. Так, например, в одном из документов Пермской городской думы сообщается, что «за заведывание на соборной колокольне часов» часовому мастеру, мещанину Нечаеву в 1809 г. ежемесячно выдавалось по 6 руб.⁵

Более поздние по времени сведения еще значимее. В частности, в журнале той же думы от 23 февраля 1835 г. говорится о том, что «выдано за завод на соборной колокольне часов бывшему ремесленнику Лемке⁶ за 1833 г. 48 руб., которые по смете были не предположены...»⁷

А это означает, что часы шли и шли с самой своей установки на колокольне собора⁸. Их механизм был работоспособен в течение большого периода времени, и поэтому они, при условии надлежащего ухода и присмотра, ещё долго могли служить городскому обществу верой и правдой. Хотя, разумеется, случалось, что городские часы по разным причинам могли стоять или быть сломанными.

Об этом, в частности, свидетельствует факт отсутствия ассигнований из городской казны на часы в отдельные годы, что видно по некоторым архивным делам из фонда Пермской городской думы.

Вопрос о том, какова была последующая судьба часов, и когда они были демонтированы, — до сих пор остается невыясненным и актуальным. Он, несомненно, требует дальнейшего глубокого изучения, тем более что до сих пор практически не разрабатывался и серьезно не изучался. Белых пятен в городской истории ещё много и, надо надеяться, со временем они будут исчезать с карты города, благодаря кропотливой работе историков и краеведов.

Документ печатается в соответствии с правилами публикации исторических источников.

Определение Пермского уездного суда Пермской городской думе от 23 августа 1821 г.

1821 г. августа 23 дня. По указу его и.в. Пермский уездный суд вообще с горным членом, слушав дело, производимое по указу Пермского губернского правления о находящихся при Петропавловской здешняго города церкви часах, принадлежащих Мотовил. казённому заводу, в котором значит: В указе оное губ. правление прописывая сообщение Пермскаго берг-инспектора, которым с представления главной конторы Пермских заводов изъясняет, что бывшей припасной смотритель Молоков при здаче им состоящих на отчёте его припасов избранному на место его в таковые ж Норину Мотовил. заводской конторе донёс, что означенный Норин не принимает от него на свой счёт считающихся по приходу на его, Молокова, отчёте железные часы, находящиеся на Петропавловской г. Перми колокольне, отзываясь от принятия оных, что сии часы зданы градскому обществу вместе с Ягошихинским заводом в ведомство Пермской градской думы, о каковых часах помянутый Молоков выправлялся и по сей думе, не состоят ли они и действительно в ведении ея.

Но по сей справке бывший тогда градской глава Силин ему объявил, что помянутых часов в приёме от кого-либо не считается. Почему и просил означ. Норина к приёму оных часов понудить. На которой рапорт Молокова справкою выведено было, что имеющиеся на колокольне в г. Перми железные часы при передаче Ягошихинскаго завода по именному высочайшему повелению, состоявшемуся в 8 день июля 1804 г. в пользу г. Перми, принимавшему тогда всё строение того завода городов. старосте Сыропятову сданы не были, а состоят на отчёте помян. Молокова. А как помян. часы, состоящие

при колокольне Петропавловского собора, принадлежат тамошнему заводу, [то] могут быть употреблены с пользою для самого онаго. И сверх того при передаче их с отчёта одного припаснаго смотрителя к другому и не будет выходить у них сомнений, то от Мотовилих. канторы и сообщено было 29 ч. генваря 1810 г. за № 204 в Пермскую градскую думу, чтоб она помян. часы доставила. В случае же удержания их за собою с платою за них с наложением указных процентных денег о том её уведомила бы для испрошения на продажу их у бывшего г. горнаго начальника позволения. На что Пермская градская дума 9 ч. февраля того же года дала знать:

Как известно ей, что имеющиеся при Петропавловской колокольне часы поступили в городское ведомство с самого открытия Пермского наместничества, чему уже протекло без малого 30 лет и в течение такового долгопрошедшаго времени не только от Мотовилих. канторы, но и ни какого места и лица требованы оные часы не были. А потому за силою высочайшаго указа, состоявшагося в 28 день июня 1787 г. отослать их не может, а почитает те часы городскими, поелику оныя починаяются и заводятся на щёт городских доходов. Но как помян. часы, состоящие на колокольне Петропавловского собора в г. Перми в ведение Мотовилих. канторы поступили по здаточным ведомостям из партикулярного содержания Ягоших. завода в казённое ведомство в 1787 г., которые сначала оставлены под присмотром содержателя припасов унтершихтмейстера Андрея Черепанова, а потом по сменным спискам магазинов- надзирателей переходили оные от одного к другому, с дачею на их отчёт до 1810 г., о вытребовании которых в 1799 г. от Мотовилих. канторы было сообщено во-1-х, в Пермский городской магистрат 13 ч. июня за № 322 и во-2-х, в Пермскую градскую думу 8 июля за № 528 того же года. На которыя магистрат дал знать, что о помян. часах он сведения никакого не имеет, а будто бы состоят оныя в зависимости Перм. град. думы, от которой последней уведомление о том как вышеознач. отношение ея не получено. По каковому же предписанию оные часы на помян. Петропавловской колокольне в г. Перми оставлены, о том по делам канторы и архивы неизвестно. А известно только, что сии часы поставлены были на Петропавловский собор ещё во время существования Ягошихин. завода, а по уничтожении онаго в сей церкви сняты не были, которые и по сие время находятся там и считаются в капитале тамошняго завода с ценю 107,80 руб.

И просит кому следует приказать: состоящие при Петропавловской г. Перми церкви часы, принадлежащие Мотовилих. заводу, возвратити оному заводу, а потому оное губ. правление сему суду велело о изъяснённом в вышеписан. сообщении постановить на законном основании определение.

А законами повелено: указом 1787 г. июня 28 дня 4 ст., манифестом нашим от 17 марта 1775 г. узаконив, что всякое дело или преступление уголовное, которое, которое в течении 10 лет не зделалось гласным, долженствует предано быть вечному забвению. Право сего 10-летн. срока распространяем на все дела как между частными людьми, так между ними и казною. И потому о недвижимом или движимом имении кто не учинил или кто не учинит иска 10 лет или предъявляемый 10 лет, по оному не будет иметь хождение, таковой иск да уничтожится и дело да предаётся вечному забвению. Проекта горнаго положения 850 статьею все решения суда, составленнаго на осн. 825 ст. сего положения по заводам казённым, представляются на рассмотрение горному начальнику. Равным образом, всякое решение дела с казною, производимаго в уездном суде, магистрате или ратуше, представляется горному начальнику чрез горнаго члена.

Естли мнение горнаго начальника не согласно с решением суда, то дело во всяком случае препровождается от онаго в горное правление по 2-му департаменту. Напротив, естли дело решено совершенно в пользу заводов казённых и другая противная сторона находит себя тем решением довольною, или хотя противная сторона и не довольна тем решением, но дело не свыше 100 руб. и горный начальник согласен с решением суда, то оно считается окончанным и выполняется горным начальником. Равным образом, если горный начальник находит решение суда не в пользу заводов казённых, однакож справедливым и согласным с законами, то предлагает и предписывает оное к исполнению кому следует, считая дело окончанным, кроме дел, относящихся до домов, рудников и земель и сему подобных угодий. Которыя дела в случае отдачи оных угодий в частное владение должны быть представлены в рассмотрение в горное правление.

И для того приказали: Из обстоятельств дела сего означается: Мотовилих. заводская кантора имеющиеся на колокольне Петропавловского собора в г. Перми железныя часы, стоящие 107,80 руб., считает в капитале тамошняго завода, просит возвратити их тому заводу. Ягошихин. завод, что ныне губерн. г. Пермь, по имянному высочайшему повелению поступил в пользу города со всем бывшим при нём заводским действием и материалы, в числе коих тогда уже были при Петропавловском соборе на колокольне и упомян. часы. По каковому же предписанию оные оставлены, по делам канторы и архивы, как сама оная отзывается, неизвестно; а известно, что сии часы поставлены на Петропавловский собор ещё во время существования Ягошихин. завода, а по уничтожении ево не сняты, чему протекло времени более 40 лет. Имяннаго высочайшаго указа 1787 г. июня 28 дня 4 ст. повелено, манифестом нашим от 17 марта 1775 г. узаконив, что всякое дело или

преступление уголовное, которое в течении 10 лет не сделалось гласным, долженствует предано быть вечному забвению. Право сего 10-летн. срока распространяется на все дела гражданские как между частными людьми, так и между нами и казною. И потому о недвижимом или движимом имении кто не учинили или кто не учинит иска 10 лет или предьявя оный 10 лет по оному не будет иметь хождения, таковой иск да уничтожится и дело да предастся вечному забвению.

По силе какового узаконения вышесказанные состоящие при Петропавловской г. Перми церкви часы, изключая по Мотовилих. заводу из списков, оставить при той церкви в пользу г. Перми. Почему оные принять в полное своё распоряжение Пермской градской думе и по силе 850 ст. представить чрез горнаго члена с решения сего в благоразсмотрение управляющему горными заводами г. берг-инспектору копию и о решении сего дела губерн. правлению донести рапортом.

уездный судья Пётр Филинков

горный член Иван Мерзляков

заседатель Токарев

заседатель Митьков

подписано 24 сентября 1821 г. по листам: секретарь 12 класса Пётр Печерский.

ГАПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1796. Л. 27-30об.

Рукописный подлинник. Публикуется впервые.

¹ Мельчакова О.А. Бой пермских часов // Город в глубине России: календарь-справочник г. Перми на 2010 г. — Пермь: «Пушка», 2010. — С. 22-26.

² Отчёт Пермской городской управы за 1886 г. — Б.м., б.г. — С. 3.

³ Отчёт Пермской городской управы за 1873 г.: Счёт расходов. ст. 44. — Пермь: Тип. губ. правл., 1875.

⁴ Отчёт Пермской городской управы о доходах и расходах за 1878 г. — Б.м., б.г. — С. 17; Отчёт Пермской городской управы о движении сумм и капиталов за 1915 г. — Пермь: Тип. союза потреб. общ. С.В.Р., 1917. — С. 189.

⁵ ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 76. Л. 31 и др.

⁶ По данным городской обывательской книги по г. Перми за 1848 г. Фёдор Ив. Лемке, причисленный из ремесленников «рабочего дома» в пермские мещане из витебских мещан, 61 года, дома, земли и каких-либо заведений в городе не имел. На городской службе не состоял, имел только одного сына и в то время уже проживал в г. Екатеринбурге. См.: ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 441. Л. 172об.-173.

⁷ ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 290. Л. 31об.

⁸ Клировых ведомостей Петропавловского собора г. Перми с описанием его колокольной и часами на ней публикатору выявить не удалось.

МАТЕРИАЛЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРМСКОГО АДРЕСНОГО СТОЛА (1918 г., 2-я половина 1919 г.)

Публикация подготовлена О.Д. Гайсиным.

В приложении к материалам фонда Пермской городской милиции даны первые Декреты Советской власти о российском гражданстве, о призыве на военную службу всех офицеров, адреса советских учреждений в 1918 г. и др. материалы, касающиеся восстановления деятельности Адресного стола во 2-й пол. 1919 г., после освобождения г. Перми от колчаковской армии.

Копии циркуляров, связанных с событиями политической жизни в губернии; по аграрному вопросу и рабочему движению; адреса губернских и уездных учреждений в г. Перми и т.д. 18 августа 1917 г. – 4 декабря 1918 г. (ГАПК. Ф. р-81. Оп. 1. Д. 1. 172 л.).

Л. 27. Приказ Пермского Округного Военного Комиссариата «Всем Советским, Общественным и частным учреждениям и заведениям гор. Перми» (получен управлением Пермской гор. Милиции 25 мая 1918 г.):

«Приказом Народного Комиссариата по военным делам за № 324 от 7 мая с.г. объявленного в «Известиях» от 21 мая с.г. № 92, все лица, получившие в свое время за счет государства основательную военную подготовку (быв. офицеры и чиновники) и служившие ранее по военному ведомству, должны быть зарегистрированы и взяты на учет. Поэтому Военный Комиссариат предлагает всем учреждениям и заведениям немедленно приступить к составлению именных списков, в которых указать фамилию, имя и отчество, возраст, чин, специальность и адрес; и учетных карточек на вышепоименованных лиц, и представить таковые не позднее 10 июня с/г. В Учетный Отдел Округного Военного Комиссариата (адрес: уг. Кунгурской и Монастырской ул., Духовная Семинария, 2-й этаж).

Там же можно получить бланки учетных карточек и разъяснения. Все военные специалисты, не состоящие на службе ни в одном из названных учреждений и заведений, благоволят сами зарегистрироваться в учетном отделе в часы занятий от 9-ти утра до 2 часов дня. В случае неисполнения настоящего распоряжения виновные будут строго преследоваться.

Л. 50. Испол. Ком. Пермского Гор. Совета Раб. и Солд. Деп. 19 июля 1918 г. циркуляром № 6500:

«Просит без санкций и распоряжений Исполкома не производить обыски и аресты у Германской Комиссии по делам военнопленных, членами которой являются Герман Кох, председатель комиссии, ул. Покровская, 58; Отто Бернштейн, член комиссии, ул. Б. Ямская, 21; Вернер Титчак, доктор комиссии, ул. Сибирская, 10; Анна-Мария Шаллер, сестра милосердия, Вознесенская, 63.

Канцелярия Германской комиссии находится на Вознесенской улице, дом Вармунд, 63».

Л. 55. Объявление Пермского губ. военного Комиссариата: «Всем лицам, служившим ранее при Полевых Казначействах, надлежит явиться в Отдел Формирования и Обучения при Пермском Губернском Военном Комиссариате уг. Кунгурской и Монастырской ул., здание Духовной Семинарии, 26 июля к 12 час. дня. Не явившиеся будут привлечены к ответственности. Военный комиссар Окулов. Зав. Отд. Формирования и Обучения Синев».

Л. 60 с об. Сообщается для сведения «Инструкция о порядке разрешения дел по выходу из Российского гражданства». Согласно Декрету СНК «О выходе некоторых категорий лиц из Российского гражданства», опубликованного в Известиях ЦИК от 16 июля с.г. (1918), НКВД издал следующую инструкцию: «Выход из Российского гражданства допускается лишь в том случае, если лица указанной в Декрете категории покидают территорию РСФСР, как местность своего постоянного жительства.

Заявления о выходе из Гражданства Российского подаются по месту жительства просителя Губернским Советам Раб. и Крест. Деп. в Отделе Управления. При заявлении должны быть приложены следующие подписки и сведения:

Подписка о том, что за просителем нет никаких гражданских исков и других материальных обязательств к гражданам РСФСР, и что за ним не числятся никаких уголовных и контрреволюционных деяний.

Подробные сведения о имущественном положении с подробным перечислением всего имущества, о звании до революции, о роде занятий, о месте службы и месте жительства. (Сведения ... должны быть даны по периодам, начиная с начала 1914 г. по 1 августа того же года, за период войны до 27 февраля 1917, с 27 февраля 1917 г. по 25 октября 1917 г. и с 25 октября 1917 г. по настоящее время).

За ложное показание заявитель подвергается штрафу до 10.000 руб. или заключению в тюрьму на 3 месяца.

Подписку о том, что по удовлетворении ходатайства о выходе из гражданства Российского проситель покинет пределы РСФСР.

Губернские Советы Раб. и Кр. Деп. по получении ходатайства немедленно опубликовывают о нем в местных правительственных органах печати.

Все лица, имеющие какие-либо претензии к таким гражданам, подают заявления в Губ. Советы в 2-х недельный срок со дня опубликования о возбуждении ходатайства.

По истечении 2-х недельного срока Губ. Советы Раб., Кр. и Арм. Деп. рассматривают возбужденные ходатайства и решают в положительном или отрицательном смысле, на основании Декрета СНК и имеющихся сведений и претензий, руководствуясь настоящей инструкцией. Все ходатайства с решением Совета и вместе со всем имеющимся материалом направляются в НКВД для окончательного разрешения.

В случае удовлетворения ходатайства НКВД немедленно уведомляет Губ. Совет ... по месту жительства просителей и посылает означенным лицам соответствующие удостоверения, которые выдаются под расписку Отделом Управления.

Оставившими гражданство Российское вместе с возбуждившим ходатайство считаются жена и дети последнего лишь в том случае, если с их стороны последует заявление о присоединении к ходатайству просителя.

Ходатайства о разрешении оставления гражданства Российского оплачиваются 25-ти рублевым гербовым сбором.

Во всех случаях сомнений о порядке рассмотрения и разрешения ходатайств подлежит обращаться в НКВД.

Далее помещены документы, связанные с введением в жизнь Декрета СНК об отделении церкви от государства и государства от церкви, о запрещении религиозных обрядов во всех государственных учреждениях и об официальном запрещении регистрации церковных браков, совершенных без предварительной регистрации в отделе Записей браков, рождений и смертей (записи актов гражданского состояния – ЗАГС.

Л. 61. Телеграмма 6-го управления НКВД, Москва, Настасьинский пер. 3, от 31/VIII-18 г.:

«На основании Декрета от 23 января 1918 г. «Собр. Узак. № 263» «Об отделении церкви от государства» и доп. Инстр. Наркомюст от 24 августа 1918 г.:

1. Во всех паспортах и прочих официальных удостоверениях какие-либо отметки, указывающие на принадлежность граждан к тому или иному вероисповеданию, воспрещается кому бы то ни было отмечать в паспортах или удостоверениях о совершении каких либо

религиозных обрядов (крещение, конфирмации, обрезания, брака и погребения и т.д., а также о разводе, учиненном служителями культов или учреждениями всех вероисповеданий (п. 28 инструкции от 24 августа 1918 Наркомюст);

2. Во всех учреждениях милиции как и вообще во всех советских и публично-правовых общественных учреждениях безусловно не допускается:

а) совершение религиозных обрядов и церемоний (молебствий, панихид и проч.);

б) помещение каких-либо религиозных изображений (икон, картин, статей религиозного характера и проч.) (п. 29 инструкции от 24 августа 1918 г. Наркомюст);

3. Религиозные шествия, а также совершение каких бы то ни было религиозных обрядов на улицах, площадях допускается лишь с письменного разрешения местной советской власти (п. 31 инструкции от 24 августа 1918 г. Наркомюст).

Подписано: Зам. НКВД Тихомиров.

Зав. Управлением Советской Милиции Дижбит.

Л. 121-121об. 5 ноября 1918 г. Юридический Отд. Пермского Губисполкома № 65701 сообщил в Отдел Управления Пермского Город. Совдепа:

На отношение его от 28 октября 1918 г.

Предписание Всерос. Чрезв. Комиссии относится к тем случаям, когда граждане, не зарегистрировавшись в отделе записей браков, рождений и смертей принимают церковный брак, совершенный без предварительной регистрации в отделе Записей, не только не имеет никакого юридического значения, но и влечет для всех принимающих участие в этом обряде, как священника, так и брачующихся, ответственность перед Революционным Трибуналом за неподчинение Декрету Рабочего и Крестьянского Правительства. Поэтому на основании удостоверений, выданных священниками о совершении церковного брака, никаких официальных пометок административные органы производить не должны. Все церковные браки, заключенные до издания Декрета СНК от 18 октября 1917 г. остаются в силе и на основании их могут производиться соответствующие пометки на паспортах.

2. Жена имеет право именоваться фамилией мужа без особого разрешения, ей достаточно сделать соответствующее заявление в Отделе записей. То же право принадлежит жене и в случае церковного брака, совершенного до издания декрета 18 декабря 1917 года.

Далее публикуются два отчета о восстановлении деятельности Пермского Адресного стола во 2-й половине 1919 года.

Приказы по милиции, доклады по восстановлению деятельности Адресного стола. (ГАПК. Ф. р-81. Оп. 1. Д. 7. Л. 4-4об.).

Доклад заведующего Адресным столом от 7 августа 1919 г. (получен в Управлении Пермской Городской Советской милиции 8 августа 1919 г., вх. № 1067):

«По эвакуации города белыми, был эвакуирован и адресный стол со штатом служащих во главе с нач. адресного стола Данцигером [...] увезены все дела адресного стола, книги, бумаги, бланки и все канцелярские принадлежности, не исключая чернильниц и ручек. Адреса жителей Перми были частью уничтожены, а часть их находится в разбросанном виде. По назначении меня ревкомом зав. адресного стола, я немедленно приступил к организации.

Сделан заказ штемпелей, печатей, бланков и самой необходимой канцелярской принадлежности. [...] Было опубликовано постановление Гор. Ревкома, о порядке прописки, подаче адресных листков, о их заполнении и прописке в домовых книгах и т.д.

Регистрации подлежали все жители, состоявшие ... к 1 июня с.г., т.е. до объявления эвакуации. Эвакуированные регистрировались по домовым книгам, а фактически проживающие по месту жительства и о личности. Всего зарегистрировано жителей при районах милиции со дня опубликования:

мужчин прибывших 18081 и выбывших 6484;

женщин прибывших 25222 и убывших 6518;

детей прибывших 13413 и убывших 316.

Итого: прибывших 56716 и убывших 13318.

Продано листков Адресного стола 180 тыс., домовых книг 300 шт., всего на сумму 55.500 руб. Деньги сданы в кассу Гор. Ревкома. Поступило вх. бумаг 257, исходящих 157. С 6 августа производится выдача справок, за 2 дня таковых выдано 300 шт., правительственных 100 и по телефону 50 шт. Принято и подобрано адресных листков [...].

Дальнейшие функции Адресного стола:

1. Регистрация жителей гор. Перми, как постоянно живущих, так и временно находящихся в гор. Перми.

2. В бесплатном сообщении как по почте, так и по телефону или лично всем должностным лицам и правительственным учреждениям по их требованию нужные по делам справки как о местожительстве разыскиваемых лиц, о их выбытии и куда выбыл.

3. В сообщении тех же справок за установленную Гор. Ревкомом плату всем желающим получить таковые.

4. В ежемесячном доставлении в статистический отдел Гор. Ревкома цифровых сведений о движении городского и пригородного населения.

Л. 22. Доклад служащих Пермского адресного стола от 3 июля 1919 г.:

«Мы [...] служащие Пермского Адресного стола, находящегося в последнее время в ведении Гор. Милиции, докладываем, что адресный стол в настоящее время в самом разрушенном виде: быв. нач. Данцигер из Перми выбыл неизвестно куда, запасные адресные листы его руками уничтожены и часть раскидана по полу в помещении адресного стола, из всего состава служащих налицо осталось 4 человека и сторож.

Для восстановления деятельности адресного стола необходимо разобрать оставшиеся заполненные листки, экстренно отпечатать новые листки в достаточном количестве и необходимые книги. В качестве начальника адресного стола со своей стороны кандидатом предлагаем старшего счетовода Городской управы П.И. Полякова, как трудоспособного работника, и под его руководством мы с практическим знанием этого дела надеемся восстановить деятельность адресного стола в возможно непродолжительное время».

[...]

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПЕРМИ. ТИПОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. «ХРУЩЕВКИ»

Вниманию исследователей предлагаются архивные документы, имеющие отношение к послевоенному строительству в г. Перми и строительству после принятия постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 31 июля 1955 г. «О развитии жилищного строительства в СССР», положившего начало строительству по типовым проектам; возведению домов, получивших народное название — «хрущевки».

Документы выявлены в Государственном краевом архиве Пермского края (ГАПК) и подготовлены к публикации **Н.Ф. Захаровой и Е.Ю. Новгородцевой.**

Публикация подготовлена Н.Ф. Захаровой.

**Начальнику отдела по делам архитектуры
при Молотовском облисполкоме
тов. ПОПЦОВУ.**

ПРОТОКОЛ № 4 ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ АРХИТЕКТУРЫ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РСФСР.

31 января 1954 г.

г. Москва.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: члены коллегии т.т. Лагутин К.К., Колесников С.И., Голли В.Д., Яковлев С.Г., Кузнецов А.И., Капитонов В.И.
От Совета Министров РСФСР – т. Пожидаев Н.И.
От Госкомитета СССР – т.т. Десятников, Солдатов, Сереженкин, Джишкариани.

От Госконтроля РСФСР – т. Марков.

Нач. Облотдела п/д архитектуры при Молотовском облисполкоме — тов. Попцов.

Гл. арх. города Молотова – т. Чернов.

И.о. гл. арх. г. Березники – тов. Верещагин.

Гл. арх. г. Губахи – т. Славышенский.

Нач. инспекции ГАСК Молотовского отд. п/д арх. — т. Линк.

Гл. арх. г. Соликамска и Боровска – тов. Крылова.

От М-ва металлург. пром-ти — тов. Сухоруков.

От М-ва угольной пром-ти — тов. Степанов.

От М-ва строительства — тов. Бруков.

От М-ва нефтяной промышленности — тов. Матвеев.

От М-ва химической пром-ти — тов. Керцель.

Начальник Молотовстрой — тов. Зенкин.

От Горстройпроекта — т.т. Шаронов, Бабад, Гурьев, Яковлев.

От Управления — т.т. Машков, Цингалёнок, Толгский, Есипов, Реутская, Ишханов, Тарасов, Дунаев, Калугин, Гримм, Кутузов, Жмудский.

Председатель — тов. Лагутин К.К.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Отчет главного архитектора города Молотова т. Чернова^{*32} о качестве застройки города.

2. Отчет начальника Молотовского областного отдела по делам архитектуры т. Попцова о качестве застройки городов Молотовской области.

СЛУШАЛИ: 1. Отчет главного архитектора города Молотова т. Чернова о качестве застройки города.

По отчету главного архитектора города Молотова т. Чернова и по результатам произведенной в декабре месяце 1953 г. проверки выполнения решения коллегии Управления от 2.XII-52 г. установлено, что за истекший год в характере застройки главных улиц города Молотова и в решении архитектуры зданий не произошло существенных изменений.

Главный архитектор города тов. Чернов продолжает допускать рассредоточенную застройку города отдельными группами преимущественно малоэтажных зданий, в основном, в периферийных районах города, и не ведет систематической борьбы за повышение этажности строительства и концентрацию его на главных магистралях и площадях города; в городе нет архитектурно завершенных кварталов, улиц, площадей.

³² *Чернов Василий Гаврилович (01.03.1904, д. Арышево Зырянского р-на Томской обл. — 14.12.1974, г. Пермь). Архитектор. Учился в Новосибирском инженерно-строительном институте им. Куйбышева (1932—1937). Работал в г. Томске (1924—1932), в г. Н. Тагиле (1937—1939), помощником главного архитектора, главным архитектором г. Перми (1939—1956). Автор проектов планировки р-нов Н. Плоский и Н. Крым (1940), пос. Владимирский (1940), корректировки генплана г. Перми (в соавт., 1941—1943), административного корпуса комбината «Молотовуголь» (1943—1944, ул. Орджоникидзе, 15), жилого дома (1944*1945, угол ул. 25 Октября и Советской), планировочного предложения застройки Комсомольского пр. (1943—1947), сада им. Решетникова (1945), реконструкции площади Окулова (1939). Преподавал в Пермском строительном техникуме (1956—1964, 1968—1974), член Союза архитекторов (с 1940), председатель правления Пермского отделения ССА (1941—1950). (Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья: крат. энцикл. словарь / сост.: Г. Канторович, Н. Казаринова. — Пермь: Книжный мир, 2003. — С. 148).

Крупнейшие застройщики города свыше 60% жилой площади строят в малоэтажных домах на окраинах города.

Такая градостроительная практика привела к тому, что центральная часть города, главные магистрали и площади застраиваются медленно — застройка центральной площади города не начата, и не закончена строительством значительные отрезки главных улиц — Комсомольского проспекта и улицы Ленина.

Не создано законченных кварталов, улиц и в других районах города.

Отдельные районы малоэтажного строительства осуществляются без благоустройства, например, улицы Репина и Веденеева, Ново-Плоский и Шпальный посёлки, Кировский район и т.д.; застройке ул. Ленина препятствует отсутствие инженерной подготовки.

Главным архитектором города не разработана схема размещения текущего строительства на 1953—1956 гг., в результате чего имеет место неправильное размещение участков под строительство, например, в Городских горках, и отвод участков под многоэтажную застройку на улицах второстепенного значения (5-этажный дом паровозоремонтного завода по улице газеты «Звезда» и др.).

Размещение ряда ответственных зданий решается случайно (горный институт), без увязки строительства центра города в целом.

Главным архитектором города т. Черновым при застройке важнейших магистралей не решаются вопросы поднятия качества архитектуры зданий. Поэтому, несмотря на сравнительно большой объём жилищно-гражданского строительства и некоторую его концентрацию в отдельных кварталах, необходимого градостроительного эффекта не достигнуто. Допускается штучная — механическая — расстановка зданий.

Качество архитектуры выстроенных за 1953 год жилых и гражданских зданий не изменилось в лучшую сторону.

В городе продолжают применяться проекты жилых домов, получившие отрицательную оценку коллегии Управления.

5-этажный жилой дом арх. Кузнецова решен без профессионального мастерства с применением немасштабных оконных проемов.

Жилые дома арх. Рудника на Комсомольском проспекте и ул. Пушкина мелки по объёму, архитектура их фасадов решена с невыразительными первыми этажами и с непроработанными грубыми архитектурными деталями.

Особенно неблагоприятно осуществляется застройка Кировского района города.

Главная улица района — Кировоградская (набережная реки Камы) — застроена разноэтажными домами. Новое здание райкома КПСС на этой улице размещено случайно. Не решена площадь района.

Недостаточно внимания уделяется и малым архитектурным формам, качество которых низкое.

Особенно неблагоприятно в городе обстоит дело с вводом зданий в эксплуатацию. Так, с октября месяца 1952 г. по 1 января 1954 г. в городе было введено в эксплуатацию 127 жилых и гражданских зданий не законченных строительством, из них 10 — без приемки государственной комиссией.

В 1953 г. были приняты приемочной комиссией в эксплуатацию 88 домов уже заселенных, причем многие из них были без водопровода и канализации, с большими дефектами в системе отопления, во внешней отделке зданий и т.п. Кроме того, самовольно введены в эксплуатацию 35-квартирный жилой дом Горжилуправления по Комсомольскому пр., № 80, и 5 школ по улицам Щербаковской, Серебрянской, Чкаловской и др.

В практике приемки зданий в эксплуатацию по-прежнему завышается их оценка. Например, в 1953 г. был принят в эксплуатацию жилой дом по улице Чайковского с оценкой «хорошо» без ванн и водогрейных колонок, без вентиляции в санузлах и без озеленения участка. Как правило, недоделки долгое время не устраняются.

Имеет место также самовольное строительство зданий. Так, в 1953 г. ликероводочным заводом было самовольно начато строительство двухэтажного жилого дома по ул. Луначарского; Камгэсстроем — двухэтажное каменное общежитие по ул. Репина; Облпотребсоюзом — двухэтажное здание конторы по Сибирскому тракту. Самовольное строительство индивидуальных жилых домов ведется в Кагановичском районе города.

Несмотря на наличие в городе крупнейших строительных организаций, качество строительства многих зданий неудовлетворительное.

Некачественные работы ведут к переделкам. Например, по строительству, осуществляемому трестом «Молотовстрой» Министерства нефтяной промышленности, в Ново-Плоском стоимость переделок по 69 жилым домам составляет около 3 млн. рублей, что увеличило стоимость строительства на 13,3%.

Ленинградское отделение Гипрогора (т. Михайлов) некачественно разрабатывает детальные проекты ул. Ленина, «Городских горок» и Кировского района. Проекты указанных районов неоднократно перерабатывались.

Горстройпроект (т. Шаронов) допускает ряд серьезных ошибок в разработке детального проекта района Ново-Плоское.

Главный архитектор города т. Чернов не предъявляет к указанным проектным организациям должных требований, вследствие чего проекты до сего времени не закончены.

Все вышеуказанные недостатки в застройке города Молотова явились следствием того, что главный архитектор города не сделал необходимых выводов из решения коллегии Управления от 2.12.52 г., вел недостаточно настойчивую градостроительную политику в застройке центральной части и главных магистралей города и не принимал мер к установлению жесткой градостроительной дисциплины.

Главный архитектор города мало привлекает к обсуждению и критике проектов жилых и гражданских зданий архитекторов города, творчески не руководит горпроектном, вопросы архитектуры города решает без широкого творческого обсуждения.

Городской отдел по делам архитектуры не имел плана работ, работал самотеком, без инициативы, и не ставил перед горисполкомом вопросов об улучшении качества строительства.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. За неудовлетворительное руководство планировкой и застройкой города Молотова главному архитектору города тов. Чернову объявить выговор. Потребовать от т. Чернова принятия решительных мер к исправлению отмеченных коллегией недостатков в застройке города и улучшению качества архитектуры строящихся зданий и сооружений.

2. Обязать главного архитектора города Молотова тов. Чернова:

а) концентрировать многоэтажное жилищное и гражданское строительство в центральной части города на основных, наиболее важных магистралях и площадях (Комсомольском проспекте, ул. Ленина, Городские горки), а также на южном отрезке ул. Мира в Н. Плоском, добиться создания архитектурно завершенного районного центра и основной магистрали района;

б) основное многоэтажное строительство в Кировском районе размещать на площади районного центра и основной магистрали района. Разработать эскизное решение площади и основной магистрали и представить его на рассмотрение Управления во 2 квартале 1954 года;

в) вести застройку района «Городские горки» по основной магистрали, добившись создания площади и завершения основной улицы района;

г) приступить к разработке детального проекта центра города, с охватом территории порядка 500-600 га, в котором решить комплекс застройки главной площади города, определить места основных зданий и представить в Управление во 2 квартале 1954 года на промежуточное рассмотрение;

д) закончить детальный проект планировки и благоустройства Верхнекамской набережной и представить на согласование в Управление во 2 квартале 1954 года;

е) Главному архитектору города, на основе имеющихся и разрабатываемых детальных проектов планировки, разработать схему размещения строительства по основным районам города: центру, Н. Плоское, Горки, ул. Ленина, В. Камской набережной и Кировскому району, поставив себе задачей создание в ближайшие 2-3 года архитектурно завершенных площадей, отрезков магистралей, особо обратив внимание на создание благоустроенных кварталов в районах нового строительства, с размещением детских учреждений, хозяйственных дворов, озеленением парадных дворов и других благоустроительных мероприятий;

ж) резко повысить требовательность к качеству проектно-технической документации, поступающей на согласование в отдел по делам архитектуры; радикально улучшить деятельность архитектурной комиссии и повысить качество архитектурно-планировочных заданий;

широко практиковать обсуждение проектов застройки магистралей и площадей города и отдельных жилых и гражданских зданий, с привлечением общественности и широкого круга архитекторов города;

з) усилить контроль за качеством строительства и застройкой города, не допускать ввода в эксплуатацию зданий, неоконченного строительством и с недоделками, прекратить практику завышенных оценок качества принимаемых зданий в эксплуатацию;

к) принять меры к более широкому вовлечению проектных и строительных организаций и застройщиков к участию во всероссийском конкурсе на лучшие выстроенные здания;

л) о выполнении настоящего постановления доложить коллегии Управления в сентябре месяце 1954 года.

3. Обязать Ленинградское отделение Гипрогора (т. Михайлова) закончить и к 1 мая 1954 г. представить в Управление детальные проекты ул. Ленина и района Городских горок.

4. Горстройпроекту (т. Шаронов) представить в Управление детальный проект района Н. Плоское к 1 мая 1954 г.

5. Обязать члена коллегии Управления т. Кузнецова усилить контроль за своевременным обеспечением застройки города Молотова проектно-планировочной документацией.

6. Поручить отделу руководящих кадров Управления (т. Капитонов) укрепить в 1954 г. горпроект и отдел архитектуры молодыми специалистами Архитектурного института и Архитектурного техникума.

7. Главной инспекции Госархстройконтроля (т. Цингаленок) проверить в 4 квартале 1954 года выполнение настоящего постановления.

8. В связи с неудовлетворительной застройкой г. Молотова, просить Совет Министров РСФСР заслушать Молотовский горисполком о руководстве застройкой города.

ГАПК. Ф. р-1098. Оп. 1. Д. 14. Л. 3-8.

Публикация подготовлена Е.Ю. Новгородцевой.

В начале 1950-х годов стало ясно, что необходимы коренные изменения в подходе к массовому жилищному строительству. Обострившаяся жилищная проблема требовала внедрения в строительстве индустриальных методов производства, создания типовых проектов экономичных жилых домов с квартирами для заселения небольшими семьями.

Поэтому Всесоюзное совещание строителей, состоявшееся в декабре 1954 года, стало началом нового этапа развития советской архитектуры и, в частности, архитектуры массового жилья; поворотным пунктом в развитии жилищного строительства, резко изменившим ее направленность. Стремление дать каждой семье отдельную квартиру приобретает статус национальной политики. Предстояло переселить людей из коммунальных в отдельные квартиры. Принцип «семье — квартиру» получил одобрение, научное обоснование, а со второй половины 1950-х гг. и широкое практическое осуществление. Строительство переводилось на индустриальную основу и превращалось в одну из мощных отраслей экономики. От строительства жилых домов в городской черте был осуществлен переход к строительству крупных жилых районов с развитой инфраструктурой.

История знаменитых «хрущёвок» началась 31 июля 1955 года, именно тогда ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «О развитии жилищного строительства в СССР» и тем самым положили начало массовому (комплексному) строительству в СССР.

В частности, пункт 19 вышеупомянутого Постановления гласил следующее:

«Поручить Госстрою СССР по результатам конкурса 1957 г. на лучшие конструкции крупнопанельных жилых зданий и рациональную технологию производства этих конструкций представить в Совет Министров СССР в ноябре 1957 г. предложения о развитии заводского крупнопанельного домостроения и о развитии строительства крупноблочных домов в 1958–1960 гг.»

Эту проблему должны были решить мероприятия по удешевлению домостроения. Так, 4 ноября 1955 г. появилось Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», которое означало завершение помпезной сталинской архитектуры. Строительство начали массово вести по т.н. каталогам, где были описаны типовые серии домов.

«Хрущёвки» различных серий возводились с 1956 по 1985 гг. Серии хрущёвских домов в городах РСФСР различны: для Перми наиболее характерны: I-447С, I-464А, I-468А. Так, за полтора десятка лет появился ряд жилых массивов, среди которых наиболее крупные – Городские горки и Балатово.

**РЕШЕНИЕ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ПЕРМСКОГО ОБЛАСТНОГО
СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
№ 431. 12 сентября 1958 г.**

**О расширении применения типовых проектов в
строительстве**

Во исполнение постановления Совета министров СССР от 7 июля 1958 г. № 715 и постановления Совета Министров РСФСР от 25 июля 1958 г. № 848 исполнительный комитет Пермского областного Совета депутатов трудящихся РЕШИЛ:

1. Утвердить пополненный перечень отобранных областным отделом по делам строительства и архитектуры типовых проектов для применения на объектах строительства в городах и рабочих поселках Пермской области согласно приложению.

2. Обязать Горрайисполкомы и областной отдел по делам строительства и архитектуры усилить контроль за внедрением типовых проектов в строительстве, и ни в коем случае не допускать нового строительства по индивидуальным проектам жилых домов, объектов культурно-бытового назначения, а также промышленных, транспортных, сельскохозяйственных и других объектов и сооружений, строительство которых должно осуществляться по утвержденным типовым проектам, включенным в действующие перечни типовых проектов на строительство указанных объектов.

Председатель Исполкома Пермского областного Совета депутатов трудящихся И. Никольский.

Секретарь Исполкома Пермского областного Совета депутатов трудящихся П. Лошкарёв.

ПРИЛОЖЕНИЕ
к решению облисполкома
№ 431 от 12 сентября 1958 г.

ПЕРЕЧЕНЬ

типовых проектов жилых домов, отобранных для строительства в городах и рабочих поселках Пермской области на период 1958—1960 гг.

а) Жилые дома трех, четырех и пятиэтажные с одно, двух и трехкомнатными квартирами, оборудованные ваннами:

Серия № 447, номера 1,2,3,4, и 5 со стенами из крупных кирпичных блоков и кирпича.

Серия № 439, номера 1,2,3,4, и 5 со стенами из крупных легковесных блоков.

Серия № 439-Я с несущими наружными стенами с панелями из автоклавного и безавтоклавного ячеистого бетона.

б) Жилые дома трех, четырех и пятиэтажные с однокомнатными квартирами коридорного типа для малосемейных, с общими кухнями, умывальниками и уборными;

Серия № 446, номера 1,2 и 3 со стенами из кирпичных блоков и кирпича.

ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 1058. Л. 40.

**РЕШЕНИЕ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
ПЕРМСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ**

Гор. Пермь. № 645. 8 декабря 1961 г.

**О перечне типовых проектов для жилищного строительства
в Пермской области**

В связи с заменой и выходом нового перечня типовых проектов и в целях применения прогрессивных типовых проектов для строительства жилых домов в городах и рабочих поселках области, исполнительный комитет Пермского областного Совета депутатов трудящихся решил:

1. Утвердить перечень типовых проектов для применения в 1961—1963 гг. на объектах строительства в городах и рабочих поселках области согласно приложению.

В связи с этим считать «утратившим силу» решение облисполкома № 44 от 25.01.1960 г. «О перечне типовых проектов».

2. Установить, что строительство 2-х и 4-х квартирных жилых домов по действующим типовым проектам может производиться ведомствами и организациями за счет государственных средств только с разрешения облисполкома.

3. Обязать Горрайисполкомы и главного архитектора области усилить контроль за применением типовых проектов в строительстве, и не допускать нового строительства по индивидуальным или типовым переработанным проектам для жилых домов, зданий культурно-бытового назначения, а также промышленных, транспортных, сельскохозяйственных и других объектов и сооружений, строительство которых должно осуществляться по утвержденным типовым проектам, включенным в действующие перечни типовых проектов на указанное строительство.

Зам. Председателя исполкома Пермского областного Совета депутатов трудящихся Ю. Гаврилов.

Секретарь исполкома Пермского областного Совета депутатов трудящихся Е. Баранова.

ПРИЛОЖЕНИЕ
к решению Облисполкома
№ 645 от 8 декабря 1961 г.

**Перечень
типовых проектов жилых домов, отобранных для строительства
в городах и рабочих поселках Пермской области
на период 1961—1963 гг.**

1. Четырех-пятиэтажные жилые дома с одно, двух и трехкомнатными квартирами, с центральным отоплением, канализованные (ориентация меридиональная и широтная).

а) серия № 1-464А, номера проектов 1,2,3,4,9,10 и 13 дома с внутренними несущими поперечными стенами кассетного формования, наружными стенами из панелей многослойной и однослойной конструкции и панелями перекрытий, опертыми по контуру. Оборудование санузлов – ванны.

б) серия №1-439Я, номера проектов 3,5,6А (широтной и меридиональной) 7 и 7А крупнопанельные дома с наружными и поперечными несущими внутренними стенами из автоклавного ячеистого бетона. Перекрытия из плоских ж/бетонных плит на «комнату». Отопление центральное. Оборудование санузлов – ванны.

в) серия 1-439А номера проектов 2,3,4,5,6,7,9,10 с вариантами вставок в торцах № 11 и 12 (со встроенным магазином и предприя-

тиями коммунально-бытового обслуживания в 1-м этаже), 13,15 и 16 (со встроенными предприятиями общественного питания), дома без подвалов с вариантом устройства подвала с внутренней продольной несущей стеной и длинномерными ребристыми и многопустотными панелями перекрытий, со стенами из крупных легкобетонных блоков. Оборудование санузлов – ванны.

г) серия № 1-240С, номера проектов 6 и 7, дома со стенами из крупных пеносиликальцитных блоков. Перекрытия – плиты плоские из вибрированного силикальцита. Оборудование санузлов – ванны.

д) серия № 1-447С, номера проектов /60,3/60,4/60,4МО,5/60,5МО,7/61,8/61,8МО,9/61,10/61,10МО/ с вариантами вставок в торцах (11,11А/61,12 и 12А/61) со встроенными магазинами и предприятиями коммунально-бытового обслуживания в 1-м этаже. (11Б и 12Б) со встроенными предприятиями общественного питания (17) дом гостиничного типа на 656 человек. Дома со стенами из крупных кирпичных блоков или кирпича. Перекрытия – длинномерные ребристые панели (пустот). Оборудование санузлов – ванны.

е) серия № 1-446С, номера проектов 2/61,3/61 и 5 и 6 дома для малосемейных, со стенами из крупных кирпичных или легкобетонных блоков, кирпича, без ванн, с вариантами устройствами душей. Дома без подвалов и с вариантом устройства подвала с внутренней несущей стеной и длинномерными ребристыми и многопустотными панелями перекрытий.

ж) серия № 1-440С, номера 2,3,4 и 5. Дома квартирного типа, со стенами из кирпича или крупных кирпичных блоков, без ванн, с вариантом устройства душей.

з) дома из объемных элементов (блок-коробок), рекомендованные Госстроем для экспериментального строительства в гор. Перми.

2. Четырех-пятиэтажные, двух и трехэтажные общежития с центральным отоплением и канализацией.

а) серия № 1-300, номера проектов 1 и 1Б, 2 и 2Б,3 и 3Б,4 и 4Б, общежития со стенами из кирпича или крупных легкобетонных блоков с внутренними несущими железобетонными столбами.

б) серия № 1-447С, номера 18 и 19 общежития со стенами из кирпича или кирпичных блоков. Перекрытия – длинномерные панели пустотные. Оборудование санузлов – душевые кабины.

ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 1067. Л. 25-28.

Приложение.

ЕЩЕ АКТИВНЕЕ РАЗВИВАТЬ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Беседа с главным
архитектором г. Перми
Н.И. Бойченко

Прошло два года со дня выхода в свет постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства СССР».

В этом важнейшем документе партии и правительства указаны пути дальнейшего развития жилищного строительства, поставлена задача в ближайшие 10-12 лет покончить с недостатком жилья в стране.

Постановление внесло много изменений и в практику застройки нашего города. Оно указало и на то, что строительство жилья должно вестись на свободных территориях и преимущественно крупными массивами.

В Перми же к началу 1957 г. 140 тыс. кв. метров строились на 116 площадках. О широкой индустриализации строительства в тех условиях не могло быть и речи.

В короткие сроки строительство было сконцентрировано на трех главных площадках. Самая крупная из них – Городские горки. Здесь намечено разместить около 500 тыс. кв. метров жилой площади. Второй центральной площадкой является район ул. Мира, где когда-то размещалась деревня Балатово. Находится она по соседству с городской Парковой дачей – будущим центральным парком культуры и отдыха. 250-270 тыс. кв. метров жилой площади будет возведено в этом районе. Третьей площадкой является Кировский район – кварталы, примыкающие к ул. Кировоградской и Калинина.

Кроме того, возведение двух-трехэтажных и индивидуальных домов сосредоточено на свободных площадках близ предприятия.

Концентрация строительства на крупных массивах позволила шире применять индустриальные методы, внедрять прогрессивные сборные конструкции. Темпы строительства стали нарастать. Если в 1956 году в городе было введено только 100 тысяч кв. метров жилищ, то в 1957 году – 190 тыс., а в 1958 – уже 270 тыс. кв. метров. Нынче будет построено 300 тыс. кв. метров жилой площади, 32 детских учреждения, 5 школ.

Строительство жилищ крупными массивами позволяет создавать современную благоприятную планировку, в основе которой положены прогрессивные принципы советского градостроительства. Новая планировка покончила с отжившей теорией сплошной периметральной застройки, с идеей создания улиц-коридоров, если даже одна сторона улицы обращена на север.

Вместо раздробленной сети мелких кварталчиков появятся крупные кварталы – микрорайоны. Микрорайонный принцип, ныне повсеместно одобренный, имеет большие преимущества. Он позволяет лучше использовать рельеф местности, зеленые насаждения, надежно изолирует жилые дома от уличного шума и пыли, удовлетворяет потребности населения в здоровом отдыхе. Школы, детские учреждения, магазины, бытовые мастерские, как правило, размещаются в центре каждого микрорайона.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства СССР» указывалось, что для крупных городов целесообразнее строить жилые дома в 4-5 этажей, не выше. Мы этого придерживаемся.

В ряде случаев нам приходится проводить и реконструктивные работы. Скажем, застраивается сейчас новыми домами Комсомольский проспект. В будущем такие же работы будут вестись на улице Ленина.

Наряду с дальнейшим расширением жилищного строительства мы решали и вопросы удешевления его. На 250-300 рублей снижена стоимость каждого квадратного метра жилья. Большое значение в этом вопросе имел подбор новых типовых проектов домов с одно- двухкомнатными благоустроенными квартирами.

Перед строителями и проектировщиками города в этой семилетке стоят большие задачи. В Перми необходимо построить 2 млн. 200 тыс. кв. метров жилой площади. Это немногим меньше, чем нынешний жилой фонд города.

За два года мы многому научились. Пути развития жилищного строительства, подсказанные Коммунистической партией и Советским правительством, привели нас к первым успехам. Задача работников проектных организаций и строителей состоит в том, чтобы идти дальше. Требование – строить быстро, красиво, дешево и прочно, – остается для нас законом.

Звезда. – 1959. – 31 июля (№ 178).

ЖИТЬ В «ХРУЩОБАХ» – ЭТО СЧАСТЬЕ?

В последние десятилетия в Перми как грибы растут элитные многоэтажки и дорогостоящие коттеджи. Их владельцы, да и не только они, с иронией и даже долей презрения называют дома, построенные в 1960–1970 годы, – пятиэтажные, благоустроенные, но малогабаритные, – «хрущобами».

Инициатором нового жилищного строительства и планов решить, наконец, наболевший «жилищный» вопрос стал Генеральный секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. По всей стране тогда началась великая стройка недорогих пятиэтажных домов, рассчитанных максимум на 50 лет. Миллионы семей переселялись в эти дома из коммунальных квартир, подвалов, деревянных домов и бараков времен Отечественной войны. Да что там войны – и 1920-х, и 1930-х годов. Квартиры получали бесплатно. Это была огромная радость, праздник жизни!

Масштаб строительства был огромен. Строили целыми комплексами, кварталами, микрорайонами. В Перми для строительства нового жилого массива был выделен, в частности, большой участок в Мотовилихинском районе, сразу за Разгуляем, дамбой и Егошихинским логом – район на горе, там где еще недавно размещался аэродром.

В строительстве участвовали не только строительные тресты, но и промышленные предприятия, заводы, крупные организации. Мой муж, Геннадий Ильич Аликин 40 лет работал в МКБ (моторо-конструкторском бюро) при авиадвигательном заводе им. Я.М. Свердлова (ранее – завод им. И.В. Сталина). После окончания Пермского авиационного техникума он был принят мастером в цех, стал старшим мастером, а после окончания Пермского отделения Свердловского вечернего машиностроительного института стал заместителем начальника цеха, затем начальником цеха, и проработал в этой должности до выхода на пенсию.

Однажды в конце 1950-х годов муж, придя с работы, сказал, что цех, где он работает, будет строить пятиэтажный дом в Мотовилихе, и его включили в список для получения квартиры в этом доме, но он должен отработать 700 часов на стройке в нерабочее время. В последующий год все субботы, воскресенья и отпуск муж строил дом, в котором нам предстояло жить.

Наша квартира, из которой мы собирались переезжать, находилась по улице Коммунистической (ныне Петропавловской), между сельхозинститутом и храмом Петра и Павла. Деревянный, одноэтажный, с подвалом дом, окна которого были ниже земли, и около каждого окна

вырыта яма глубиной около метра. Квартир в доме было восемь. Наша квартира, по-видимому, когда-то принадлежала хозяину дома – в пяти перегороженных комнатах жили три семьи. Нам принадлежали две комнаты и парадный вход с выходом на улицу. А из кухни был так называемый черный ход, им пользовались две другие семьи.

В одной из наших двух комнат, в 9-ти метровой, жили мы с мужем, сын, и непонятно как умещалась няня; а в другой – мои родители и брат. Туалет – во дворе, вода – в колонке через дом, баня – за пять кварталов – Кашинская, по имени прежнего владельца. Иногда ездили на трамвае в Ленинскую баню, на ул. Ленина.

Новый дом строили больше года. Наконец наступил день, когда муж позвал меня посмотреть, куда же мы переедем. В кармане у него были уже ключ от квартиры и ордер на проживание. И вот – дом по адресу ул. Ким, 95, наша квартира угловая, на 4-м этаже. Впечатление незабываемое: две квадратные комнаты в 10 и 11 кв. метров. Окна в одной комнате – на юг, в другой – на запад. Кухня – 1,7 кв.м. Муж встал посреди кухни и пальцами рук уперся в противоположные стены.

Ванной комнаты нет, но есть душевая кабинка 75 на 75 см., без дверей. Позже я шутила: свекровь моя была женщина полная, 80х80 см., в кабинку втиснуться не смогла. Прихожая – один квадратный метр. Я насчитала пять дверей. Светло, уютно! Какая радость, какое счастье!

Прямо перед окнами – ангар для самолетов. В землю под окнами врыта большая емкость – резервуар с газом, который периодически подвозила машина и закачивала его в эту емкость. Пользовались этим привозным газом – наш дом и соседний.

Конечно, еще долго месили грязь и весной, и осенью. Зато школа, больница и даже столовая – всё было рядом. Ближайшие трамвайные остановки – два квартала до площади Дружба и столько же до улицы Уральской.

Мы прожили в этом доме 12 лет. За 52 года, прожитые в супружестве, мы потом еще дважды улучшали жилищные условия, но такого сильного радостного и счастливого впечатления, какое оставила эта маленькая уютная «хрущевка», – не было никогда.

БИБЛИОГРАФИЯ

К.П. Чуприн

ЖУРНАЛ «ПРОЕКТ ПРИКАМЬЕ» О ПЕРМСКИХ ЗДАНИЯХ И АРХИТЕКТОРАХ

Журнал выпускался с 2003 по 2008 гг. под редакцией С.А. Шамакина. Тираж первых шести выпусков составлял 999 экз. (№ 7 и 9 – 5 тыс., № 8 – 10 тыс. экз.). В издании, посвящённом развитию и тенденциям в архитектуре, дизайне, немало внимания уделялось архитектурным особенностям Прикамья. Журнал предназначался в основном архитекторам и лицам, интересующимся вопросами градостроительства. Он удовлетворял потребность в открытом обсуждении новых оригинальных проектов и конструктивной критической оценке пермской архитектуры. Популярность журнала обеспечивалась его просветительской миссией в Пермском крае. Основными в издании были следующие разделы: «Истоки», «Теория», «Гостиная», «Проекты и постройки», «Почта», «Променады».

В тематическом обзоре публикаций журнала использованы статьи, непосредственно относящиеся к истории «пермского дома».

В статье [1] отмечается, что после 1812 г. на смену классицизму в искусстве постепенно приходил романтизм. К 1830-м гг. в обществе сформировалось понимание необходимости определения национального стиля. К тому же, классические постройки были дороги и не всегда соответствовали российским климатическим условиям.

Учреждение губернского города Перми предопределило его архитектурное развитие под руководством петербургского архитектора Ивана Лема, разработавшего первый генеральный план Перми (1784). Город выстраивался относительно реки Камы. В основу градостроительства и архитектурно-стилевого своеобразия Перми первоначально легли принципы классицизма. Вместе с тем, опустошительный пожар 1842 года, развитие промышленности, экономики, транспорта края, начиная с 40-х гг. XIX в., привели к пересмотру архитектурно-строительных принципов.

С 1820-х гг. наблюдается необычайный интерес к древней русской архитектуре. Русско-византийский стиль широко распространился в культовой архитектуре. Так, по разработанному альбому «образцовых» проектов церковей построена Слудская Свято-Троицкая церковь в Перми. В русско-византийском стиле сооружались православные храмы на протяжении всей второй половины XIX в.

Вопрос «национального стиля» становится главным для всей русской культуры второй половины XIX в. «Русский стиль» проявился и в пермской архитектуре. Это сказалось во внешнем оформлении зданий (орнаментально-рельефная кирпичная кладка карнизов и поясков, нарядные кокошники, обрамляющие арочные окна, крылечки с мотивами, характерными для древнерусского зодчества). Примерами русского стиля являются железнодорожный вокзал Пермь I, дом Синакевича, домовая Княже-Михайловская церковь при училище для слепых и др. Схожесть с русской архитектурой XVII в. заметна в Мариинской женской гимназии и Вознесенской церкви. Самобытный национальный стиль вырабатывался не только в столицах, но и в Перми. Например, некоторые дома, построенные по проектам А.Б. Турчевича в «русском стиле», очень нарядны, похожи на резные терема.

Во второй половине XIX – начале XX вв. идея национального стиля трансформируется в концепцию исторических национальных стилей. В Перми появляются лютеранская кирха, костёл, татарская мечеть.

В начале XX в. утверждается новое направление – модерн (его примером является ночлежный дом Мешковой). Культура модерна не связана с выработкой национального стиля. Поэтому национальные мотивы в архитектуре становятся лишь темой для интерпретации.

Статьи А. Пестовой [2; 3] посвящены Спасо-Преображенскому кафедральному собору. Закладка отдельно стоящей кафедральной колокольни была произведена в 1818 г. На основе архивных документов опровергается существовавшее мнение о принадлежности проекта И.И. Свиязеву. Сделан вывод о том, что авторами проекта кафедральной колокольни являются архитекторы П.Т. Васильев и П.И. Таманский [2].

Интерьерное убранство Спасо-Преображенского кафедрального собора [3] было нарушено после его закрытия в 1931 г. и передачи художественной галерее. Проведённая реконструкция культового интерьера позволила перейти к анфиладному решению пространства для экспонирования произведений искусства. В 1954—1958 гг. осуществлён капитальный ремонт здания и его дальнейшая реконструкция. Несмотря на это, сохранились произведения искусства, предметы культовой утвари, иконостас середины XVIII в., выполненный местными резчиками. Научные исследования позволяют воссоздать утраченный интерьер, включая настенные росписи, скрытые под слоями краски. Автором выявлены сведения о живописцах и мастерах, которые принимали участие в написании храмовых икон. Подробно охарактеризованы композиции подкупольного пространства летнего храма. Рассмотрены особенности реконструкции интерьера Собора в 1853—1854 гг. и 1892—1895 гг. В статье отмечается, что «большую религиозную и художе-

ственно-эмоциональную нагрузку несли настенные росписи, выполненные масляной краской по специальному грунту» [3, с. 19]. Сюжетный и художественно-образный язык произведений монументального искусства XIX в. разнообразно представлен в интерьерах. Об этом свидетельствуют церковные описи, сохранившиеся фотодокументы начала XX в. Это подтверждают и фрагменты раскрытых в ходе архитектурно-реставрационных работ настенных росписей.

История наиболее интересных зданий на одной из старейших улиц Перми – улице Ленина, рассматривается в двух публикациях [4; 5]. Раньше улица имела другие названия: Верхняя, Рождественская, Орловская, Нагорная, Покровская. Авторы характеризуют некоторые архитектурные объекты до сих пор украшающие улицу (бывший жилой двухэтажный дом Ф.В. Лазарева, здание городского Стефановского училища, дом, в котором располагалось «убежище для детей бедных», грибушинский особняк, «Дом коммунальщика», здание акцизного управления – ныне главпочтамта, Казённая палата и казначейство – сейчас здесь находится городская администрация). Обращено внимание на двухэтажный кирпичный дом бывшей торговой школы — ЗАО «Гастроном Центральный», здания Пермского духовного училища – Пермский государственный институт культуры, церкви Рождества Богородицы и первого в городе кинотеатра «Триумф». Представлены сведения о Доме Советов, Пермской краевой универсальной библиотеке им. А.М. Горького, Пермском драматическом театре, кинотеатре «Россия». Освещена история появления пермского парка-эспланады. Статьи [4; 5] содержат немало любопытных фактов, касающихся строительства и эволюции домов, находящихся на улице Ленина.

Наиболее значительные здания нынешнего Комсомольского проспекта, который в первой половине XIX в. назывался Широкий переулок, рассмотрены в публикации В. Семянникова и Н. Кирпичевой [6]. Во второй половине XIX в. Широкий переулок переименовали в Кунгурскую улицу. В её начале находились Спасо-Преображенский кафедральный собор, архиерейский дом, духовная семинария. В статье раскрываются своеобразные черты архитектуры губернского детского приюта, часовни Стефана Великопермского, Кирилло-Мефодиевского училища.

В первые годы советской власти Кунгурскую улицу переименовали в Красный проспект, а в 1928 г. проспект назвали Комсомольским. Мощным импульсом для его дальнейшего развития послужило строительство в 1930-х гг. Пермского моторостроительного завода. Возводились не только промышленные объекты, но и школа ФЗУ, заводоуправление, жилые дома, Дворец культуры.

В 1946 г. проводилась реконструкция Комсомольского проспекта, в ходе которой создавались жилые микрорайоны, школы, поликлиники, детские сады, ясли, магазины, предприятия бытового обслуживания. В 1950-е гг. на Комсомольской площади появилось монументальное здание УВД. Заметно выделяются в архитектурном облике проспекта здания строительного колледжа, Дома учёных, Пермэнерго, кинотеатров «Кристалл» и «Октябрь». На Октябрьской площади в конце 1950-х гг. началось строительство горного института. В 1960-е гг. построена гостиница «Прикамье» и ЦУМ. В 1970-е гг. был открыт Дом архитектора и выставочный зал. В 1983 г. возведена первая очередь восьмиэтажной гостиницы «Урал». Анализируя прекрасный архитектурный ансамбль Комсомольского проспекта, авторы называют архитекторов, проекты которых внесли существенный вклад в изменение его внешнего вида.

В журнале опубликовано несколько статей о пермских архитекторах [7—11].

Здания, построенные в дореволюционное время по проектам Василия Васильевича Попатенко (1841—1920) [7], можно найти на многих улицах центра Перми. Уроженец г. Керчи, Попатенко окончил курс Петербургского института гражданских инженеров со званием помощника архитектора. Служил в строительной и дорожной комиссиях в Крыму. Затем выполнял частные подряды в Петербурге. Позднее Попатенко служил в рязанской транспортно-строительной комиссии, а в 1870 г. занял должность земского и городского архитектора в г. Скопине Рязанской губернии. С 1874 г. его жизнь и творчество связаны с Пермью. Он активно занимался строительством, работая в должности младшего архитектора строительного отделения Пермского губернского правления. На посту губернского архитектора Попатенко служил с 1878 по 1912 гг. Он пользовался большим авторитетом у архитекторов, инженеров, строителей. Попатенко был действительным членом пермского отделения Русского технического общества.

Он проектировал здания различного социального назначения: училища, больницы, приюты, пожарные части, трамвайное депо, электростанцию, тюремный замок с церковью, ломбард, жилые дома для купцов. Попатенко занимался благоустройством Перми – водопроводом, канализацией. При нём были замощены некоторые центральные улицы, оборудован велодром за Загородным садом. Архитектор работал в стиле «рационального модерна» и в «стилях» эклектики – «кирпичном» и «русском». Творения Попатенко выразительны и неповторимы. Из сохранившихся построек назовём, прежде всего, училища: Екатерино-Петровское училище, Алексеевское женское училище, Стефановское городское начальное училище, Алексеевское реальное училище. На улице Биармской в 1913—1915 гг. по проекту Попатенко построили госпиталь.

Александр Бонавентурович Турчевич (1855—1909) [8] родился в дворянской семье польского происхождения. После окончания киевской гимназии он поступил в Строгановское училище. Увлечение театральным искусством не позволило ему пройти полный курс обучения. Приехав в конце 1870-х гг. в Пермь, Турчевич показал себя блестящим актёром. Но профессия актёра оказалась не очень доходной. Поэтому в 1885 г. он успешно сдал экзамены на производство строительных работ и начал принимать заказы как частное лицо. По заказу Н.В. Мешкова первой крупной работой Турчевича стало восстановление дома ранее принадлежавшего заводчику Яковлеву. В результате реконструкции дом, оформленный в духе интерпретации классицизма, превратился в замечательный «дворец Мешкова», который и сегодня восхищает нас своей красотой. Здание отличается богатством декоративно-оформления, проработкой больших и малых деталей.

В 1888 г. Турчевич открыл в Перми частное строительно-техническое бюро, которое занималось разработкой проектов и смет на строительство сооружений различного назначения.

Весьма привлекателен особняк купчихи Любимовой. В этом произведении Турчевича чувствуется свойственная его стилю аккуратность, внимание к деталям, умение создать лирический образ богатого частного дома. Частично сохранившиеся интерьеры особняка, несут ощущение праздничности.

По проекту Турчевича построен дом Грибушина – замечательный пример модерна. Автор выявил то, что отличает это здание от более ранних работ архитектора.

В начале XX в. Бюро Турчевича занималось внешней и внутренней перестройкой Пермской казённой палаты. Стиль архитектора ярко проявился в облике частного дома купцов Тупицыных и в оформлении собственного дома.

Наряду с другими строительными материалами Турчевич употреблял в отделке проектируемых сооружений красный кирпич, который широко применялся в национальном русском зодчестве. Так, удивительной красоты Никольская церковь в Мотовилихе, к сожалению, снесённая в советский период, напоминала резной терем. С использованием узорчатой кирпичной кладки построено также женское епархиальное училище.

Турчевич работал не только в Перми, но и в других городах. Самым крупным его проектом стал посёлок Березниковского содового завода (1883 г.). Необычайно красив и величествен Верхотурский Крестовоздвиженский храм (г. Верхотурье Свердловской обл.). В нём поражает обилие света, свободно льющегося из 137 окон разных форм и размеров. Всего Турчевич осуществил около 150-ти проектов гражданских и культовых зданий.

Давид Яковлевич Рудник (1911—1991) [9] многое проектировал в Перми. Закончив Пермское художественно-промышленное училище, он учился в Казанском архитектурном институте и сдал выпускные экзамены. С началом Великой Отечественной войны Рудник был призван в армию, ему не удалось защитить дипломный проект. Тем не менее, уже в 1930-е гг. он участвовал в проектировании различных объектов. В 1937 г. Рудник стал членом Союза архитекторов СССР и участником I съезда архитекторов страны.

В годы войны Рудник обучался в Ярославском военно-артиллерийском училище. В это время он создал учебное пособие для подготовки офицеров инженерных войск, которое использовалось военными инженерами – мостостроителями, дорожными строителями.

Вернувшись в Пермь после войны, Рудник стал одним из организаторов-основателей проектного института Пермгорпроект (впоследствии Пермгражданпроект). Сначала он работал руководителем архитектурной мастерской, а затем – главным архитектором института. В конце 1960-х гг. Рудник – главный архитектор института Гипровостокнефть (ПермНИПИнефть), а с 1970-х гг. он возглавил Пермскую группу государственного проектного института ГипроВУЗа.

В начале 1950-х гг. Рудник вместе с коллегами активно занимался проектной проработкой реконструкции Комсомольского проспекта, проектируя ряд объектов, украсивших проспект: Пермэнерго, кинотеатр «Кристалл» и др.

Работая в ГипроВУЗе, Рудник выполнял проекты для многих высших учебных заведений города. Так, для Пермского сельскохозяйственного института осуществлены проекты учебных, лабораторных и спортивных зданий на Липовой горе. В 1970-е – 1980-е гг. крупные проектные работы проводились для Пермского государственного университета и политехнического института. Эти вузы получили проекты учебных, административных и лабораторно-производственных корпусов, общежитий. Например, студенческий городок политехнического института застраивался по проектам Д. Рудника и его коллег.

Не ограничиваясь узкопрофессиональными рамками, Рудник тщательно изучал все составляющие проектов: санитарно-техническую, электротехническую, функционально-технологическую, сметную документацию. Он всегда стремился к совершенным техническим решениям. «Д. Рудника отличало одинаково глубокое знание как классического наследия, так и современной архитектуры и строительной техники, что нашло выражение в его постройках» [9, с. 19]. А. Маковецкий отмечает такие личные качества архитектора как неуёмная энергия, творческое горение, открытость, доброжелательность, стремление к спорам, рождающим истину.

Михаил Иудович Футлик (род. в 1933 г.) [10] в 1956 г. окончил строительный факультет Уральского политехнического института по специальности «архитектура», работал в Горпроекте (затем Пермгражданпроект), Худфонде.

В советские времена Футлика в шутку наградили званием «полковник», поскольку ряд его проектов отправили на полку как «несвоевременные». Дом на месте бывшей «стометровки» — новое слово в пермской архитектуре — остался в проекте (вместо него было построено типовое здание). Проект реконструкции железнодорожного вокзала Пермь II (1983—1984) приняли и одобрили высокие комиссии, но так и не изыскали средств, для его реализации. Неосуществлённым остался прекрасный проект реконструкции кукольного театра.

Первым профессиональным успехом Футлика стал проект здания Пермской областной библиотеки им. А.М. Горького (1966). Создавать его довелось в «жуткие времена» для архитектуры, когда запрещали индивидуальное проектирование и боролись с «архитектурными излишествами». Автор пишет: «Предметом законной гордости для молодого архитектора стало тогда то, что его библиотечный проект привнёс в архитектуру Перми нечто новое. В те времена был популярен так называемый сталинский ампи́р, дома с колоннадами, портиками и прочим. А в пермском «храме мудрости» ничего такого и в помине не было – все суперсовременно» [10, с. 40]. Разумеется, Футлику, отстаивая свои взгляды, пришлось выдержать битву с противниками данного проекта.

С течением времени у Футлика сложился собственный авторский стиль. Хотя в своём творчестве он всегда ориентировался на теорию функционализма, систему пропорциональности, разработанные известным французским зодчим Ле Корбюзье.

«Если сравнить два проекта: «Горьковку» и дом на Сибирской, — перед нами словно два разных Футлика. Настолько они не похожи. А просто архитектор все умеет, творит в разных стилях. И вполне современную постройку под модерн, с реминисценциями вписал в старинную улицу так, что вызвал одобрение пермяков» [10, с. 41].

В. Гладышев раскрывает отношение Футлика к архитектурным стилям и творчеству пермских зодчих, рассказывает о его работе как художника по оформлению театральных постановок, о его давнем увлечении джазом.

Анатолий Михайлович Старков (1939—2005) [11] окончил Кунгурскую камнерезно-художественную школу, затем Уральский политехнический институт по специальности «архитектор». Работал в Нижнетагильском отделении проектного института «Свердловскгражданпроект», в институте «Пермгражданпроект», в проектной фирме «Архпроект».

«Расцвет его карьеры, — пишет Л. Горшкова, — пришёлся на время излишнего рационализма и однообразия (1970—1980-е гг.), когда архитектурная концепция базировалась на логическом подходе — с позиций санитарно-гигиенической или технологической целесообразности» [11, с. 53]. Вопреки условиям того времени, несмотря на строгую регламентацию, Старкову и его сотрудникам удалось создать незаурядные проекты, воплотив их в строительстве. Яркими работами данного периода являются здания областной администрации, культурно-делового центра, комплекс корпусов гостиницы «Урал». Их фасады тщательно проработаны и художественно выразительны.

К числу интересных построек 1990-х гг. относится жилой комплекс в квартале 43 (в границах улиц 25 Октября, Горького, Коммунистической и Советской), жилой дом по ул. Горького, 64, административное здание по ул. Газеты «Звезда», 13а.

Значимым трудом последних лет является проект православного храма, реализованный в посёлке Уральском Нытвенского района нашего края. Забота о людях — отличительная черта архитектора Старкова, независимо от объекта проектирования: микрорайон, жилой дом, фабричный комбинат, театр, музей. Микрорайоны в городах Нижнем Тагиле, Лысьве, Кунгуре, Горнозаводске, Гремячинске и жилые районы в Березниках, Усолье удобны и красивы. Динамична группа домов в микрорайоне Грачёва, формирующая панораму Перми со стороны Камы.

Преданность профессии, умение выделять главное, простота в общении, разносторонность и личный магнетизм делали Старкова неформальным лидером любого творческого коллектива.

На страницах журнала «Проект Прикамье» в равной степени представлена информация об отдельных улицах, зданиях Перми и творческих поисках пермских зодчих. Следует положительно оценить то, что все материалы, отражённые в обзоре, сопровождаются фотографиями описываемых архитектурных объектов. Статьи, опубликованные в данном периодическом издании, несомненно, расширяют наши представления об архитектуре Перми.

Список использованных источников

1. *Перескоков Л.* Пермская архитектура в контексте поиска национального стиля (XIX век) // Проект Прикамье. — 2006. — № 7. — С. 34-39: фот.
2. *Пестова А.* Устремлённый в небо. Колокольня Спасо-Преображенского кафедрального собора. Новые открытия // Проект Прикамье. — 2003. — № 1. — С. 8-11: фот.
3. *Пестова А.* Взгляд в прошлое. Поиски и открытия. Монументальные росписи XIX века как часть архитектурного пространства пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора // Проект Прикамье. — 2003. — № 2. — С. 16-19: фот.

4. *Семянников В., Кирпичева Н.* Из истории улицы Ленина // Проект Прикамье. — 2004. — № 3-4. — С. 16-19: фот.

5. *Семянников В., Кирпичева Н.* История улицы Ленина // Проект Прикамье. — 2005. — № 5-6. — С. 10-15: фот.

6. *Семянников В., Кирпичева Н.* Красный, красивый, широкий... // Проект Прикамье. — 2003. — № 1. — С. 14-19: фот.

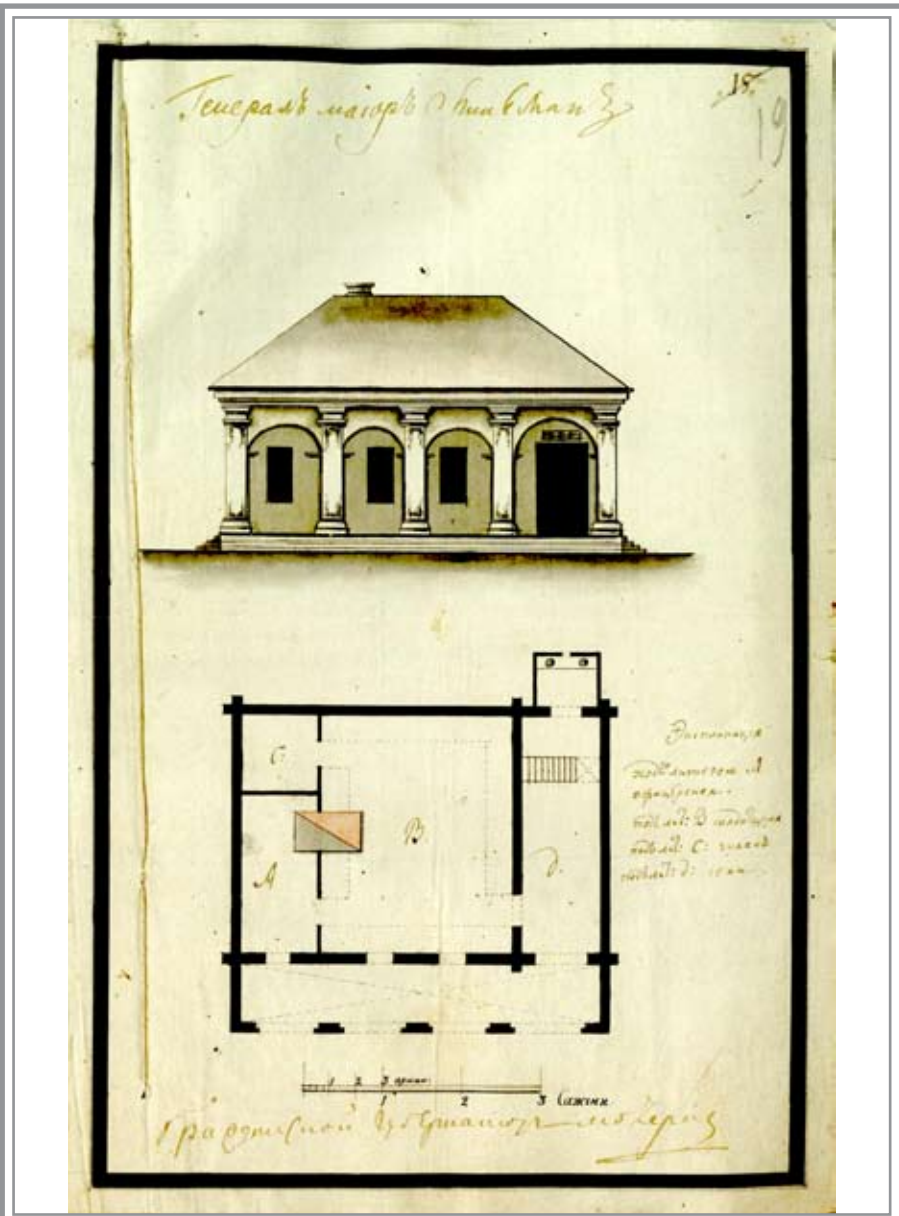
7. *Колбас В.* Пермский архитектор Попатенко // Проект Прикамье. — 2003. — № 2. — С. 4-7: фот.

8. *Перескоков Л., Юзефович А.* Архитектурный парад маэстро Турчевича // Проект Прикамье. — 2003. — № 1. — С. 4-7: фот.

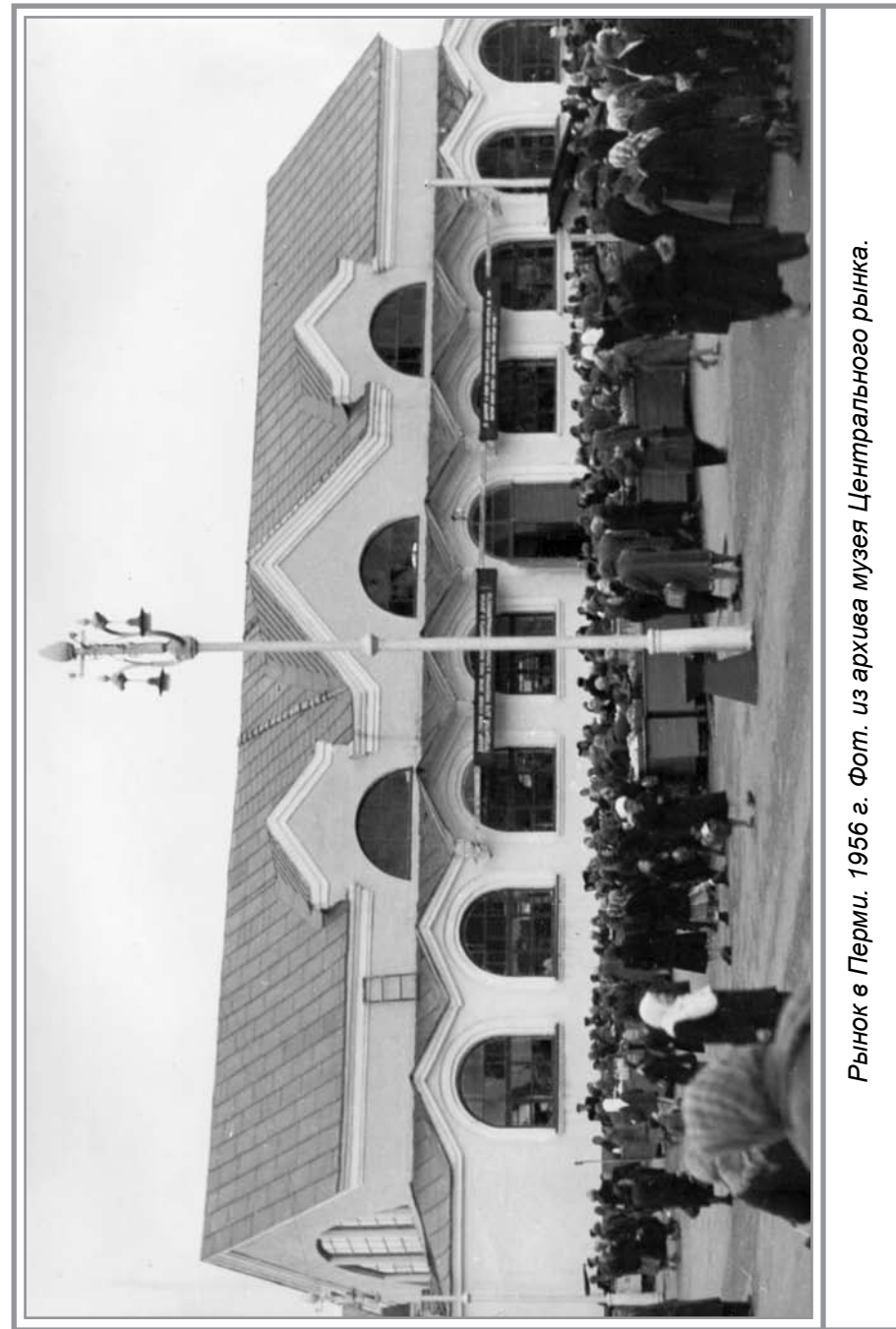
9. *Маковецкий А.* Давид Яковлевич Рудник // Проект Прикамье. — 2005. — № 5-6. — С. 16-19: фот.

10. *Гладышев В.* Жезл Меркурия // Проект Прикамье. — 2003. — № 2. — С. 38-43: фот.

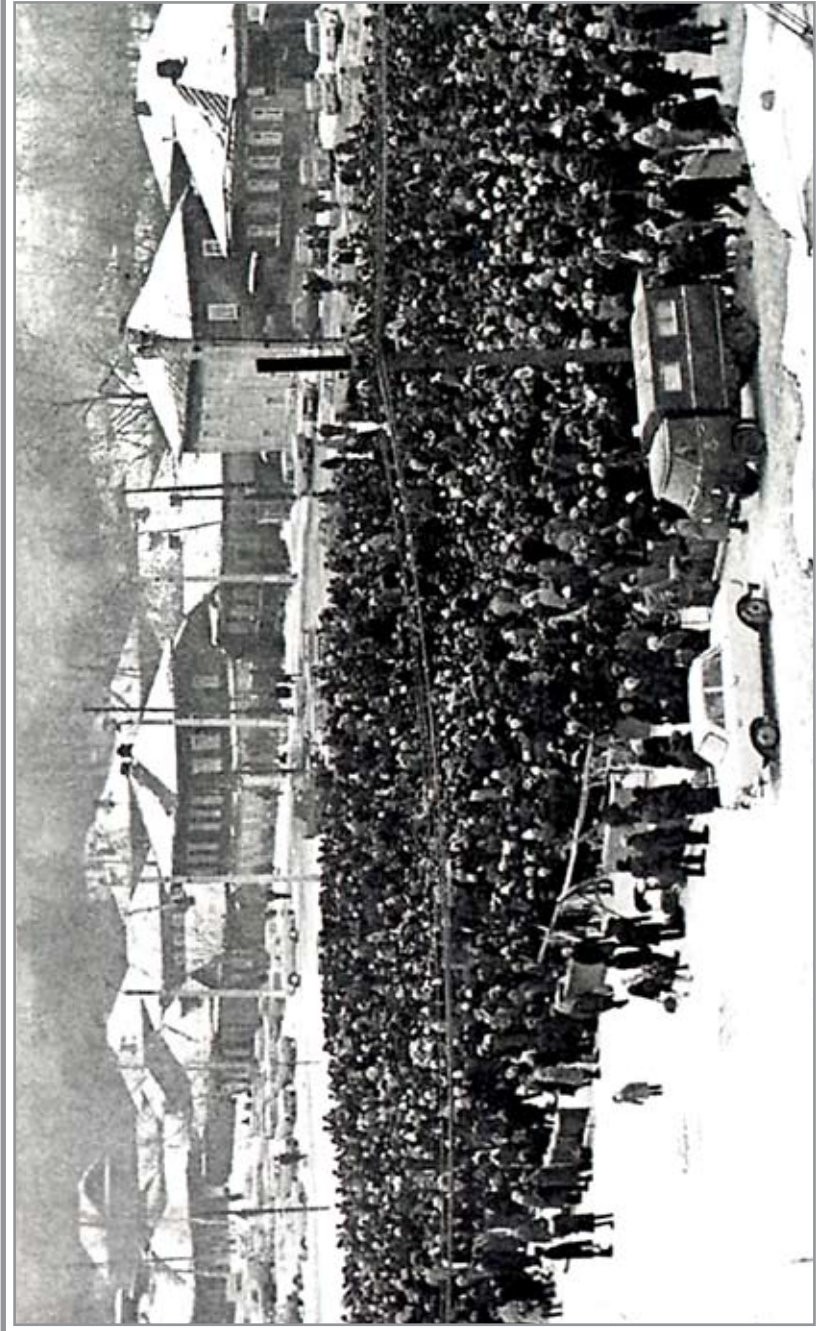
11. *Горшкова Л.* Архитектор Анатолий Старков // Проект Прикамье. — 2003. — № 1. — С. 52-55: фот.

Фасад и план караульного помещения Екатеринбургского мушкетерского полка. ГАСО. Ф.8. Оп.1. Д.75. Л.19.
(К статье Д.А. Лобанова).

Рынок в Перми. 1956 г. Фот. из архива музея Центрального рынка.

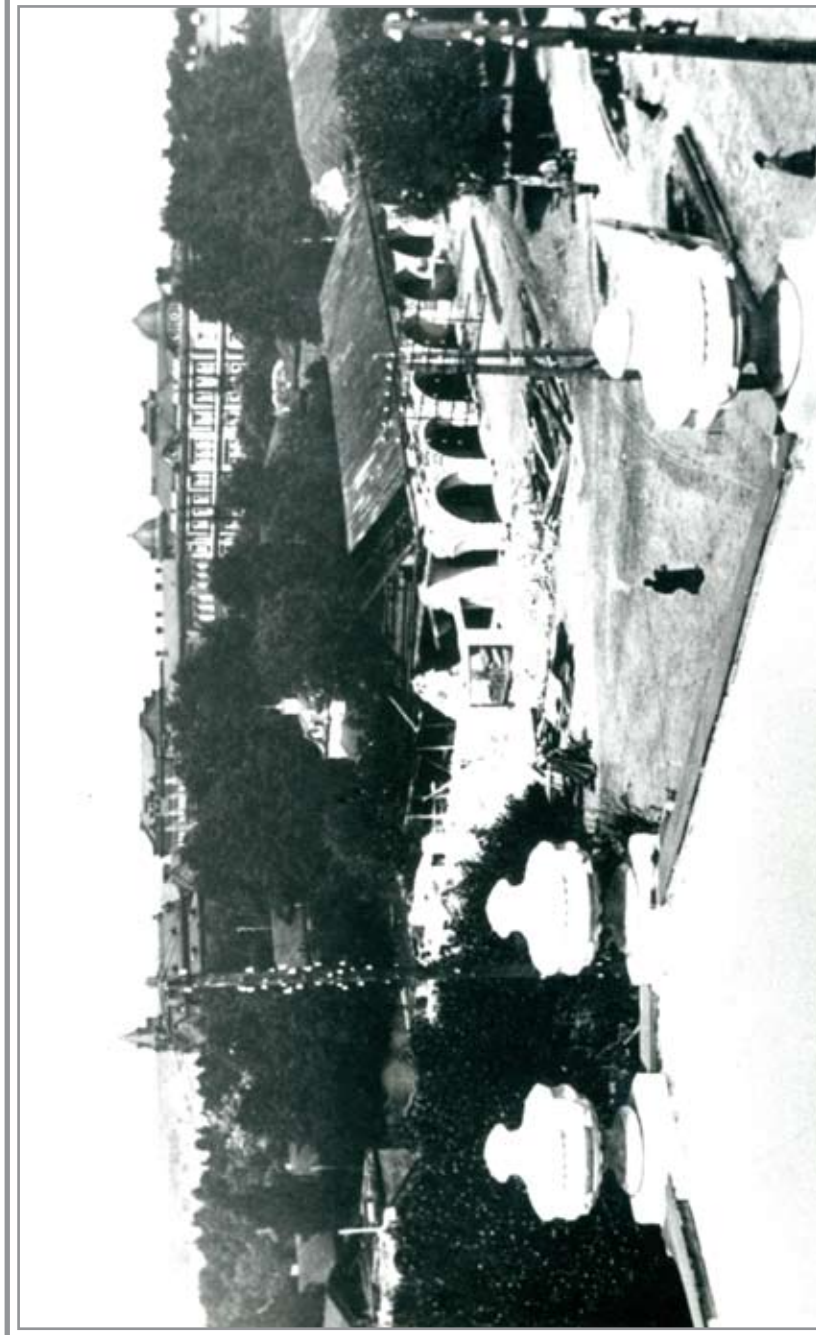
Барахолка в Перми – колыбель кооператоров. Фот. из архива музея Центрального рынка.

Улица Достоевского в Перми. Август 2016 г. Фот. М.И. Серова.

Гостинный двор. Городской ломбард. Фасад по ул. Петропавловской. Ок. 1917 г. ПКМ.

Разборка гостинного двора. 1929 г. ПКМ.

Резное училище 1948-49 ч. 209
г. Молодотоб

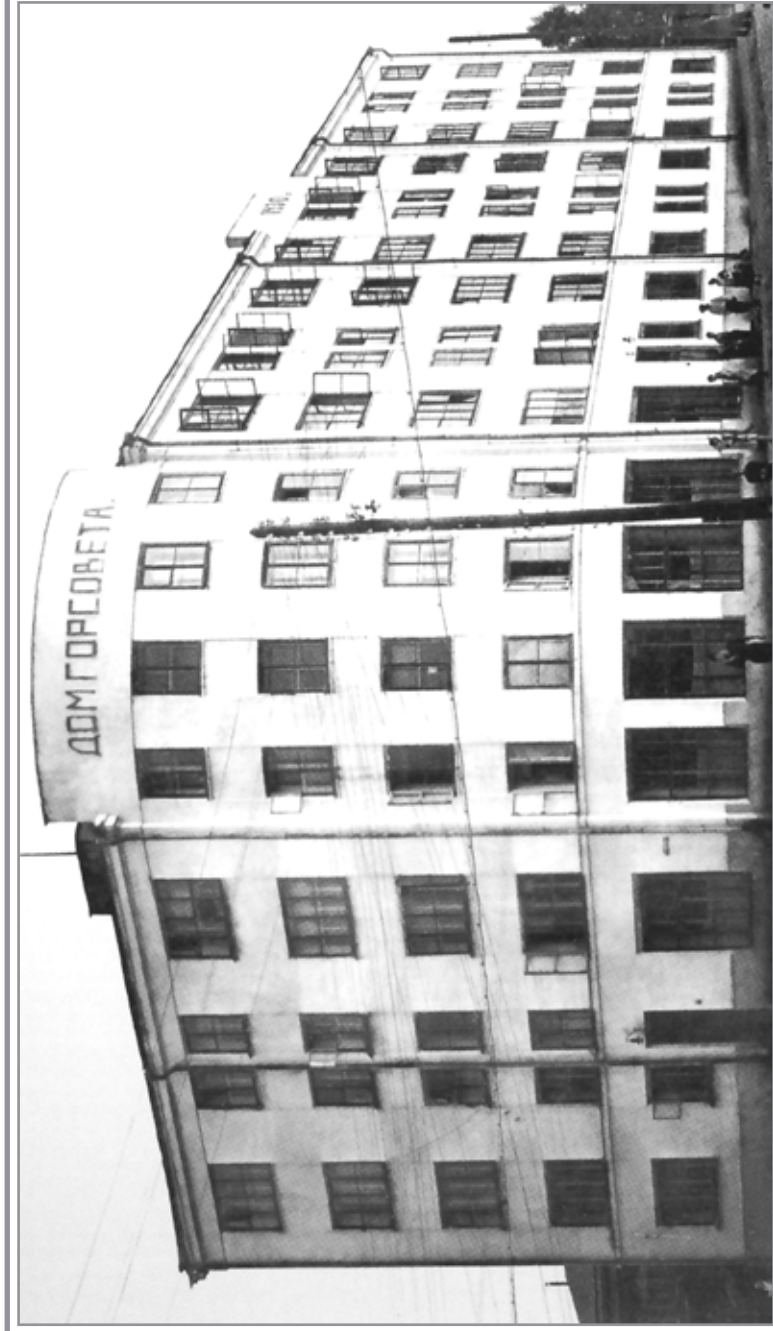
Курсантов «Восток» и «Юг» в 1948-49 гг.
г. Молодотоб

ДОМ НИКОЛАЕВА

Как ни странно, но красивое каменное двухэтажное здание на углу ул. Попова, 7 (Далматовской) и Орджоникидзе, 83 (Монастырской) не было поставлено на учёт как памятник архитектуры. Между тем это типичный образец добротной застройки купеческой Перми. Нарядный дом, увенчанный куполом, с изящным фронтоном, «опоясанный» узорной кирпичной лентой, украсил угол квартала в первое десятилетие XX века. Принадлежало здание виноторговцу и ресторатору Александру Павловичу Николаеву. И в царское время, и в советские годы основную площадь здания занимали учебные заведения: до 1917 года – III начальное женское училище, а после – школа и школа-интернат №13. Несколько лет здесь также располагался лицей ПГУ. В настоящее время дом пустует, безропотно ожидая решения своей участи.

Рубрику ведёт председатель клуба
«Пермский краевед» **Владимир Гладышев**

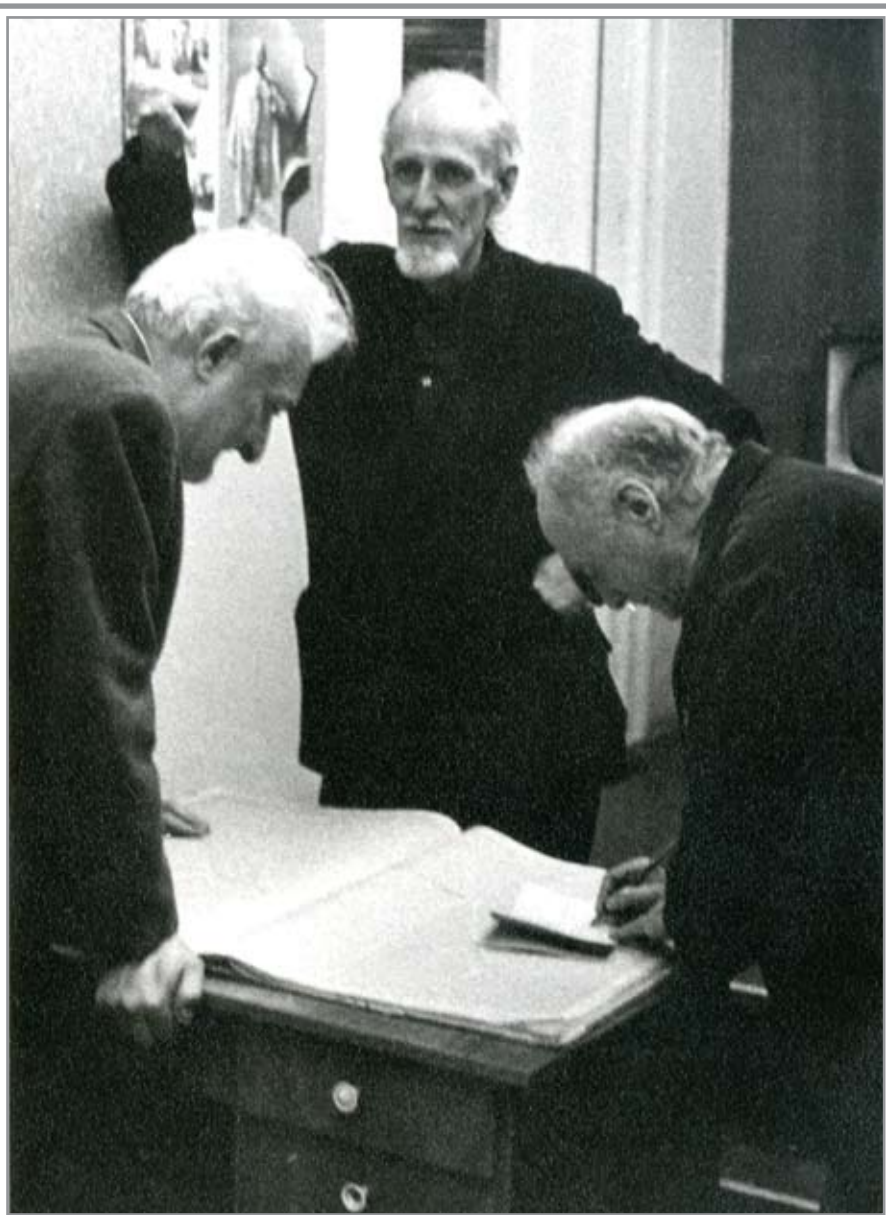

*«Дом горсовета» на углу улиц 25-го Октября, 26, и Екатерининской, 51.
В 2004 г. на доме установлена мемориальная доска в память о жившем здесь
Б.Н. Назаровском. С 1958 г. у него несколько лет жил М.С. Альперович.*

*Корреспонденты и рабкоры «Звезды». В первом ряду – Лия (Раля) Соломянская, крайний справа –
Михаил Альперович. Во втором ряду – крайний слева Александр Плёско, второй
справа – Борис Назаровский. ПермГАНИ, из личного фонда Н.А. Аликиной.*

*В областном краеведческом музее:
С.М. Гинц, Б.Н. Назаровский, М.С. Альперович. 1971 г.
Из фондов ПермГАНИ. Ф.25. Оп.1. Д.21. Л.3.*

*М.С. Альперович на областной конференции ВЛКСМ
15 марта 1972 г. Из фотофонда ПКМ.*

На встрече школьников Перми с ветеранами комсомола «Вперед заре навстречу» в Пермском краеведческом музее. Слева направо: Л.Г. Дворсон, О.Г. Бурлакова, М.А. Прохорова, М.С. Альперович, Т.Д. Шматенок. Конец 1970-х гг. Из фотофонда ПКМ.

В.П. Астафьев за рабочим столом в своей квартире на ул. Ленина, 172 (84).
Из фотофонда Пермского краеведческого музея.

Семья Астафьевых в своей квартире в Париже. Из фотофонда ПКМ.

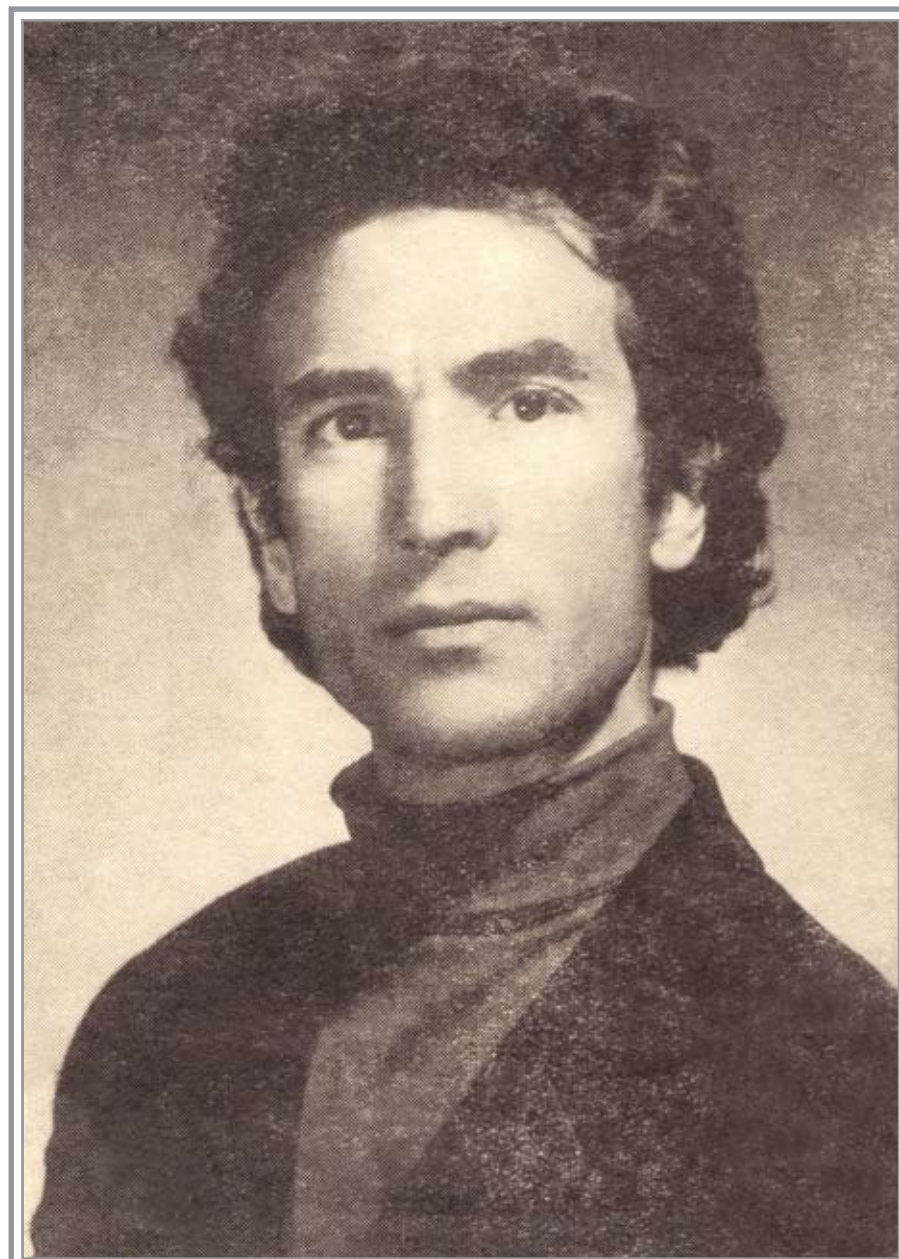
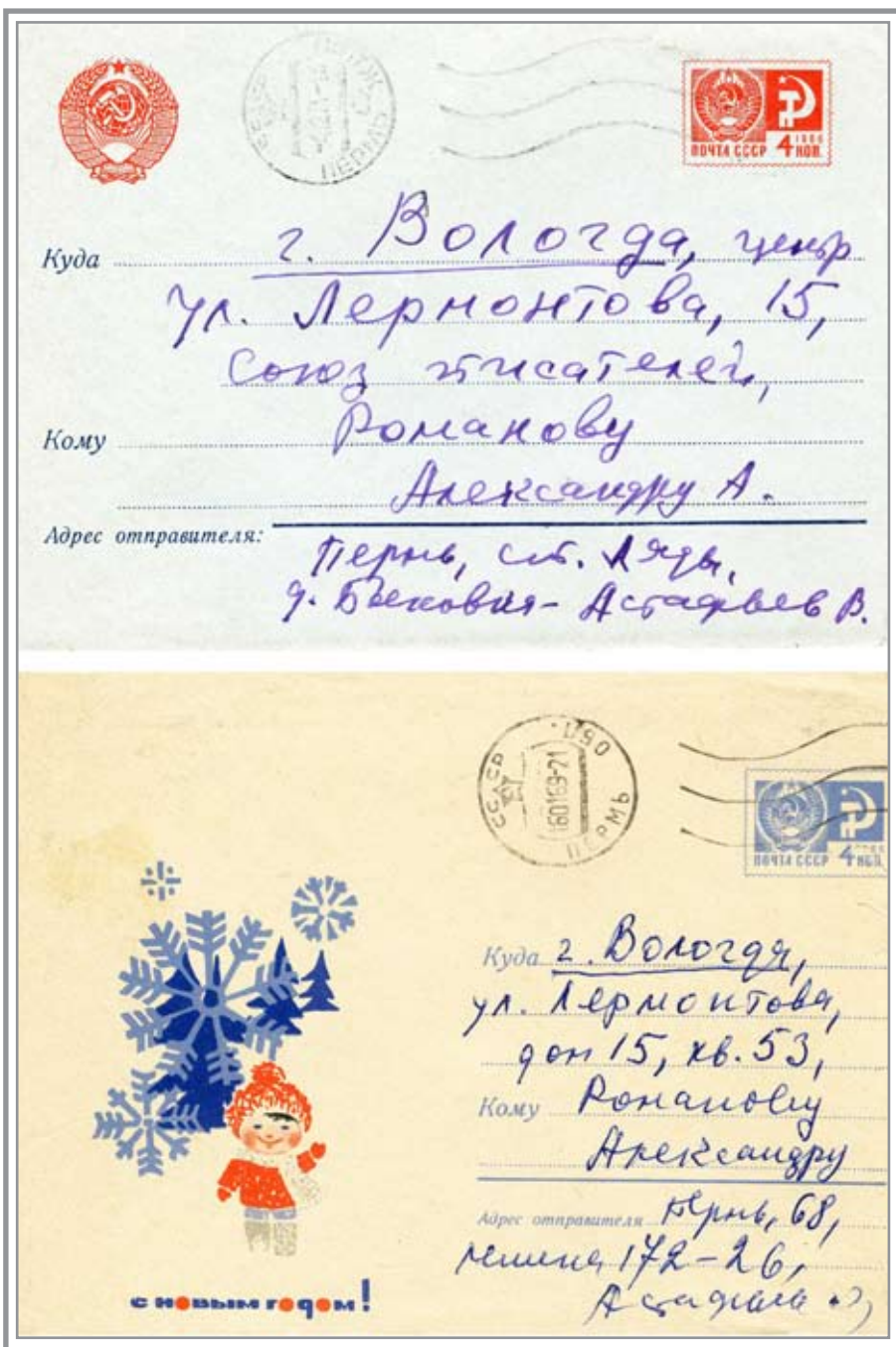
Мария Семеновна Астафьева. Из фотофонда ПКМ.

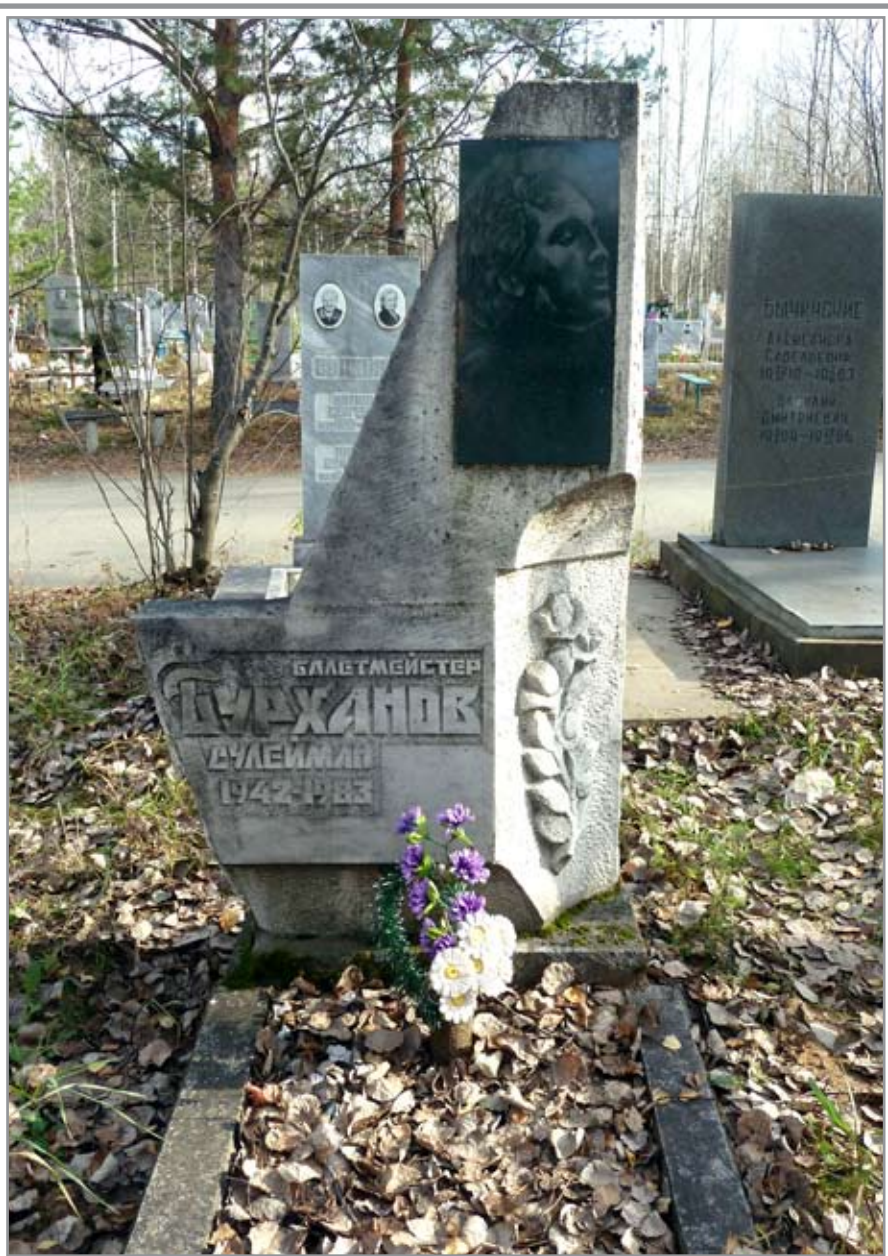
Виктор Петрович и Мария Семеновна Астафьевы. Из фотофонда ПКМ.

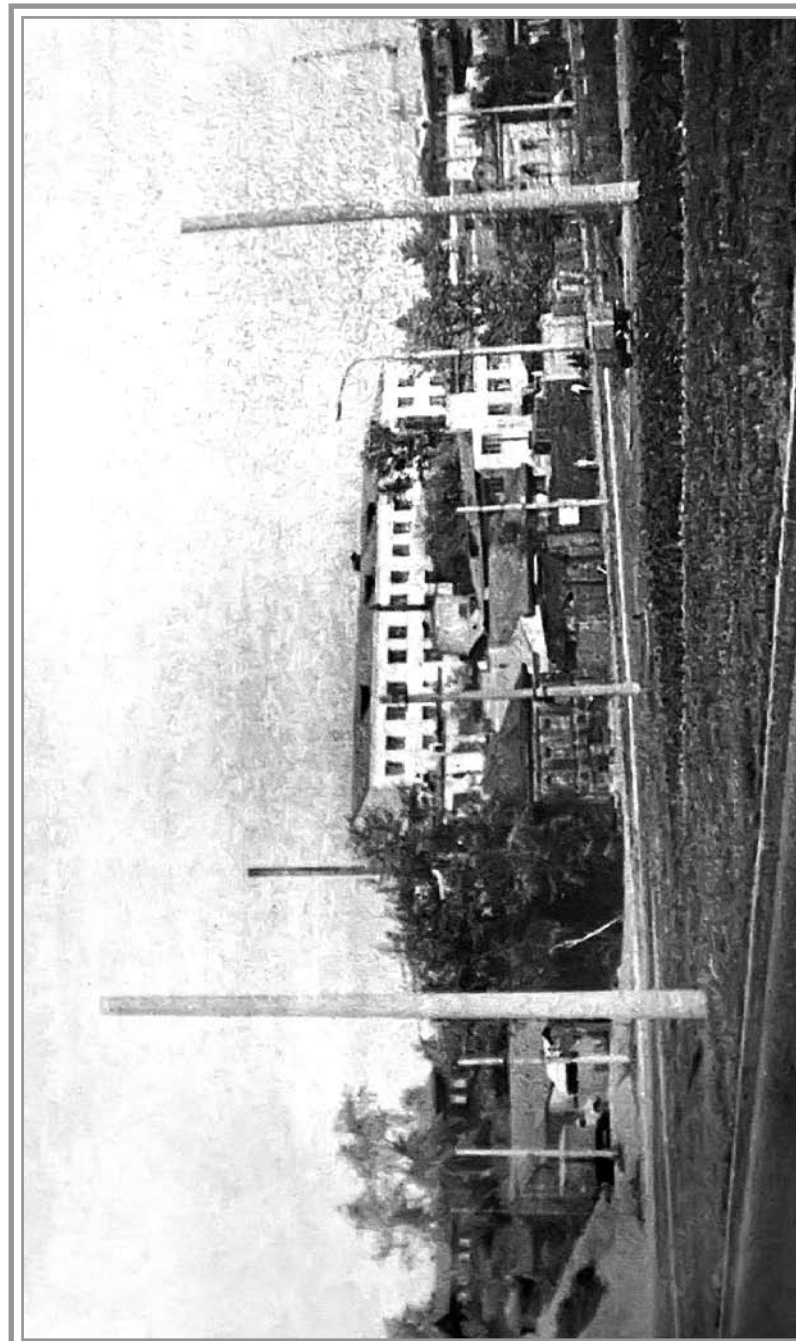
Виктор Петрович Астафьев с дочерью Ириной. Из фотофонда ПКМ.

Сулейман Бурханов.

Памятник балетмейстеру С. Бурханову.

Угол улиц Попова и Коммунистической. Бывшая конфектная фабрика Судоплатова.
(К воспоминаниям Л. В. Куколева).

Сергей Андреевич Ильин.

*Дом, где жил С.А. Ильин (ул. Екатеринбургская, 8).
19 октября 2005 г. Фот. В.А. Баландина.*

*Открытие восстановленного памятника на могиле С.А. Ильина.
19 октября 2005 г. Фот. В.А. Баландина.*

*Открытие восстановленного памятника на могиле С.А. Ильина.
19 октября 2005 г. Фот. В.А. Баландина.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абашев В.
Абашев В.В.
Абрамов А.С.
Абрамович Ю.М.
Аверина Н.Ф.
Аверкиев
Айни С.
Акимов П.В.
Акимова В.И.
Александр I, император
Александр II, император
Александр III, император
Александр Николаевич, великий князь
Александра Федоровна, императрица
Александров
Алексеев
Алексеев В.П.
Алексей Александрович, великий князь
Алексей, цесаревич
Аленчикова Н.Д.
Аликин Г.И.
Аликина Н.А.
Альперович М.С.
Анастасьев А.К.
Андаева Р.Г.
Андреевский Н.Е.
Антоний, епископ Пермский и Верхотурский
Антонов
Анфиногенов
Апродов В.А.
Арнопольский М.С.
Асеев Н.
Астафьев А.В.
Астафьев В.П.
Астафьева М.С.
Афанасьев М.
Ахматова

Бабад
Бабенко
Бадер О.Н.
Байрон Д.
Бакеевы
Балыбердина П.А.
Баранова Е.
Басонов-Гольдберг М.З.
Баталина Ю.
Бахарев В.Н.
Бахчиев А.
Баяндина Н.П.
Бегичев
Безикович А.С.
Беклемышев
Беллини
Белов В.
Белоградов О.
Бенда И.И.
Беранже
Берглин, капитан
Бердичевская А.Л.
Береснева А.П.
Берман И.Л.
Бернштейн О.
Бикбулатов Ф.
Блюхер
Бобринская
Богатырев К.Н.
Богданов Д.А.
Богданович М.П.
Богословский Е.С.
Богословский П.С.
Бойченко Н.И.
Боровик А.
Боярская А.
Бояршинова М.Н.
Бродский И.
Брокгауз Ф.А.
Бруков
Будрин И.В.
Будрин И.В.
Будрин М.

Будрина А.Г.
Будрина З.А.
Будрина Н.А.
Бузмаков А.В.
Букановская О.
Букирев А.И.
Бурденко
Бурлюк Д.
Бурханов С.Ф.
Бурханова Н.
Бурханова О.Д.
Бухарин Н.И.
Быков А.А.
Быкова И.П.
Быстрых Т.И.
Быховский
Ваганова А.Я.
Вадзиш Ю.А.
Варасов К.
Варасов П.
Варгин В.Н.
Варгин С.В.
Варгина Т.П.
Варгины
Варламов
Васильев П.Т.
Васильев С.
Вахрушев В.Я.
Вейхман С.С.
Вельяминов П.
Венгеров С.А.
Вердеревская
Вердеревский В.Е.
Вердеревский Е.А.
Верди Д.
Верещагин
Верхарн Э.
Верховский Н.
Верхоланцев В.С.
Вершинина А.Г.
Вершов С.С.
Весновский В.
Весновский В.А.
Вечтомов А.Д.

Вечтомов Н.А.
Виноградов В.В.
Виноградов Н.К.
Виноградова М.
Власова Е.Г.
Водовозов
Водовозов Е.А.
Воеводин
Воженников Г.
Возженников Г.
Волков
Волков В.
Володин
Володин В.Я.
Воробьев
Воробьев К.
Воронихин А.И.
Воронов
Ворошилов К.Е.
Воскресенский М.
Востриков Ф.
Гаврилов
Гаврилов Ю.
Гагуа Н.И.
Гайда, генерал
Гайдар А.
Гайдар А.П.
Гайдар Т.
Гайсин О.Д.
Галицкий
Галицкий Д.К.
Гальцатовский
Гауптман
Гегель
Гейбович А.И.
Гейденрейх Е.Н.
Генинг В.Ф.
Генкель А.Г.
Генкель М.А.
Геннин В.
Герман
Герман Ю.
Герцен А.И.
Гильдина З.

Гинц С.
Гинцы
Гладышев В.
Гладышев В.Ф.
Глоба П.П.
Гоголь
Годунов Б.
Голдина Р.Д.
Голдобин И.И.
Голи В.Д.
Голиков А.
Головинский
Головчанский Г.П.
Голубева Л.А.
Гордеев В.
Городцов
Горшкова Л.
Горький А.М.
Горький М.
Грацианский Г.В.
Грачев
Гребенкин А.А.
Грибель В.В.
Грибушин
Григорьев В.В.
Григорьева И.
Гримм
Гринев М.С.
Гринева О.М.
Громов В.И.
Групильон Д.М.
Групильон М.П.
Групильон П.М.
Групильон Т.М.
Гуляевы
Гумилев Н.
Гурина Н.Н.
Гурьев
Гусева Н.

Давыдычев Л.И.
Даль В.И.
Данилов Ю.С.
Данцигер
Дарам Г.

Дворсон Л.Г.
Дебец Г.Ф.
Дедюхин
Деменчук Г.М.
Денисов В.П.
Денисова Н.В.
Деньшин А.А.
Деньшин М.А.
Деньшин Н.А.
Деньшина А.И.
Деньшина Т.И.
Деньшины
Десятников
Джишкариани
Дижбит
Димухаметова С.А.
Дмитриев А.А.
Домнин А.М.
Дорж А.
Дортман Т.М.
Досманов
Достоевский
Достоевский Ф.М.
Драгунов П.Е.
Дубровин В.И.
Дунаев
Дьяконов
Дьяченко Н.Н.
Дягилев С.П.

Евграфов Л.
Евреинов В.А.
Европеус В.И.
Ежиков И.Г.
Ежов Н.И.
Елькин Н.Е.
Ермилов В.
Ерогов
Есипов
Жаворонкова Г.И.
Жмаев И.Р.
Жмудский
Жуков
Жунев А.

Загородников А.П.
Загуляев Е.Н.
Закурдаевы
Залкинд И.
Залыгин С.П.
Зарубин Н.
Захаржевский И.
Захарова Н.Ф.
Здравосмыслов
Здравосмыслов Ю.
Земляникин
Земляникины
Зенкин
Зинкевич Ю.П.
Зонова О.Н.
Зуев А.
Зырянов

Ибаррури Д.
Иванов
Иванов А.
Иванов Н.А.
Иванова
Игумнов Г.В.
Ижболдины
Ильин А.
Ильин А.С.
Ильин А.Ф.
Ильин М.А.
Ильин П.Я.
Ильин С.А.
Ильин Ф.А.
Ильина Е.А.
Ильина Е.П.
Ильина Н.Л.
Ильина О.М.
Ильина Ю.П.
Ильины
Ильф И.
Инбер В.
Исмагилов Р.
Ишханов

Кабалевский Д.Б.
Кадиков Б.Х.

Кадочников В.Н.
Казанцов Н.
Казаринова Н.
Калабурдин Г.
Калинина А.
Калинина Н.Я.
Калугин
Калугина В.П.
Кальпиди В.
Кальпиди В.В.
Каменские
Каменский В.
Каменский В.В.
Камчатов
Канторович Г.
Канторович Г.Д.
Канчели Г.
Капитонов
Капитонов В.И.
Карабаев Е.Ф.
Карвовский Р.О.
Катаргины
Качарова Г.И.
Кашина
Кашихин Л.С.
Кашлявик Н.
Керцель
Кестранек А.Ф.
Кириленко А.П.
Кирилов С.Н.
Киров С.М.
Кирпичева Н.
Кирсанов С.
Кирсанова К.
Кирьянов И.К.
Кисилева М.Т.
Клерикова М.Р.
Клушин П.Н.
Клыков В.М.
Князев В.Н.
Кобяк Г.
Коваль М.
Коган
Козловский И.С.
Козырева Р.В.

Козьминых
Кокарев А.В.
Кокшаров Р.А.
Колбас В.
Колбас В.С.
Колесников
Колесников И.М.
Колесников С.И.
Колмаков А.Л.
Колпаков Е.А.
Колчак
Коноплев
Коноплев Б.В.
Константинов
Константинов А.А.
Константинов В.
Копысов М.Н.
Корбюзье Ле
Корнфельд
Королев В.И.
Королев П.И.
Кортаев В.
Кортаева И.В.
Коротков Г.
Коротковы
Корчагин П.А.
Кох Г.
Кочергина Т.
Кравченко А.Г.
Красноперов Д.А.
Красноперова Н.В.
Красюк М.А.
Крашенинников А.
Крестьянинов
Кривощекова-Гантман А.С.
Кричевский
Кричевский В.Я.
Кропачев А.П.
Кротова М.О.
Крупская Н.К.
Крученых А.
Крылова
Крысанов В.Ф.
Кувардина Т.В.
Кудымов А.Б.

Кузнецов
Кузнецов А.И.
Кузнецов Б.В.
Кузнецов В.М.
Кукин Н.Н.
Куколев В.
Куколев Г.М.
Куколев Л.
Куколев Л.В.
Куколева А.М.
Култашев Н.В.
Кутузов
Куштанов А.

Лавров П.М.
Лагутин К.К.
Лазарев Ф.В.
Ласт Д.
Лафонтен
Лахтин Н.
Лахтины
Лбов А.М.
Лебедев А.В.
Лебедев В.Н.
Лебедева М.В.
Левант Л.М.
Левен В.
Легких Л.
Лем И.
Лемке Ф.И.
Ленин В.И.
Ленц Г.Т.
Лещенко В.Ю.
Лиёпа М.
Линк
Линсон Г.М.
Липницкая А.
Лисовенко Л.А.
Листратова Т.
Лобанов Д.А.
Лондон Д.
Лопатин
Лопатин Н.А.
Лотарева Р.М.
Лошкарев П.

Луначарский А.В.
Лунегов И.А.
Лыкин П.Т.
Лыкова Л.А.
Лысогорский В.А.
Любимов
Любимов И.
Любимов И.И.
Любимова, купчиха
Лядов Ю.Н.

Мажитов Н.А.
Мазунин А.И.
Макаров А.Н.
Маковецкий А.
Малафеев Л.В.
Малаховский В.А.
Малыгин В.
Малышкин А.В.
Малышкин А.М.
Мамин-Сибиряк Д.Н.
Мансуров Ф.
Маринов, штабс-капитан
Марков
Маркс К.
Матвеев
Матвеев А.К.
Матвеев В.М.
Матвеев К.
Матвеев П.А.
Матвеева Г.И.
Маткин А.А.
Мацкевич И.И.
Машков
Маяковский В.
Медведев А.Ф.
Медников Э.М.
Мейерхольд В.
Мельничук А.Ф.
Мельчакова О.А.
Мерзляков И.
Мешков Н.В.
Мешкова Е.И.
Мешкова Е.М.
Мильман Э.М.

Мильчаков
Мильчаков А.И.
Мильчаковы
Милютин
Минеев Г.И.
Митьков
Михайлов
Михайлова Л.
Могильников В.А.
Модерах К.Ф.
Мозель Х.
Молоков
Молотов В.М.
Морозов И.В.
Морошных П.
Мурыгин А.М.
Мутных В.С.
Мухин В.В.
Мякотин Н.А.
Назаров М.Д.

Назаровская Л.А.
Назаровский Б.Н.
Назаровы
Нанейшвили В.П.
Неверов Л.
Неприна В.И.
Нецветаев А.В.
Нечаев
Никитин А.
Николай II, император
Никольский И.
Никулин
Новак А.И.
Новгородцева Е.Ю.
Норин
Норицын А.Ф.

Оборин
Оборин В.А.
Оборин Н.
Обухов А.
Овсянников А.И.
Овчинников Ю.Н.
Овчинникова О.В.

Огарев И.И.
Одуевская Н.
Одуевская Н.П.
Ожгибенцева А.Д.
Ожгибесова А.Д.
Ойунский П.А.
Окладников А.П.
Окулов
Окулов О.К.
Окулов, военком
Олигер
Омышев В.Н.
Онорин С.
Орестов И.
Орлов В.
Оскотская М.И.
Оскотский В.
Осоргин М.А.
Остроумов И.Г.

Павел I, император
Панова В.Ф.
Паперно Д.
Пастернак
Пастернак Б.Л.
Перескоков Л.
Перескоков Л.В.
Перфильев А.И.
Пестова А.
Петр III, император
Петр Великий, император
Петров
Петров Е.
Петров Н.
Петровская О.
Петровых Ф.И.
Печерский П.
Пешехонов М.В.
Пещуров
Пилацкая Н.
Пинкевич
Пио Бароха
Писцов П.П.
Пичкалева И.Г.
Плеско А.

Плеско Г.
Плотников И.А.
Плотников С.Н.
Плотникова Г.Н.
Плюснин И.
Погодин П.Г.
Подбельский И.
Пожидаев Н.И.
Покровский К.Д.
Поленов
Полушин В.
Поляков А.Г.
Поляков П.И.
Поляков Ю.А.
Пономаревы
Попатенко В.
Попатенко В.В.
Попов А.В.
Попов А.В.
Попов А.С.
Попов С.
Попцов
Попцов В.М.
Потехин М.
Проскуракова Е.Ф.
Пугачев Е.
Пушкин А.С.
Пушкин В.Л.

Рагозина З.
Разевиг А.
Разевиг В.
Размахнина Т.П.
Разуванова М.
Райник С.
Ракшинский В.И.
Расцветаева Н.
Рафиенко Л.С.
Резанцев П.Г.
Резанцева Л.
Реутская
Решетников Ф.М.
Римская Л.С.
Рифман И.
Рихтер В.А.

Рогожников И.
Романов А.А.
Романов М.Н.
Романов М.Ф.
Романов Михаил, вел. кн.
Россини
Рубцов Н.
Руденко В.
Рудник
Рудник Д.Я.
Румянцев И.П.
Рыбников А.
Рыжанов С.
Рыжанова И.

Сабуров
Савельева Е.Ф.
Савин А.С.
Сальников А.
Санин Н.П.
Сафонов
Сахарова Л.П.
Сведомский
Светлаков В.Г.
Свиридов Г.
Свице Я.С.
Связев И.И.
Северянин И.
Селиджанов Т.
Селянкин О.К.
Семченков В.К.
Семянников В.В.
Семянников В.В.
Сергеев В.
Серебренников П.Н.
Сереженкин
Серов М.И.
Сивков В.Ф.
Силин Ю.
Силин Ю.А.
Силина Т.И.
Силинг Л.И.
Синакевич
Синев
Синицын

Сипятницкий
Скугарев
Скугарев А.Н.
Славышенский
Славянов Н.Г.
Славянова В.В.
Слонимский М.
Слуцкий Б.
Слюсарев С.
Смагина Г.О.
Сметанин С.И.
Смолянская С.А.
Смышляев Д.Д.
Смышляев Д.Е.
Снигур Г.
Собинов Л.В.
Соколов
Соколова З.П.
Солдатов
Соломенный Е.С.
Соломонов
Соломянская Л.
Соломянская Р.
Соломянская-Гайдар Р.
Сорокин
Сорокин К.А.
Сошин Д.
Сошины
Сперанская А.Ю.
Сперанский М.М.
Спешилов Г.К.
Спешилова Е.А.
Спешилова Е.Н.
Спиридонов М.Ф.
Сталин И.В.
Старков А.М.
Стародумов
Старцева Н.В.
Степанов
Степанов Г.И.
Степанов Н.
Степанов Н.М.
Стефан Великопермский
Строгановы
Струве Б.В.

Струсевич А.П.
Субботин Е.П.
Судоплатов
Суслов П.П.
Сухоруков
Сыромятников А.
Сыропятов
Сысолин Г.З.

Таманский П.И.
Тарасенко О.С.
Тарасов
Тарковский А.
Терехин А.С.
Титчак В.
Тиунов В.Ф.
Тихомиров
Тихонов Б.Г.
Ткаль И.И.
Токарев
Толгский
Толянин И.И.
Томилов А.А.
Трапезников В.Н.
Троцюк Б.
Трущев Г.С.
Трущева А.
Тупицын
Тупицыны
Тупицыны, братья
Туркин М.П.
Турчевич А.Б.
Тучин В.
Тюменцев В.
Тюменцевы
Тюфяев

Ульянова М.И.
Ульяновы
Устинов Д.Ф.
Устинова И.Н.

Фадеев И.В.
Файзулины
Федорова Т.А.

Федорущенко М.
Федорущенко О.
Федотова С.Л.
Филинков П.
Филиппов
Филь В.Е.
Флоренко А.
Френкель Я.
Фурман С.Я.
Футлик М.И.

Хабенский К.
Хайкина Т.
Халиков А.Х.
Харитонов Г.К.
Харитонов Д.Е.
Хатипов И.
Херувимов
Хирьяков Н.М.
Хлебников В.
Хлынова
Холл
Хорошуновы
Хрусталева В.М.
Хрущев Н.С.

Царегородцев И.
Царегородцевы
Цветков А.И.
Целищев Ю.
Цидилина С.А.
Циммерман
Цингалёнок

Чагин Г.Н.
Чайковский П.И.
Чаплины
Чердынцевы
Черепанов А.
Черненко В.
Чернов
Чернов В.Г.
Черногоров А.П.
Черныш М.И.
Чехов А.П.

Чижов В.И.
Чирвинский П.И.
Чириков Е.Н.
Членова Н.Л.
Чубарова Р.В.
Чулошникова К.М.
Чуприн К.П.
Чуракова Т.П.

Шаинский В.
Шаинский В.Я.
Шаламов В.
Шаллер А.-М.
Шамарин С.А.
Шапорин Ю.А.
Шарин А.
Шаронов
Шевченко Л.Д.
Шерман
Шилов А.В.
Шиловская
Шилковский К.
Шлезингер фон

Шнее С.Ф.
Шопен
Шостин
Штаркман Н.
Шувалов, граф
Шулёпов
Шулёповы

Эрве
Эрлих А.
Эфрон И.А.

Югов Л.М.
Юзефович А.
Юшков Р.А.

Яковлев
Яковлев Г.К.
Яковлев С.Г.
Яковлев Я.А.
Яковлев, заводчик
Яшкин С.Л.

АЛФАВИТНО-ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адресный стол Пермский	город Кунгур	деревня Каменка	завод серно-кислотный
барахолка	город Нижний Новгород	деревня Катаевка	заводы Алафузовские
башня водонапорная	город Омск	деревня Троица	заводы пушечные Пермские
башня водоразборная	город Оренбург	Дом Архирейский	Заимка
библиотека 2-я районная	город Оса	дом Благородного собрания	залив Быковский
библиотека № 32	город Петербург	дом Вармунд	застава Казанская
библиотека гарнизонная	город Петроград	дом Грибушина	застава Сибирская
Библиотека духовного возрождения	город Соликамск	дом Групильон	здание городской управы
Библиотека имени Горького	город Томск	Дом губернатора	
библиотека публичная	город Тюмень	дом Деньшиных	институт культуры Пермский
Благородное собрание	город Ульяновск	дом Камчатова	институт политехнический
блошиный рынок	город Уфа	Дом коммунальщика	
больница 1-я клиническая	город Чайковский	дом Крысанова В.Ф.	казармы Красные
больница Александровская земская	город Чердынь	дом Лазарева Ф.В.	Казенная палата
больница психиатрическая	гостиница Американские номера	дом Мешкова	КамГЭС
Больничный городок	гостиница Канада	Дом народного творчества област- ной	Камская археологическая экспе- диция
бульвар Гагарина, № 33	гостиница «Королёвские номера»	Дом ночлежный	Камское море
	гостиница купца Деньшина	Дом пионеров Ленинского района	квартал № 117 г. города Перми
	гостиница Пермского обкома КПСС	дом Попова А.В.	квартал № 137 города Перми
вокзал Пермь I	гостиница Прикамье	«Дом Попова А.С.»	квартал № 43 города Перми
волость Сабарская	гостиница Турист	Дом просветительных учреждений	квартал № 85 города Перми
	гостиница Урал	дом Дягилева С.П.	квартал № 106 города Перми
гастроном Центральный	гостиница Центральная	дом Свиязева И.И.	кварталы № 3 города Перми
гимназия № 4 им. Братьев Камен- ских	гостиница Центральная («Семи- этажка»)	дом Синакевича	кварталы № 170 и 171 города Пер- ми
гимназия женская Мариинская	Гостиный двор	дом Славянова Н.Г.	кварталы № 67-76 города Перми
гимназия мужская Александровская	губерния Вятская	Дом слепых	кинотеатр Кристалл
гимназия мужская Пермская	губерния Казанская	Дом Советов	кинотеатр Октябрь
Главпочтамт		дом Спешилова Г.К.	кинотеатр Россия
гора Банная	дача Шувалова, графа	Дом торговый Ижболдиных	кинотеатр Триумф
гора Слудская	Дворец им. Сталина	дом Тупицына	кладбище Егошихинское
город Березники	Дворец культуры им. Дзержинско- го Ф.Э.	дом Тупицыных	кладбище Новое
город Боровск	Дворец культуры им. Ленина В.И.	Дом ученых	кладбище Северное
город Верхотурье	Дворец культуры телефонного за- вода	Дом-музей В. Каменского в Троице	клуб гарнизонный
город Вологда	депо Завод гвоздарный	духовная семинария	клуб имени Калинина
город Вятка	депо Пермь-2		клуб имени Ленина
город Гадяч	деревня Быковка	железная дорога Пермская	клуб имени Овчинникова
город Глазов	деревня Винный Завод	завод Егошихинский	клуб имени Свердлова
город Губаха	деревня Горки	завод Егошихинский медеплавиль- ный	Клуб коммерческий
город Екатеринбург	деревня Горюшка	завод Лесснера	Клуб купеческий
город Ирбит	деревня Ермилиха	завод медеплавильный Мотовили- хинский	клуб Прогресс
город Камышлов		завод Мотовилиха	клуб туристический «Компас»
город Кудымкар		завод Мотовилихинский	колокольня Спасо-Преображенско- го кафедрального собора

компания ЮНИТ
Конвойные роты
корпус № 2 Пермского универси-
тета
Красные казармы
кружок музыкальный Пермский
Кружок по изучению Северного
края

леспромхоз Быковский
лечебница психиатрическая

м/р Балатово
м/р Гайва
м/р Городские Горки
м/р Грачева
м/р Заива
м/р Заимка
м/р Запруд
м/р Лёвшино
м/р Новый Крым
м/р Рабочий поселок
м/р Свердловца-Центр
м/р Слудка
магазин Александрова
магазин Гаврилова и Досманова
магазин книжный О. Петровской
милиция Пермская городская
молот паровой Мотовилихинский
Монетный двор Екатеринбургский
Мотовилиха
Мотовилихинская казенная дача
Мотовилихинский медеплавильный
казенный завод
музей авиационный Пермский
музей краеведческий Пермский
музей научно-промышленный Пер-
мский

набережная Верхнекамская
набережная р. Камы
Ночлежный дом Е.И. Мешковой
Ночлежный дом имени Е.М. Меш-
ковой

obeliski застав Сибирской и Ка-
занской
Общество Еврейское
Окружной суд
особняк Грибушина
особняк Любимовой
Отдел народного образования

Палатка пробирная
памятник Ленину В.И.
парикмахерская Водовозова
парк-эспланада
пекарня
переулок Широкий
Пермские пушечные заводы
Пермский краеведческий музей
Пермский музыкальный кружок
Пермский научно-промышленный
музей
Пермское губернское правление
площадь Главная
площадь Красная
площадь Октябрская
площадь Окулова
площадь Петропавловского собо-
ра
площадь Революции
площадь Сенная
площадь Черного рынка
полк Екатеринбургский мушкетер-
ский
поселок Верхняя Курья
поселок Нижняя Курья
поселок Ново-Плоский
поселок Плоский
поселок Шпальный
пристань Степановка
Пробирная палатка
проезд Ермаковский
проезд Камышловский
проспект Комсомольский
проспект Комсомольский, № 80
проспект Красный
проспект Сталина
проулок Биармийский

проулок Камышловский
проулок Осинский
проулок Соликамский

Разгуляй
район Перми Заимка
район Перми Заимский
район Перми Кагановический
район Перми Кировский
район Перми Ленинский
район Перми Мотовилихинский
район Перми Орджоникидзеvский
район Перми Свердловский
район Перми Слудка
район Перми Слудский
район Перми Слудско-Заимский
редакция газеты «Звезда»
река Быковка
река Данилиха
река Егошиха
река Ива
река Мотовилиха
река Сылва
река Ягошиха
ресторан Кама
ресторан купца Деньшина
ротонда в Городском саду
ручей Стикс
рынок вещевой
рынок Сенной
рынок Толкучий
рынок Центральный
рынок Центральный колхозный
рынок Черный

сад Анастасьевский
сад Гоголевский
сад Декабристов
сад Решетникова
село Винный завод
село Ныроб
сквер Комсомольский
сквер Театральный
слободка Солдатская
Слудка

собор Спасо-Преображенский
собор Спасо-Преображенский ка-
федральный
собор Петропавловский
Солдатская слободка
станция Пермь II
станция Сылва

театр драматический Пермский
театр оперы и балета им. П.И. Чай-
ковского
театр оперы и балета Пермский
техникум горный
техникум механический
торговый дом Ижболдиных
тракт Казанский
тракт Сибирский
тюрьма в Перми

Убежище для детей бедных
угол улиц 25 Октября и Советской
угол улиц Грачева и Уральской
угол улиц Долматовской и Монас-
тырской
угол улиц Кунгурской и Монастыр-
ской
угол улиц Кунгурской и Петропав-
ловской
угол улиц Петропавловской и
Осинской
угол улиц Петропавловской и Си-
бирской
угол улиц Спешилоvской и Клад-
бищенской
угол улиц Троицкого и Красноуфим-
ской
угол улицы Монастырской и Сибир-
ского переулка
уезд Екатеринбургский
уезд Кунгурский
улица 1905 года, № 20, 22, 37
улица 1-я Загородная
улица 1-я Красноармейская
улица 25-го Октября
улица 2-я Загородная

улица 2-я Луначарского
улица Анри Барбюса
улица Анри Барбюса, № 54
улица Белинского
улица Белинского, № 49
улица Биармская
улица Большая Ямская
улица Большая Ямская, № 21
улица Большевистская
улица Большевистская, № 190
улица Веденева
улица Верхняя
улица Верхотурская
улица Вознесенская
улица Вознесенская, № 63
улица Вознесенская, № 65/33
улица Газеты «Звезда»
улица Газеты «Звезда», № 13а
улица Генкеля, № 7
улица Горького, № 30
улица Горького, № 64
улица Грачева
улица Грачева, № 12
улица Дальняя
улица Долматовская
улица Достоевского
улица Екатерининская
улица Екатерининская, № 102
улица Екатерининская, № 114
улица Екатерининская, № 8
улица Загородная
улица Загородная 1-я
улица Загородная 2-я
улица Инженерная
улица Ирбитская, № 13
улица Ирбитская, № 9-11
улица КИМ, № 46
улица Кирова, № 65
улица Кировоградская
улица Коммунистическая, № 71
улица Коммунистическая, № 75
улица Коммуны
улица Краснова, № 10
улица Красноуфимская
улица Красноуфимская, № 31

улица Крисанова
улица Куйбышева, № 31-33
улица Куйбышева, № 33
улица Куйбышева, № 54
улица Кунгурская
улица Ленина
улица Ленина, № 84
улица Луначарского
улица Луначарского 2-я
улица Малая Ямская, № 16
улица Матвеева П.А.
улица Матросова, № 13
улица Медведева, № 23
улица Мещанская
улица Мира
улица Мира, № 84
улица Набережная
улица Нагорная
улица Никулинская
улица Обвинская
улица Орджоникидзе, № 15
улица Орловская
улица Осинская
улица Островского Н.
улица Оханская
улица П. Осипенко
улица Парковая
улица Пермская
улица Пермская, № 116
улица Пермская, № 43
улица Петропавловская
улица Петропавловская, № 18
улица Петропавловская, № 65
улица Покровская
улица Покровская, № 58
улица Попова
улица Пухаревская
улица Пушкарская
улица Пушкина
улица Пушкина, № 25
улица Пушкина, № 85
улица Пушкина, № 93
улица Пушкина, № 96
улица Революции
улица Репина

улица Решетникова
улица Рождественская
улица Свердлова, № 32
улица Серебрянская
улица Сибирская
улица Сибирская, № 10
улица Сибирская, № 13
улица Сибирская, № 20
улица Сибирская, № 26-28
улица Сибирская, № 3, 5
улица Сибирская, № 37
улица Советская
улица Советская, № 56
улица Советская, № 69
улица Соколовская
улица Солдатская
улица Соликамская, № 30
улица Спасская
улица Тверская
улица Тимирязева
улица Торговая
улица Троцкого, № 114
улица Университетская
улица Уральская
улица Уральская, № 67
улица Хохрякова
улица Хрустальная
улица Хрустальная, № 13а, 15
улица Чайковского
улица Чернышевского
улица Чкалова
улица Шадринская
улица Щербаковская
университет Казанский
университет Московский
университет педагогический
университет Пермский
университет Петербургский
университет Юрьевский
управление акцизное
усадьба Кирилова С.Н.
усадьба купца В.А. Евреинова
усадьба купца Е.А. Колпакова
Усть-Кача
училище Алексеевское женское

училище Алексеевское реальное
училище детей канцелярских слу-
жителей
училище духовное
училище Екатерино-Петровское
училище епархиальное
училище Кирилло-Мефодиевское
училище Коммерческое
училище реальное
училище речное
училище Стефановское городское
училище Стефановское городское
начальное
училище торговое
училище хореографическое Ле-
нинградское
училище хореографическое Перм-
ское

фабрика кондитерская Пермская
фабрика конфетная Судоплатова
фабрика спичечная
филармония Пермская областная
фотография Бурденко

храм Крестовоздвиженский Верхо-
турский
храм Свято-Троицкий
Центр творчества юных «Росток»
церковь Вознесенская
церковь Единоверческая
церковь Княже-Михайловская до-
мовая
церковь Никольская в Мотовилихе
церковь Петропавловская
церковь Рождества Богородицы
церковь Рождество-Богородицкая
церковь Свято-Николаевская
церковь Свято-Троицкая
церковь Слудская Свято-Троицкая

часовня Ильинская
часовня Николая Мирликийского
часовня Стефана Великопермского
школа № 22

школа № 6
школа № 6
школа № 7
школа № 93
школа искусств в Гайве
школа музыкальная 1-я
школа опытно-показательная № 8
школа торговая
школа церковно-приходская женская
школа-коммуна в Мотовилихе
Ярмарком

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аликина Надежда Алексеевна, архивист, заслуженный работник культуры РФ.

Балыбердина Полина Александровна, начальник отдела архивных технологий и научного использования документов МБУ «Архив города Перми».

Бердичевская Анна Львовна, поэт, г. Москва.

Будрин Игорь Викторинович (1926—2011), заслуженный работник культуры РСФСР.

Быстрых Татьяна Ивановна, заслуженный работник культуры РФ, специалист в области библиотечного краеведения.

Гайсин Олег Дуфарович, историк, ООО «Пермстроймет+».

Жаворонкова Галина Ивановна, главный библиотекарь ФГБОУ ВО Пермская ГСХА.

Захарова Неля Федоровна, заведующая информационно-библиографическим отделом Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина.

Кальпиди Варвара Владиславовна, журналист, продюсер, автор фильмов и программ, общественный деятель, представитель фонда «Gribushin House» в России.

Колбас Владимир Сергеевич, краевед, историк, член Союза журналистов России, председатель Пермского городского отделения ВОО-ПИИК, отличник народного просвещения.

Константинов Аркадий Александрович, кандидат исторических наук, доцент Пермского филиала Волжского госуниверситета водного транспорта, заведующий его музеем, член Союза журналистов РФ.

Корчагин Павел Анатольевич, старший научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, кандидат исторических наук.

Краснопёрова Наталья Васильевна, предприниматель, краевед.

Кувардина Татьяна Владимировна, заместитель начальника госпиталя по клинико-экспертной работе.

Кудымов Андрей Борисович, кандидат исторических наук.

Куколев Леонид Владимирович, историк, член клуба «Пермский краевед», Израиль.

Лобанов Дмитрий Алексеевич. Главный научный сотрудник отдела истории ГКБУК «Пермский краеведческий музей».

Маткин Андрей Александрович, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ПГГПУ, автор и руководитель проекта «Старая Пермь в 3D».

Мельчакова Ольга Александровна, историк-архивист.

Новгородцева Елена Юрьевна, главный библиотекарь МБУК «ОМБ» г. Перми.

Нохрина Наталья Леонидовна, заведующая отделом литературы Пермского областного краеведческого музея.

Пичкалёва Ирина Григорьевна, преподаватель хореографических дисциплин.

Плотников Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского института ФСИН России.

Плотникова Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета.

Семянников Виктор Владимирович, краевед.

Силин Юрий Аркадьевич (1931–2010), помощник главного режиссера Пермского театра оперы и балета им. П.И. Чайковского по литературной части (1966–1973), заведующий музеем Пермского театра оперы и балета (1973–2000), историк, журналист, фотограф. Член союза журналистов, член СТД (союза театральных деятелей).

Силина Татьяна Игоревна, историк, краевед.

Чуприн Константин Петрович, Пермский государственный институт культуры, доцент кафедры библиотечных и документально-информационных технологий, кандидат педагогических наук.

Шилов Анатолий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя .....

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

Шилов А.В. Структура населения и социальные аспекты застройки Перми (по материалам второй половины XIX в.) .....

Балыбердина П.А. Из истории разработки плана города Перми: 1870—1880-е гг. ....

Лобанов Д.А. Сибирская и казанская заставы. Въезды в Пермь в XVIII веке. ....

Плотников С.Н, Плотникова Г.Н. Пермский дом в контексте земской реформы. ....

Гайсин О.Д. Пермский толкучий рынок (барахолка) .....

Приложение. Константинов В. Джинсовое счастье .....

Семянников В.В. Улица Достоевского в Перми .....

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

Кудымов А.Б. Пермская пробирная палатка: завершение истории и снос ее здания в начале 80-х гг. XIX века .....

Маткин А.А. Гостиный двор в Перми: малоизвестные факты в истории строительства и эксплуатации здания .....

Силина Т.И. Из истории старейшей школы Мотовилихи (ул. Уральская, 67) .....

Константинов А.А. Здание пермского речного училища. По материалам архивов и музея ПФ ВГУВТ. (ул. А. Матросова, бывшая Ирбитская, 13) .....

Гайсин О.Д. Дом купцов Деньшиных – Областной дом народного творчества (ул. Куйбышева, 33) .....

В.С. Колбас «Долго скрывался в ванной комнате на втором этаже...» (о великом князе Михаиле Романове и судьбе «Королёвских номеров») .....

Кальпиди В.В. Куда приводят легенды. (Дом Групильтон, ул. Горького, 30) .....

Гайсин О.Д. Дом жилой пермских пушечных заводов (ул. Ким, 46) ...

Гайсин О.Д. Восстановить сгоревшую башню! К 100-летию Пермского университета .....

Кувардина Т.В., Жаворонкова Г.И. Т.П. Варгина — «зачарованная музыкой» (ул. Белинского, 49) .....

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСКУССТВЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Альперович М.С. Воспоминания. ....

Приложение. Документы М.С. Альперовича из фондов ПермГАНИ (письма, автобиография, телеграммы). Публикация подготовлена *Т.И. Быстрых* .....

Аликина Н.А. Астафьевы Виктор Петрович и Мария Семеновна .. Письма В.П. Астафьева из Перми в Вологду. Публикация подготовлена *Н.Л. Нохриной* .....

Силин Ю.А. «Богемный притон» на Сибирской .....

Пичкалева И.Г. Неистовый Сулейман Бурханов .....

Будрин И.В. О Сулеймане Бурханове .....

Бердичевская А.Л. Памяти хореографа Сулеймана Бурханова. Стихи .....

Ежиков И.Г. Святой разбойник из ковчега грядущего. Из предисловия К книге Василия Каменского «Его—Моя биография Великого Футуриста» .....

Куколев Л.В. Мои дома — мои воспоминанья .....

Мельчакова О.А. Балатово — не за граница? Париж и другие достопримечательности .....

НАШ КАЛЕНДАРЬ. К 150-ЛЕТИЮ С.А. ИЛЬИНА.

Быстрых Т.И. Две жизни поэта Сергея Ильина .....

Красноперова Н.В. Сергей Андреевич Ильин и его семья. Уточнение к биографии поэта по документам ГАПК .....

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Кудымов А.Б. Часы на колокольне Петропавловского собора .....

Материалы о деятельности пермского адресного стола (1918 г., 2-я половина 1919 г.). Публикация подготовлена *О.Д. Гайсиным* .....

Жилищное строительство в послевоенной Перми. Типовое строительство. «Хрущевки». Публикация подготовлена *Н.Ф. Захаровой и Е.Ю. Новгородцевой* .....

Приложение. Еще активнее развивать жилищное строительство. Беседа с главным архитектором г. Перми Н.И. Бойченко .....

Аликина Н.А. Жить в хрущобах — это счастье? .....

БИБЛИОГРАФИЯ

Чуприн К.П. Журнал «Проект Прикамье» о пермских зданиях и архитекторах .....